

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО – ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 13 / ФЕВРАЛЬ 2014

<i>Инна Иохвидович</i>	2	«Разрешите поздравить вас...»
<i>Анатолий Николин</i>	3	Зимние стихи
<i>Борис Горзев</i>	8	«Иксодов» (из цикла исторических записок «Как это было на самом деле»)
<i>Александр Феденко</i>	74	Рассказы из цикла «Частная жизнь мертвых людей»
<i>Сергей Давыдов</i>	79	«Краснаямосква», рассказ
<i>Леонид Савельев</i>	82	«Встреча», рассказ
<i>Виктор Шнейдер</i>	87	«Первый снег 1990 года», «Нарциссиада» и другие стихотворения
<i>Василий Лоза</i>	92	«Византийский распев», повесть
<i>Артур Кангин</i>	138	Пять рассказов
<i>Эльдар Ахадов</i>	165	«Вызов». Пьеса в 1 действии
<i>Ефим Гаммер</i>	196	Пунктирное стечение минут
<i>Людмила Осокина</i>	204	Три статьи из цикла «Магическое литературоведение»
<i>Ирина Жураковская</i>	212	Два рассказа
<i>Маргарита Пальшина</i>	217	Два отрывка из романа «Фигуры памяти»
<i>Сергей А. Кузнецов</i>	225	Двенадцать коротких историй
<i>Евгения «Джен» Баранова</i>	236	«Посвящение себе» и другие стихи
<i>Игорь Кичапов</i>	239	Володькин фарт, Танец шамана, Последний отпуск

*Два года тому назад в Германии, вблизи
Дюссельдорфа начал выходить толстый
литературный журнал на русском языке
«Зарубежные задворки».*

Когда после октябрьского переворота 1917 года первая волна потерпевших крушение российских эмигрантов выплеснулась на германские берега, в числе их оказались многие российские издательства, литераторы, деятели культуры и искусства. Русскоязычное население Берлина составляло на тот момент более четверти миллиона человек. Теперь, почти век спустя, сохранение русских культурных традиций в Германии нашло достойных продолжателей в лице создателей необыкновенного русскоязычного журнала «Зарубежные задворки», каждый новый номер которого свидетельствует о том, что не прерывается связь времен. (Кстати, русскоязычное население Германии сегодня по разным подсчетам составляет от 4 до 6 миллионов человек.)

Два года назад от электронного журнала отпочковался и начал выходить каждые два месяца толстый бумажный журнал со своим лицом. Вначале планировалось публиковать в нем только русскоязычных авторов, живущих в разных странах мира. Но вскоре стали приходить письма и из России. От Москвы до самых до окраин. Оказалось, что многие достойные, но не востребованные российские авторы нуждаются в журнале, в котором бы не действовал IRN (индекс узнаваемости имен), а также в издательстве, которому можно было бы доверить издание своей книги. И «Задворки» стали расширять свою географию.

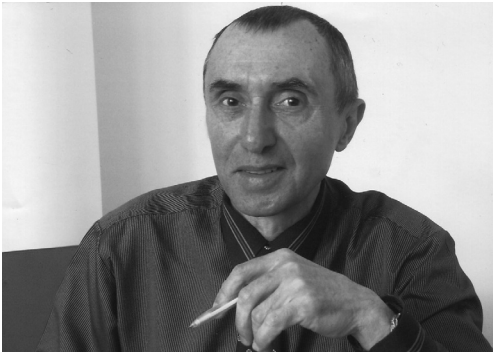
А потом случилась война в Украине и угроза всему миру. И авторы, пишущие на одном языке оказались по разные стороны баррикад. Что было делать журналу?

Решили, что единственным критерием в литературе, как и прежде, должен остаться только ТАЛАНТ. Ни идеология, ни политика не могут решать в литературе НИЧЕГО. Вожди умирают, и не всегда в своей постели, а литература остается в веках.

А сейчас разрешите поздравить вас с днем рождения журнала...

Инна Иохвидович

АНАТОЛИЙ НИКОЛИН

Николин Анатолий Игнатьевич - поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1946г. в Екатеринбурге. В возрасте шести лет вместе с родителями переехал на Украину. Окончил факультет русской филологии Донецкого государственного университета. Автор восьми книг стихов и прозы, вышедших в издательствах Киева, Донецка, Симферополя и Санкт-Петербурга. Публикации в журналах и альманахах «Брега Тавриды» и «Манускрипт» (Крым), «Ренессанс» (Киев), «Москва», «Белый ворон» (Екатеринбург), «Семь искусств» (Ганновер), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф).

Член Союза писателей Республики Крым.

Член-корреспондент Крымской литературной академии.

Живет в г.Мариуполе

О «Зимних стихах» Анатолия Николина

Я знала А.Николина как отличного прозаика. А теперь читаю его стихотворения. Они действительно описывают дни поздней осени, зиму, И, не только монохромно, но и в цвете. Психологично тонкие, эти стихи вызвали у меня в памяти тютчевские строки: «Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной долготерпенья, край ты русского народа», и пушкинские, не говоря уже о прямой поэтической линии от Кольцова и Никитина...

Это стихи русского поэта, пронизанные нежностью к своей суровой родной природе.

И именно эта не подчёркнутость, а естественность русского слова отличает поэзию Анатолия Николина. Потому хочется его читать снова и снова...

Инна Иохвидович

ЗИМНИЕ СТИХИ

* * *

Как низко желтоватая луна
Повисла над шумящим, голым садом!
Как осень поздняя темна и холодна:
То вдруг мороз, то снег с дождем и градом,
И вот уже зима недалеко,
Спешит к моей обители пустынной.
Как часослов, привычно и легко
Звучат шаги мои в темнеющей гостиной.
Что ж, похожу и выпью рюмку-две,
Пока гуляет на дворе ненастье,
На сладкий сон, а, значит, и на счастье, -
Холодной ночью, в ноябре.

* * *

Как пусто и тихо в осенних полях!
Дождливое утро сереет,
И сизая мгла за рекой, в тополях,
Дождем наливаясь, синееет.

А смеркнется - хлопьями снега из тьмы
Забелит и степь, и дорогу,
Которой бредешь, спотыкаешься ты
К чужому порогу.

* * *

В степи, по первому зазимку
Дымится вьюга поутру,
Две старых жердели в обнимку
Стоят и гнутся на ветру.

Пришла Зима царицей в гости,
Стеклом убор её расшит,
И ветер на степном погосте
Звенит и плачет, и дрожит.

И в это жуткое селенье,
В дыму метели, налегке
Бреду и я как привиденье
С узлом стихов моих в руке.

* * *

НОЧНАЯ ДОРОГА

Ледяные, серебристо-мохнатые звезды,
Мутно-синее поле да черная мгла впереди.
Шарит ветер в степи - по ярам, по заброшенным гнездам,
И дорожная песня все плачет и плачет в груди.

В черноте, темноте не увидишь ни зги, ни поземки,
Только бледно-лиловый, хрустальный туман в вышине,
Только злится метель, белизной наливая потемки,
И рыдает, и плачет, и яростно жметесь ко мне.

* * *

Какая мягкая и тихая пора:
Ни снега, ни морозов; словно плети,
Повисли ветви вербы...
 Вижу на рассвете,
Как озаряется багрянцем их кора
И, словно наполняясь алым соком,
Течёт рубиновым потоком
Огонь зари – всё выше, выше...
И вот уже покатистые крыши,

Подёрнутые изморозью, вновь
Блестят, чернеют, мокрые; и кровь
Кипит всё чище, помыслы смелее,
И вижу дальше я, и чувствую сильнее.

* * *

Зимний день, конец недели.
Сильный ветер и мороз,
Да начавшейся метели
Белый дым из-под колес.

Едешь, едешь... Все как будто
Замедляет поезд бег,
И в окошке видишь смутно
Ту же степь и тот же снег.

В этой северной пустыне
Спит душа спокойным сном
И, дрожа от ветра, стынет,
Как березник за окном.

* * *

Гудит под ветром облетевший сад,
Под вечер дождик брызжет то и дело,
И светлый рай вновь превратился в ад
Холодной осени, царящей неумело.
За ней зима к холмам нагих полей
Приходит ночью странницей пугливой;
Смотри, как всё бело! Смотри, какой красивой
Вдруг стала степь, когда спешишь по ней,
Широкий след санями оставляя,
От рая осени к сням другого рая
Так, что, бывало, чудится: дрожит
Душа смятенная в пустыне этой снежной
И всё куда-то тянется – спешит
Восторженной казаться или нежной.

* * *

И что там ветер так свистит,
Как будто кто-то голосит?
Как будто там покойник в доме
Иль в доме хлоркою разит.

Задул свечу, закрыл окно.
Но ветер воет всё равно.
Уж не по мне ли воет он
Из всех углов, со всех сторон?

* * *

Тихий вечер. Ветер вольный
Стих, улегся до зари
Там, где дом прямоугольный
Мрачно высится вдали.
Он так чёрен, так ужасен
В час вечерний, сонный час;
Так безрадостно неясен
Блеск его морозных глаз
Под луною ледяною
И под небом, что его
Кровлей бледной, слюдяною
Словно снегом, облегло, –
Что теперь и мне не спится,
Будто я ему судья.
Он ли мне под утро снится,
Иль ему приснился я?

* * *

Прощай, зима (так осени, я знаю,
Я говорил недавно), - и пора
Мне снова возвратиться к чаю
И тихим мыслям до утра.
В бессонницу всегда так явно
Стучат часы, и белый свет
Глядит в окно квадратной ямой,
В которой дна, похоже, нет.

Белесой мутью и сияньем
Налито мёрзлое окно.
И всё мне кажется, ваяньем,
Как костью пес увлечено.

Под утро пальмы и тюльпаны
Оконную украсят гладь,
И тропики, и океаны
Придут опять, опять, опять.

* * *

ЗИМА. ОТТЕПЕЛЬ

Неслышно капает с утра,
Снег, как шагреневая кожа,
В лесу ужался и, похоже,
Вновь успокоились ветра.

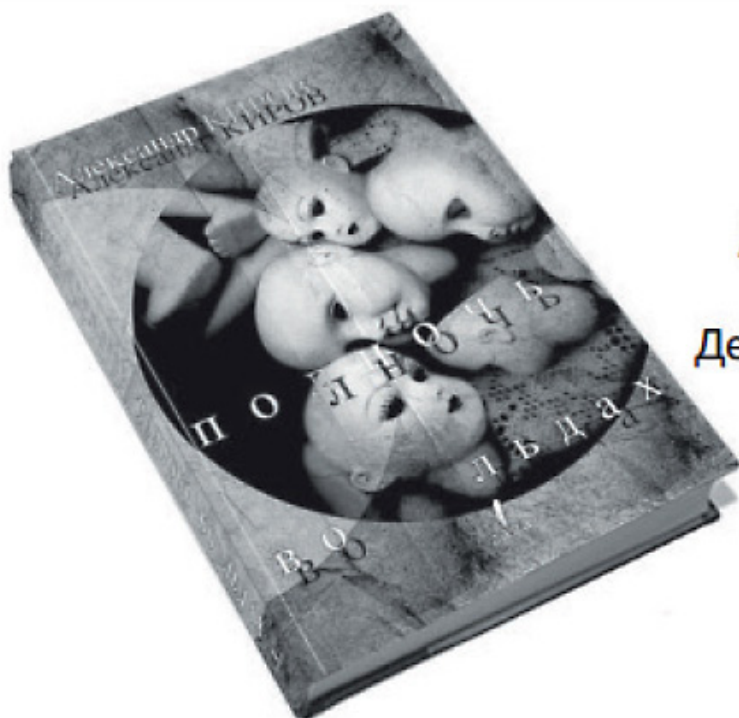
Но небо низко и чернильно,
И скоро, скоро тихий снег
Так бесконечно и обильно
Пойдёт, свой убыстряя бег.

А там весёлая позёмка
Закружит вихрями, и вот
Седой Мороз опять идёт,
И так страдальчески и ломко
Вдруг сучья затрещат в лесу...
За полосую полосу
Оставив лыжами, в сугробы
Летишь в овраг стрелой, чтобы
Подобно буре снеговой,
Взлететь над ним - и над собой.

* * *

Еще февраль метелью дышит
И мёрзлый снег блестит в лесу.
Но сердце чует, сердце слышит
Уже пришедшую весну.

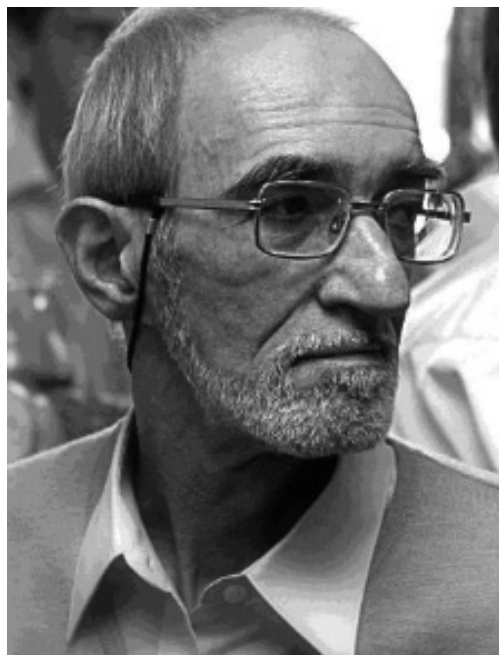
Её душа необъяснимо
Царит над стужей зимних дней
И птицей пролетая мимо,
Неслышно, чутко и незримо
Срывает звук с души моей.

ПОВЕСТЬ
«Полночь во льдах»
Александра КИРОВА

Действие повести происходит
во время **ВОВ**
в санатории
для детей, страдающих
КОСТНЫМ туберкулезом.
Главный **герой...**

БОРИС ГОРЗЕВ

Борис Аркадьевич Горзев родился в 1944 году в Москве, где живет и поныне. По образованию врач, затем научный сотрудник Института медицинской генетики, кандидат наук. С конца 80-х профессиональный литератор, член Союза писателей Москвы.

Публиковал стихи и прозу в “Новом мире”, “Знамени”, “Дружбе народов”, “Гранях” и других журналах на родине и за рубежом, в частности, в США, Германии, Польше. Автор восьми книг прозы и двух поэтических сборников. Автор исследований о Пушкине (книга “Пушкинские истории”), а также серии очерков о других известных личностях — сказочнике Гансе-Христиане Андерсене, русском царе Борисе Годунове, поэте Павле Когане и др. Переведен на польский и болгарский языки. Несколько книг Б.Горзева приняты Русским отделом Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне.

Несколько раз порывалась написать, как видится это Иксодовское, это клещевидное вторжение в мою жизнь произведения Бориса Горзева. И всё время что-то смущает. Наверное, не хватает моих знаний – и литературных, и исторических, и нюансов от КГБ с ФСБ... Смущают множественные отходы главного героя – Иксодова на заданные автором позиции, вкрапления его боевых походов от России до Чили, Никарагуа, до Европы. Вневременные переходы – то царские, то революционные большевистские, то последующие смены правительств. Голова кругом от событий, которые невидимый дирижёр странным образом записывает для Иксодова вслед за Распутиным, Романовыми, Верой Каралли и для множества других персонажей, выплывающих внезапно в заданной партитуре.

Ирина Жураковская

ИКСОДОВ

(ИЗ ЦИКЛА ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК «КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ»)

...Слепит глаза мраморный пол беседки в саду, по дорожке шлепает густая светотень, и в ней смешно путается тётка, баба-яга, старая дева в широкой цветастой юбке и с головой, укатанной в платок, несмотря на жару. Она подслеповато щурит глаза в яркое небо и крестится вслед каждой пролетающей черной птице. «Это дрозды, это черные дрозды вернулись с гор, — смеюсь я, — чего ж ты, тетка, крестишься?» А она: «То не птицы-дрозды, а ангелы. Они говорят-рассказывают, что за этими горами есть горы следующие, и вот там наша с тобой родина. А еще говорят-рассказывают, что всё наше воинство полегло, и никто не вернется, и теперь целый век будут лишь слепые да немые, однако ж, живые, вот страсть-то, но так Бог повелел. Креститься надо, креститься, и ты крестись!»

ПРОЛОГ

Глядя на апшеронские пески, замелькавшие в окне купе, Дмитрий кисло подумал: «Как там у Лермонтова сказал Печорин при встрече с Максимом Максимовичем? «Еду в Персию — и дальше»... Вот-вот. И потом еще: в ответ на вопрос «Когда вернетесь?» Печорин сделал некий жест, означавший «вряд ли, да и зачем?»... Вот-вот....

Поезд, в котором ехал в изгнание Дмитрий Павлович с сопровождавшим его адъютантом есаулом Донцовым, приближался к Баку. Там уже ожидали. И там надо было решать, как добираться до Тегерана или Шираза, в штаб Русского экспедиционного корпуса под началом генерала Баратова, лихими действиями которого прогерманские силы были выбиты из Персии и эта восточная страна переведена под контроль Антанты.

Персия, Антанта, война с Германией, а он, Дмитрий, великий князь, флигель-адъютант свиты Его императорского величества, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, отправлен подальше от Петрограда. В ссылку...

Ссылка спасла ему жизнь. «Когда вернетесь? — Вряд ли, да и зачем»... Вот-вот. Но жизнь, то есть быть живым, это еще не всё. И его жизнь — это еще не всё.

За пятнадцать лет до того (или за шестнадцать? — уже не вспомнишь точно), где-то на перевале столетий, перед пропастью в бездну XX века, в милой сердцу Москве...

В Императорском балетном училище подъем был в семь, потом, умывшись, шли на общую молитву, одна из учениц по выбору воспитательницы читала вслух: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» и далее-далее, потом завтракали, прибирались в своих спальнях комнатах и шли в репетиционный зал к станку... Так многие годы. Но среди этих лет, однажды... В день Святой Троицы, летним воскресеньем (кажется, в самом начале июня, еще до каникул) повели класс в Кремль, до того наказав вести себя особенно прилично, не галдеть по-девичьи, а выстроившись рядком, глядеть во все глаза.

А было на что глядеть, вспоминала потом всю жизнь Вера. Царское семейство выходит из Чудова дворца и спускается по широкой внешней лестнице к площади перед Успенским собором. И вот уже все эти почти святые во главе с императором (а он под руку с императрицей) медленно двигаются к собору, а пришедшие лицезреть это действие люди, знатные в расширенных одеждах с дамами в нарядах и простолюдины, встав по обе стороны процессии, смотрят, смотрят, улыбаются радостно, да так улыбаются и светятся непонятным счастьем, что и сомнения нет в вечности этого счастья, в вечности всеобщей — и своей собственной, и государя с императрицей, и их прекрасных дочерей, и, да-да, того грустного мальчика в военной форме, кажется, почти ровесника Веры, кажется, десятилетнего, непроницаемо-важного, да все-таки какого-то грустного: устал, наверное...

Таким она и запомнила того самого мальчика — в военной форме, почти ровесника, немного грустного, идущего позади государя.

Этим мальчиком был двоюродный брат царя Николая II, десятилетний великий князь Дмитрий Павлович. Но балетную девочку Веру он тогда не увидел.

Часть 1.

Лондон-1992 и на лифте с Фирсом

Глава первая.

В РИТЦ-ОТЕЛЕ

Иксодов приземлился в лондонском Хитроу точно по расписанию, в 17-40. Было серо, вот-вот пойдет дождь. Англия, сентябрь. Туманный Альбион, блин!

Сначала он забрал свой багаж. Багаж плыл навстречу, слегка подпрыгивая на ленте транспортера. Небольшой стандартный чемодан на колесиках. Хотя и стандартный, а издали хорошо приметный по нарочито наклеенной Иксодовым широкой полоске желтоватого цвета. Теперь ее можно отодрать. Отодрал, досмотрелся, одарил улыбкой даму, проверявшую паспорта, и выбрался в общий зал прилета. Тут столпотворение. Подумал, из-за погоды, но оказалось, оттого, что поотменяли кучу рейсов. Оказалось, из-за сложной политической обстановки где-то на Ближнем Востоке. Опять арабы, блин!

Почти шестидесятилетнему Иксодову было не до арабов. Он прилетел сюда из России, у него дела. Хорошее знание английского да поможет...

И деньги помогут. Он сразу направился к стояку обменника валют и, всунув в щель одну за другой две купюры по сто долларов, нажал соответствующие клавиши и через десяток секунд забрал выплывшие сто двадцать фунтов и еще какие-то бумажки помельче. Теперь на автобус или на такси — и в отель.

Выбрался на улицу и пошел в сторону стоянки, следуя указателям. Дождь таки начался, вот черт, по-английски мелкий, пакостный. На стоянке автобусов в город — толпа. Значит, такси? Ну да, вон они, рядом. И, уже направившись туда, вдруг увидел.

Со стороны могло показаться, что, внезапно увидев в толпе на стоянке ту самую парочку (молодого человека с симпатичной стройной девушкой), Иксодов на миг растерялся. Молодые люди о чем-то горячо переговаривались, сосредоточившись друг на друге, а Иксодов как-то неуклюже дернул той рукой, которая сжимала ручку чемодана на колесиках, отчего последний сделал мелкие хаотичные движения. Но это длилось миг — несколько секунд. Тут же взяв себя в руки, Иксодов инстинктивно опустил голову и вжал ее в плечи — так, будто у него вовсе исчезла шея. В таком положении (спасибо, шляпа защищала от любопытных взглядов, да и от дождя) он спрятался за вовремя подкатившим автобусом. Уф! Автобус отгородил от толпы на стоянке. Иксодов слышал, как галдели входившие в него люди, но постепенно суета иссякла, мягко закрылась передняя дверь (это тоже было слышно), и заполненный автобус наконец тронулся.

Автобус тронулся, открыв на обозрение одинокого Иксодова с чемоданом на колесиках. Они (Иксодов и чемодан) маячили на проезжей части перед стоянкой. Теперь стоянка была почти пуста, лишь несколько людей переминались тут с ноги на ногу под мелким дождем. Смутившей Иксодова парочки среди них не было. А тем немногим людям, которые тут, не было никакого дела до странного человека с чемоданом, стоявшего на проезжей части.

Иксодов поправил шляпу, вернул на место шею, то есть как-то расправился, и свободной рукой махнул в сторону такси. Дескать, ко мне! Тут же подъехал черный «Аустин», выбравшийся из него водитель уложил иксодовский чемодан в багажник, а сам Иксодов, не снимая шляпы, спокойно уселся на переднем сиденье и сказал коротко: «Пикадилли-сёркус, Ритц-отель».

Ехали довольно долго, почти час. Ну да, самое время пробок, особенно в районе центрального Лондона.

Наконец, вот и Пикадилли-сёркус, то есть вообще-то Пикадилли-циркус, если почти по-русски. Вестминстер, исторический центр города. Сплошные круговые развязки (отсюда и «цирк»). Уже светятся огромные рекламы. Тут и там. И статуя ангела в середине площади. Смешной ангел. Надо его разглядеть поближе. Скажем, завтра... Но в следующий миг, заметив, куда обращен внимательный взгляд пассажира, водитель пояснил, усмехаясь: «Вообще-то он — Ангел христианского милосердия, но лондонцы называют его Эросом. Памятник Эросу, вот так! А в пару ему — вот там, видите? — еще и музей любви, называется «Амуры Лондона». Нормально, да?..»

Нормально. Теперь отель «Ритц». Огромный уют в пять или шесть этажей, уже ярко светятся окна. Застекленный вход, швейцар, носильщики — всё, как положено. Внутри — мраморная лестница с высокими перилами, стойка рецепшн.

— Добрый вечер, мистер! Слушаю вас?

— У меня забронирован номер. Номер брони... — И назвал, сверившись с записной книжкой.

— Секундочку... Да, есть, есть. Прошу ваш паспорт... Да, теперь повсюду дополнительные меры, подробная регистрация, извините, террористы и прочая нечисть, извините. Спасибо. Заполните еще этот бланк, пожалуйста, всего три строчки... Вот так, спасибо... Вот ваш ключ, третий этаж на лифте. Носильщик нужен? А вот путеводитель по отелю — ресторан, летний сад, верхний крытый балкон, бары, кинотеатр, казино. Счастливого отдыха, мистер!

— Э... сударь, не подскажите мне... Короче, вы тут давно служите?

— А что вы хотите узнать, мистер? Чем я могу помочь?

— Как давно вы служите в «Ритц»?

— Шестой год.

— Значит, вы ее не застали, не застали, да... А есть кто постарше — здесь, на рецепшн? Или кто тут давно работает?

— Э, дайте подумать... А, вот, да, Робинсон, да, мистер Робинсон, он теперь один из старших портье, а до того долго работал младшим, именно здесь, на рецепшн. Он черный... то есть темнокожий, простите, и очень пожилой. Позвать его?.. О'кей, о'кей.

Но тут повторилась история, случившаяся на стоянке возле аэропорта в Хитроу. К рецепшн приблизилась та самая парочка — молодой человек приятной наружности с симпатичной хрупкой девушкой, — и сразу же, заметив их краем глаза, Иксодов будто потерял шею и скрылся за угол холла. Там отдышался и, оставаясь незамеченным, пронаблюдал, как парочка оформилась, получила ключ от номера и отплыла к лифту в сопровождении носильщика. Тогда Иксодов вернулся на исходную позицию. Оформлявший его портье недоуменно вскинул голову, но, вспомнив, о чем они говорили, обозначил взглядом выражение «я весь внимание!»

Иксодов продолжил, как ни в чем не бывало:

— Так, значит, темнокожий Робинсон, старший портье... Где он? Вы хотели пригласить его сюда, верно?

— Конечно, мистер, одну минуточку!.. Юджин, — он повернул голову к своему помощнику, — пригляди за делом, я отойду, надо найти Робинсона, я быстро...

Действительно, минут через пять, в сопровождении младшего портье, сюда почти торжественно приблизился пожилой темнокожий человек высокого роста, в строгом темном костюме и белоснежной сорочке с галстуком-бабочкой.

— Сэр? — чуть наклонил голову.

— Да, это я отрываю вас от дел, извините. Но у меня дело. Вспомните, пожалуйста, в вашем «Ритц-отеле» должна была останавливаться госпожа Каралли. Вера Каралли, русская из Австрии. Лет двадцать пять назад. И тридцать назад. И сколько-то еще. Она известная в мире дама, всемирно известная, хотя теперь...

— Я помню миссис Каралли, — невозмутимо проговорил Робинсон, выждав паузу. — Но она давно у нас не останавливалась. Я читал в «Гардиан»... я только эту газету читаю, простите, сэр, только «Гардиан», потому что я родом из Манчестера... Так вот, всемирно известная и потом всемирно забытая миссис Каралли умерла. Да, уж двадцать лет назад, кажется. Умерла и именно в силу этой причины больше не посещала Лондон и не останавливалась в «Ритц». Простите, сэр.

— За что же вы, любезный, извиняетесь, будто вы в том виноваты?

— Вы правы, видит бог, тут я совершенно не виноват, — без улыбки отвечал Робинсон. — Что еще желаете? Хотите знать номер, где обычно останавливалась миссис Каралли, одна или с дочерью?

— С дочерью, вы уверены? — уточнил вопросом Иксодов.

— Именно с дочерью, а потом еще и с внучкой, — кивнул старший портье. — Они обычно снимали угловой люкс на втором этаже, там две спальни, и вторая дама, молодая, писалась у нас сначала как Ольга Каралли, а потом она сменила фамилию, потому что, полагаю, вышла замуж, и сама приезжала с дочкой. Э, запомятовал, какую она стала носить фамилию, но прекрасно помню, что в последний раз они приезжали уже все втроем: бабушка Каралли, то есть сама миссис Вера, ее дочь Ольга, уже взрослая дама, и внучка, ей было лет десять. Э, простите, а может, это была не внучка, а уже правнучка? Путаю, что-то. В общем, три дамы и тот люкс. Что еще, сэр?

Номер у Иксодова оказался уютным и светлым. Светлым, несмотря на вечернее время, когда за окнами темно (свечение от ярких реклам не в счёт). Сам номер и его убранство сочли светом: светильники, светлые стены в лепнинах, покрывало на широкой постели, занавески. Даже мебель была светлых тонов, особенно обивка мягких кресел. Короче говоря, вот такой тут стиль. Ладно, хорошо, пусть так, это приятно.

Разместившись, Иксодов сбросил дорожную одежду, принял душ, побрился в ванной перед огромным зеркалом, переоделся в приличное вечернее, даже с галстуком, и принялся обдумывать планы. Что-то смущало его все-таки, если судить по кислому выражению лица. Но вскоре лицо стало обычным — то есть скорее безразличным. Или скучающим, скажем так.

Он задумчиво глядел в окно на Пикадилли в вечерних огнях, потом кивнул сам себе и скорым шагом пошел из номера. Запер дверь ключом, сунул его в карман брюк, перевесил на ручке двери пластиковую табличку той стороной, где «не беспокоить», и направился к лифтам. Подъехал большой, опять же светлый внутри, зеркальный на стенах и с еле слышимой музыкой откуда-то из-под потолка; кажется, наигрывал какой-то ненавязчивый джаз. Иксодову это понравилось.

Последним этажом был шестой. Там — лестница наверх с зазывной надписью «С балкона на Пикадилли-сёркус! Please!» О'кей, кивнул Иксодов и вскоре вышел на широкий крытый балкон, нависавший над площадью.

Да, классный вид! Освещенные окна тяжелых старинных зданий, яркие рекламы, внизу в центре — тот самый, то ли христианский ангел, то ли Эрос. Эрос в огнях подсветки, это класс! Молодец Эрос, ты прекрасно смотришься! А летишь куда? Ну, ясно: у тебя один адрес — хоть в Англии, хоть где... И музей любви рядом. «Амуры Лондона» — кажется, так он называется. В общем, Эрос, амуры — всё одно к одному... И странно только, что отсюда, сверху, почти не слышно уличного шума. И это несмотря на множество машин. Чудеса!

А вот то, что опять идет дождь, не чудеса... Иксодов закурил и всё глядел вниз, облокотившись на перилла. Дождь, тьма в рекламах, идет дождь, а ты сухой. И странно тихо. Как-то потусторонне. Зачем ты здесь, в центре Лондона, над Пикадилли?.. Вдруг в голове сами по себе запрыгали дурацкие строчки:

*Каплет дождик еле-еле.
Лондон, Пикадилли.
Я на крыше в Ритц-отеле.
Трали-вали-тили.*

Странно — будто кто-то в голове Иксодова аккуратно писал эти строчки:

*Каплет дождик, я на крыше.
А внизу амуры.
Что-то шепчут, еле слышу.
В общем, шуры-муры...*

Потом — долгая пауза. И вдруг как финал:

*Я на крыше. Зябко, серо.
Лондон, вашу мать!
Эрос шепчет: «Ставь на зеро!»
Я пошел играть...*

Странно: почему зеро? Будто кто-то подсказал Иксодову, что ему теперь делать. Что и где. В казино. И на что там ставить. В казино, похоже, что-то должно произойти. За рулеткой у игорного стола.

Он кивнул, затем лихим мальчишеским щелчком швырнул вниз за поручень окурок и твердым шагом направился внутрь здания, к лифтам. На первый этаж, в казино.

Глава вторая.

В КАЗИНО И ПОТОМ

Значит, казино.

Просторный полукруглый зал с нишами. В строе ниш — узкие вертикальные панно под старину: какие-то джентльмены с дамами в декольтированных нарядах заняты игрой — кто в карты, кто в рулетку. Канделябры на стенах. Всё в коричневатых тонах — стены, ковры на полу, только обивка кресел — синего бархата. Ряд столиков с колесом рулетки: сама рулетка, рядом (как приставка) — длинный стол, покрытый гладким пластиком цвета морской волны. Такие столы — по всему залу. За каждым по несколько человек во главе с крупье. Довольно тихо, никакой суеты, только негромкий английский говор. Мужчины — в темных костюмах и свободных сорочках без галстуков; дамы — в вечерних платьях, декольтированных, с оголенными плечами и руками. Всё светится, всё изысканно и покойно. Сбоку — стойка бара, строй бутылок и фужеров, отражающих мягкий свет. Там лишь несколько человек потягивают коктейли, кто-то лениво курит. Ясно, эта изысканная публика пришла сюда не пить, а играть.

А играют тут, естественно, в европейскую рулетку, а не американскую. И колесо на каждой рулетке, естественно, европейское. Оно так и называется — «европейское колесо». На нем тридцать семь чисел, от 1 до 36 и 0. Ноль — это, понятно, и есть зеро. Зеро!

Так почему пришло на ум именно зеро? Там, наверху, на балконе на крыше? Будто кто-то произнес эту фразу — «Ставь на зеро!». Ясно проговорил и исчез. А ведь там, на балконе над вечерним Пикадилли в дожде, никого не было. Только Иксодов.

Он пригляделся к игре за ближайшим от входа столиком. Играли, стало понятно, по правилу «En Prison». Это очень важно, если ставить именно на зеро. Почему? Когда выпадает «0» (то есть зеро), то сделанные остальным игроками ставки на «равные шансы» (черное-красное,

большое-малое, чёт-нечёт) не сгорают, а остаются на игровом столе «в заключении» — до следующего раунда игры. И если при новом раунде опять выпадет «0», ставки «на равные» (от предыдущего раза и нынешние) игроками теряются. То есть человек, поставивший на зеро, выигрывает дважды. Как правило, это очень большой выигрыш.

Иксодов привычно кивнул сам себе и, вскинув голову, оглядел столики в зале. И тут — черт возьми! — увидел.

За одним из столиков сидел тот самый молодой человек. Тот самый — и сомнения не было. Правда, теперь один, без своей спутницы, симпатичной девушки. Молодой человек сидел лицом к Иксодову, в расстегнутой на ворота рубашке под серым пиджаком, и внимательно, неотрывно глядел на вращающееся перед ним колесо рулетки. Кроме этого, он ничего не видел. А Иксодов всё видел. Потому и узнал сразу.

Да, мало того, что они оказались вместе в Хитроу, то есть, судя по всему, одновременно прилетели в Лондон, и мало того, что почти столкнулись на автобусной остановке у выхода из здания аэропорта. Мало того, что потом оказались в одном отеле и опять же чуть не столкнулись у рецепшна при оформлении. И мало того, что Иксодову удавалось ускользнуть от встречи, спрятаться, остаться незамеченным, — так вот теперь еще и в казино! В третий раз за сегодня! Спасибо еще, что он, тот молодой человек, что он один, без своей симпатяги-девушки!.. И спасибо, ничего не видит вокруг себя, весь в игре. Да уж, спасибо!..

Странно или нет, Иксодов двинулся к тому столику. Бесшумно подошел, встал за спиной. За чьей спиной? «Своего» — то есть того самого молодого человека. Крупье как раз начал вращать колесо и бросил шарик в противоположном направлении. Потом произнес важно: «No more bets», что означало «Ставки сделаны».

Колесо остановилось, шарик застыл на номере 22. А что «свой»? Судя по всему, «свой» проиграл. Крупье собрал все проигравшие ставки — меланхолично придвинул жетоны к некой даме почти пожилого возраста. У дамы, несмотря на ее годы, была хорошая шея, на которой мерцало кольцо поверх гладкой кожи. Это кольцо на миг привлекло внимание Иксодова. Но лишь на миг. А «свой» сделал гримасу и, почти нервно задвигая руками, полез во внутренние карманы пиджака. Короче, как в кино: проигравший в панике.

Иксодов привычно кивнул и чуть склонился к «своему» за его спиной. И ясно шепнул ему в ухо: «Ставь на зеро!» Кстати, точно так же, как было и на крыше отеля. Там кто-то проговорил Иксодову в пришедшем на ум дурацком стишке: «Ставь на зеро!»

Но это — там, а теперь здесь. Здесь далее было так.

Не повернув головы и не удивившись русской речи за спиной, «свой» кивнул в свою очередь и тут же поставил на зеро. «Всё поставь!» — тем же образом подсказал Иксодов. «Свой» исполнил. Крупье начал вращать колесо и круга за три до остановки произнес: «Ставки сделаны». Повращавшись, колесо стало, и шарик застыл на зеро. Кто-то сдержанно ахнул во всеобщей тишине. А «свой»? Он был потрясен и явно растерян.

«Теперь уходи!» — шепнул Иксодов и сделал шаг назад. И только тут «свой» очнулся. То есть удивился. Ну да, до него, наконец, что-то дошло. Что? Кто-то шепнул ему в ухо. Кто? И почему вдруг по-русски? И не просто шепнул, а шепнул верно — будто всё знал наперед. Знал, что выпадет. Это как же так? Мистика! И потом еще шепнул: теперь уходи! То есть предупредил, что теперь, после крупного выигрыша, надо уходить, больше не рисковать, хорош! Кто это? Что? Мистика!..

Очнувшийся «свой» начал медленно поворачивать голову. Кто там за его спиной? Поднялся из-за стола, стал оглядываться. И увидел.

— О, отец! — удивился. Даже поразился. Но тут же заулыбался. Смущенно, потом широко. Однако голос не мог скрыть чувств: — Отец, черт побери, папа! Ты как здесь? Сто лет! Э, папа...

— Фишки забери, — напомнил Иксодов и кивнул на игорный стол. — Большие деньги, пригодятся.

После всего этого, для обоих неожиданного, даже для Иксодова, не говоря уж о молодом человеке, они, уже с изрядной суммой денег, вышли из казино. Тут молодой человек начал горячо говорить:

— Папа, таки я не понял! Как ты оказался здесь, почему не дал знать? Позвонил бы мне в Брюссель или дал телеграмму, хоть пару слов! И как ты догадался про зеро? Ты игрок, что ли? Никогда бы не подумал! Ты — и рулетка?

Иксодов в этот момент выглядел вполне удовлетворенным — точно как отец, несколько свысока общающийся с еще несмышленным сыном. Усмехнулся, и этой доброй усмешкой как бы отвел в сторону прозвучавшие вопросы. Затем сказал:

— Поскольку теперь ты богатенький Буратино, то можешь пригласить отца в ресторан. Надо обмыть удачу. По-русски... Ну, и что?

— Конечно-конечно! — согласно и так же с улыбкой заторопился сын. — Пошли! Я знаю куда. Вон за тем холлом, пошли, папа!

Они миновали ярко освещенный холл и оказались в ресторане первого этажа, малом ресторане. Был еще один, этажом выше, большой, и более шикарный, чем этот, но и этот годился. Мягкий свет канделябров, лепнины на стенах, беломраморные скульптуры в нишах, широкие окна, за которыми широкая тьма, как бы подчеркивающая по контрасту теплое освещение длинного зала с рядами небольших столиков. Столики на две или три персоны. «Вот это нам и нужно!» — кивнул себе Иксодов и поманил пальцем официанта в черном смокинге.

— Сударь, нам столик на троих, и чтоб в стороне. И чтобы тихо. Вы понимаете мой английский?

Официант молча указал вперед и повел за собой к углу зала. Там было окно в четыре пролета, рядом со скульптурой какой-то богини, кажется, древнегреческой.

— Она будет третьей? — пошутил сын, усаживаясь в кресло за круглый столик на троих. Иксодов и глазом не моргнул:

— Я хочу, чтобы третьей была Вера.

Сын расширил глаза:

— А откуда ты?.. — И после некоторой паузы хохотнул: — Я что, у тебя в разработке? Или твои люди следят за мной?.. Ведь ни тебе, ни моим друзьям я еще не говорил про Веру, мы недавно познакомились, и я...

— И ты еще не решил, говорить ли, — закончил за него Иксодов. — Но, тем не менее, вы уже намылились поехать в Лондон и сняли один номер в Ритц-отеле. Пятизвездочном. Кстати, откуда такие деньги? Она оплатила или ты?

— Я, конечно, я! — гордо произнес сын. — Хороший заказ был. Семья какого-то брюссельского богача. Всей семьей — художественное фото, серия, сессия. Старики, он с женой, дети, даже собаки... да, у них два лабрадора. И все — на фоне виллы у озера. Классно. И получилось классно. На финале много евро и даже обещание устроить мне персональную выставку в Святом Юбере. Он со связями, этот богачей, что-то по живописи. Короче, мне светит Святой Юбер.

— Вас ист дас Святой Юбер?

— Ты хоть кагэбэшник, отец, а темный человек! Или это коррелирует? Королевские галереи Святого Юбера в Брюсселе — одни из самых красивых галерей Европы. Пора бы знать!

— Во-первых, моя контора теперь зовется не КГБ, а МБ, а во-вторых, я — бывший. То есть в отставке, на пенсии.

— Брось, товарищ полковник! Ты мне сам говорил, что в вашей конторе бывших не бывает. Тем более, ты еще о-го-го, огурчик!

— Ага, позапрошлого засола... Ну, ладно, так я о твоей Вере. Тебе хоть известно, кто она?

— Известно. Балерина в Королевском театре Брюсселя, в «Ла-Монне де Мюнт». И еще красивая девушка. И еще умница. Короче, скопище талантов, и всё в одном флаконе.

— Это ясно, но я о другом. О ее родословной. Кто она, тебе известно, Кис?

— Нет... — растерянно протянул тот, кого назвали странным словом «Кис». — И что? Кто же она?

— Кто, что? — протянул Икслодов загадочно. — А где она сейчас, твой флакон со скопищем талантов?

— Осталась в номере, отдыхает после дороги, перелета и прочего. Ну а я спустился поиграть.

— И проигрался бы... Ладно, позвони ей в номер, пригласи сюда. Надо же познакомиться с такой девушкой, со скопищем... Кстати, ваш номер — это не тот самый угловой люкс на втором этаже?

Сын замотал головой от удивления:

— Ёлки-палки, тебе и это известно!.. Ладно, иду, звоню ей. А где тут местный телефон?

— У портье на рецепшн...

Вблизи Вера оказалась отнюдь не очаровательной красавицей, но очень симпатичной, какой-то светлой, точнее, светящейся. Короче, милой. Лет двадцать или чуть больше. Среднего для женщины роста, много ниже сына. Добрая мордашка, располагающая к себе. Ну а фигурка! А походка, когда она плавно приближалась, по-балетному вынося стопы наружу! В общем, королевская балерина, елки-палки. Танцовщица, плясунья, как говорил один известный в прошлом персонаж (кстати, ее предок).

На ней был довольно простенький брючный костюм, почти закрытый, скромный. Это хорошо, отметил Иксодов, когда пожимал пронятую ладонь юной дамы и усаживал ее в кресло.

— Вот уж не ожидала увидеть здесь отца моего Алекса! — протянула она с улыбкой. — Лежу, отдыхаю, и вдруг звонок: спускайся в ресторан, нас ждет мой отец! Сюрприз. Или смотрины — как?

— Смотрины, смотрины! — кивнул Иксодов. — А ты хорошо говоришь по-русски. Э, я на «ты», можно?

— Хорошо, нет проблем и, как это по-русски... почту за честь. А про мой русский... ну, есть акцент, да? Мне Алекс говорил про мой акцент, всё смеялся. И смеется до сих пор. Но понять меня можно, да? Так вот, у меня в роду были русские, и сейчас есть. — И стала подробно пояснять: — Прабабушка, раз, бабушка, два. А еще мама моя — наполовину русская. Кстати, прабабушку звали Верой. Меня и называли в ее честь.

— Я знаю, — опять кивнул Иксодов.

— Простите, откуда? — явно не ожидала она. — Откуда знаете про прабабушку?

— Да, папа, откуда? — подал голос и сын.

«От верблюда!» — чуть не вырвалось у Иксодова, но вместо этого он многозначительно произнес, глядя на сына:

— Я, Кис, много чего знаю. Ты даже не представляешь. Иногда самому тошно. Знаешь, как однажды сказал товарищ Громыко, бывший в бывшем СССР министром иностранных дел? Он сказал так: «Если бы все узнали, что я знаю, мир сошел бы с ума». Вот так и я, Кис.

— Как вы его назвали? — Вера среагировала не на Громыко, а на обращение Иксодова к сыну. — Как-как? — И коротко рассмеялась.

— А, это так... Когда этот молодой человек был совсем маленьким, у нас в доме... ну, у нас с женой... так вот, у нас жила кошка, мы обращались к ней по-простому «кис-кис!», поэтому первое слово, которое осознанно произнес наш малыш, было «кис». Так мы и стали его звать — Кисом. Привыкли, и он привык. Так и закрепилось: Кис да Кис.

— Забавно! — опять рассмеялась Вера. — Буду знать. — И сыну: — Да, Кис?

Кис поцеловал ее в щечку, сказал «да, так и зови», а Иксодов продолжил, обращаясь к Вере:

— А у тебя была не просто прабабушка, которая русская, а прабабушка Вера Каралли, знаменитая русская балерина. Тебе, надеюсь, это известно?

— Конечно! — Она уже не удивилась всезнайству пожилого собеседника. — Я многое о ней знаю. — И стала объяснять: — Многое — это от мамы. Мама ведь тоже была балериной, тоже примой, хотя, может, не такой великой, как ее бабушка. Поэтому мама и ее бабушка, то есть Вера Каралли, они жили в одном мире, в одном — и духовно, и профессионально. Понимаете?.. И мама мне много о ней рассказывала. А так-то я ее не помню, конечно. Мне было только два года, когда она умерла. Восемьдесят три года было ей, великой Вере Каралли!

«Да-да, тебе тогда было два годика, да, так, — тут же вспомнил Иксодов. — И я тебя видел. Правда, не живьем, а на фото. Много отличных фотографий, и на одной из них — ты. Ты с большой шкурастой собакой, это я прекрасно помню. Интересно, та псина еще жива? Да нет, вряд ли, конечно...»

Вот о чем подумал Иксодов, ласково наблюдая за девушкой. А та всё говорила, смешно грассируя:

— Или, скажем, такая деталь. В Лондоне мы с мамой всегда останавливались именно здесь, в «Ритце», как когда-то и прабабка, и всегда в том же номере — в люксе на втором этаже. Почему-то именно в нем они останавливались всегда: прабабка Вера, бабка Оля и мама. Ну, так мне мама рассказывала. Вот и я сейчас — в том же люксе. Наследственная привычка! — И рассмеялась.

Иксодов среагировал на последнее:

— Но люкс ужасно дорогой, должно быть, а у моего сына, сегодня всего лишь заштатного фотохудожника, хотя гения, конечно... — Он дипломатично смолк, а Вера закрыла эту тему:

— У меня есть средства, чтобы путешествовать с любимым человеком, тем более, согласна, с будущим гением. Семейные реликвии. От прабабушки. Вы понимаете?

Кис произнес «Ёлки-палки!», а удовлетворенный Иксодов привычно кивнул:

— Ты молодец, Вера! А вот стоит ли того мой сын, еще неизвестно. Впрочем, сегодня он много выиграл. Но главное он выиграл вчера... или, не знаю, когда вы познакомились. Когда?

— Полгода назад, — с ходу уточнил сын. — Мы столкнулись в кафе у театра, на площади Гран-Плас у нас в Брюсселе, вдруг разговорились, и она... то есть Вера, пригласила меня на вечерний спектакль. А я и не предполагал, что она — такая. Такая классная и известная балерина. Я невежда. Но я буду стараться, я... — Он потянулся к руке подруги и склонился с поцелуем. — В общем, так началось у нас полгода назад.

— Значит, главное ты выиграл полгода назад, — заключил Иксодов. И всё поняв про сына, развернулся к его даме: — А как твоя фамилия, балерина Вера, правнучка великой Каралли? (Он знал ее фамилию, но хотел уточнить.)

— Моя мама вышла замуж за солиста балета, танцовщика парижской Гранд-опера Жана Лапорте, он блистал когда-то, и я, родившись, стала Верой Лапорте. Ну, не Каралли, так Лапорте, тоже хорошо.

— Так ты француженка?

— Да, я гражданка Франции. Но я и русская. Ведь и прабабка, и бабушка Оля были истинно русскими. И мама тоже наполовину. Поэтому у нас в доме всегда говорили по-русски. И говорят до сих пор. К тому же наш мир — это мир балета, а он не может не быть русским. Россия и Франция, это балетные страны-родственники... А мама с папой, они сейчас живут в Бретани, уже несколько лет. Они, как балетные, рано вышли на пенсию и уехали туда, купили дом, виллу. Вас это интересует?

Иксодов уж хотел ответить «нет», но Кис его опередил:

— Милая моя мадмуазель Вера! Нашу русскую Службу безопасности всё интересует, и даже в области балета.

— Балда ты, Кис! — проговорил Иксодов и потянулся к графинчику с коньяком. — А ты будешь пить, плясунья Лапорте? Если да, то что?

— «Маркиз де ля Кур», белое полусладкое. Попросите его принести. Только чтобы оно было охлажденным. Пить так пить сегодня, да? Да, Кис? И отец Киса, месье из Службы безопасности?

— Зови меня месье Сержем, если по-французски. А то и просто Сержем, если по-русски. По-русски лучше. Идёт?

Глава третья.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: ВЕРА КАРАЛЛИ И БРЕЖНЕВ

(Пояснение. Здесь и время от времени далее:

«На лифте с Фирсом» — это образ, означающий занывание в иное время. Если помните, Фирс — это всеми забытый старик из чеховского «Вишневого сада». Так вот, теперь о нем не то что вспомнили, а он сам нашелся. Да-да, нашел себя и свое место работы. Он работает лифтером у Иксодова. Седой, баки торчат в стороны, в ливрее. А ливрея с выпушками, басонами, шерстяными аксельбантами и галунами. Короче, отличный старик, залюбуешься! Сядешь в нему в лифт, и окажешься на ином этаже времени. Чудеса разведки и воображения!)

Было хмурое осеннее утро 1971-го года. Помощник генерального секретаря ЦК КПСС Георгий Цуканов докладывал всесильному шефу о наиболее важных делах, недавно выполненных или еще находящихся в работе. Говорил он, как всегда, тихим голосом, однако речь его была ясной и вразумительной, как и подобает такому человеку — незаметному человеку за спиной, «серому кардиналу».

Докладывая сегодня, Цуканов оставил на финал (так сказать, на сладкое) информацию об эмигрантских прошениях, поступавших лично на имя генерального секретаря. Такие прошения (именно лично на имя Брежнева), как ни странно, все-таки попадали к адресату, и, после изучения ситуации по конкретному человеку, Брежнев решал, возвращать гражданство (и соответственно давать соизволение вернуться на родину) или просто не отвечать на письмо, что, понятно, означало отказ. Изучал же конкретную ситуацию не сам генсек и не его помощник, а, как правило, аппарат КГБ.

Такие дела случались не часто, но теперь, когда эмигранты первой волны доживали свой век где-нибудь в благополучной Европе или Америке, некоторые из них преисполнялись сентиментальным стариковским желанием умереть на земле своих русских предков. И чтоб там же похоронили. Это понятно. Старческая психология. Но тяга к родине, к родным корням, это присущее человеку свойство, присущее даже врагу, даже какому-нибудь бывшему белому офицеру, — почему бы не использовать это в свою пользу, в пользу СССР? И тут, тоже склонный к разумной сентиментальности Брежнев, как правило, оказывался милостив, соизволял.

На сей раз прошение пришло от восьмидесятидвухлетней старухи, проживавшей в австрийской Вене. Письмо доставили дипломатической почтой непосредственно из венского посольства. Помимо понятного желания быть похороненной рядом с родителями где-то на Ярославщине, просительница сообщала короткие сведения о себе. Брежнев заинтересовался известной в прошлом дамой, знаменитой балериной, и дал команду изучить ситуацию подробнее, а результаты доложить. Вот теперь Цуканов и докладывал.

Его тихий голос звучал бесстрастно, однако не монотонно, а с модуляциями в определенных местах. Ценное свойство и умение: голосом подсказывать шефу наиболее значимое для дела. Брежнев это знал, поэтому иногда просил: «Жора, ну-ка еще раз, повтори-ка это место!»

Итак, Георгий Эммануилович Цуканов, в свойском общении с бывшим земляком (а теперь властителем страны) называемый Жорой, начал докладывать:

— Каралли Вера Алексеева, 1889 года рождения, аристократка по крови, из обрусевших греков. Отец — провинциальный антрепренер, режиссер ярославского театра Алексей Каралли-Торцов, мать — драматическая актриса Ольга Каралли (урожденная Канищева, из купцов). Их дочь Вера, наша просительница, окончила московское Императорское балетное училище и вскоре сделалась примой, звездой. Помимо игры на сцене Большого театра, много

и успешно снималась в кино, немом, конечно, стала российской знаменитостью, и даже больше именно на этом поприще — как киноактриса. Драматический талант и экзотическая внешность — прямо древнегреческая трагическая богиня. А времена, Леонид Ильич, шли знаменитые! Перелом веков, на носу Первая мировая и так далее.

— Ну-ка, ну-ка, Жора! Что и так далее?

— А то, что жизнь этой красавицы отмечена тремя знаменитыми мужчинами того периода русской истории.

— Всего тремя? — Смешок Брежнева.

Цуканов, не меняя голоса:

— Именно. Леонид Собинов, великий тенор, Дмитрий Павлович Романов, великий князь, двоюродный брат императора Николая Второго, и наконец, Григорий Распутин. — Тут Цуканов взял театральную паузу, но вскоре продолжил: — Григорий Распутин, к убийству которого в 1916-м году наша красавица приложила свою прекрасную руку.

— Это как?.. Лихая баба!.. И все-таки — как?

— Вот еще бумага на ваше, Леонид Ильич, имя за подписью начальника Первого главного управления КГБ, то есть внешней разведки и разведывательной информации, генерала Сахаровского и с визирующей припиской Юрия Владимировича Андропова... Итак, что мы имеем? По просьбе ее любовника, великого князя Дмитрия Павловича, Вера Каралли написала тайное письмо Распутину, приглашая его на ночное свидание во дворец Феликса Юсупова, что на реке Мойке в Петрограде, сладострастный Распутин явился туда и под утро был убит заговорщиками, а вот присутствовала ли во дворце сама Вера Каралли в ту ночь, об этом архивы тайной полиции Российской империи умалчивают. То есть, нет таких сведений.

Брежнев:

— Я ж говорю, лихая бабёнка! Конечно, она была там. Небось, отдалась, а потом прикончила. Ну, скажем, подсыпала яду в бокал разомлевшему мужику. Так?

Цуканов:

— Возможно. Это лишь одна из версий. Но вот факт: мадмуазель Веру Каралли, в отличие от заговорщиков, не судили, не ссылали — вообще ничего. Через год, сразу после Революции, она уехала за границу, то есть эмигрировала. Сначала жила в Литве, потом во Франции, но, в конце концов, обосновалась в Австрии, уже окончательно. Где не бедствовала... (Пауза.) Да-да, не бедствовала, много ездила, танцевала, снималась в кино, потом долго преподавала балет. Однако вот что интересно... (Пауза.) Да, вот что... (Новая пауза.) Не от убиенного Распутина и не от великого тенора Собинова, а от великого князя Дмитрия, от Его высочества Дмитрия Павловича, ей, Вере Каралли, достались по тайному договору или просто в любовный дар некие реликвии из Императорской сокровищницы Романовых. Это известно из их переписки, когда, после убийства Распутина великого князя Дмитрия, вместо суда и Сибири, выдворили из Петрограда в Персию, в действующую армию. Естественно, эти письма перехватывала царская тайная полиция... Так какие именно драгоценности оказались у Веры Каралли? Вот это неизвестно. Однако ясно, что речь идет об изделиях величайшей ценности. И она оказалась в эмиграции вместе с хозяйкой. Если они до сих пор при госпоже Каралли, то... то теперь они могут возвратиться на родину, правда? Ну, ей — возвращение гражданства, а нам — возвращение реликвий. Понятно, если вы, Леонид Ильич, посчитаете возможным положительно решить этот вопрос. То есть вернуть гражданство госпоже Каралли. А то ей уж за восемьдесят, и она сама просится к нам. Кстати, и Юрий Владимирович так считает, вот его приписка сбоку.

И Цуканов положил на стол перед Брежневым машинописный лист.

Глава четвертая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: КНЯЗЬ БАРАТОВ — ТОТ И ЭТОТ

Иксодов вспомнил один из вопросов Киса, прозвучавший в ресторане, когда сидели втроем с его чудесной Верой Лапорте, плясуньей, а точнее, прима-балериной Королевского театра Брюсселя.

Вот тот вопрос: «Как твои старые друзья, папа? Дядя Коля, например?»

Итак, дядя Коля. Николай Баратов. Просто Колька... Если на лифте с Фирсом, то так.

Иксодов знал и знает одного Николая Баратова, но обстоятельства (вернее, профессиональная деятельность) заставили его познакомиться и с другим Баратовым, причем тоже Николаем. Однако познакомиться с ним заочно, потому, что к тому времени он уже давно, с 1932-го года, покоится на русском кладбище в местечке Сент-Женевьев де Буа. Оно под городом Парижем, как известно. И кто там только не нашел последнего приюта! Вся русская эмиграция, например. Ну, почти вся. Как и почти все высокие и средние чины Белой гвардии. Для этих последних выделено особое, отдельное место на кладбище — большая поляна, усыпанная беломраморными православными крестами.

Однако мы о втором Николае Баратове, а точнее, о первом, если с позиций исторической хронологии. О нем, тоже похороненном под Парижем, Иксодов узнал сначала от своего друга Кольки (для Иксодова — от Баратова-первого) и его отца, а потом, еще через годы, от своего непосредственно начальника — генерала КГБ Александра Сахаровского.

Но по порядку.

С дядей Колей Баратовым, как его называет сын Кис, или проще с Колькой Баратовым, Иксодов знаком всю жизнь — конкретно с детского сада. Потом — один класс в школе, один двор, где гоняли в футбол, потом общие девочки (кто у кого «отбил», даже и сегодня предмет шутивого спора), а вот после этого их пути разошлись: Колька поступил на журфак в МГУ и стал, как тогда говорили, международником (почему ему так повезло — см. ниже), но годам к сорока, когда после работы в странах Африки, он вернулся в Москву, прежняя дружба возобновилась. К тому времени Иксодов был уже майором КГБ, но сейчас не об этом, а о Кольке.

У Кольки — интересная родословная, один из живущих персонажей которой — его дед, которой в те годы был не кем-нибудь, а директором (или худруком?) Большого театра Союза ССР. При таком деде (кстати, большом антисемите), которому позванивали даже из ЦК партии, внуку не сложно было поступить в МГУ и потом начать карьеру за рубежом. Но всё честно: Колька оказался действительно талантливым журналистом, и, читая его «тассовки» в центральных газетах, равно как прекрасные очерки в научно-популярных журналах и «Вокруг света», Иксодов гордился другом.

Но и Колькин отец запомнился. Все Колькины близкие друзья, называли его «дядя Андрей». Чистый белогвардеец! Именно так его воспринимал Иксодов. Дядя Андрей хорошо знал русскую историю, обожал Вертинского и здорово, подражая тому грассированием, исполнял его песни под гитару. Еще он познакомил компанию сына с так называемыми блатными песнями, а на самом деле — самодельными произведениями романсового и тюремного жанра. Его «Девочку из Нагасаки» (именно его!) Иксодов запомнил навсегда, и после дяди Андрея всю жизнь хотел хрупкую девушку с «тако-о-й маленькой грудью». Но все-таки главным в дяде Андрее было то, что он мог часами, в деталях, рассказывать о том или другом члене семейства Романовых (а не только о царях). Это выходило у него потрясающе интересно. В общем, тайный монархист. А работал простым искусствоведом. И кстати, именно он открыл для еще юного Иксодова Салтыкова-Щедрина и поэзию А.К.Толстого.

И вот однажды, в той же иксодовской юности, сидючи за алкогольным столом у Кольки в его квартире на Пушкинской площади, Иксодов будто попал на лекцию. Дядя Андрей

пустился в дебри собственной генеалогии и поведал, что вообще-то они, Баратовы, не только из дворян, но и из князей, и князей особенных — грузинских. Баратовы — это славный род Бараташвили. То есть Баратовы — так стали их записывать еще в царской России, а вообще-то это — княжеский род, известный в Грузии еще с XV века. Короче, Бараташвили. В этом славном роду — тринадцать ветвей. К одной из них принадлежит знаменитый поэт Бараташвили, например. А к другой...

Вот тут-то и случилось заочно познакомиться с «другим» Баратовым. С генералом от кавалерии, лихим покорителем Персии, командующим Русским экспедиционным корпусом, впоследствии сподвижником Врангеля по белому движению, смотавшимся с ним в эмиграцию и завершившим свою бурную деятельность в Париже на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа где-то уже в 30-х годах.

Так у Иксодова в его жизни стало два Баратова: первый — друг Колька, получивший, понятно, с тех пор прозвище «князь», и второй — покойный генерал, сначала царский, а потом жутко белый. А почему этот последний действительно «стал», то есть не выплыл из памяти после рассказа о нем, не превратился в почти нереальный, мифический образ? А потому что судьбе было угодно опять свести Иксодова с ним, пусть и заочно. Но благодаря не Кольке-первому или его отцу дяде Андрею, а КГБ.

Глава пятая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: ПО ПУТИ В ПЕРСИЮ

«Моя прелесть, любовь, мой бриллиант, моя ненаглядная плясунья! Моя Верочка!

Пишу тебе с дороги, скоро Баку, и там я накажу моему адъютанту Донцову взять у вокзала пролетку, чтобы быстро свезти это мое письмо на местный Постамент или в какое-то главное почтовое ведомство. Я поеду дальше в мое изгнание, в горы, горы, и так до Тебриза, потом дальше, в главный штаб нашего Экспедиционного корпуса. Это — мое изгнание, ссылка, подальше от Петрограда, от государя и его бесноватой супруги, прости меня Господи! Да, мой путь туда, вглубь Персии, от тебя, моя драгоценная, а письмо мое полетит к тебе. Это пока всё, что я могу тебе дать. Прости!

Однако я счастлив. А оттого, что у меня есть ты, и мы с тобой будем вместе, конечно. Потерпи, обязательно будем! И обвенчаемся, наконец! Мы с тобой сделали два главных дела — дело личное, духовное, когда нашли друг друга и полюбили, и дело государственное, избавив Россию от изверга Распутина. И пусть беснуется супруга государя, а сам государь, я знаю твердо, разумен и милостив, но он под ее влиянием, вот и пришлось ему спровадить меня в действующую армию, хотя мог бы и помягче, как князя Феликса, оплатившегося за смерть злодея высылкой в родовое имение под Курском. Это она, она, императрица, настоящая, я знаю! От нее столько бед для России, а государь слаб против нее. Вот печаль-то и драма.

Ах, о чем я и о ком, когда надо о тебе, моя прелесть, только о тебе!

Ты — моя плясунья, прекрасная плясунья, не балерина, а именно плясунья, ты пляшешь по сердцу моему, топчешь его испанскими каблучками. Топчи, топчи! И никаких бриллиантов мне не жалко тебе, никаких камней из Императорской сокровищницы, ибо даже эти драгоценности не стоят тебя, твоего сердца, твоих ножек в каблучках.

(Кстати, Верочка, послушались ли ты моего разумного совета хорошенько припрятать всё это? Или снести в Государственный банк, в личный сейф, а то, может быть, вывезти в нейтральный банк за границу, поскольку идет война? Верочка, помни об этом, ты обещала мне держать в сохранности и тайне эти мои тебе подношения. Они — твои, твои, и не гнепись на меня за такие подарки, я их не крал, а взял по праву родства. Но ты обязана их надежно сохранить для твоего будущего, и тайну эту сохранить, помни это!)

Ты и я — это вопрос нашей совести, нашей чести. Ты отвергала ухаживания всех богатеев, миллионщиков и знатных светских господ, потому что хотела только любви. При твоей красоте, воспитанности и умении вести себя в свете ты могла бы сделаться обеспеченнейшей любовницей или богатенькой женой нелюбимого знатного мужчины, но ты и думать о таком не желала. И этим привлекла меня, очаровала. Моя совесть — это ты, и потому я отдал именно тебе мое сердце и всё раскрыл тебе, мои замыслы, и про Распутина тоже. И мы сделали это. Мое сердце теперь ровно качает кровь, полную удовлетворения от сделанного, а еще и радостью, что есть на свете ты.

Ну, пора мне закончить пора, уж скоро Баку. Ты не беспокойся, ибо я еду под начало хорошего человека, как мне о нем говорили. Говорили, этот грузин генерал Баратов (вообще-то Бараташвили) — смельчак и лихой генерал-кавалерист, но главное — благороден и преисполнен любовью к России. Что еще нужно!

Хотя, скажу тебе, не люблю я быть под командирами на службе. Неловко как-то. Я для них кто? С одной стороны, подчиненный, а с другой — великий князь. Командиру и в карты выиграть как-то неудобно у такого, да? Его высочество, брат императора!.. Вот поэтому и не люблю быть при начальнике на службе.

Но ничего, сладим как-то. Приглядеться надо к генералу Баратову, командующему. Дай Бог, задружимся.

Весь у твоих ножек, общеловываю твои смешные пальчики и боящиеся щекотки пяточки, мое светлейшее высочество!

Твой суженый.

Твой, твой Дмитрий Романов.

Подъезжая к Баку, февраля 5-го, 1917 г.»

Глава шестая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ:

ПОЛКОВНИК ИКСОДОВ И ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК САХАРОВСКИЙ

В начале лета 1971-го года начальник 1-го Главного управления КГБ (внешняя разведка) генерал-полковник Сахаровский беседовал в своем кабинете с полковником службы «А» того же 1-го Главного управления КГБ полковником Иксодовым. А служба «А» — это тайные операции за рубежом.

Сахаровский был старейший и опытейшим разведчиком не только на уровне практической работы, но и работы системной. Блестящий организатор службы безопасности. Например, именно ему обязана послевоенная Румыния своей секуритате — Департаменту госбезопасности (разведка, контрразведка плюс политическая полиция). Понятно, это осуществлялось при неоценимой поддержке спецслужб СССР, а конкретно и на месте — Сахаровским с его людьми. Короче, крупная фигура в руководящем аппарате сегодняшнего КГБ, один из заместителей Андропова. Поэтому полученное от шефа КГБ задание показалось ему мелким и даже, будь другие отношения, унижительным. Сам испытывая неловкость, Андропов напрямую пояснил: это — личное задание Леонида Ильича. И еще пояснил: тут не просто акт милосердия к просительнице-эмигрантке, а охота за уплывшими на Запад реликвиями из Императорской сокровищницы.

Это Сахаровский понял. И кисло подумал: а кому они достанутся в случае удачи? Государству (скажем, Оружейной палате или Гохрану) или царёвой дочке?..

Через пару дней раздражение прошло, и он вызвал Иксодова. Да, именно его. Сахаровский знал цену этому «всего лишь» полковнику из службы «А».

После общего введения в тему (полученное их Управлением задание, цель, конкретные задачи, где работать и с кем) перешли к персоналиям и их истории. Из сейфа на стол генерал-полковника перекочевало сразу несколько папок. Сахаровский положил руку на одну из них.

— Теперь так, Сергей Григорьевич. Слушай внимательно, Сергей. Значит, номер один. Номер один — вот подробное досье — это искомая просительница. Эмигрантка первой волны, сразу после 17-го года. Кто она? Знаменитая тогда дама, красавица, балерина, одна из прим императорского Большого театра в Москве и по совместительству кинозвезда. Вера Каралли. Из обрусевших греков, поэтому такая фамилия. Не слышал о ней? Я тоже, вот до этих пор. Ну да, мало ли их было!.. Но эта красотка — с особенностями в биографии. Слушай внимательно.

— Я весь внимание, — произнес Иксодов, поскольку возникла пауза, и внутренне напрягся, готовясь запоминать услышанное.

— Да-да, ты весь внимание, потому что тут такая дама! Ох, какая! — будто пошутил Сахаровский, хотя лицо оставалось привычно каменным. — Итак, слушай. Любовница великого князя Дмитрия Павловича, кузена императора Николая Второго... Э, про князя Дмитрия — отдельная папка, это потом... Так вот, Вера Каралли. Вместе с Дмитрием участвовала в убийстве Распутина — да, вот так! Напрямую или опосредованно — точно не известно. Но главное для нас не Распутин. Эта Вера Каралли стала обладательницей нескольких реликвий из сокровищницы Романовых. Каких, не знаю... Однако законный вопрос: как они к ней попали? А очень просто: любовник преподнес, великий князь Дмитрий. Они любили друг друга. Да, романтическая история. Он всерьез хотел жениться на ней, но не судьба. В общем, после революции Вера укатила в эмиграцию, и царские драгоценности вместе с ней... Завершаю. Подробности вот здесь, в папке. Сейчас дамочке восемьдесят два года, проживает в Вене с 1928-го года, не замужем, подала прошение на имя Леонида Ильича с просьбой позволить ей навсегда вернуться на родину и о возвращении гражданства. Хочет умереть на родине предков. Это понятно. И ты тоже всё понял. Тогда держи. — И он придвинул папку с досье к Иксодову.

— Понял! — коротко сказал тот.

— Мои помощники хорошо постарались, многое отыскали про эту даму, начиная с архива царской тайной полиции, потом нашего ВЧК и ОГПУ. После 1925-го года ее сняли с разработки. Почему? Посчитали ненужным, частная дама, частная жизнь, с деятелями эмиграции не связана, ничего против советской власти. В общем, надзор за ней прекратили, и с концами. А про ее драгоценности как-то забыли. Они нигде не светились. Или вообще исчезли. Где? Неясно. Эти камушки... или целые изделия, не знаю... Какие-то подвески, какие-то диадемы, броши с алмазами, дорогие серьги... Короче, именно они — условие ее возвращения на родину. Если они у нее, если она согласна их привезти и передать в дар государству. Если так, то... Ну, ты понимаешь, всё ей тут будет. Понял задание? Вот это надо выяснить на месте, в Вене, где проживает наша старушка. Познакомиться, войти к ней в доверие. Посольство и наша резидентура будут в курсе. Ты всё понимаешь.

— Понимаю.

— Тогда дальше. — Сахаровский вдруг смолк, задумался. И спросил, резко изменив тон: — Ты отдохнул после Чили? Хорошо... Значит, полагаешь, Альенде не потянет? Я читал твой ответ, читал, да... Тем не менее, мы их переиграли, ЦРУ. Хотя и угрохали почти полмиллиона долларов на победу Вождя на тех выборах («Вождь» — кодовое имя Сальвадоре Альенде в КГБ. — прим. автора).

— Пока переиграли, именно пока. Потому что американцы в бешенстве и резко активизируются там, в Чили, — вставил Иксодов, фактически дублируя свою записку на имя председателя КГБ. — А поскольку Вождь — интеллигент и временами демократ... сопливый демократ, — усмехнулся он, уже добавляя это от себя, а не цитируя записку, — то, боюсь, его

сомнут через пару лет. Латинская Америка — это Америка, как ни крути, и ЦРУ не потерпит, чтобы на их родном континенте...

Сахаровский махнул рукой: дескать, ясно, можешь не продолжать. Вдруг опять уехал в сторону:

— Как у тебя? Как дома? Одиноко небось? Да, брат, схоронить жену... понимаю. Тем более, если ее годами не видишь. Наши жены — героические женщины, м-да... Ладно, вернемся к нашим баранам. Итак, папка номер два. Это досье на любовника, на великого князя Дмитрия.

Значит, двоюродный братец Николая Второго. Почти ровесник Веры, на два года младше ее. В 16-м году, когда с подельниками убивал Распутина, ему было двадцать пять. Молодой красавец. Тихонько забирал драгоценности из Царской сокровищницы и дарил их своей ненаглядной Верочке. Обожал ее, вроде истинно любил. Хотя есть такая деталь, если о Распутине: у Дмитрия, помимо прочего, были свои счеты со «святым злодеем», как он его называл. А именно: будто бы злодей расстроил его брак со старшей дочерью императора Николая, с великой княжной Ольгой. Но, повторяю, так и не ясно, действительно ли он хотел жениться на Ольге... Короче, после убийства Распутина было короткое следствие и, по настоянию императрицы и распоряжением Николая Второго, Дмитрий был сослан в Персию, в действующую армию, в корпус генерала Баратова. Однако — парадокс: эта ссылка фактически спасла ему жизнь...

(Тут отметим важное. Услышав эти слова Сахаровского «в корпус генерала Баратова», Иксодова как молнией прошило. Однако, как говорится, ни один мускул не дрогнул на его лице. Разведчик! И тут же ошпарила мысль: «Баратов... это ж мой Колька! А тот генерал Баратов, он какой-то дальний родич отца Кольки и самого Кольки! Ведь именно про него когда-то рассказывал Колькин отец!» И следом, как иногда случалось с Иксодовым, явилось странное: странная, еще неясная мысль, некое подсказка, повеление. Повеление прошептало: «Коси под Баратова!» Но что это значит, Иксодов тогда не понял.)

Тем временем Сахаровский продолжал:

— Сразу после известий о революции, Дмитрий оттуда, из Персии и далее через Индию, утёк в эмиграцию. Некоторое время жил в США. Там занимался торговлей шампанским, увлекся автомобильными гонками. Потом — Париж, новые увлечения. Женщины, женщины... Да, романтический персонаж! Об этих его похождениях и знаменитых любовницах прочтешь сам, вот здесь. — Он постучал на папке. — А нам важно то, что он расстался с Верой Каралли. Да, там, в Париже, они наконец встретились после долгой разлуки, жили вместе, но... но это было уж не то, что прежде, любовь уходила. И ушла. И Вера от него ушла. А Дмитрий вскоре женился на какой-то светской американке, мелко участвовал в разнообразных монархических и патриотических движениях. Но мелко, повторяю. Нам не интересно. Поэтому через годы его тоже сняли с разработки. Но драгоценности остались у Веры Каралли, вот что важно! То есть, расставшись с ней, он не попросил или не потребовал вернуть их ему, ну хотя бы часть. Это нам известно по его финансовому положению. Да, есть у нас такие сведения... Короче, ничего не забрал у покинутой любовницы. Благородный князь! А по-моему, просто достойный мужик.

Что потом? Потом Дмитрий женился, потом развелся, потом купил какой-то замок в Нормандии и укатил туда. А почему? Разочаровался в перспективах восстановления монархии в России. Прозрел! В общем, совершенно устранился от общественной жизни. А умер еще не старым, едва за пятьдесят, в 1942-м году, от туберкулеза... Держи, вот его досье. — И отбросил папку к Иксодову. Та заскользила по полировке стола и, истратив инерцию, остановилась точно на краю. Тут Сахаровский усмехнулся и уложил ладонь на следующую папку. — А вот эта папочка, третья... Это тебе на десерт. Не про наше дело, а про верность делу. Понимаешь, Сергей?

— Пока не врубаюсь что-то, Александр Михайлович.

Сахаровский прокашлялся и стал постукивать по папке кончиками пальцев:

— Это — упомянутый выше герой нашей истории. Косвенный герой. Но интересный. Генерал от кавалерии Баратов, под начало которого в Персии попал наш ссыльный великий князь.

— Я весь внимание.

— Значит, так. — Сахаровский приоткрыл папку, стал проглядывать первую страницу досье. — Он родился в 1865-м году, то есть к моменту знакомства с Дмитрием ему было чуть за пятьдесят. А тому двадцать пять. И тем не менее, они подружились, командующий Кавказским кавалерийским корпусом в Персии и всего лишь штаб-ротмистр, хотя и великий князь.

Но я о Баратове. Он тоже спасся благодаря своей Персии, то есть отдаленности от революционных событий. После революции несколько месяцев жил в Индии, а вот затем... Затем — эпопея! Этот грузин по крови, но офицер чести и верный присяге служака, вернулся в Россию и присоединился к Белому движению. Смотри: с 1918-го года — представитель Деникина в Закавказье, в Тифлисе. Там тяжело ранен во время покушения... э, 13 сентября 1919 года. Ампутирована нога. В 1920-м году — управляющий Министерством иностранных дел в Южно-Русском правительстве при Врангеле, в Крыму. Оттуда и отправился в эмиграцию — Константинополь, Франция.

А там? Во Франции — один из организаторов Союза инвалидов. Потом председатель правления «Зарубежного союза русских инвалидов» и главный редактор газеты «Русский инвалид». Одновременно председатель «Союза офицеров Кавказской армии»... Вот такой инвалид, генерал Баратов! Вот он-то оставался в нашей разработке до самой его смерти. Но ничего, бог его от нашего усердного внимания миловал, не то что генерала Кутепова или Быкадорова... Что еще? Франция наградила генерала Баратова Орденом Звезды Великого офицера Почетного легиона. А умер он в 1932-м, в Париже, где и похоронен с подобающими почестями и воинским салютом на русском кладбище... Вот теперь всё, Сергей. Бери материалы, изучай. Неделя у тебя. Потом доложишь, обсудим. Легенду, план действий, сроки — всё, всё... Вопросы?

Искодов помедлил, потом сказал:

— Есть один вопрос. Не по теме, но все-таки. Скажите, Александр Михайлович, почему за... за пятьдесят лет мы не тронули ни одного члена семейства Романовых, там, за рубежом? Других эмигрантов — да, а их — нет?

Сахаровский покивал, потом хрустнул пальцами.

— Потому что товарищ Сталин запретил, — наконец проговорил хриловато. — Запретил. Потому что, сказал он, мы и так перед ними виноваты. За 1918-й год в Екатеринбурге. Это Ленин... Но Ленина можно понять. Потому что есть святое правило: грамотная революция — это жестокий террор на своей территории. Ведь царя с его семьей могли забрать из Советской России, могли, да английский король Георг всё тянул и тянул, а в конце концов отступил, вот и обрек двоюродного брата на погибель, его обрек и всю семью. Потому что или новое, или старое, отживающее. Так что теперь пусть отживающая династия доживает там... И, сказав «там», товарищ Сталин махнул рукой куда-то в сторону окна в своем кабинете... Вот так он рассудил — чтобы их не трогать.

Глава седьмая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: ИЗ ПЕРСИДСКОГО ТЕБРИЗА

«Моя дорогая прелесть, Верочка!

Вот я и нагнал арьергард корпуса Баратова, это случилось здесь, в Тебризе, и теперь я перевожу дух в тенистых комнатах дома, предоставленного мне местным то ли губернатором, то ли эмиром — в общем, я не понял, кто он, но знаю, что, как и все персы, он заочно

трепещет перед умчавшимся вперед генералом Баратовым с основными силами корпуса, как когда-то чеченцы и прочие абреки трепетали пред Ермоловым.

Этот то ли губернатор, то ли эмир напомнил мне своей дикой внешностью, чертами лица, знаешь кого? О, тут неизгладимое воспоминанье моего детства. Сейчас расскажу.

Я тебе уже говорил, что моя несчастная матушка, до замужества великая княжна, греческая принцесса (видишь, я тоже частично грек!), родив меня, скончалась, и мой отец великий князь Павел Александрович имел счастье (именно счастье) через годы опять полюбить, да не знатную, не даму голубых кровей, а просто светскую женщину, — и женился на ней. И его, понятно, отвергли, а он знал, что так и будет. Морганитический брак. Последовало распоряжение императора: дядю выслать из России. Тебе, родная моя, это ничего не напоминает?

Но какова судьба! И отец, и сын — оба высланы с родины, хотя и за разное. Посмеемся и поплачем. Так что на мне семейная печать. Вот так, моя плясунья!

Но я о другом, о памяти детства. Сразу после начала моего сиротства меня и мою сестру Марию усыновил наш чудный дядюшка, великий князь Сергей Александрович, дядя императора Николая (опять же дядя!). Царь назначил его быть московским генерал-губернатором. Там, в Москве, дядя честно служил, но в 1905 году погиб в Кремле от взрыва бомбы. Вот тут и идет моя история, слушай!

Это я узнал потом. Бомбу бросил какой-то эсер, какой-то Иван Каляев. Однако бросил со второго раза. Оказывается, за день до этого он выследил карету с дядей, но решил отказаться от покушения, потому что, распахнув дверь кареты, увидел там рядом с дядей детей — меня и Марию. Вот именно это я и запомнил.

Я запомнил лицо человека с дикими искаженными чертами. Зверь. Но с каким-то все-таки благородством, как я понял много после: увидел маленьких детей и не бросил бомбу. А тогда... Внезапно остановилась наша карета, распахнулась дверь, и — он! Незнакомец, чужак, дикие черты... Маша испугалась, закричала, дядя обнял ее, прижал к себе. Я ничего не понял, а дядя всё понял. Он крикнул громко: «Марш отсюда!» — и дикий человек, как в сказке, тут же исчез, а лошади понесли.

Но назавтра...

После этого нас с Машей забрал к себе в Александровский дворец Царского Села император Николай. Там, в царской семье, я и воспитывался, и жил долго, вплоть до 1913 года, до двадцати лет, а после меня поселили в самом Петербурге, в одном из дворцов покойного дядюшки. Но того террориста-эсера, того страшного человека я запомнил на всю жизнь.

Ладно, всё я о себе, о себе, а ты-то там как? Как танцуется тебе? Какие партии? Что твой синема? Кого играешь теперь? Пиши мне в Персию всё подробно, скоро я пришлю тебе, на какой адрес писать ко мне здесь.

И еще. Ты выполнила мой наказ спрятать или решить, куда перевезти мои подношения тебе? Помни, это важно, а то не дай Бог. Не дай Бог, явится дьявол, всё может быть, идет война, государь наш отрекся от престола, в столице волнения, смута. Храни тебя Бог и будь умницей!

Твой верноподданный великий князь Дмитрий.

Тебриз, Персия, мая 30-го, 1917 года».

Глава восьмая.

В «РИТЦ-ОТЕЛЕ». КОЕ-ЧТО ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЛКОВНИКА

Человеку с шахматным складом ума, полковнику Иксодову в некие редкие моменты приходило в голову странное.

Что? Какой-то странный ход. А из какой комбинации этот ход, из какой партии — совсем не ясно. Ясно, что это — комбинации и партии, вовсе не относящиеся к шахматной игре, а имеющие отношение к игре профессиональной, разведывательной. Будто кто-то вдруг, ни с того ни с сего, принимался нашептывать Иксодову: сделай так-то и так-то! А почему, отчего и вообще о чем речь, к чему это имеет отношение — не понять. То есть это «нечто», эта игра, партия (по-другому — задание руководства), короче, «нечто», — оно еще на родилось, не возникло. Лишь какое-то указание, какой-то ход — а откуда он, для чего, что за игра — неизвестно.

Вот, например. Например, на крыше этого Ритц-отеля, где Иксодов сегодня. Ведь кто-то вдруг шепнул ему ни с того ни с сего: «Ставь за зеро!» Зеро — это что? Ну, понятно, «ноль», ставка при игре в рулетку. А Иксодов прежде и вовсе не играл в нее, хотя видел, конечно, и даже знал кое-что теоретически, но не играл. И И только на ресепшн в этом «Ритце» услышал от портье, что тут есть казино. Но конкретно про рулетку портье даже не упомянул. И вдруг: будто кто погнал Иксодова с крыши, будто приказал спускаться в казино и поставить на зеро. А там... там он внезапно увидел сидевшего за рулеткой сына, своего Киса, которого не видел сто лет, который проигрывался, увидел и вдруг понял, что ему, сыну, именно ему надо сейчас поставить на зеро. И подсказал — склонился к уху Киса и тихонько шепнул. И — чудо!..

Или еще, много прежде, в начале 70-х. С Сахаровским про Баратова. Когда тот, шеф, генерал-полковник, начальник внешней разведки КГБ и зам Андропова, когда он вдруг произнес это слово, эту фамилию — «Баратов», то тут же как молнией прошило — и следом мысль: «Коси под Баратова!» Под него — а как? Неясно. Ну, не под самого царского генерала, потом белогвардейца, а... Вот именно — под кого?.. Но мысль была, был некий ход в партии, некая комбинация. А гляди ж ты: пришло время — и сработало!..

И наконец такое. Это было в Чили, в Сантьяго, когда Иксодов работал «по Вождю», то есть по Альенде, по его выборам в президенты страны. Вдруг приснился странный сон. Будто он, Иксодов, в аптеке покупает яд. «Мне яду, сударыня», — говорит девушке за прилавком, и та спокойно отпускает, кладет перед ним упаковку... Пробудившись поутру, Иксодов думал: «Зачем мне яд, для кого? Себя травить или кого-то другого?» А назавтра его вызвали в советское посольство и приказали срочно лететь в Москву. Короче, внезапно отозвали. Что случилось? Оказалось, Сахаровский отозвал. Потому что умирала жена Иксодова.

У них в КГБ был святой закон: когда сотрудник в длительной служебной командировке или вовсе внедрен, то за его семьей следят, однако следят не в кагэбэшном смысле, а чисто по-человечески. То есть заботятся, звонят, помогают — и коллеги, и лично руководитель подразделения. И вот... Короче, у жены Иксодова Наталии выявили вдруг лимфосаркому, положили в клинику Онкоцентра на Каширке, начали химиотерапию, однако... Иксодова отозвали из загранки, и последние недели он провел на Каширке у постели Наташки. Потом, вняв ее просьбе, забрал домой. И там... Она страшно мучилась, умоляла помочь ей уйти из жизни. Он не выдержал, поехал к себе в «контору», в ту лабораторию, где изобретали всякие нужные для дела химические вещества, в том числе яды, и упросил коллег выдать ему необходимое. Те дали — не из-под полы, а получив соизволение начальства. Так Иксодов и те самые сотрудники КГБ стали, может быть, первыми вершителями эвтаназии... А за некоторое время до того, еще в Чили, Иксодову приснился этот странный сон.

А чего это он вспомнил сейчас, сидя в ресторане с Кисом и его прелестной Верочкой? Да сама Верочка и спровоцировала. Хотя сначала говорили про ее балет. Точнее, она говорила.

— Моя мечта — Жизель. Хочу ее танцевать. Говорят, высшее — Уланова в этой партии. Конечно. Но и мама танцевала ее волшебю, так говорят. И я сделаю это чудо. Вот уверена — я! Это моя партия, моя. Она для меня выше «Баядерки» и вообще выше всего для меня как балерины. А «Баядерка», да, моя вершина, я думаю. Какая музыка Минкуса и какая постановка! Ведь Горский в начале XX века возобновил в русском Большом театре этот балет по спектаклю

Петипа, и Вера Каралли танцевала там Никию в очереди со знаменитой Екатериной Гельцер. А теперь — я, в Большом Венском балете, в нашей Гранд-Опере, я с русским Владимиром Малаховым. Говорили, волшебное... Вот и на наступающей неделе у меня там спектакль по контракту. Так что через три дня лечу в Вену, а Алекс — к себе в Брюссель, но после спектакля я присоединюсь к нему, приеду поездом в Брюссель, к нему домой.

— Ты прямо летунья — туда-сюда! — ремюмировал Иксодов, а Кис мудро заметил, что летать туда-сюда — занятие для бабочек, а не для серьезных женщин. То летает по сцене, то всей Европе.

— А ты, милый, хотел бы сделать из меня домашнюю рабыню? Не получится! — озорно пообещала Вера, и Иксодов в это поверил. А она отмахнулась от Киса и тут сказала мягко: — Сергей Григорьевич... э, пардон, месье Серж... э, Серж, вот что хочу спросить. Алекс рассказывал мне о вас и о его маме. Ну, вас я наконец вижу, и мне это приятно. А про маму, то есть вашу жену? Я знаю, она умерла, когда Алекс был еще маленьким... но если вам это не слишком тяжело, то... Кто она, кем была, ну и прочее. Если можно, простите.

Иксодов ответил честно:

— Уже не слишком тяжело. Время лечит, да... Но знаешь, она тоже летала туда-сюда. Как и ты — тоже... Ладно, могу кое-что рассказать. Хотя Кис это знает. Или не всё знает, может быть... Значит, моя Наташка. Она — Наталья Троицкая вообще-то, известная певица, сопрано. Ну, точнее, когда-то известная. Да, рано умерла, еще не добравшись до вершины своего Олимпа, хотя уже имела престижные мировые награды — например, в Барселоне за «Тоску», за «Аиду» в Вероне. Пела несколько сезонов в Вене, в Большой опере, и ее поклонницей, кстати, была Вера Каралли, вот такие дела, точно, она сама мне говорила об этом... А вообще, знаешь... как-то это странно: я и моя Наташка. Наверно, существует такая штука, как взаимостремление друг к другу полярных крайностей, явных противоположностей. Четвертый закон Ньютона! Смеюсь.

— Я в физике полный профан. — Вера подняла бокал, пригубила вино. — И что дальше?

— Дальше... Так вот, четвертый закон Ньютона. Почему сильные мира сего — всякие императоры, сановники, прочая знать, — почему они, сильные, властные, зачастую умные, так притягивались именно к балеринам и певицам? Полуобнажение и доступность притягивали? Молодость, полуобнаженные тела, танец, прекрасные голоса — короче, одухотворенная красота, но в сочетании, как правило, с необеспеченностью или даже бедностью? Было и такое. Однако было и другое, было и такое притяжение: деловая прагматика, с одной стороны, и щедрое расточительство души, с другой. Политический расчет и чувственный запой. Вот эти противоположности, эти полярные крайности, которые стремятся друг к другу. Примеров тому довольно много. Скажем, великая балерина Кшесинская и великий князь и будущий император Николай Второй. Или... — Иксодов намеренно сделал паузу, и Верочка спокойно подсказала:

— Или не менее великая балерина Вера Каралли и великий князь Дмитрий Павлович.

«Значит, ты и это знаешь!» — мысленно произнес Иксодов, а слух сказал, причем как-то заговорщицки:

— А знаешь ли ты, что... что ты...

— Знаю, — прозвучало опять спокойно и даже с легкой усмешкой. — Знаю. Я — их правнучка. То есть великий князь Дмитрий — мой прадед.

Тут Кис будто очнулся:

— Стоп, Вера! Ты мне об этом не говорила! Так ты, значит, не только правнучка знаменитой балерины Каралли, но и ты еще и царских кровей? Ты — потомок брата российского императора?

— Двоюродного брата, — поправил Иксодов сына и рассмеялся: — Bravo, балерина-плясунья Вера!.. — Но после сделал строгое лицо — играя или всерьез, было не понять. — Слушай, девочка моя! Однако как же так? Ведь тогда по Петербургу и затем Петрограду ходил

стойкий слух, что у Веры Каралли не может быть детей... ну, в силу определенных причин. И вроде их и не было!

Эта Вера (уже эта, то есть та, которая сидела напротив Иксодова) сделала смешной жест, означающий «А вот вам!» и, сочась улыбкой, пояснила:

— Был ребенок, был! Но это случилось после, уже в эмиграции, когда Вера Каралли встретила-воссоединилась со своим великим князем. И у них родилась Ольга, моя бабушка!

Строгое лицо Иксодова (всерьёз такое или нет?) сменило выражение на нейтральное:

— Ну, так... Так?... Ну что ж, и хорошо, пусть... Я тебе верю. Частная история великих исторических семейств, да? Черт ногу сломит!

Кис поочередно глядел то на отца, то на свою Верочку, и, кажется, мало что понимал. Заметив это, Иксодов сказал:

— Всё нормально, сын, твой выбор верен. Только не опоздай.

— Я ему опоздаю! — Вера погрозила Кису пальчиком. Смешная!

Конечно, смешная. Ну да, еще ребенок — всего-то двадцать с хвостиком. Обласканная взыскательной публикой прима-балерина, дама с родословной. Хорошо, наверное, такой быть и такой жить, пока еще длится молодость!

— Так что было дальше, Серж? — напомнила молодость. — Что было дальше у вас с вашей Натальей, с певицей Троицкой? Как вы познакомились? Мне любопытно, простите!

— Как познакомились? — Иксодов усмехнулся, но явно подобрел лицом. — Это случилось в Гнесинке, где Наташка училась вокалу по классу знаменитой Вербовой.

И вдруг (сам не ожидал от себя такой прыти) стал рассказывать:

— Вот так притягиваются противоположности, понимаешь? Меня, тогда майора КГБ, черт дернул купить билет в концертный зал Гнесинки на вечер романсов Глинки. И там, как оказалось, выступала и пела до того не известная мне Наташка, Наталья Троицкая. И как пела! Так пела, что я, плененный ею и забывший приличия, вломился к ней за кулисы в гримёрку и, оттолкнув костюмершу, заявил, что сам будет снимать с нее, Натальи Троицкой, платье. Сам, я, и пошли вы все к черту!.. В общем, был почти мордобой, а потом много смеха, а потом мы ужинали в ресторане, а потом я привез Наташку в себе в маленькую квартирку, и там мы провели бессонную ночь, а утром я взял с нее слово, что теперь она будет всегда петь мне по ночам своим небесным сопрано, а сейчас, лишь позавтракаем, мы идем в загс подавать заявление.

И еще. Я ей сразу сказал, кто я, где работают и что с этим связано. То есть будут сплошные разлуки. Так и было. Я мотался по странам Латинской Америки, бывал в Мексике и Гватемале, даже встречался с Че Геварой, этим жестоким пассионарием с сердцем романтика, а Наташка пела в Вене, в миланской Ла Скала и Королевской опере «Ковент Гарден» в Лондоне. И как это при всем при том мы умудрились найти совместное время, что родить и даже не худо-бедно воспитать Киса, теперь непонятно. Понятно, что лучшей жены у меня быть не могло. Верная, всегда всё понимающая, своя. Но за всё надо платить. Она — ранним раком крови... Ладно, вот и всё, на этом я заканчиваю. Видишь, вот такой союз крайних противоположностей, полярных величин: прагматик-разведчик — и птица певчая. Пошлый реалист — и небожительница, существо с небесным сопрано... Ну, вот и всё, пожалуй...

А то, что он, муж, помог небожительнице избавиться от мучительных болей и уйти из жизни, об этом он не сказал. Зачем им, молодым, знать про это? Это удел долга, трезвого понимания. Это удел разведчика, пошлого реалиста. Это не для молодых.

Глава девятая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: ИЗ МОСКВЫ В ШИРАЗ

«В Главный штаб Русского экспедиционного корпуса в Персии, штаб-ротмистру Дмитрию Романову, великому князю.

Мой дорогой Дмитрий, мое Высочество!

Оба твоих письма получила, не беспокойся — хоть с задержкой, но они пришли ко мне, слава Богу. Твоя вера в наше будущее, в окончание разлуки, в нашу любовь согревает меня. Ведь без этого я никак. После того, что с нами случилось, после того, как мы породнились еще и на злой крови злодея и этим доказали себе и Богу наше духовное родство, после этого мы имеем право быть вместе. Так я думаю. И уверена — ты тоже.

Теперь о деле. Ты волнуешься, а зачем? Всё, как ты наказал, как просил, я сделала. Поскольку в Петрограде случились волнения в июле, пролилась кровь, многие тут, и в относительной тихой еще Москве тоже, забеспокоились. А после августа, после попытки генерала Корнилова взять Петроград и установить свою власть, после этого некоторые, особенно те, кому есть что терять, и вовсе запаниковали. Так вот, я обратилась к некоторым моим друзьям-коллегам (они из Маршинского театра и по гастрольной программе как раз собирались в Европу), и они выразили согласие взять на себя труд переправить наши ценности туда, то есть, их взять собой. А куда конкретно, скажу потом, а то я не слишком доверяю бумаге (ты меня понимаешь?). Так что с этим делом всё в порядке, не беспокойся.

Теперь, страшно подумать, я даже радуюсь, что ты в изгнании, вдали, что не арестован в Петрограде, как прочие члены семьи отрекшегося царя-императора вместе с ним самим. Это ужас! Они под домашним арестом в Царском селе, вся семья. Говорят, у Временного правительства был план отправить всех их в Англию на попечение короля Георга, но будто бы этот план провалился, и будто бы из-за нерешительности английского короля. Что теперь будет? Но, слава Богу, ты, хоть и в Персии, а на воле и здоров. Выходит, эта ссылка, это изгнание есть наше благо, вот ведь как бывает, мой милый, мое Высочество!

Поэтому будь покуда в своей Персии, а потом мы посмотрим, как и где нам быть. Бог путь укажет.

А теперь, мой дорогой, выслушай меня внимательно и с чистым сердцем, как и я с чистым сердцем перед тобой.

Я не знаю, смогу ли я быть тебе настоящей супругой, если, конечно, ты того пожелаешь, если опять станешь настаивать, чтобы мы обвенчались. Я должна быть честна пред тобой. И я честно говорю тебе: я не смогу родить тебе детей. Всё, что угодно, а этого, детей, не смогу. Это мое горе, понимаешь!

Как ты догадываешься, когда мы стали близки, я уже не была невинной девицей. Тогда я истинно влюбилась (иначе не умею), меня только приняли в Большой после училища — и вот он. Кто он, говорить не буду, скажу только, он знаменитость, певец, ты не раз слышал его на сцене. Мы были счастливы, и вот через некоторое время я поняла, что беременна. Он испугался и стал настаивать, чтобы мы тайно отправились в Италию, к неким докторам в клинику Милана. И вот там... О боже, от возможного ребенка они меня избавили, но сказали потом, что теперь, скорее всего, я вообще не смогу иметь детей. Это на меня сильно подействовало, да так, что по возвращении в Москву я долго из-за нервного состояния не могла танцевать на сцене, рушился контракт, всё валилось из рук, и в конце концов рухнула и наша связь с тем знаменитым тенором. В общем, мы расстались.

Потом... потом я успешно танцевала, снималась в кино. И встретила тебя, мой милый. Нас познакомили, помнишь? И мы нашли друг друга. Ты понял: мне не нужен князь, даже великий, как, например, был и есть у Кшесинской, мне не нужен сановник или купец-миллионщик,

мне нужна одна лишь любовь. И благородство души. А есть при том знатность, есть состояние или золото-бриллианты, сие меня не волнует.

И вот — ты. Та такой, ты это понял во мне. И принял меня такой, и взял в свою душу. Спасибо Господу! Ты мне явился из моего детского воспоминания, когда я, десятилетняя, в воскресную Троицу увидела тебя в свите за императором, когда вы в Кремле выходили из Чудова дворца, а народ, знать и простолюдины, собрались густо, чтобы лицезреть это шествие царской семьи. Таким, еще не зная тебя и не ведая о тебе совершенно, я и запомнила тебя — того самого мальчика в военной форме, почти ровесника, немного грустного, идущего позади государя.

Это всё моё, это мой ты. Но, мой любимый, но! Я не смогу стать тебе полноценной женой, понимаешь? У нас не будет ребенка, детей! А ты, я знаю, хотел бы, чтобы так у нас было.

Вот и решай. Поэтому и открываюсь тебе сердцем: я — такая, а ты, как решишь, так и будет. Ты еще молод, ты красив, умен, знатен, ты найдешь себе достойную партию, если пожелаешь.

Вот и решай, а я приму всякое твое решение.

Прощай, моя любовь, храни тебя Господь, храни в эти дни и далее! Только одно прошу: отпиши мне о своем решении, чтобы не томить меня неведением.

До конца твоя Вера Каралли.

Москва, октябрь 8-го, 1917 года».

Это письмо было последним из числа тех, которые содержались в архиве департамента тайной полиции и имели отношение к Вере Каралли и великому князю Дмитрию Павловичу. Кстати, адресаты получили эти письма, то есть получили сами оригиналы, а снятые с них копии, когда письма перехватили, аккуратно легли в архив. Вскоре после этого случился Октябрьский переворот, пришла новая власть, а с нею, на смену отмененной большевиками тайной полиции, пришла новая тайная служба — советская ЧК. Но архивы остались, они бессмертны, особенно в тайных ведомствах.

Теперь с этими письмами знакомился полковник КГБ Иксодов. С этими — других не было, потому что так вышло: по причине революции переписка резко оборвалась. В переданных ему папках с досье, кроме означенных выше писем, были уже данные ВЧК-ОГПУ: донесения о наблюдении, перемещениях, встречах в эмиграции. Пока разработка не прекратилась.

Узнавать дальнейшее Иксодов должен был на месте. То есть в Вене. Там жила восьмидесятидвухлетняя Вера Каралли, подавшая прошение на имя Л.И.Брежнева о возвращении на родину.

Прошение было подано в 1971 году. А теперь шел уже 1972-й.

Часть 2.

Вена-1972 и на лифте с Фирсом

Глава первая.

ПРЕАМБУЛА

Оказавшись в начале сентября в Вене, Иксодов сразу понял, что придется наводить лоск.

Ну да, тут другое, тут благопристойная Европа, сытая, кружевная, спокойная, ленное пиво, шуршащий над плиткой площадей говор, пабы, кофейни, императорский дворец, Штраус с Моцартом, соборы, готика, Пратер, удовлетворенный собой Дунай и прочее-прочее, такое сытое, ленное, золото-осеннее, в бархатных лучах солнца. Нейтральное, не входящее ни в какие союзы и блоки государство (правда, как выяснилось при подготовке, тут, в Австрии, наивысшая в Европе частота самоубийств; странно, но сие — дело социологов, а не разведки). В общем, это тебе не Латинская Америка, где столько лет мотало Иксодова — по городам, по частным квартирам, по президентским дворцам, по джунглям с тамошними боевиками-партизанами... то нелегалом, то легалом... короче, там. Но там он всё делал и всё сделал, заодно в совершенстве освоив испанский, в приложении к уже неплохому английскому, который в него успешно вбили в Высшей школе КГБ.

А тут — Европа. Тут ему нужно немного другое — внешне другое. Тут он — не то что не он, а дважды не он. Тут надо приодеться по-особому, и выправить себе особую походку, и как-то преобразить свой внешний облик. Задание на первые дни понятно, полковник? Слушаюсь, сэр!..

Иксодов мгновенно освоился в квартире. Двухкомнатная, с небольшим холлом, это была одна из арендуемых советским посольством (через подставных лиц, понятно) квартира в старинном, еще времен Габсбургов, шестиэтажном доме у Донауканала. Был выбор, но Иксодов выбрал именно эту квартиру. Потому что рядом с парком Пратер. Знаменитый парк, только о нем и знал полковник Иксодов, знал с юности — по художественной литературе, конечно, конкретно по Стефану Цвейгу. Вена — это Пратер. Почему-то запомнилось так.

А еще было удачно то, что, как выяснилось уже на месте, за парком Пратер и Донауканалом — Опернринг (Оперное кольцо, если с немецкого) — площадь и длинная улица, обнимающая квартал в самом центре — со зданием Венской Государственной оперы. Иксодов еще не ведал, что Вера Каралли в шутку называет это место «Опернфуэте», имея в виду, что немецкое «ring» можно перевести и как кольцо, и как круг, а поскольку тут, в здании Венской оперы, еще и Государственный балет, то сравнение круга с фуэте вполне понятно для балерины. Об этом — о фуэте как участке пространства в Вене — Иксодов узнает от своей подопечной через несколько дней, а пока, наводя на себя лоск, он прогуливался по магазинам.

Деньги позволяли. Он получил достаточно на это задание, можно не экономить. Однако и не швырять попусту. Советский человек, тем более разведчик, это умеет. Поэтому купил отличный костюм, плащ по моде и шляпу. Сентябрь, еще не прохладно, но вполне может заходить. А, да, надо еще купить хороший удобный зонт, широкий — вдруг пойдет дождь, и чтобы прикрыть сразу двоих...

Приобретя всё это (и еще всякие предметы одежды, но помельче), Иксодов отвез покупки к себе на квартиру, затем облачился в новый костюм, новый плащ и отправился гулять в Пратер. Там часа полтора медленно, чинно вышагивал по липовым аллеям, ловя себе на том, что лоск он приобрел и через день-два станет совсем европейцем — то есть еще и внутренне спокойным, уверенным в себе и своем завтра человеке, который сейчас просто ходит, прогуливается по Вене, приехав сюда, и ему хорошо. А хорошо еще и потому, что легенду свою он помнит назубок, и как-то даже сроднился со своим новым образом, да и старушке Вере Каралли уже симпатизирует заочно.

Это очень важно — вжиться в роль, а если возможно, полюбить ее. Роль, понятно. Тогда ждет удача. Правда, расставаться с любовью будет печально, но это издержки профессии.

Глава вторая.

ЗНАКОМСТВО. И КАКОЕ УДАЧНОЕ!

Он увидел ее и сразу узнал.

Вера Каралли. Ее многочисленные фото Иксовых уже видел при работе с досье в Москве. Знаменитость заключительных времен царской России. А вот фотографий периода эмиграции гораздо меньше, что понятно. Тем не менее, Иксовы отмечал: чем старше становилась эта женщина, тем ее красота помаленьку утрачивала эксцентричность, вычурность, трагический надлом, яркую броскость, сменяясь чертами благородства и тонкости. Всегда красивое, ее лицо эволюционировало, и, с точки зрения Иксова, в лучшую сторону. Может быть, с возрастом, обладательница этого лица меньше играла на съемках или на сцене, а просто представляла той женщиной, которая натурально существовала в данный момент, то есть жила уже не заданной ролью, а именно собой? Может быть.

А вот Веру Каралли периода ее старости он не видел — не было тех фото. И что? Седая (заметно из-под шляпки), действительно седая, не крашенная. Чуть пополневшее лицо южно-европейского типа (ну да, гречанка по крови), кожа почти без морщин, какая-то выбеленная (пудра? грим-макияж?), полуприкрытые, опущенные глаза, будто она, медленно двигаясь, что-то изучает на асфальте. Но фигура, походка! Какие там за восемьдесят? Прямая как трость, без намека на старческую согбенность. И по-балетному чуть расставляет стопы кнаружи, стопы в темных низких туфлях почти без каблуков. Плавная походка, никакой торопливости. Словно она пересекает сцену, но не бежит по ней, а именно идет. Одета скромно, но добротно, и, да, конечно, элегантно, будто шили специально для нее. А что, может быть, так и есть — для нее. Брючный костюм, поверх него — накидка с меховой оторочкой...

Вера Каралли медленно шла по Оперринг, отдаваясь от здания Оперного театра. И именно здесь (ну, плюс-минус здесь) Иксовы и рассчитывал встретить ее. Потому что уже знал основные маршруты передвижения своей подопечной. Знал от своих людей: когда прилетел в Вену, ему доложили.

Получив задание из Москвы от Сахаровского, «свои люди» в венской резидентуре, еще до прибытия сюда Иксова, организовали наблюдение за Дамой (кодовое имя Веры Каралли, данное ей нынче в КГБ), установили прослушку, тайно побывали в ее квартире и в конце концов предоставили Иксову следующую информацию:

а) Дама по-прежнему проживает в доме на Урсула-штрассе (Ursula-stra e 8, app.13); это в 10 мин. пешком от Оперринг, то есть от Оперного театра;

б) живет одна (дочь Ольга еще с довоенного периода проживает в Париже, Франция);

в) по пятницам в первой половине дня к Даме приходит фрау Штильцуг (соседка лет пятидесяти), чтобы убраться в квартире, сходить за продуктами и затем приготовить к вечеру шведский стол для традиционного пятничного «Салона Веры Каралли» — небольшого избранного круга ее знакомых (бывшие коллеги по сцене и бывшие ученики Венской Балетной школы); на следующий день, то есть по субботам, фрау Штильцуг приходит утром, чтобы прибраться в квартире за вчерашними гостями;

г) несмотря на то, что Дама давно на пенсии (и как балерина Венского балета, и как профессор-педагог Балетной школы), она два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, приходит в Балетную школу и дает консультации преподавателям и ученикам, после чего, около 16-ти часов, выходит из здания Оперы и пешком направляется в Пратер, где в течение часа гуляет. Потом обедает в парковом ресторане; потом пешком же следует к себе на Урсула-штрассе. После этого из дома не выходит.

Итак, был четверг, и Вера Каралли медленно шла по Оперринг, отдаваясь от здания Оперного театра, торжественно-массивного, с глубокими аркадами ниш по двум этажам фасада.

Вот она миновала поворот в Оперный переулок, пошла дальше, как раз к Донауканалю, откуда сейчас двигался Иксодов. Вскоре они оказались почти рядом, на одной стороне Оперринг, на одном тротуаре, перед каким-то кафе и большим стендом с афишами.

Иксодов нарочито приблизился чуть ближе, чем позволяли приличия и, охнув, приподнял шляпу:

— О, госпожа Вера Каралли! Слава Богу!

Это было произнесено по-русски, но Вера ответила машинально по-немецки, и машинально вопросом: «Entschuldigen sie?», что значило: «Извините?» Дескать, не поняла, что такое?.. И только потом спросила по-русски:

— Вы русский?

— Да, Вера Алексеевна. Да, я русский.

Она сделала удивленное лицо. Лицо — удивленная маска. Ни улыбки, ни тревоги — только легкое удивление. И, отступив на полшага, попыталась обойти незнакомца. Но он оказался скромно-навязчив. Когда скромность равна упорству. Такими бывают поклонники и безнадежно-влюбленные мужчины.

— Но Вера Алексеевна, великая, дорогая!

Тогда она спросила напрямую:

— Откуда... откуда вам... про меня? Мне много лет, и как вы меня узнали?

Иксодов кивнул, молча распахнул плащ и вытянул из внутреннего кармана пиджака фотографию размером с ладонь. Передал по назначению, молча же. Вера глянула на фото, и ее лицо заметно изменилось: вместо удивления — горечь узнавания. И тут Иксодов заговорил:

— Это снято в Париже, в Люксембургском саду. 1922-й год, май. На обороте написано, посмотрите.

Вера повернула фото, прочла, кивнула. И законный вопрос:

— А откуда...?

— А от моего деда! — наиграно-возбужденно проговорил Иксодов. Не мог же он сказать, что оригинал этого фото — в московском архиве НКВД, в досье на Веру Каралли, а то, что она видит сейчас, — дубликат, перепечатка, сделанная специально для их первой, якобы случайной встречи. — Это вы, вы, вы с великим князем Дмитрием Павловичем, в Люксембургском саду, это мой дед вас снимал, я знаю точно! Дед фотографировал, а надпись на обороте делал отец, мой папа, потому что дед никогда не делал надписей и потом, бывало, путал, кто, где и когда. Так мне папа говорил: дед был великим путаником.

Тогда, уже вернув фотографию, она задала главный вопрос. Наконец-то!

— Простите, а кто ваш дед?

Иксодов смутился, закачал головой, развел руками:

— Милльон извинений, госпожа! Идиот, простите, я не представился! — И снял шляпу. — Кто я, кто мой дед? Я — Баратов, Николай Баратов. Я — внук генерала Баратова, Николая Николаевича Баратова, вы должны его помнить по Парижу... Двадцатые годы, эмиграция... Вы и Его высочество Дмитрий Павлович, и генерал Баратов. Вы с ним, генералом, виделись несколько раз, я знаю, мне отец рассказывал!

В продолжение этой скороговорки незнакомца Вера Каралли не изменилась в лице и теперь рассматривала что-то под ногами. Вдруг спросила, по-прежнему не поднимая глаз:

— А почему у вас такой странный русский говор?

Это удача, внутренне возрадовался Иксодов, не зря работал над речью с преподавателем в Москве!

— Странный, да? А я не замечаю, конечно!.. Это — западно-славянский говор, южно-славянский или западно-славянский — ну, как-то так. Я ж из Югославии, из Белграда, там всю жизнь, да, вот так... А вы нынче куда? Туда? А можно я вас сопровожу? Или сопровожу? Правильно я выражаюсь?.. Я не навязываюсь, я просто пойду рядом с вами, ну хоть немного, можно? Я не из поклонников или воздыхателей, я просто мечтал увидеть вас, вот и всё. И я очень спокойный человек, правда, честное слово!

Тут Вера Каралли позволила себе улыбнуться. Покачала головой и сказала:

— Ладно, господин Баратов, сопроводите меня в Пратер, я туда, а пока вы будете рассказывать мне на своем западно-славянском говоре, как вы из Белграда оказались в моей Вене и зачем я вам, и как вы меня отыскивали?

Они пошли рядом по направлению к Пратеру, из чего следовало, что иксодовская легенда, которую в Москве так долго, в деталях, крутили с генералом Сахаровским, сработала. Ну, пока срабатывала, так точнее. Идея Иксодова изначально «косить под Баратова», под генерала, будто бы деда, ярого антисоветчика, белогвардейца, сподвижника Врангеля, эмигранта, а когда-то в Персии бывшего командиром великого князя Дмитрия, тогдашнего любовника Веры Каралли, — эта идея, однажды клюнувшая в голову полковнику Иксодову, оказалась неплохой, а может быть, даже выигрышной, в конце концов. Как на рулетке — сорвать джек-пот и дать деру!

Они сидели в ресторане «Швайцерхаус» в той части территории Пратера, которая называется «Зелёный Пратер». Вера (а про себя Иксодов именовал свою Даму просто Верой) вроде попривыкла к странному русскому из Югославии, взявшемуся сопровождать ее на этой прогулке. Теперь они обедали в ресторане, и Вера советовала впервые оказавшемуся в Вене русскому обязательно попробовать традиционное австрийское блюдо «штельце» — свиную рульку с закусками под хреном. Безумно вкусно, особенно, если запивать отличным местным пивом, как это делают наши мужчины, сказала она. Но и еще она говорила:

— Вы возродили дважды похороненное... ну, почти дважды. Скоро я умру, совсем скоро, наверное, я большая старуха, — и вот тогда это случится во второй раз. А в первый... в первый я похоронила мое прошлое еще тогда, в двадцатых. Когда мы расстались с Дмитрием, и я из Парижа перебралась в Австрию, в Вену, меня приняли в Венский балет на Опернринг, я еще танцевала тогда, еще была в хорошей форме. И вот тогда... да, как-то до меня дошли сведения, что в Париже умер наш знакомый генерал Баратов... Когда это было?

— В 1932-м, 22 марта. Я это знаю от отца, он ежегодно отмечал день смерти деда, то есть, его отца-генерала, и меня к этому приучил. А сам-то я, конечно, не помню деда, поскольку только родился тогда, как раз в 32-м.

— Да, генерал Баратов... наверно, да, 32-й год. И это было как бы последней каплей. Дмитрий и генерал — они были так связаны памятью по Персии, так дружили, и тогда, в Персии, и потом в Париже, в эмиграции... Но вот у меня не стало Дмитрия, а потом и генерала Баратова. И всё оборвалось, вся память с прошлым — с Россией, Москвой, Петроградом, всей жизнью. Прошлое кончилось — теперь настоящее. Настоящее у меня было: сцена, спектакли в Вене и других странах, да, моя работа, моя жизнь балерины, но было еще не менее существенное, а потом ставшее, может, самым существенным — моя дочь. Она родилась чудом, мне предрекали, что ребенка у меня никогда не будет после... простите, после аборта, однако, вот уже на финале жизни с Дмитрием, в начале двадцатых в Париже, когда я чувствовала, что, к сожаленью, скоро мы расстанемся, вот тогда я вдруг забеременела. Чудо, да... Дмитрий ушел, а через полгода я родила. И появилась Ольга.

— Чудо, да, я так рад за вас! — не преминул воскликнуть Баратов-Иксодов.

Вера Каралли не отреагировала на эту эмоцию собеседника и продолжила:

— А почему именно Ольга? Дмитрий хотел именно Ольгу, мы не раз говорили об этом, о нашем будущем ребенке, и он мечтал назвать ребенка, если будет девочка, только так — в память великой княжны Ольги, убиенной большевиками старшей дочери убиенного ими, злодеями, царя Николая. И я так ее и назвала, только Дмитрия уже не было с нами... Ладно, всё, всё, хватит на сегодня! Ешьте ваш «штельце» и пиво пейте, не стесняйтесь, Николай... Э, можно, я буду вас называть так, без отчества? Ну, спасибо... И вы? Просто Вера? Забавно, но попробуйте, меня давно так никто тут не называл. Хотя я вам в матери гожусь, а то и бабушки,

так? Вы с какого года?.. А, да-да, с 32-го, ясно, значит, я старше вас на... сорок лет, даже чуть больше... Ну, хорошо, договорились: вы — просто Николай, я — просто Вера.

— Спасибо, просто Вера, — улыбнулся Иксодов. — Вы не представляете, как я счастлив и горд. Да-да, горд!

— Ладно, оставьте этот тон, будьте проще. Со мной можно просто, без церемоний и излишнего пиетета... А в следующий раз... ну, скажем, в понедельник, ибо завтра пятницу я занята, у меня по пятницам дома мой Салон, мои гости, это традиция... так, значит, в понедельник, после репетиции в Балетной школе я выйду из Оперного театра на Опернринг, и вы меня там встретите. Ровно в четыре пополудни. Ну, вот так, согласны? И тогда, тогда за вами рассказ о себе — кто вы и что вы в вашем Белграде, и как ваша семья оказалась там?.. Э, стоп, о деньгах даже не думайте, я за всё заплачу, ведь это я вас уговорила заказать такой стол!.. Ладно, как скажете, ладно, хорошо, вы молодец...

Глава третья.

ВЗАИМНАЯ СИМПАТИЯ И ПРОБНЫЙ ШАР

До понедельника было полно времени. Иксодов валялся на диване в своей квартире, читал какой-то детектив (для этого пришлось купить у букинистов на книжном развале потрепанную книжечку Агаты Кристи на русском языке), смотрел цветной телевизор (для советского человека той поры это было редкостью) и, когда надоедала немецкая речь, переключал программы и искал что-то англоязычное.

Еще в те выходные дни он гулял. Пешком дошел до набережной Дуная, полюбовался. Впечатлило, особенно мосты. И сама река вполне, пошире Москвы-реки и берега покрасивей. Как-то здесь уютно. Будь я Штраусом, усмехнулся, непременно сочинил бы тут «На прекрасном голубом Дунае»... Потом Иксодов, конечно, вспомнил, что «его» Белград тоже на Дунае. Надо сказать об этом Вере, решил, о том, что их соединяет одна и та же река, одна вода. Хороший образ: мы из одной воды!..

Еще впечатлил собор Святого Штефана на одноименной площади в самом центре. Собор-красавец, с высоченной башней (оказалось, почти 140 метров), католический, потрясающая готика. Понятно, символ и гордость Вены... Потратив на осмотр этого чуда около часа, Иксодов притомился и решил перекусить. Искать какую-нибудь известную тут пивную долго не пришлось. В самом же центре города, на небольшой мощеной улочке — паб под названием «Gosser Bierklinik». Пивная клиника — это чудесно! Будем лечиться, значит... А вообще-то это — старинная пивная, как рассказал сосед по деревянной лавке, восседавший на такой же, как Иксодов, мягкой подушке. Сия пивная еще с XVI века. И сегодня всё под старину, всё деревянное. Понятно, полно сортов пива, и какого пива! А закуски и еда! Особенно вкусны шницели и горячие бульоны. Попробуйте, герр!

Герр попробовал, выпил три кружки «Гёссера» и, довольный, пришел домой, к себе на До-науканал, причем вовремя, ибо давала о себе знать изрядная доза потребленного пива. Что ж, и в спецкомандировке бывают неудобства, даже в благословенной стране на Дунае.

Наконец, понедельник.

В означенные четыре пополудни, у выхода из служебного подъезда Венского оперного театра стоит Иксодов под широким зонтом, потому что именно сегодня решил пойти осенний дождик. Но не зря же несколько дней назад был куплен широкий зонт!

Однако пойти под ним с бабушкой Верой не получилось: когда она показалась из подъезда, дождь стих, будто по команде. Вера кивнула с улыбкой:

— Привет-привет, герр русский!

Как старому знакомому... Иксовод сложил зонт, сунул его под мышку, пошел рядом с ней, поинтересовался, не устала ли она после репетиции — может, проводить до дома? Вера усмехнулась:

— На возраст намекаете? Могу и обидеться!.. Шучу, шучу, знаю, что не намекаете, а я не обидчивая. Да я и не устала, даже могу крутить фуэте. Вы хоть знаете, что такое фуэте? О, молодец!.. Кстати, это место, где мы сейчас идем, я так и называю: «Площадь фуэте». Почему? Опернринг — это «Оперное кольцо», а по-балетному кольцо, круг на месте — фуэте. Вот и выходит так. Ну, если по-моему...

Они опять пошли в Пратер. Пратер — традиционное место прогулок бабушки Веры. Неутомимая женщина! Труд, труд, работа тела, никакого простоя, лени, валяний на софе. Если с полным выходом на пенсию резко снизился объем репетиционных занятий с учениками в Балетной школе и осталось только два дня как консультанта (уже неоплачиваемых, но это — консультировать — упросил теперешний художественный руководитель Балетной школы Венской государственной оперы маэстро Мануэль Легри), если так, если всего два дня работы, то гулять, ходить, двигаться, а по утрам в течение часа заниматься у домашнего станка. Движение, работа тела — это и есть жизнь. За восемьдесят лет? Да, немало, но что — на покой? Мышцы должны работать, трудиться, петь свою песню, тело должно привычно растягиваться, тогда никаких артритов и прочих проявлений старости.

Вот только одно все-таки докучает — лёгкие. Доктора сказали: какой-то пневмосклероз, лёгочная недостаточность. Откуда это? Вероятно, последствие туберкулеза, который вдруг обнаружился в 1944-м, в войну, когда резко ухудшилось питание. И какая-то мистическая перекличка с покойным Дмитрием, великим князем: как писали в газетах, у того тоже обнаружился туберкулез, отчего он и умер в 42-м где-то в Швейцарии. А вот она, Вера, слава Богу, вылечилась, в 47-м сняли с учета у фтизиатра. Правда, теперь настаивают регулярно ездить в курортный Баден. Это относительно недалеко от Вены, в Нижней Австрии, в долине Хелененталь. Горы, горы, река Швехат. А сами эти горы называются романтично — Wienerwald, Венский лес. Вот и приходится посещать это место пару раз в год, принимать термальные источники, совершать длительные прогулки, дышать горным воздухом. Вот и поеду туда уже вскоре, через пару месяцев, ближе к зиме, сообщает Вера. Зимний горный воздух — это мне полезно, так говорят доктора. Ах, доктора! А Бог с ними...

Пришли в Пратер, стали прогуливаться по аллеям. Дождя не было. С боков поблескивали влажные листья лип, чуть шуршал гравий под ногами. Мимо проезжали велосипедисты, парни и девушки, они на ходу что-то горланили по-немецки, смеялись, лихо крутили педалями. Беззаботная молодость! А ты, герр Иксовод, идешь рядом с Дамой, которой восемьдесят третий год, с великой в прошлом балериной, частью истории ушедшей России, и ее осанка, походка, ее гордая стать — это что-то отдельное; куда тебе, тренированному разведчику, шатавшемуся по горным склонам Анд и южноамериканским джунглям, куда тебе до нее!

Они в основном молчат, и это нравится Иксоводу. Так молчат с друзьями. Когда люди идут, и им хорошо, спокойно друг с другом. Вот и славно, Вера, говорит себе Иксовод, привыкай ко мне, привыкай, еще не время говорить о главном, ради чего я к тебе приехал по заданию КГБ, а точнее, родного государства и партии...

Так проходит полчаса. Вдруг Вера кивает по сторонам и улыбается:

— Представляете, вот мы идем по Пратеру, почти в центре Вены, а ведь раньше здесь даже водилась дичь — зайцы, лисы, утки на прудах. Да-да! Охотились в Пратере вплоть до 1920-го года, так мне рассказывали. Жаль, не застала: я оказалась в Вене в 28-м, после Парижа, после всего, уже с маленькой Ольгой. Да, с ней и моей горничной. А как будто одна, потому что уже без любви... Начала выступать в Большом балете при Государственной Опере, купила квартиру на Урсула-штрассе... Почему именно там? Еще эмигрантская психология. Эта Урсула-штрассе, которая недалеко от Оперы... когда-то это место даже называли Русской Веной, потому что там любили селиться русские из России. Потом снимали квартиры рус-

ские эмигранты. Вот и я... Ладно, теперь молчу, а рассказываете вы, Николай. Да-да, за вами должок — вы обещались поведать о себе, помните?

— Помню. — Иксодов мягко усмехнулся. — Хорошо, извольте. Кто я? Бизнесмен средней руки, а по-нашему, по-сербски — частник. Вы не бывали в Белграде? Тогда расскажу. У нас есть главная пешеходная улица — Кнеза Михайлова. Там полно магазинов, причем магазинов как крупных, в том числе от иностранных фирм, так и наших, от известных на всю Югославию, до мелких. И на улице Теразие всякие бутики, крупные и мелкие. И вот там — мой бутик, средний, да... Ну, мой — это я хватил, потому что я — лишь один из владельцев фирмы. По изготовлению и продаже одежды, да. Небольшой магазинчик. Но стабильно доходный. Поэтому не так чтобы богато, скорее средне. В общем, нормально. Вот видите, отправился в отпуск за границу, в недалекую от нас Австрию, соседку по Европе. Да, в Вену, которая на том же Дунае, что и мой Белград, в Вену, где вы, Вера Каралли, а я был обязан обязательно увидеть вас, мне отец наказывал, а ему — дед, генерал Баратов... Так что хоть я вам никак не близок — не принадлежу к миру искусства, а к тому же не политический деятель, не активный член русской эмиграции... да, никак вам не близок по положению, однако кроме положения, статуса в обществе, есть и другая близость между людьми, да?.. Короче, кто я? Серая русская мышка, средний бизнесмен, просто обыватель из странной, полукапиталистической-полусоциалистической страны. Однако при всем при том я — тот, кто знает, что на свете есть великая Вера Каралли и желает видеть ее. И вот — видит.

— Ясно-ясно, серая мышка! — Вера усмехнулась, выслушав это. Когда слушала, привычно глядела себе под ноги. А теперь повернула голову к Иксодову: — Хорошо, но это, так сказать, ваш профессиональный статус — вы бизнесмен средней руки. А биография? Вот, скажем... Ну, я какая-никакая женщина, а что в первую голову интересует женщину? Ясно что. Вы женаты?

У Иксодова и на этот счет была своя частная легенда, плавно встроенная в легенду основную, генеральную, которую они долго, тщательно слагали в Москве с Сахаровским. Но тут он вдруг сказал правду:

— Увы, я овдовел в прошлом году. Жена умерла еще относительно молодой. Тридцать семь лет всего-то. От рака. Лимфосаркома. Вот так, о Господи!

Это вышло так искренне и так горько-откровенно, что Вера даже задержала шаг и дотронулась до руки собеседника. Потом молча прошли с десятков шагов. Она вздохнула:

— Совпадение или... В прошлом же году от лимфосаркомы умерла известная русская певица. Певица с мировым именем. Она выступала, в том числе, в нашей Венской опере, несколько лет была ее солисткой. Божественный голос, сопрано! А я не только балерина, но и заслуженная, старая меломанка, поклонница вокала. Не раз слушала ее партии, Натальи Троицкой, нашей Натали... И вдруг умерла. Но уже в России, где жила. У нас в газетах написали. Умерла. Тоже от лимфосаркомы, и тоже не было и сорока... Натали Троицкая — слышали о такой?

Иксодов был отличным разведчиком, и он выдержал. Он вжился в свою роль, и смерть Наташки, вдруг оказалось, примиряла жизнь с тем, что он должен был делать в жизни. Примиряла действительность с ложью-игрой, бытовое с профессиональным, человеческое с кагэбэшным.

— Нет, я не знал такую певицу, я не меломан и не особый поклонник вокала... А лимфосаркома — да, редкость, но бывает. Бывает и так: два случая сразу. Совпадение, да.

Опять помолчали.

— Примите мое искреннее соболезнование, мое сочувствие, Николай. — Вера взяла его под руку. — Вы позволите?

Иксодов усмехнулся про себя: все-таки сегодня они идут по руку друг с другом! Это он молодец или это Вера? Вера, которая на пороге ухода в небытие тянется к русскому? О господи, спохватился, дай бог ей еще и еще!..

Странно, она заговорила почти о том же:

— Знаете, мне приятно говорить по-русски. Вот — вдруг вы, русский, вы вдруг объявились в Вене, идете рядом, ваша русская речь, а я от этого давно отвыкла. Здесь в Вене. Как перебралась из Парижа еще в двадцатых — так всё немецкий, немецкий, кругом только немецкий — в театре, в Балетной школе, дома. Немецкий, всегда. Тем более, когда после аншлюса стало неприличным говорить по-английски и по-французски, а уж чтобы по-русски!.. Ладно, вот мы говорим по-русски, и мне это приятно. Так что спасибо, Николай.

— А мне приятно с вами, Вера, — искренне, очень мягко проговорил Иксоводов, успев подумать: странная на сей раз игра, действительно странная. Вот Наташку помянули, вот по-русски говорим, и я ей, моей подопечной старушке с кодовым именем Дама, я ей приятен. А она мне. Симпатия...

Но действительно странная ситуация, подумал далее. Я много знаю о ней (пусть формально, на уровне досье, но всё-таки), я много знаю о ней, моей Даме, но она этого не знает. А она, не зная о том, тоже кое-что знает обо мне — вот, например, о моей Наташке. Знает о ней, но не знает, что Наталья Троицкая была моей женой. Царство парадоксов! Или выверты психологии? Потому что, плюс ко всему, еще симпатия... Да уж, задание на этот сей выпало тебе, товарищ разведчик, искатель следов исчезнувших из поля зрения КГБ царских драгоценностей!..

Ладно, симпатия симпатией, а есть дело. Поэтому всё вышесказанное не исключает того, чтобы бросить пробный шар. Кажется, уже можно:

— Вера, дорогая Вера! Если это не бестактно с моей стороны... Такой вопрос, уж если вы про русскую речь... Вас на родину не тянет? В Россию?

И тут Вера вдруг высвободила руку, лежавшую на локтевом сгибе Иксоводова, и пошла будто только сама с собой. Оскорбилась или обиделась? Вряд ли. Видимо, в ней боролись некие противоречивые чувства, и она не находила единственного ответа на заданный ей вопрос.

Глава четвертая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: НА ЭТАЖ К ОТЦУ И ОБРАТНО

— Суки большевики, небось, разрушили наш дом!

— Воистину суки, ваше высокопревосходительство, — согласно кивнул сын. Он часто обращался к отцу так официально, в соответствии с высоким рангом в Табели, а не из-за подострастия. Просто в знак любви и искреннего уважения. Это понятно: отец — боевой генерал от кавалерии, знаменитый командующий, сподвижник Врангеля, изгнанник, инвалид, кавалер всяческих Анн, Владимиров, Георгиев и даже Звезды Почетного легиона Франции...

Так-то так, но теперь сын попробовал мягко не согласиться с ним:

— Однако ж вряд ли дом наш разрушили. Зачем это им? Дом им сгодится — небось, поселили кого.

— Я им поселю! — хотел гневно крикнуть отец, но вышел лишь шепот со слюной. — А лозу они не тронули, не сломали? Ту, что вокруг беседки и на решетках в саду? Мой семиньон, чистый белый виноград, мне этот семиньон из самого Бордо привезли, ты помнишь, с его виноградной родины... А, вот еще, еще не забудь! Ты мрамор на полу беседки обязательно переложи, а то я видел в последний раз, что он весь потрескался. А то как же без прохладного мраморного пола в летней беседке? Накажи моим казакам, чтоб сделали, они хорошо управятся. Или рабочих найми... Нет, лучше моих казаков, они рукастые, шельмецы!.. Значит, пол переложи, мрамор...

Он заговаривался. Прямо с утра. К полудню пришел священник из русской церкви, совершил Таинства причащения, соборовал. За дверью в гостиной сидело несколько человек из «Русского союза военных инвалидов», который до вчерашнего дня возглавлял умирающий генерал. Правление Русского Союза инвалидов, недавно вновь перебравшееся в Париж из Белграда,

помещалось здесь же, на набережной Сены, в особняке на Бранли, на первом этаже. А генерал от кавалерии Николай Баратов умирал на втором. Был хмурый день 22 марта 1932-го года.

Прерывистое дыханье, ноги в отеках, сплошь синюшные. У этих его ног сидит Михаил, сын генерала Баратова, и вслед за отходящим отцом видит ту же картину. Она — из его, Миши, владикавказского детства.

«Мы грузины, мы Бараташвили, запомни, — повторяет Мишеньке тётка, но мы и русские, а живем среди осетин... (Баба-яга, эта тетка, старшая сестра отца, чистая баба-яга!)... Вот наш сад, смотри».

Мишенька смотрит. В саду в беседке слепит глаза мраморный пол, по дорожке шлепает густая светотень, и в ней смешно путается она, тётка, баба-яга, старая дева в широкой цветастой юбке и с головой, укатанной в платок, несмотря на жару. Она подслеповато щурит глаза в яркое небо и крестится вслед каждой пролетевшей крупной черной птице.

«Это черные дрозды вернулись с гор, — смеется Миша, — чего ж ты, тётка, крестишься?»

А она:

«То не птицы-дрозды, а ангелы. Они говорят-рассказывают, что за этими горами есть горы следующие, и вот там наша с тобой истинная родина — Грузия. А еще говорят-рассказывают, что всё наше воинство недавно полегло и никто не вернется, и теперь целый век будут лишь слепые да немые, однако ж, живые, вот страсть-то, но вот так Бог повелел. Креститься надо, креститься, и ты крестись!»

— Зачем вы рассказываете мне это, Николай? — спрашивает Вера Калалли, и Иксодов приходит в себя...

— Зачем вы рассказываете мне это, Николай?

Старушка Вера стояла у окна, выходящего на улицу Урсулы, стояла спиной к Иксодову, и эта ее спина казалась вечной, бессмертной, какой-то уже не реальной, а запечатленной на картине старинного мастера эпохи Возрождения. Спина балерины — чуть откинута, прямая, узкая. Какие там восемьдесят с гаком лет!

— Зачем вы рассказываете мне это, Николай?

— Зачем? Это я, но это детство моего отца, это он мне рассказывал — и так ярко, так сочно, что мне кажется, то было не с ним, а со мной. Владикавказ, вдалеке горы, наш сад, беседка с мраморным полом, шлепанье светотени по садовым дорожным, тётка крестится вслед пролетающим черным дроздам, акации, платаны, сливы, инжир. Наш баратовский мир. Пролетевший мир... Я вам сделал больно?

Глава пятая.

ПЯТНИЦА, НО НЕ САЛОН

Из изложенного чуть выше ясно, что Иксодов оказался, наконец, у Веры дома.

Да, именно так. И поначалу он полагал, что удостоился особой чести: посетить ее в пятницу, когда тут собирался избранный круг гостей. Это — «Салон Каралли на Урсула-штрассе» — случалось еженедельно. Однако открывался сей Салон, кажется, в семь вечера, а Иксодова пригласили к пяти.

Сама же Урсула-штрассе оказалась типичной венской улицей периода поздних Габсбургов — довольно узковатой, с четырехэтажными массивными домами серого кирпича. Современность сюда почти не заглядывала. Знакомое место — готическая церковь с высокой башней. Вот рядом с ней и жила Вера Каралли, в большой квартире на втором этаже углового дома с единственным подъездом, выходящем прямо на улицу, почти прямо к мостовой,

поскольку тротуар в метр шириной можно не считать. Лифта тут, естественно, не было, зато лестница отличалась изяществом: не круговая, а овальная, широкая, с огромным пролетом сверху донизу, обрамленным резной кованой решеткой.

Войдя в квартиру и следуя из холла по коридору, где горели светильники, Иксодов увидел только гостиную и еще одну комнату, а вернее, зал. Там было зеркало во всю стену и балетный станок — две горизонтальные жерди вдоль всей стены. Ясно, это Верин репетиционный зал. Вероятно, тут она когда-то занималась с учениками. А в последние годы уже только сама. Вечная балерина, тело которой обязано быть в форме. А диета? «Мои пятьдесят два килограмма остаются неизменными уже столько десятилетий, что никакие гастрономические шалости им не страшны», — так она ответила на вопрос о своем питании.

Значит, гостиная и репетиционный зал. Других комнат Иксодов не видел, но они тут были — во всяком случае, он заметил в коридоре еще три закрытых двери. Это помимо прохода на кухню в конце коридора. Не бедно. И Вера проживает здесь давно. Да, она говорила, что купила эту квартиру сразу же, как переехала сюда, в Вену, из Парижа. Так? Это не праздное любопытство, это к вопросу об уровне ее благосостояния. Сей вопрос Иксодову очень важен.

— Кофе желаете? Или чаю по-русски?

— По-русски кофе, — пошутил он. — Я привык у себя в Белграде к кофе в середине дня. У нас его делают особенно, в джезве. Что это такое? Типа турки, медная посуда с длинной ручкой. Кстати джезва — турецкое название. А готовят так: в эту самую джезvu наливают холодную воду, кладут сахар, а когда вода закипит, часть ее отливают, засыпают кофе и доводят до кипения. Но после этого надо дать отстояться около минуты. Очень вкусно! Хотя, конечно, вкус зависит и от сорта кофе. Вот с этим у нас бывают проблемы. Ибо, поскольку у нас некоторый социализм, иногда возникает дефицит. А что дефицитно, то дороговато.

— Хорошо, будет вам отличный кофе, и даже бесплатный, по дружбе, так сказать. — Собщив это, Вера обернулась в сторону кухни и негромко крикнула по-немецки, но Иксодов понял: — Эльза, приготовьте нам кофе, пожалуйста. — И затем пояснила уже по-русски: — Эльза — это моя горничная... Или как ее называть? Служанка? Нет, это как-то нехорошо, да? Ладно, пусть будет горничная. Фрау Штильцуг, моя соседка по дому, она уже много лет прибирается у меня пару раз в неделю, а по пятницам готовит шведский стол для моих гостей. Вот и сейчас она занята этим, там, на кухне, потом принесет блюда сюда, в гостиную. А мы, пока нет гостей, будем пить кофе и беседовать, да?..

Из окон гостиной хорошо был виден пузатый собор Святой Урсулы. Там за окнами — тихая улица, над которой серое небо и вот-вот начнет накрапывать дождь. Осень по-австрийски: тихо, сумрачно, готика, а тут, в доме, кофе за большим овальным столом в несовременной гостиной, где канделябры на стенах, несколько небольших картин в рамах и фото, фото, фото. На этих, явно профессионально выполненных фотографиях какие-то неизвестные Иксодову люди с интеллигентными лицами, в хороших одеждах, обычных и театральных, еще — некие сцены из балетных балетов... а, вот и Вера Каралли в своих ролях, лучезарная Вера Каралли, застывшая в выигрышных для съемки позах... Как это говорили древние? «Sic transit gloria mundi». Вот именно. Хотя... Слава проходит, но память славы остается. Есть настоящее, а всё прочее — память, только она.

Вера Каралли и есть память, уже память. Как и Наташка Троицкая, жена, небесное сопрано...

Неслышно возникла дама лет пятидесяти, в переднике поверх темного закрытого платья. Фрау Штильцуг, так? Эльза... Расставила чашечки на столе, разлила в них кофе, что-то спросила Веру. Та кивнула: «Danke, ja, Zucker und Kekse, danke, Elsa». И когда та вышла, сказала после глотка кофе:

— Мы говорили о вас, Николай, помните? Кто вы и так далее. Как ваша семья оказалась в Белграде, как вы там жили? И про вашего деда, про генерала Баратова, да? Мне это очень интересно.

И тут на Иксодова что-то наплыло. Он увидел то, что неоднократно видел, Видел, как в кино, видел, вжившись в роль внука генерала Баратова, видел глазами будто бы своего отца, то есть сына генерала, глазами Мишеньки Баратова.

— Суки большевики, небось разрушили наш дом!

— Воистину суки, ваше высокопревосходительство, — согласно кивнул сын. Он часто обращался к отцу так официально, в соответствии с высоким рангом в Табел, и не из-за подобострастия, а в знак любви и искреннего уважения. Генерал от кавалерии, знаменитый командующий, сподвижник Врангеля, изгнанник, инвалид, кавалер всяческих Анн, Владимиров, Георгиев и даже Звезды Почетного легиона Франции...

Так-то так, но теперь сын попробовал мягко не согласиться с ним:

— Однако ж вряд ли дом наш разрушили. Зачем это им? Дом им сгодится — небось, поселили кого.

— Я им поселю! — хотел гневно крикнуть отец, но вышел лишь шепот со слюной. — А лозу они не тронули, не сломали? Ту, что вокруг беседки и на решетках в саду? Мой семиньон, чистый белый виноград, мне этот семиньон из самого Бордо привезли, ты помнишь, с его виноградной родины... А, вот еще, еще не забудь! Ты мрамор на полу беседки обязательно переложи, а то я видел в последний раз, что он весь потрескался. А то как же без прохладного мраморного пола в летней беседке? Накажи моим казакам, чтоб сделали, они хорошо управятся. Или рабочих найми... Нет, лучше моих казаков, они рукастые шельмецы!.. Значит, пол переложи, мрамор...

Он заговаривался. Прямо с утра. К полудню пришел священник из русской ближней церкви, совершил Таинства причащения, соборовал. За дверь в гостиной сидело несколько человек из «Русского союза военных инвалидов», который до вчерашнего дня возглавлял умирающий генерал. Правление Русского Союза инвалидов, недавно вновь перебравшееся в Париж из Белграда, помещалось здесь же, на набережной Сены, в особняке на Бранли, на первом этаже. А генерал от кавалерии Николай Баратов умирал на втором. Был хмурый день 22 марта 1932-го года.

Прерывистое дыханье, ноги в отеках, сплошь синюшные. У этих его ног сидит Михаил, сын генерала Баратова, и вслед за отходящим отцом видит ту же картину. Она — из его, Миши, владикавказского детства.

«Мы грузины, мы Бараташвили, запомни, — повторяет Мишеньке тётка, но мы и русские, а живем среди осетин... (Баба-яга, эта тетка, старшая сестра отца, чистая баба-яга!)... Вот наш сад, смотри».

Мишенька смотрит. В саду в беседке слепит глаза мраморный пол, по дорожке шлепает густая светотень, и в ней смешно путается она, тётка, баба-яга, старая дева в широкой цветастой юбке и с головой, укатанной в платок, несмотря на жару. Она подслеповато щурит глаза в яркое небо и крестится вслед каждой пролетевшей крупной черной птице.

«Это черные дрозды вернулись с гор, — смеется Миша, — чего ж ты, тётка, крестишься?»

А она:

«То не птицы-дрозды, а ангелы. Они говорят-рассказывают, что за этими горами есть горы следующие, и вот там наша с тобой истинная родина — Грузия. А еще говорят-рассказывают, что всё наше виинство недавно полегло и никто не вернется, и теперь целый век будут лишь слепые да немые, однако ж живые, вот страсть-то, но вот так Бог повелел. Креститься надо, креститься, и ты крестись!»

— Зачем вы рассказываете мне это, Николай? — спрашивает Вера Калалли, и Иксодов приходит в себя...

Старушка Вера стояла у окна, выходявшего на улицу Урсулы, стояла спиной к Иксодову, и эта ее спина казалась вечной, бессмертной, какой-то уже не реальной, а запечатленной на картине старинного мастера эпохи Возрождения. Спина балерины — чуть откиннутая, прямая, узкая. Какие там восемьдесят с гаком лет!

— Зачем вы рассказываете мне это, Николай?

— Зачем? Это я, но это детство моего отца, это он мне рассказывал — и так ярко, так сочно, что мне кажется, то было не с ним, а со мной. Владикавказ, вдалеке горы, наш сад, беседка с мраморным полом, шлепанье светотени по садовым дорожным, тётка крестится вслед пролетающим черным дроздам, акации, платаны, сливы, инжир. Наш баратовский мир. Прошлый мир... Я вам сделал больно?

— Мне уже давно ничего не больно. Я свое отболела. Славу отболела, разлуку с любимым человеком, бегство из России, эмигрантскую жизнь, опять славу... Но главное, отболела любовь. Но остались мои девочки — дочь, внучка-красавица и наконец правнучка, которой сейчас лишь два годика. Ее называли в честь меня Верой, вот так, она с родителями живет во Франции, в Бретани, иногда в Париже. Хорошо бы стала балериной, как ее прабабка и как ее мать, моя любимица Мишель... Ах, я опять о себе! Всё молчу, молчу и слушаю вас, Николай, вы хотели мне рассказать... ну, давайте!

Иксодов уже вернулся в себя, к себе. И начал по легенде. Легенда была такая.

— Дед, генерал Баратов, вместе с женой и сыном Михаилом, в эмиграции жил в Париже, а его воинство постепенно обосновалось в Сербии, в ходе первой и второй волн русской эмиграции, то есть в 19-м и 20-м году. Их, этих вояк, было около шести тысяч человек. Шесть тысяч сабель, как говорил дед. С 22-года эту, так сказать, армию возглавил Петр Николаевич Врангель, который имел ставку в Сремских-Карловцах. Это называлось Русский общевойсковой союз, если быть точным. Значит, Врангель возглавил, и так почти до своей смерти в 27-м.

Да, он возглавил, и вот тогда дед с семьей перебрался из Сербии в Париж. Был период, когда он опять жил в Белграде, но это временно. В общем, дед прожил остаток жизни в Париже, где и умер в 32-м, а там, в Белграде, обосновался его сын Михаил, ставший моим отцом. За год до моего рождения он женился на русской, на Анне Барбович, дочери генерала-эмигранта, тоже кавалериста, гусара, тоже жившего в Сербии. Вот такая во мне течет кровь — белогвардейская, а правильнее — истинно русская, а значит, эмигрантская. Оба деда — белые генералы.

Иксодов взял паузу, довольный собой и тем, как его слушает Вера. И продолжил:

— Отец не пошел по армейской части, а сделался чиновником в королевском Военном министерстве в Белграде. В этом статусе, уже после моего рождения, его и застала Вторая мировая война. Это апрель 41-го, когда нас оккупировали немцы. Отец не участвовал в Соппротивлении, а погиб глупо, в деревне под Белградом, подорвался на одной из мин, которые ставили гитлеровцы против партизан. Мне было тогда 12 лет. После этого вдруг слегла мама. В общем, к четырнадцати годом я остался сиротой. Меня взяла к себе мамина сестра, в ее доме в Белграде я и жил, уже в Югославии товарища Тито. Так что я — русский югослав. Хотя в России никогда не был. Но странно или нет, меня туда тянет. Зов крови? Глянуть бы на дедов Владикавказ и на его Грузию! Станный я русский, да? Тоскую по Грузии, Осетии. А в общем, все-таки по России, да...

Теперь Иксодов смолк. И Вера тоже долго молчала. Потом нее будто вырвалось:

— И тут смерть от Гитлера!

— Где — тут? — не понял он.

— И у меня тоже. И вас — отец, а у меня — зять... ну, муж моей Ольги... Там, в Париже 44-го, Соппротивление...

Она отмахнулась, словно от навязчивой мухи-воспоминания, и резко встала.

— Еще кофе?.. А то, что вас тянет к России... не важно, в Грузию или Осетию... всё равно в Россию — это понятно, это правильно, наверное. Но вы-то там никогда не были, не жили, а я... Я там выросла, состоялась как балерина и киноактриса, встретила Дмитрия. Вот такая судьба. Судьба-разлучница, птица-кукушка, которая откладывает яйца по чужим гнездам. Меня тоже отложили в чужое гнездо. Что теперь? Теперь — не знаю. Восемьдесят два. Может, пора в свое гнездо. Не полетать там, хоть помереть?

Иксодов хотел уж было развить эту тему, но тут, как в добротном сценарии, раздался длинный звонок в дверь. Потом — торопливые шаги по коридору: это фрау Эльза Штильцуг пошла

открывать гостям. Начиналось время Салона Веры Каралли. Иксодов вдруг понял, что это ему не нужно. Ему и его заданию. Он поднялся из-за стола.

— Спасибо вам, Вера, спасибо за всё. За то, что вы... что мы с вами так понимаем главное. И я пойду, пожалуй, потому что как-то разволновался, и мне хочется побыть одному. А вы принимайте гостей, это хорошо. Но мы непременно увидимся, правда? Скажем, в понедельник. Я встречу вас у Оперы, на вашей Опернфуэте, в шестнадцать ноль-ноль, и мы пойдем в Пратер, пойдем на нашу прогулку. Нам еще есть, о чем поговорить. По-русски, да? Двое русских...

Глава шестая.

НА ЛИФТЕ С ФИРСОМ: КОЕ-ЧТО ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЛКОВНИКА

В 1956-м году, в СССР случились два события (ну, среди всех прочих событий).

По порядку.

Было принято решение преобразовать Карело-Финскую ССР в Карельскую Автономную республику в составе РСФСР. По этому поводу даже ходил такой анекдот. Будто бы провели перепись населения, и оказалось, что на территории Карелии лишь два финна. Всего два. А при тщательном изучении данного факта выяснилось, что это — Финкельштейн и фининспектор. И еще выяснилось, что вообще-то это одно и то же лицо. Потому и убрали из названия республики упоминание о финнах.

Событие второе: в том же 1956-м году Александр Сахаровский (тогда еще генерал-майор) был утвержден в должности начальника Первого Главного управления КГБ (внешняя разведка).

Эти два события оказались связаны тем, что в Карелии, после окончания срочной службы в погранвойсках, обучался в местной школе КГБ курсант Иксодов, а генерал-майор Сахаровский прибыл туда же, в Петрозаводск, с инспекционной поездкой после административного реформирования аппарата республики. Инспектировал он, понятно, местную службу внешней разведки.

Они встретились под вечер, когда, после многотрудных дел, связанных с инспекцией, важного московского генерала повезли отдохнуть на озёра. То есть порыбачить, выпить на природе у костра, попариться в сауне. В общем, культурная программа для барина, причем на всю ночь (и тогда, еще по строгим послесталинским временам, без девочек).

Помимо сопровождавшей свиты, к барину приставили ординарца, чтобы возил на машине и на лодке, таскал удочки, импортные спиннинги, спальник, рубил дрова для костра, таскал складной стульчик и прочее-прочее. Этим ординарцем и оказался курсант Иксодов, тогда двадцатичетырехлетний ловкий парень из местной школы КГБ.

Загрузились в «Победу» и поехали из Петрозаводска на озёра: ординарец — за рулем, генерал справа от него.

— Как тебя звать, курсант? — спросил генерал, устав рассматривать Онежское озеро, мелькавшее в правом окне.

— Иксодов, — доложил Иксодов и улыбнулся во весь рот.

— Что за фамилия? Не русская? От слова «икс», что ли?

— Никак нет, товарищ генерал! — Иксодов по-прежнему растягивал рот в улыбке, как Буратино. — И самая русская, и не от «икс»! Это поповская фамилия. Ей-богу, поповская! От древних прозвищ, ага. Поповская — как, например, Астрин. Это не от цветка астры, а от латинского «звезда». Или еще фамилия — Иорданский или Иорданцев. Это от реки святой, где Господь крестился. Вот попы и надумали себе прозвищ. А моё — от латинского слова «иксодус», что значит «клещ». Наверное, мой далекий предок был такой въедливый, так впивался, что монахи и прозвали его Клещом. Вот так-то, товарищ генерал-майор. — Он лихо выкрутил

баранку, обогнав грузовик на шоссе, и опять заулыбался. — Ползут, как мухи по киселю! Ничего, через час доедем до Косалмы, а там — рыбалка! Теперь у нас самые белые ночи, товарищ генерал, самая красота! А тишь-то какая, когда в лодке отъедешь на серед озера! Только именно на вёсельной лодке, на вёсельной, а не на баркасе с мотором. Мотор всё сгубит — и красоту, и рыбу распугает. А рыба там у нас царская: ряпушка, язь! Красота!

— Красоту любишь? — усмехнулся генерал.

— Как такое не любить? Конечно! Я ж с южных мест, из Таганрога на Азове, а тут — такая нежность, такие краски!

— Кто твои родители? — Сахаровскому почему-то глянулся это парень.

— В Таганроге-то? Учителя. Ага, я из учительской семьи, и отец, и мать. Отец — математике детей учит, мама — русскому и литературе. Так и жили, пока меня не призвали. Небогато, но чисто. Теперь они там, а я тут. Нормально.

— А чего в чекисты пошел? В эту спецшколу?

— А интересно-то как! Трудно, да, ох как трудно бывает, да, но интересно. Интересно в чужие мозги залезать и всякие тайны выведывать. Психология, логика, игра! А если не для себя лично, не для своей выгоды, а на пользу родине, то это вообще здорово!

Сахаровский на это не прореагировал. Потом спросил:

— Мне говорили, ты, когда служил, на заставе какой-то подвиг совершил. И какой?

Иксодов искренне удивился:

— Ну, уж и подвиг!.. — Но тут сделал серьезное лицо и стал рассказывать с удовольствием: — А дело было так. Наша застава — в Средней Карелии, а сама граница — между нашим озером Большое Каменное и финским озером Лентуаярви. Ехать вообще-то до поселка Костомукша, знаете такое место? Это, чтоб вы знали, на широте Беломорска. Ну, вот. Граница — такая глухомань! А мошки летом! А по зиме — такие снега в тайге!.. Значит, такая граница. И кто ж туда, через нее, сунется, да? А вот и нет! Ну, иногда, конечно... А сунутся не те, которые от них к нам, а лишь те, кто от нас к ним. То есть наши, русские. Ну, идиоты, значит. Вот мы их и ловили. И вот и я тогда, значит. Двое шли через тайгу к самой границе, а я засек, выследил — и за ними. Долго шел, потом... в общем, приказал лечь мордами в снег и ждал порации, пока наряд приспешит. Приспешил, даже не наряд, а ползаставы. Много шуму было, короче говоря. Идиотов — в каталажку, а мне — благодарность от начальства и краткий отпуск на родину, в Таганрог, на неделю. Вы меня слушаете, товарищ генерал?

Сахаровский покрутил большой головой, произнес «да-да», потом бросил сурово «не гони!» и затем, подумав о чем-то, сказал безапелляционно:

— Как завтра вернемся в город, напишешь мне краткую анкету, то есть автобиографию — и лично мне, я буду до полудня в Управлении. Я тебя в Москву перевожу, в «Вышку». Знаешь, что это такое?

— Нет, — обалдел Иксодов.

— Высшая школа КГБ. Это и в Москве и под Москвой. Там учеба и общага. Будешь абитуриентом 2-го отделения, контрразведывательного. Потом поступишь. Попробуй не поступить! Это наша бывшая знаменитая «школа 101», это не твоя петрозаводская школа, там у нас обучаются и проходят спецподготовку главные советские разведчики, самые-самые. Ну, в партию вступишь, само собой. Не женат? Это хорошо. К языкам способности есть? Что «вроде»? Вроде — это ни то, ни сё! Отвечать «да» или «нет»!.. Ладно, всё понял?..

Так решила судьба Иксодова. А судьба — она на всю жизнь.

Стоит поведать еще об одной особенности, много помогавшей Иксодову в его работе. Это касается уже не биографии, а физиологии, а то даже неких генетических свойств.

А дело в том, что наш Иксодов — амбидекстр. То есть и праворукий, и леворукий равно одновременно. И обоногий. То есть истинный амбидекстр.

Например, в детстве он играл в футбол поначалу только левой ногой, потом и той, и другой с равным успехом. И руками владеет обеими — может, скажем, хлеб резать как правой, так и левой, а, боксируя, менять стойку по ходу боя, и стреляет с равным успехом с обеих рук.

А почему так? А потому, что, в отличие от большинства людей, у амбидекстров оба полушария — ведущие: не одно лишь левое (как у правшей) или правое (как у левшей), а оба в равной мере. Таких людей на свете, у которых врожденная амбидекстрия, — около одного процента, а почему так — вопрос к Господу Богу.

Оказалось, такие люди достаточно быстро оценивают ситуацию и быстро принимают верные решения. Естественно, это очень ценное качество для разведчика: аналитика, цепкая память, логика (ну, прямо как знаменитый Штирлиц) плюс актерство (уже не Штирлиц), способность к перевоплощению, образность восприятия, тяга к чувственному, к искусству, способность понимать тонкое, поэзию, например (а еще — даже некое хулиганское стихоплетство, что Иксодов любил с юности и до сих пор иногда этим балуется). Кстати, именно благодаря всему этому последнему, то есть отнюдь не штирлицкому, а образному, чувственному, Иксодов и потянулся к той, которая стала его женой — к певице Наталье Троицкой. И, скорее всего, именно амбидекстрия — причина того, что изредка он слышит какие-то внутренние наводки — будто кто-то нашептывает ему: «Сделай так!». И ведь сколько раз это подсказывало решения и выручало!

Короче говоря, сочетание всех этих свойств и сделано Иксодова высококлассным разведчиком, и Сахаровский издавна особо выделял его среди остальных сотрудников и ценил, сильно ценил. Ценил, хотя и не ведал о глубинных биологических истоках его удачливости и эффективности как профессионала, особенно на заданиях за рубежом, где требовались не только мужество, хитрость, логика, просчитывание ходов противника, знание иностранных языков, но и перевоплощение, способность к актерской игре, вживание в образ.

Теперь этим образом для полковника Иксодова стал внук царского генерала, впоследствии белогвардейца, сподвижника Врангеля — короче, внук генерала от кавалерии Баратова, названный в честь деда Николаем.

Николай Баратов прибыл в Вену к Вере Каралли, бывшей возлюбленной великого князя Дмитрия Павловича. Прибыл неспроста.

Глава седьмая.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОХОТЫ

В понедельник опять собирался дождь и опять не пошел. С зонтиком под мышкой Иксодов уже с полчаса ожидал Веру у здания Оперы. Наконец вот и Дама. Вышла из служебного подъезда и не столь медленно, как обычно, направилась к своему русскому знакомцу.

— О, простите за опоздание! Это мои девчухи из старшего класса. У них скоро дебют в кордебалете, в «Шопениане», вот они и волнуются, надо было кое-что показать, успокоить... А кстати, Николай, вы не хотите на балет? Могу провести вас на спектакль, у меня там, в главном зале, есть свое кресло в ложе, именное, его за мной закрепили навечно. Навечно, то есть пока я еще жива. — И усмехнулась. — Особый знак милости к бывшей приме! Это приятно.

— Приятно и справедливо, — уточнил Иксодов. — А на спектакль, и любой, я с удовольствием, спасибо за приглашение. Я не отпетый балетоман, но всегда с радостью, когда случается. Даже бывал у себя в Белграде в нашем Национальном театре. А вот что там смотрел, увы, уже не помню. — И рассмеялся. — А про вас читал много, смотрел фото. Это после рассказов отца. Маленьким был, а помню. Помню, была и есть такая — Вера Каралли.

Вера благодарно улыбнулась и взяла его под руку.

— Пошли в Пратер, да? Надеюсь, дождь задержится еще на пару часов. Погуляем, там пообедаем.

По пути в Пратер Иксодов попросил:

— Теперь, дорогая Вера, ваша очередь рассказывать о себе. Я вам свое сказал — ну, главное. Про семью и кто я есть. А вы? Ваше семейство, дочка... а потом?

Она откинула голову и, почувствовав, что может свалиться шляпка, быстро придержала ее рукой. Затем сказала:

— Моя семья — это отдельная история. Верней, истории, много историй... Но хорошо, попробую вкратце. Там у меня тоже, как и у вас, драматические коллизии... Хотя... давайте уже в парке, а пока помолчим.

Иксодов внутренне похвалил себя за верный тон и верный поход к делу. Охота, идет охота, да. Тут главное — не торопиться. Прав был товарищ Сталин, сука, говоря про свое ценное качество: «Я — очень терпеливый человек»... Поэтому более не сказал ни слова, стал глядеть по сторонам, неспешно продвигаясь вперед под руку со своей Дамой.

Так они добрались до Пратера, около часа гуляли по парковым аллеям, потом зашли в свой любимый ресторан «Швейцархаус», сели обедать, и Иксодов даже преисполнился гордостью за себя — за то, что сделался таким европейцем: спокойным, галантным, умеющим носить прекрасную одежду, сидеть с прямой спиной за столом — прямо комильфо. Да, в роли комильфо он еще не был, это не то, что мотаться по городам и весям Южной или Центральной Америки, в шуме, галдеже, суете, или, еще вариант, при оружии в тамошних горах или лесах. А тут совсем по-другому. Тут благопристойная Вена и восьмидесятитрехлетняя Вера Каралли рядом.

За это время (пока гуляли и обедали) Вера поведала следующее. Если убрать некоторые реплики и возникавшие паузы по ходу, то вот ее рассказ.

«В 21-м году у меня родилась Ольга. Неожиданно, да, я уж и сама не верила, что смогу забеременеть. Впрочем, об этом я вам уже говорила. Но говорила ли, что к тому моменту мы расстались с Дмитрием? Да, так вышло, причем вышло драматично и прекрасно: он зачал наше дитя, а уже через месяц мы стали жить врозь — и всё, теперь это был полный, окончательный разрыв. А про то, что я беременна, ни он, ни я тогда, мы еще не знали. И он так и не узнал, что у меня будет ребенок, что именно он — Ольгин отец. Ладно...

В общем, я и дочь. Я назвала ее Ольгой, в память убиенной дочери Николая Второго, тоже убиенного. Так хотел Дмитрий, я помнила. Я ведь его очень любила и, кажется мне, люблю до сих пор, хотя он уж тридцать лет как в могиле. Наверное, я однолюбка, хотя, скажу честно, мужчины у меня были. Но по-настоящему, до глубин души — это только Дмитрий.

Значит, я и Ольга, тогда моя прелесть, тогда я в ней души не чаяла... Вскоре после родов я вернулась на сцену в Париже, танцевала, снималась в кино. Понимала: надо держать себя в форме. Ведь тогда мне было уже за тридцать, а для балерины — это критический возраст. Но я еще танцевала. Хотя меня подпирали молодые, юные. Это нормально. Я не конфликтный человек, не истеричная примадонна, но постепенно стали портиться отношения с директором балетной труппы Гранд-опера... Короче, назревал конфликт.

Однако мне повезло. Тогда же, а именно в 28-м, я танцевала в Вене, куда мы возили из Парижа два спектакля, и там мне предложили большой контракт в Большом балете Венской Оперы. Я с радостью приняла это предложение и... Короче говоря, мы с Ольгой переехали в Вену, я купила квартиру на Урсула-штрассе, где вы были, а в театре стала постоянным членом труппы, вскоре сделалась там совсем своей. Потом и вовсе стала австриячкой: через год получила австрийское гражданство (это помимо французского) — в общем, обрела, так сказать, новую родину. И еще танцевала. Но сниматься в кино закончила: надоело, а к тому же, изменилась сама суть, стилистика — настала эра звука, а это не моё кино.

Но главное даже не это. Мы жили с маленькой Ольгой, она росла, за ней смотрела няня, а я всё мечтала, что моя девочка пойдет по моим стопам, станет балериной. Стала водить ее в нашу Балетную школу, чтобы она пока смотрела, имитировала движения, делала разные па, растягивалась у станка. Однако вскоре мне сказали, что у нее — дефект осанки, и это из-за врожденного искривления позвоночника. Сколиоз грудного отдела. Легкий сколиоз, но с

годами, если постоянно не делать соответствующих упражнений и не носить корсета, он будет нарастать. Нет, кривой девочка не будет, но, если оголить спинку, то сколиоз будет заметен.

Вот такой сюрприз. Короче, теперь нам было не до обучения балету — теперь мы боролись со спиной, с этим сколиозом. Разные профессора, физиотерапевты, лечебницы, нудные занятия лечебной физкультурой, санатории, то в Вене, то за рубежом. Спасибо, были средства, мы не нуждались. Так прошли годы. Ну, спинку мы выправили кое-как, но моя мечта о балерине-дочери растаяла как дым.

И это не всё, увы. В середине 30-х я окончательно покинула сцену, стала преподавать в нашей знаменитой Балетной школе, получила звание профессора-педагога, и в это же время Ольга резко изменилась. Ну да, переломный возраст, пятнадцать лет. От наших былых отношений, когда душа в душу, вскоре не осталось и следа. Капризы, крики, чуть ли не истерики, повышенные требования... Кошмар! Для меня это было... вы понимаете, наверно... как нож в сердце. Я лишилась еще одной любви: сначала любви Дмитрия, теперь — любви дочери. Я стала одна. Одна в чужой стране, потому что, хоть жила в Австрии комфортно и оставалась там при любимом деле, всё равно это не Россия. Изгнанница плюс женщина с омертвевшей душой — вот кем я была тогда...

Потом 39-й год, аншлюс с Германией... Ладно, дальше. А дальше было так, если про Ольгу.

В 39-м же, когда ей исполнилось восемнадцать, она вдруг заявила, что хочет жить одна и, мало того, собирается переехать в Париж, там будет писать картины и выставляться на Монмартре (между прочим, у нее были кое-какие успехи по части живописи, хотя я не считала мою дочь уж очень талантливой). И что вы думаете? После чреды перебранок, скандалов, моих уговоров и просьб, она все-таки уехала в Париж. Что делать! Естественно, я дала ей денег, немало денег. Ну, чтобы она сняла там квартиру, как-то обосновалась, не бедствовала.

Она обосновалась. И — парадокс: постепенно как-то успокоилась характером, стала позванивать мне в Вену, разговаривать по-человечески, почти как любящая дочь. Рассказывала о своих успехах в живописи, о какой-то компании художников, о том, как ей теперь интересно жить. Я уж возрадовалась (ладно, пусть мы не вместе, но главное-то что? главное, дочь счастлива!), уж возрадовалась, как вдруг...

14-го июня 1940-го года немцы вошли в Париж. И оккупировали его. Франция пала. Под этой оккупацией возник режим Виши, марионетки Гитлера. Но возникло и Сопротивление. Это общеизвестно, не буду повторяться. Но для нас с моей Ольгой это было не просто так. Оказалось, она полюбила некоего бедного художника, и он стал членом Сопротивления. В 44-м она забеременела от него, своего Пьера, они даже успели обвенчаться. Я узнала об этом после. После того, как он погиб во время восстания в Париже в августе 44-го. Да, мой зять Пьер погиб, от немцев опять же, а моя дочь была беременна.

Еще через семь месяцев она родила. В марте 45-го. Я сразу приехала к ней, и тогда впервые увидела мою внучку. Ее назвали Мишель, так хотел отец девочки, покойный Пьер. Кстати, похоже, талантливый был художник, я видела его картины у Ольги дома, талантливый, но безвестный. Он погиб, но родилась Мишел. (Имя «Мишель» Вера упорно произносила без смягчения в конце, то есть без мягкого знака — Мишел.)

Значит, Мишел. Так началась чудесная глава моей жизни. Наконец, и вправду, чудесная.

Я предлагала Ольге перебраться ко мне в Вену, вместе с маленькой Мишел, но она упорно отказывалась, не хотела. Хотела жить самостоятельно. Ладно, насильно мил не будешь. Она упорно занималась своей живописью, а вот дочерью занималась меньше. Короче говоря, когда Мишел было уже три годика, я в очередной раз приехала в Париж и через месяц забрала ее к себе в Вену. Странно или нет, Ольга спокойно отдала мне дочку.

И я стала жить с внучкой. С внучкой, а как с дочкой. Мишел была и есть мне дочь, это верно. И вот с ней-то у меня всё получилось. Получилась, что я хотела, о чем мечтала. Она успешно окончила у меня Балетную школу, я поставила ей технику танца, научила играть на сцене, жить образом, ролью. Ее отмечали, пестовали, с нее сдували пылинки, любили, сразу дали ей

сольный дебют в «Жизели» у нас в Большом Венском балете. Это был не просто успех, а фурор. Вот тогда я поняла, что такое истинное счастье. Вы меня понимаете? Уверены? Нет, вряд ли понимаете, потому что, чтобы такое понять, надо самому пережить, самому!

Вскоре новое чудо. В Париже, в балете Гранд-опера, тогда был известный всей Европе танцовщик — Жан Лапорте, и кто-то ему сказал, что в Вене появилась молоденькая балерина, балерина-звезда — вот она-то и должна быть его партнершей. Надо на нее поглядеть.

Жан приехал в Вену, пришел ко мне (он знал меня заочно как известного педагога, а тут еще, оказывается, я воспитала новую звезду), и мы отправились на спектакль, как раз на «Жизель», с Мишел в заглавной партии. Что сказать? Жан был не просто покорен, он нашел свою звезду — не только будущую партнершу, а и свою судьбу. Потому то, переехав в Париж, Мишел вскоре стала его женой. И на афишах появилось новое имя — Мишель Лапорте.

Они долго танцевали вместе. объездили весь мир. И были счастливы. Собственно, почему были? Они и сейчас счастливы. Недавно закончили выступать на сцене — ох, как короток наш балетный век! Я-то долго тянула, а вот Мишел решила уйти рано, не желала, чтобы видели ее уже не столь ослепительной, как в ранней молодости; хотя поводом к ее уходу со сцены был все-таки факт беременности.

Да-да, два года назад, в 70-м, у меня родилась правнучка. Ее назвали в мою честь — Верой. Так появилась на свет новая Вера Каралли, хотя вообще-то она — Вера Лапорте. Француженка, она родилась в Бретани, где живут ее мама и папа, Мишел и ее муж Жан. Они там обосновались после того, как закончили выступать. Купили большой дом, почти замок, вот так, я им помогла финансово.

А новая Вера? Вера Лапорте тоже станет известной балериной. А как иначе! Сейчас ей, правда, всего два годика, но станет, станет. Этим я живу и с этим спокойно готовлюсь к уходу в иной мир...»

На этом закончился Верин рассказ о ее семействе, а фактически — о ней самой. Иксодову было не просто интересно, а как-то почти любовно-интересно, небезразлично. Такого в его профессиональной биографии еще не было. А это плохо, подумал он. Потому что нельзя, чтобы профессиональное касалось личного, это совсем разные стороны жизни. Так ведь и у врачей, говорят: нельзя умирать с каждым больным, надо это отрезать от себя, от души... Иксодов вспомнил знакомого врача-гинеколога, которому однажды он задал вопрос: как, придя с работы в клинику, после чреды женщин с их женской патологией, он может по ночам общаться с женой? Тот ответил: «Прекрасно могу. Тут включается душа, а там она умирает».

Так или иначе, но при всем при том профессионал Иксодов не мог не отметить: в Веринем рассказе регулярно повторялись фразы о ее материальном благополучии. Что она не нуждалась в эмиграции, да и потом, когда оказалась в Вене и навсегда осела там, тоже, мягко говоря, далеко не бедствовала. И потом еще: дочке помогала в Париже, а затем и внучке, даже виллу помогла ей купить где-то в Бретани... Откуда такие средства? Ну, была знаменитой балериной, но уже в венский период — всего лишь педагог. Ладно, профессор-педагог, но профессор — это же не Ротшильд?

Глава восьмая.

ОТ РАСПУТИНА ДО БРЕЖНЕВА

Иксодов многое узнал, однако — ничего не поделаешь! — природное любопытство к русской истории. А сейчас перед ним — женщина, прикоснувшаяся к той истории напрямую. Природное любопытство не было связано с конкретным заданием, но так уж вышло на сей раз, что тут многое переплеталось.

Поэтому деликатно, смущаясь, он спросил про Распутина. Дескать, знаю от отца (а тот от своего отца, генерала Баратова), что Вера Карали как-то участвовала в убийстве злодея в декабре 16-го года. Так генералу Баратову рассказывал в Персии великий князь Дмитрий, а потом, уже в эмиграции, генерал пересказывал эту историю своему сыну Михаилу. Поэтому если можно, если это не тяжело, то удовлетворите любопытство русского человека!

Вера ответила на удивление спокойно:

— Ах, вот вы о чем? Ну, конечно, у меня многие интересовались, в том числе журналисты... тогда интересовались и после, уже в эмиграции. Кого-то я водила за нос, но кое-кому говорила правду. Вам скажу правду. Потому что всё было сделано верно, хоть это и не принесло пользы России... Ладно, итак. Моя роль...

Она вскинула голову, как делала иногда, когда хотела сказать что-то такое, в чем была уверена.

— Неужели вы полагаете, Николай, что великий князь Дмитрий, при его-то благородстве и воспитанности, а главное, при его отношении ко мне, неужели при всём этом он мог предложить мне непосредственно участвовать в убийстве? Конечно, нет. Он же знал о риске и не мог позволить себе подставлять меня, рисковать мной... Что я сделала в соответствии с нашим планом? По срочному вызову Дмитрия приехала в Петроград из Москвы, где жила и танцевала в Большом, и написала письмо. Ему, Распутину. Что хочу его видеть, быть с ним один на один, давно мечтаю об этом, мечтаю о нем, и вот этим вечером, в полночь, буду ждать его во дворце князя Юсупова на Мойке...

Тут возникла долгая пауза. Вероятно, Вера внутренне увидела и Мойку, и дворец Юсупова, и зимнюю декабрьскую тьму, когда она выходила из извозчика. Наконец она продолжила:

— Он, сладострастник, приехал. Его провели в гостиную, я зашла туда через полчаса, там уже сидели за столом Дмитрий Павлович, Феликс Юсупов, Пуришкевич и кто-то еще. Я присела, шепнула ему, Распутину, что приду за ним попозже, когда все выпьют, насытятся, и ушла. И тут же уехала в гостиницу. А там так и не заснула в ту ночь, не могла... Вот и всё. заключаю: я уехала из дворца Юсупова, а остальное сделали мужчины. Моя роль свелась к тому, чтобы завлечь злодея в западню. И я сделала это. И не жалею до сих пор. Потому что, так сложилось, этим невольно спасла Дмитрия: его отправили в ссылку в Персию и потому через несколько месяцев, после февраля 17-го, он не был арестован в Петрограде со всей царской семьей, а затем не убит. Персия его спасла, потом спасла эмиграции. Непредсказуемые зигзаги судьбы! Убийство злодея — ссылка, наша разлука, — но спасение от революции и рук новых злодеев, большевиков.

Вера замолчала, и Иксодов заметил, что ее выбеленное, почти маскообразное лицо стало розоватым. Разволновалась старушка! И тут она, явно разволновавшаяся, добавила:

— А теперь, на пороге финала жизни, я обращаюсь к злодеям с просьбой. Каково!

— Какой просьбой? — изобразил непонимание Иксодов, и это у него хорошо получилось, и сердце даже не ёкнуло, хотя и пролетела молнией мысль: наконец-то!

Вера брезгливо усмехнулась:

— Старость — это грех. Потому что в старости становишься слабодушным, инвалидом души. Инвалид хочет быть похороненным в родной земле, там, где кости родителей. У меня это — село под Ярославлем на Волге. Вот там... Да-да, не удивляйтесь: еще в прошлом году через советское посольство в Вене я отправила письмо на имя Брежнева, с просьбой, чтобы мне вернули русское гражданство и позволили прожить остаток лет на родине.

— О Господи, Вера! — заиграл Иксодов, но вот тут-то его сердце действительно сжалось. Да, внешне он играл, а внутренне... внутренне оставался человеком, полюбившим эту женщину, полюбившим, как мать, или как бабуку, или как тётку, которая воспитывала его после смерти родителей, — в общем, полюбил, как родную. — Вера, дорогая, но обратно в Россию... вам не страшно?

— Страшно. Но такова Европа в XX веке: то Гитлер, то Ленин-Сталин или Брежнев. То войны, то восстания, то партизаны, то временный мир. Выбирать? Но надо и умирать. Я прожила

большую жизнь в сытой, спокойной Австрии, но хорошо помню странную страну Россию. Помню Москву, Петербург, Ярославль, я хочу дожить там и умереть там. Это мое слабодушие, инвалидность души.

— Ну, хорошо, ну, ладно... то есть, простите, я не знаю, что и сказать, потому что мне этого, наверно, до конца не понять: я хоть и русский, но, в отличие от вас, в России никогда не был, не жил там... А вы уверены, что этот... как его? Брежнев, да, что он соизволит вернуть вам гражданство? Что впустит вас на родину и даст возможность жить там? Он ничего за это не потребует, не попросит?

Она медленно развернулась к нему, глянула с удивлением. Хотя не с таким уж удивлением, да. Будто что-то уже знала или догадывалась. И Иксодов решился:

— Что попросит взамен? А черт его знает! Ну...ну, скажем... ну, например, привезти с собой ваш счет в банке, если, конечно у вас есть такой счет, и эту валюту отдать им, большевикам. Они жадные до валюты, как говорят и пишут у нас в Югославии, вот он и потребует. Хоть десять тысяч долларов, например. — И тут рассеялся: — Простите, дорогая, у вас есть такая сумма? Смешная сумма, но они и на такое позарятся!.. И кстати, он, Брежнев, вам ответил?

Вера оставалась на удивление спокойной:

— Пока нет. Когда я была в советском посольстве в прошлом году, меня принял сам посол, человек со странной фамилией Подцероб, я вручила ему мое письмо Брежневу, и он пообещал мне, что, когда будет решение, меня вызовут. Однако прошел уже почти год... Я звонила недавно, и оказалось, за это время сменился посол, теперь там какой-то господин Аристов...

— Товарищ Аристов, — мягко, с улыбкой, иронично поправил Иксодов.

— Да, господин товарищ Аристов. Но с ним я не говорила, какой-то его помощник сказал мне «ждите, сообщим», вот и всё на сегодня.

Это было верно, если про смену послов — про Подцероба, а теперь Аристова. Уж это-то Иксодову было хорошо известно. Но дело не в этом. Потому что вслед за тем Вера вдруг рассмеялась:

— Чего смеюсь? Это я про то, как вы сказали про десять тысяч долларов. Десять тысяч!.. — А потом, внезапно, ее лицо приняло совсем другое выражение — печальное. — Тут, конечно, не десять, но... Но это совсем другая история, совсем... Понимаете...

Она явно мялась, не зная, продолжать или нет, и тогда в Иксодове проснулся инстинкт хищника. Хищника в момент, когда добыче уже никуда не деться и с ней можно даже поиграть, растягивая наслаждение от неминуемой победы.

— Я вас не утомил своими расспросами? То про вашу семью, то про участие в деле Распутина, то про что-то еще. Может, сделаем перерыв, если подустали? Мне так приятно осознавать, что вы делитесь со мной! И так всё интересно! Ну что — перерыв и отложим продолжение на завтра? Или отдохнем, перекусим — и вот тогда? Тогда что-то расскажете еще? Про эти, так сказать, десять тысяч долларов. Я понимаю, так вы иронизируете, да?

Глава девятая.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ?

Дама действительно иронизировала. Но чтобы узнать подробности, пришлось ждать почти неделю. Дело в том, что на финале предыдущей встречи Вера внезапно сообщила, что завтра ложится в клинику. Что случилось? Да ничего страшного, плановое обследование. Так раз в год, добавила. Возраст, да. Эти мои лёгкие, вздохнула, мой пневмосклероз. Анализы, ЭКГ, рентген, еще какое-то хитрое просвечивание, какая-то томография — кажется, так... В общем, придется нам подождать. Звоните мне, звоните... И продиктовала номер своего домашнего телефона.

Вот тут-то, ожидая очередного свидания, Иксодов забеспокоился: старушке-то уже семьдесят три года, всё может случиться, и, как говорится, в любой момент! Дай бог ей сто лет, конечно, да и чувствуется она себя пока неплохо, но, но, но... Так ведь и уплывут наши бриллианты невесть куда, и задание окажется невыполненным. Это главное. Или главное — это то, что уйдет из жизни Вера Каралли, королева балета, легенда, Вера Каралли, просто милая пожилая женщина, которую, выполняя задание КГБ, Иксодов успел полюбить как мать? Что же главное?..

Через шесть дней, в воскресенье, (как раз настал октябрь, пошли дожди, заглодало), Иксодов позвонил ей. Никто не ответил. Позвонил в понедельник. То же. Наконец во вторник услышал ее голос: «Ja, h r mal, das ist Madame Vera».

Голосок у мадам Веры звучал тихо. Иксодов назвал, спросил, как самочувствие, как прошло обследование. Она, кажется, обрадовалась ему и, теперь уже бодро, сообщила, что пока всё неплохо, жить еще можно, хотя доктора настаивают, чтобы в самое ближайшее время поехать в Баден на среднегорье, дышать горным воздухом, пока тут у нас сырость и холодные ветра. Ну, посмотрим, посмотрим, а пока, да, можно увидаться. Только не на улице, где стало так неуютно, а дома. Приходите ко мне, пригласила, посидим, попьем чаю по-русски, даже, может быть, с рюмочкой портвейна...

Назавтра к вечеру он явился на Урсула-штрассе. Вера выглядела неплохо, даже, можно сказать, хорошо. Едет по-домашнему, но элегантно, под шерстяной блузкой — высокая водолазка, закрывающая горло. Да, покашливаю что-то, объяснила она, так что рюмочка портвейна с чаем не помешает. А вам, Николай? Виски желаете? У меня есть для гостей...

Перед тем как сесть за стол в гостиной, Иксодов опять прошелся взглядом на фотопортретах на стенах. А это кто, спросил, этот пижон при белой бабочке и в цилиндре? Оказалось, это Дягилев, снято в Париже. А эта красавица в белоснежном балетном платье? Это великая Анна Павлова в фокинском «Умирающем лебеде». А это?.. Ах, простите, это великая же Вера Каралли — ну, конечно-конечно!.. А эта прелесть? Ах, вот это кто!

Оказалось, эта прелесть в длинном полупрозрачном белом платье, снятая в профиль в позе «ласточки» (в гладко зачесанных волосах — белые бутоны неких цветков) — это Мишель Лапорте в роли Жизели. Да, хороша внучка у Веры Каралли! Воплощенная нежность. Памятник гармонии. Материализация мужской мечты о женщине-чуде... Теперь, после прошлой встречи с Верой и ее рассказа о своей знаменитой внучке-балерине, о ее успехах на сцене Гранд-Опера, Иксодов глядел на эту большую фотографию очень внимательно. Значит, вот она, Мишель.

— А вот это... Это... — начала Вера, снимая с полки увесистый альбом, — это еще одна Лапорте. Лапорте по имени Вера, дочка Мишел, моя правнучка. Ей еще два годика, но не могу не похвалиться, не показать, уж простите старуху!

Двухлетний ребенок в разных позах, с какими-то игрушками, с большой шкуростой собакой (живой собакой, а не игрушкой) и без нее, дома и на природе (зеленой лужайке возле виллы и на пустом морском пляже), опять дома, теперь на руках у родителей, еще и с бабушкой, а вот и с прабабушкой... Новая Вера — правда, не Карали, а Лапорте. Будущая балерина, как обещает эта Вера, которая Каралли... «Может, когда-то, гордясь, я буду рассказывать, что видел детские фотографии великой балерины, — подумал Иксодов, а затем сказал это вслух. Вера благодарно улыбнулась, захлопнула альбом и позвала к столу пить чай.

— Так вот, Николай, — заговорила там. — Я много размышляла над тем, что вы мне сказали в последний раз. Ну, эта ваша мысль о том, что большевики могут вдруг что-то потребовать от меня в обмен на согласие вернуть мне русское гражданство, то есть позволить мне жить и умереть на родине. Мне-то эта мысль не приходила в голову — должно быть, по природной моей наивности. И вдруг я поняла: это очень возможно, это на них похоже... Но вот тут... тут, понимаете, всё очень не просто. Тут для меня...

Иксодова прямо подмывало поторопить ее (что? ну, дальше, дальше!), но вспомнился завет товарища Сталина про терпение. И это сработало: Вера стала рассказывать.

— Начну издалека. Некоторое время назад у нас по телевидению транслировали из Англии какой-то торжественный прием в Букингемском дворце. Какое-то там было событие, не помню. И вот — выход королевы Елизаветы Второй, выход в королевском облачении. Шикарно, конечно. Но я не могла не обратить внимание на одну деталь. Это сразу бросилось мне в глаза, хоть и по телевизору. Но я же женщина, и хоть старая женщина, а всё вижу! Я увидела серьги. Серьги в ушах королевы.

Да, Николай, в ушках Ее величества были серьги, которые не спутаешь ни с какими другими. Тем более я не могла спутать. Это были серьги-жирандоли с аметистами и бриллиантами. Что такое жирандоли, знаете? Это серьги с дужками, то есть они не приколоты к мочкам, а крепятся, как очки, с помощью дужек за ушами. А такое устройство — еще один повод для разных украшений, всяких бриллиантовых веточек или чего-то еще... А эти — именно эти! — серьги-жирандоли, как мне когда-то рассказывал Дмитрий, были сделаны в XVIII веке и подарены русской императрице Екатерине Второй. И вот теперь они на английской королеве! Как это вышло?

А вышло следующим образом. Предыстория такова, и она... ну, все-таки нехорошая. Дмитрий как великий князь и двоюродный брат императора, каким-то образом имел доступ к Царской сокровищнице Романовых и... желая одарить меня, а может, и в пику сильно нелюбимой им императрице Александре Федоровне, которая на балах обожала украшать себя драгоценностями из Царской сокровищницы... в общем, Дмитрий вынес оттуда кое-что, причем не однажды. Я не хотела принимать такие подарки, тем более тайно вынесенные, мы долго препирались по этому поводу, но, в конце концов — каюсь — я сдалась. Наверное, женское начало взяло свое. Да, устоять было невозможно...

Если вкратце, у меня образовалась целое состояние. Например, вот такие драгоценности. Корсажное украшение из золота и серебра, с разными по форме и размеру бриллиантами. Далее — большой овальный голубой сапфир, окантованный двойным кольцом бриллиантов невероятной ценности. Далее — разные серьги: бриллиантовые серьги-твензы, которые тоже дужками крепятся за ушами, и те, о которых я уже сказала, — великолепные жирандоли с аметистами и бриллиантами. И еще, и еще... Скажем, еще несколько перстней с камнями. Еще пара золотых цепочек с кулонами, прекрасная диадема. В общем, не просто богатство, а целое состояние, королевское состояние!

А потом... Потом убийство Распутина, ссылка Дмитрия, отречение государя, смута. Дмитрий писал мне из Персии, что он очень беспокоится за судьбу своих подарков, а ведь это, не исключено, залог моего, нашего с ним будущего. Короче, каким-то женским нутром я почувствовала надвигающуюся опасность и договорилась, чтобы эти мои драгоценности вывезли из России. И успела: это случилось за пару месяцев до большевистского переворота в октябре. Мое состояние оказалось сначала во Франции, оттуда перекочевало в Австрию, а вскоре окончательно осело в Швейцарии, в «Национальный банке», который в Берне.

Потом... Потом эмиграция, потом моя встреча с Дмитрием в Париже, и вот тогда... Тогда, с моего согласия, конечно (хотя с моей стороны это было лишь пустой формальностью: разве эти драгоценности по праву принадлежат мне, разве они мои?), Дмитрий решил кое-что продать, чтобы мы ни в чем не нуждались — и сейчас, и в будущем. Драгоценности были в сейфе швейцарского банка, но при мне в Париже оставались кое-какие «мелочи» из числа его подношений: перстни, цепочки (несколько из них мне уже пришлось заложить в парижском ломбарде), а тут Дмитрий решил продать крупную вещь. Крупную по ценности, вы понимаете, конечно.

Это — те самые серьги-жирандоли. Дмитрий вышел на известного в Европе покупателя-коллекционера, некоего английского банкира. Короче, тайная сделка состоялась, это было, кажется, в 1920-м году, серьги из Швейцарии были переправлены в Лондон — банкир получил свое, а мы получили миллионы. Несколько миллионов фунтов. И думаю, тот банкир не прогадал, заплатив нам эти миллионы. Потому что потом перепродал эти серьги-жирандоли, это украшение царицы Екатерины, перепродал королевскому двору Англии. Там-то знатоки,

то есть королевские ювелиры, сразу поняли, откуда, из какой сокровищницы эти серьги и сколько они стоят. Ну, и купили у того коллекционера. Наверно, лучшего подарка будущей королеве Елизавете Второй трудно было придумать.

А у нас появились живые деньги, много денег, мы их положили в «Банк де Франс» под хорошие проценты, но тут... тут близился закат наших отношений с Дмитрием. И в конце концов, мы расстались. Я напомнила ему о драгоценностях — что они не мои, они принадлежат ему, великому князю. А он — нет. Не взял ничего, хотя имел доступ к нашему сейфу в швейцарском банке. Ничего не взял, всё оставил мне. И навсегда: отправил туда, в тот банк, заверенное нотариусом оповещение, что отказывается от хранящихся там изделий в мою пользу, в пользу Веры Каралли.

Так Вера Каралли стала... кем я стала? Миллионершей? Помимо живых денег на текущем счету, еще и обладательницей царских сокровищ? Ну да, всё верно. Только всё это тайно. Как и наша любовь с Дмитрием была тайной, неофициальной связью. Любовники, мы так и не обвенчались.

А дальше?.. Дальше у меня родилась Ольга, в 28-м мы переехали в Вену, и мои миллионы пришлось очень кстати: я купила эту квартиру, жила не широко, но ни в чем не нуждалась, ни в чем себе и дочке не отказывала, ездила с ней, в том числе занималась лечением ее сколиоза, мы просто путешествовали. Путешествовали и, кстати, не раз были в Лондоне, где в будущем всплывут те самые серьги... Потом я купила Ольге квартирку в Париже, потом, после восстания в 44-м и гибели ее возлюбленного, родилась моя внучка Мишел, потом... потом уже я тратила только на Мишел, потому что моя личная жизнь завершилась. И я сделала ее, мою Мишел, воспитала как прекрасную балерину и обеспечила ей будущее — и балетное, и ее семейную жизнь. Помогла им с мужем, с Жаном Лапорте, помогла им купить виллу в Бретани, вы видели эти фото, где они уже с маленькой Верой, моей правнучкой. Ей, новой Вере, тоже хватит моих средств, ее будущее обеспечено.

Да, теперь главное... Э, дорогой Николай, виски еще желаете? Вы не стесняйтесь, наливайте себе еще. А, и мне полрюмочки портвейна, спасибо... Жаль, у меня нет русской водки! По такой-то погоде за окном, наверно, именно водку положено пить мужчинам, так?..

Ладно, так о чем я? А, о самом главном. О завещании. Точнее, о распоряжении, о моем распоряжении тому самому банку в Швейцарии, это раз, и моему адвокату здесь, в Вене, это два. Когда мне стукнуло восемьдесят лет, я это сделала, то есть, наконец, распорядилась. Да, восемьдесят — это уже немало, пора и честь знать!..

И что? Понимаете, так у меня сложилось с моей дочерью Ольгой, так сложилось, что... Короче говоря, я распорядилась, что мои средства и, главное, те самые сокровища, которые в Швейцарии, что после моей смерти они переходят в собственность моей внучки Мишел и ее дочери Веры, моей правнучки. Именно им — Мишел и Верочке.

Но я еще жива, и пока это моё. А тут вы говорите мне... верней, предполагаете, что большевики могут потребовать выкуп за позволение мне вернуться в Россию. Неужели они и на такое способны? Впрочем, способны, мне кажется. Они — что тот же Распутин: дьявольский ум, дьявольская хитрость, параноидная упёртость и тупая жадность. А почему так? Потому что никакой духовности. И это теперешняя Россия, о боже! Так зачем я стремлюсь туда? Да нет, понятно зачем и понятно почему. Но стоит ли? Ностальгия, да, однако, и разум должен быть.

Вот над этим мне надо поломать голову, подумать. Хорошо, что вы, друг мой, меня озадачили. Подумаю. Ну, хоть некоторое время у меня есть. Всё равно пока нет ответа от господина товарища Брежнева. Вот я и подумаю — и насчет моей просьбы о возвращении в Россию, и, если все-таки да, если так, то и насчет моих швейцарских драгоценностей. Если, конечно, о них все-таки встанет речь.

Теперь Иксодов знал всё. Про исчезнувшие драгоценности из Царской сокровищницы. Про то, что они действительно были похищены оттуда (скажем мягче, забраны) великим князем Дмитрием и преподнесены любовнице — Вере Каррали; про то, о каких конкретно реликвиях идет речь; про то, что они были переправлены из России в Европу за месяц или за два до революции и уже давно хранятся в Швейцарии, причем известно, где конкретно, в каком банке; про то, что там есть именной сейф Веры Каралли; про то, что пока Вера Каралли жива, реликвии принадлежат ей, а после ее смерти ими будут владеть внучка Веры Каралли Мишель Лапорте и ее дочь Вера Лапорте, правнучка Веры Каралли, сегодня двухлетняя.

Всё это теперь знал полковник Иксодов. Он прибыл в Вену, чтобы выполнить задание. Задание было следующим: узнать про реликвии из Царской сокровищницы и склонить их владелицу привезти их с собой в СССР как знак благодарности за положительное решение в ответ на просьбу о возвращении на родину с получением советского гражданства.

Задание было почти выполнено. Почти. Оставалось последнее: как-то сделать так, чтобы Вера приняла верное Иксодову (а с ним руководству, а шире — стране) решение.

Вера колеблется. Раздумывает. Взвешивает за и против. Причем опять раздумывает над принципиальным для себя вопросом: возвращаться ли ей в Россию? А уж если да, то на каких условиях... Как она сказала перед прощаньем в тот вечер? «Вот над этим мне стоит подумать. Хорошо, что вы, друг мой, меня озадачили».

Но и это оказалось не всё, как выяснилось при прощании. Оказалось, что как раз вчера звонил профессор из клиники, где Вера обследовалась, и все-таки настоял, чтобы она поехала хоть на пару недель в среднегорье, в тот самый Баден. Она согласилась, дала слово. И поедет туда завтра или послезавтра. А там, в Бадене, пока ей будут поправлять здоровье, а она будет дышать чистым горным воздухом, там она и примет окончательное решение. Вы как, спросила, дождетесь меня, не уедете в свой Белград?

Иксодов ответил, что тут нет проблемы: он договорился с совладельцами своей фирмы, что у него большой отпуск, месяц или два, к тому же он регулярно звонит в Белград, справляется, как идут дела. А тут, в Вене, ему очень нравится, и, пока Вера будет в Бадене, он воспользуется этим и, пожалуй, съездит в Зальцбург, на родину Моцарта. А то еще и в тирольский Инсбрук — поглядеть на настоящие Альпы... Прекрасно, сказала Вера, отдыхайте на здоровье, и до встречи через пару недель, звоните мне.

На том и расстались.

Теперь Иксодов обдумывал, как сделать так, чтобы Вера приняла нужное решение. Какое — ясно... Однако через некоторое время его мысли утекли в сторону. Ну да, ведь он — амбидекстр, вот и включилось на всю катушку правое полушарие (это так он посмеивался над собой в подобные моменты). Правое полушарие вскрикнуло: одинокая Вера!

Это ее одиночество теперь поразило Иксодова. Потому что, вдруг понял он, Вера одинока уже полвека. Ей-богу: пятьдесят лет, даже чуть больше. С тех пор, как в ее жизни навсегда не стало Дмитрия, и она осталась одна как женщина. Точно, с 1921-го года. Одна как женщина. А эта женщина, она без любви — ноль. И так потом всю жизнь, пятьдесят лет...

Но так — в душе и по ночам. А ведь еще была сцена, были успех, аплодисменты, цветы, крики «браво» и прочее. Потом, после ухода со сцены, было преподавание, жизнь с дочкой и (особенно счастливо) с внучкой, с Мишель, пока она, внучка, тоже не уехала в Париж, навсегда уехала. Да, так: всё это было. Но уехала Мишель, и Вера сделалась полной сиротой — и духовно, и в житейском смысле. Это — последние десять лет. Ее окружило уже полное, крошечное одиночество. Она одна, никого рядом. Старушка-пензионерка. Лишь два раза в неделю она еще приходит в свою Балетную школу, что-то подсказывать девочкам, помогать им. И всё. Дома лишь служанка фрау Эльза, тоже два раза в неделю... А, да-да, еще раз в неделю, по пятницам, Салон: десяток гостей, полусветские разговоры... И это всё.

Она одна. Слава богу, пока есть здоровье, можно ходить в Пратер, прогуливаться там часами. В полном одиночестве. Идет себе старушка по аллеям... Потом — домой. И там опять

одна. Никого. Тишина. Мертвая тишина в еле освещенной квартире на Урсула-шттрассе, где бродит тенью тень некогда великой балерины Веры Каралли...

Как написали бы в романе XIX века, у Иксодова сжалось сердце. И верно: сжалось, когда он увидел эти картины на экране своего внутреннего кино. Сжалось... Что же за безжалостное кино ты показываешь мне, правое полушарие? Ну-ка, брысь!

Это Иксодов умел — вовремя переключаться. Каким-то образом срабатывал инстинкт самосохранения — и вот опять царство левого полушария, рационального, прагматичного. Анализ, анализ, логика...

Поэтому так. Задание почти выполнено. Почти. Осталось последнее: как-то сделать так, чтобы Вера приняла верное решение. Какое — ясно... Наверное, понял, пора подключать Сахаровского. Чтобы он дал команду из Москвы нашему послу в Вене, этому Аристову, чтобы тот (или его помощник) позвонил из Вены в Баден (технически это не проблема) и как-то намекнул, что Леонид Ильич Брежнев готов удовлетворить ее прошение, но в надежде... но с условием... (нет, про условие — это слишком), ну, скажем так, в надежде, что Вера Каралли в знак благодарности преподнесет что-то своей стране, а уж мы не останемся в долгу, мы предоставим ей хорошую квартиру в тихом районе Москвы, а то, может быть, и дачу в Подмоскowie, или, например, пригласим выступить в Москве, в Большом театре, ее знаменитую внучку Мишель Лапорте, да-да, в Большом театре, где она никогда не танцевала... Ой, опомнился Иксодов, ведь Мишел уже оставила сцену и на пенсии как балерина... Ну, пусть Сахаровский придумает что-то еще, он большой мастак на неожиданные, нетривиальные выдумки, он такой психолог-аналитик, он придумает...

Глава десятая.

ПРОВАЛ

Увы, увы! Всё это оказалось зазря.

Прошла неделя, как Вера уехала, и вот — звонок из советского посольства: срочно к послу! Там Аристов рассказал Иксодову следующее.

Сегодня утром его помощник позвонил в Баден, в администрацию санатория, куда уехала Вера Каралли, — хотел связать ее по телефону с послом, с Аристовым, но там с прискорбием сообщили, что вчера около полудни у госпожи Каралли внезапно развился приступ дыхательной недостаточности, потом — приступ мерцательной аритмии, затем — остановка сердца, и вскоре, несмотря на реанимационные мероприятия, она скончалась. Сегодня тело доставят в Вену. Всё.

Это был провал. Полный провал. Обидный. Обидный тем более, что вроде бы всё складывалось. Да не вроде, а точно! Была проделана большая работа, Иксодов сдружился с Дамой, терпеливо подвел ее к готовности, а когда настал критический момент, Сахаровский в Москве придумал приемлемое для всех решение и дал команду в Вену, в наше посольство... В общем, еще бы чуть-чуть, еще бы, ну, скажем, месяц-два, и царские сокровища, о которых речь, вслед за получившей советское гражданство госпожой Каралли, оказались бы в Москве. Да не просто в Москве, а, говоря формально, у советского государства.

А вышло — фиг с маслом, полный облом. Провал. Невыполненное задание. Никто не вспомнил, что Даме восемьдесят три года. Нет, не то что не вспомнил, а как-то не брал в голову, что возраст слишком серьезный. Что у Дамы хроническая легочная недостаточность. Что она и так загостилась на нашей земле. Что... А плюс к тому еще тянули, тянули, время шло — пока КГБ рассматривал прошение старой эмигрантки и копался в ее досье, пока помощник генсека Брежнева товарищ Цуканов докладывал шефу об этом прошении и интересных деталях биографии просительницы, пока Сахаровский с Иксодовым разрабатывали легенду, пока,

пока, пока... Так прошел год. И Дама стало восемьдесят три... Короче, фиг с маслом, полный облом, провал. Невыполненное задание...

На финале Аристов сказал Иксодову, что Сахаровский уже поставлен в известность и из Москвы дана команда возвращаться домой. Всё...

Поразмыслив, Иксодов кивнул на телефонный аппарат: «Я позвоню?» И набрал номер Веры Каралли.

Возник женский голос. Да-да, это квартира госпожи Каралли. Плохо владеющий немецким Иксодов поинтересовался, говорит ли фрау по-английски. Та ответила: «Yes, i think so», что значит, немного. Перейдя на английский, Иксодов спросил, с кем имеет честь разговаривать и в курсе ли фрау, что случилось. Та сказала — к печали, да, в курсе, а у телефона сейчас соседка по дому, старая знакомая госпожи. Фрау Эльза? — уточнил Иксодов и, получив подтверждение, добавил, что они виделись — он приходил как-то, и тогда фрау как раз убиралась в квартире, что-то готовила для гостей. А, да-да, вроде вспомнила та.

Потом Иксодов спросил, в курсе ли фрау Эльза, что дальше. Оказалось, в курсе. Сегодня из Бадена тело доставят сразу в морг для проведения вскрытия, после чего перевезут на Опернринг в зал Государственной оперы для прощанья, которое намечено на завтра с десяти утра, вход свободный. В два часа дня — отпевание в православном храме, после чего похороны на русском участке кладбища Святого Марка, что на Лебер-штрассе. А здесь... сегодня к вечеру прилетают из Франции дочка госпожи Веры и внучка с мужем... да, Ольга и Мишель с Жаном. Поэтому, закончила, завтра с десяти утра в большом зале здания Оперы.

Перед тем как покинуть посольство, Иксодов заказал себе железнодорожный билет. На послезавтра, на поезд «Вена — Москва». Хотелось отлежаться на полке, насмотреться на пролетающие за вагонным окном виды, посидеть в вагоне-ресторане, причесать мысли, успокоиться.

У него не было желания присутствовать на прощании в театре, видеть толпы народа, гроб в море цветов, слушать речи знаменитостей. Это как-то чересчур все-таки, хотя и понятно, заслуженно, достойно и прочее-прочее. Поэтому появился на Опернринг к полудню и дождался окончания торжественно-печальной процедуры возле здания Оперы. Пока ждал, неожиданно замерз, поскольку прилично похолодало. Ну да, скоро ноябрь...

Наконец, потянулись люди, вывезли гроб на легком катафалке и переправили его в длинный автомобиль с высоким верхом. Тут Иксодов услышал шепот в толпе: «Нуриев!» Поглядел в ту сторону и, кажется, признал в высоком стройном мужчине в темном пальто великого танцовника (видел его фото в КГБ, видел, а как же). Да, действительно Рудольф Нуриев. Прилетел проститься с легендой. Молодец!.. Хотя к слову «молодец» Иксодов добавил про себя «гад!» Получилось «молодец, гад!» А почему так? Как всякий профессиональный разведчик-кагэбэшник он недолюбливал невозвращенцев. Нет, не презирал их, не называл предателями родины, а относил этих невозвращенцев к перебежчикам. Таких недолюбливали. Это как-то не по-мужски, считал Иксодов. Не желаешь жить с нами, так честно подай прошение на выезд — и мотай! А так, втихаря, дождаться поездки в капстрану и остаться там? Нет, не по-мужски... Хотя, иногда думал он, каждый имеет право выбирать. И имеем ли мы право судить?.. Так думал, размышлял — и не находил единственного ответа...

А тем временем народ расселся по машинам и в ожидавшие тут же автобусы. Вскоре тронулись в храм на отпевание. Иксодов же взял такси и назвал адрес: Jauresgasse, 2. Какой-то странный переулок — переулок некоего Яуреса, что ли?

Когда подъехал туда, осмотрелся. Красивое высокое здание с пятью золотыми куполами. Не готика, истинно русское... Потом, уже пройдя за ограду храма, увидел какого-то монаху в черной сутане и попросил посвятить в детали — что за храм? Тот рассказал: это — кафедральный собор святителя Николая Чудотворца, он принадлежит Венской епархии Русской православной церкви. И еще: храм построен в конце XIX века как посольский, то есть как

храм при российском императорском посольстве. Однако небезынтересная деталь: значительную часть расходов на строительство составили пожертвования императора Александра III. Это порадовало Иксодова: сей государь был родным дядей великого князя Дмитрия, человека, которого всю жизнь любила Вера Каралли и от которого родила дочь Ольгу, а та — Мишель, а та — Веру. Так что всё правильно.

А вот и они, родные покойной. Ну, точнее, не все они, потому что сейчас тут нет правнучки Веры Каралли, двухлетней Веры. Ее оставили дома, это ясно... А вот ее отец — муж знаменитой Мишель, знаменитый в недавнем прошлом танцовщик Жан Лепорте, вот он. Красивый высокий мужчина лет сорока, прекрасно сложенный и прекрасно одетый, как-то истинно по-французски. Сама же Мишель, как и ее покойная бабка, среднего для женщины роста, хрупкая, легкая, с гордой осанкой балерины. Вот только ее лица не разглядишь под черной вуалью. И так же не разглядишь лица более крупной и высокой Ольги, которая тоже вся в черном, с таким же платком на голове, тоже под вуалью... Что ж, потомков великой Веры Каралли и великого князя Дмитрия Иксодов увидел. Как увидел в последний раз лицо самой Веры, теперь в гробу. Это зрелище — Вера в гробу — осталось с ним на всю жизнь...

Отпевание было долгим. Священник читал Евангелие, потом свидетельствовал о прощении всех грехов покойной, потом что-то еще. Но из всего этого Иксодов хорошо запомнил вот что. Это — слова священника о том, что все собравшиеся сейчас вокруг тела присутствуют на проводах души покойной по одному из двух путей — по пути или блаженства, или наказания, и по тому именно пути, который был избран человеком, пока он еще был жив.

Атеист Иксодов знал, по какому пути проследует душа Веры Каралли. Она раздвоится и проследует по обоим путям — по пути блаженства и пути наказания...

Потом, после отпевания, было кладбище Святого Марка. И Иксодова примирило с мрачным бытием то, что, как оказалось, здесь же, хотя и не на русском участке, могила Моцарта. Но здесь же, в этой земле.

Назавтра он уехал из Вены. Роль внука генерала Баратова отыграна. Образ испарился, будто его и не было. Хотя нет, не так: образ был, а теперь остался знак в судьбе. Знак, а то и рубец.

Часть 3.

Между мирами

Глава первая, и здесь единственная.

Венский провал никак не сказался на Иксодове — ни на его карьере, ни на отношении к нему руководства КГБ. Там посчитали случившееся досадной неудачей, не более. Да, так сказать, несчастный случай, от которого никто не застрахован. Обидно, но так, никто не виноват.

Вернувшись в Москву, Иксодов, как положено, написал подробный отчет Сахаровскому, тот, в свою очередь, на основании этого отчета составил докладную записку Андропову, а Председатель КГБ затем написал докладную записку на имя Генерального секретаря ЦК. И вскоре помощник последнего Георгий Цуканов, в числе других сведений, доложил Брежневу об исходе злополучного дела. Тот пожал плечами (дескать, ясно, понял) и заторопил: «Ну, что там у нас еще?»

Жизнь продолжалась — дела, дела, дела. А вообще тот период своей жизни — начиная с января 1973-го и по конец 1991-го, то есть почти двадцать лет, — Иксодов определял так: период между мирами. Некий странный промежуток в его биографии. Почему так?

Профессиональный разведчик, оперативник, он, как грубовато-шутливо говорили в «конторе», сел на задницу. Иначе говоря, его перевели в центральный аппарат КГБ на кабинетную работу. Формально это было служебным повышением. Теперь он не мотался по заданиям за рубежами родины, а сам разрабатывал хитроумные операции и готовил сотрудников для их выполнения. Оказавшись в шкуре Сахаровского, одним из его помощников, Иксодов понял две вещи: 1) «сидеть на заднице» — это более сложно, чем самому выполнять задания, поскольку теперь от него требовалась более глубокая аналитика, а к тому же на нем теперь была и куда большая ответственность; 2) все-таки это не его дело, потому что, как становилось всё более понятным, его дело — решать непосредственные задачи на местах. На местах были сложные задачи, порой не без риска для жизни, иногда на грани возможностей и в разных условиях — как гражданских, иногда даже светских, так и в полевых. Но, но, но... Есть решение руководства: он должен «сесть на задницу». Что ж, может быть, посчитали, что пора — сорокалетие он справил, годы покатались дальше.

Катившиеся дальше годы были отмечены в его деятельности многими событиями.

Что касается, например, любимой Иксодовым Центральной и Южной Америки, то начнем с Чили, где до того он тайно работал (об этом мы уже упоминали).

В сентябре 73-го генерал Пиночет совершил переворот, и президент Альенде был убит (хотя в дальнейшем, по результатам независимой экспертизы его останков, было сделано заключение, что во время штурма резиденции Альенде покончил жизнь самоубийством, застрелившись из автомата Калашникова). Трагедия? Да, но тем не менее, результаты работы сотрудников КГБ в Чили (в том числе полковника Иксодова) были признаны руководством КГБ как удачные.

Почему удачные? Первое. Разведка успешно справилась с поставленными задачами и своевременно информировала политическое руководство СССР о разворачивании событий вокруг Чили. Второе. Разведка получила точные сведения о готовящемся там с помощью США военном перевороте. Третье. Несмотря на предупреждения советской стороны о заговоре военных, президент Альенде наивно верил, что армия останется в рамках закона, конституции и не пойдет на свержение законно избранного президента. И наконец, четвертое, главное: да, военный переворот, Пиночет, хунта, однако и на этот раз прогноз внешней разведки оказался точным — он вовремя позволил СССР избежать крупных расходов по оказанию экономической помощи Чили, иначе всё полетело бы в тартарары (точнее, в руки Пиночету).

Это — Чили, а далее — Никарагуа.

Там в 1979 году после многолетней ожесточенной гражданской войны победили сандинисты, которые свергли власть Самосы (понятно, кровавого диктатора). В вооруженную борьбу и победу сандинистов наш СССР многое вкладывал — советниками, вооружением, деятельностью внешней разведки (КГБ и ГРУ). Конкретно перед разведкой КГБ стояла задача выявить истинные планы США по отношению к революционной Никарагуа. И вот, на основе агентурной работы, разведка доложила руководству КГБ свое мнение: США не пойдут на открытую интервенцию в Никарагуа, равно как и на использование наемников ЦРУ для дестабилизации обстановки. Так и вышло. То есть тут, по Никарагуа, опять удача.

Теперь Панама.

Еще в 1970 году генерал Торрихос, пришедший там к власти в результате переворота, поставил вопрос о возвращении суверенитета над Панамским каналом и о ликвидации здесь американских военных баз. Началось многолетнее политическое «бодание» между США и Панамой. Перед внешней разведкой КГБ встала задача по выяснению позиций США в Панаме. И каковы их конкретные планы в отношении своих военных баз в этой стране. Сложность состояла в том, что у СССР и Панамы не было дипломатических отношений, поэтому секретная

информация в Центр шла через третьи страны, например, через Кубу. Результат: был налажен непосредственный контакт советской разведки с генералом Торрихосом, а в 1977 году США и Панама, наконец, достигли соглашения о постепенной передаче канала из юрисдикции США правительству Панамы. Это не омрачило даже то, что позднее, в 1981 году, Торрихос погиб в авиакатастрофе при подозрительных обстоятельствах.

И наконец — теперь уже одно из европейских дел, к которым был причастен Иксодов в период его работы в центральном аппарате КГБ. Это Великобритания.

Там в 1971-м году один из сотрудников нашей лондонской резидентуры выдал всех своих, в результате чего из Англии были высланы 105 советских дипломатов и разведчиков. Жуткий удар, от которого разведка так и не смогла до конца оправиться. Однако успехи в работе по Англии все-таки имелись (и к этому тоже приложил руку полковник Иксодов): был завербован шифровальщик штаб-квартиры правительственной связи Великобритании, которая, в том числе, занималась перехватом и дешифровкой иностранных сообщений. Позднее, в 1982-м, завербованного шифровальщика выявила британская контрразведка и арестовала его. Но до ареста он успел передать советской резидентуре сведения о личном составе и базах прослушивания правительственной связи Великобритании, данные о работе по расшифровке советских шифров и, главное, материалы по разведывательным спутникам США. Это был огромный успех, Иксодов получил личную благодарность Председателя КГБ.

Что, достаточно? Пожалуй. Хотя в тот период, который означен как «между мирами», дел было выше крыши.

Однако, мимо отмеченного, случилось еще кое-что существенное, и это «кое-что» Иксодов квалифицировал для себя (и про себя, конечно), как против его шерсти.

В 1972 году Сахаровского на посту начальника внешней разведки сменил новый начальник Первого главного управления КГБ. Им стал генерал-лейтенант Мортин.

Дело не в Мортине, дело в Сахаровском. Нелегкий человек, но с ним у Иксодова сложились странные отношения. Не дружеские и даже не приятельские, а как между строгим профессором и талантливым студентом: каждый в этой паре знал цену другому, первый строго требовал от второго, но тайно уважал его и не давал в обиду. Иксодов же тайно любил начальника (в том числе как первого учителя по профессии, когда-то открывшего чекиста в молоденьком курсанте с периферии и перетаскившего его в Москву), поэтому, скажем мягко, не оказался рад отстранению Сахаровского от руководства Управлением.

А дальше пуще. Еще через два года, в 1974-м, начальником внешней разведки был назначен Крючков. Тут уж Иксодов стал подумывать об уходе — если не на пенсию по выслуге лет, то с генеральской должности, которую занимал (хотя формально всё еще оставался полковником).

Вскоре еще одно: в 75-м году ушел в отставку Сахаровский. Ему было 66 лет, еще не старик. Но ушел, причем окончательно. И тут же сдало здоровье: инсульт, госпиталь, долгое лечение. От последствий инсульта он так и не оправился и скончался в 1983-м году. Успел до новых времен, до перестройки, хотя и последние годы при Брежнев, да и последовавших за ним старцах-генсеках, были не легкими... Иксодов поехал на его похороны. Был мерзкий ноябрьский день, по Новодевичьему кладбищу разгуливал ветер...

Вот после этого, после тех похорон на Новодевичьем, Иксодов прикинул: он уж двадцать семь лет в «органах», а значит, осталось три года до его тридцатника, когда со спокойной совестью можно уходить. И даже есть полное моральное право уйти по выслуге лет, а там, глядишь, и 60 лет брякнет, в 1992-м. Тогда он будет уже законным пенсионером.

Так и вышло. В 91-м году, еще за несколько месяцев до развала СССР, но после августовского путча (во главе с тем же Крючковым, если по сути) Иксодов подал в отставку. Его

отпустили, хотя и намекнули, что если он останется еще на несколько лет, то ему, наконец, дадут генерал-майора. А генеральская пенсия — это совсем другое дело... Иксодов не остался. Так завершился его период «между мирами».

Часть 4.

Лондон-1992 и на лифте с Фирсом

Глава первая.

ОПЯТЬ ПРЕАМБУЛА

Если помните, на лифте с Фирсом — это образ амбидекстра Иксодова. Этот образ означает занывивание в иное время. А Фирс, если помните опять же, это всеми забытый старик из чеховского «Вишневого сада», одинокий старик, который теперь (по Иксодову) нашел себя, нашел себе место работы. Он работает лифтером. Сядешь к нему лифт и окажешься на ином этаже времени.

Вот мы и отправляемся в незадолго до того момента, как Иксодов прилетел в Лондон. В Лондон... А с чего это он, теперь пенсионер, оказался там? Надо бы пояснить.

Начало осени 92-го года. Как-то вечером, когда, уже переехав с дачи, пенсионер Иксодов жил в своей московской квартире, он случайно увидел. Причем увидел не мысленно, а реально.

Если бы мысленно, то тут всё понятно. Потому что это — любимая дача на берегу реки Островня у села Покровское, что недалеко от подмосковного Голицына. Там, на Островне, размещался уютный дачный поселок КГБ, и там, на своей любимой даче, проводил всё лето, а иногда и осень, полковник в отставке Иксодов.

Так вот увидел Иксодов вполне реальное. В московской квартире. Как-то вечером, следуя из кухни в комнату, увидел он по телевизору кадры какого-то балета. И услышал закадровый голос дикторши, рассказывавший о том, что нынче в нашем Большом театре гастролирует Королевский балет Бельгии. Тут же на экране возникла симпатичная мордашка молодой балерины. Поводя худеньким голыми плечиками и явно смущаясь, юное создание стало говорить на смешном русском языке, с сильным акцентом и грассируя, как прекрасна Москва и как она, балерина, счастлива, наконец, танцевать на прославленной сцене русского Большого театра. Одновременно с этим внизу экрана возник короткий титр, и Иксодов успел прочесть имя и фамилию говорившей, ну и кто она по сути. Вера Лапорте, прима-балерина Королевского балета Бельгии — вот что там значилось.

Как был со стаканом в руке, так он и опустился на диван. Стакан был пустым, и Иксодов машинально поставил его под себя на пол. И продолжал тупо смотреть на экран телевизора, хотя там уже рассказывали про погоду на завтра.

За несколько минут он что-то пережил. Да нет, не что-то, а многое. И это было сильно. Как в убыстренном кино мелькали в его мозгу картины воспоминаний, фразы, видения. Последним видением было такое: Вера Каралли в гробу во время отпевания в венском православном храме. Ну да, это — отпевание в Вене — и вправду, осталось с ним на всю жизнь... Двадцать лет прошло, да, ровно двадцать...

А странно, подумал Иксодов, когда пришел в себя. Странно, давно обо всем этом не думал, не вспоминал. Как гинеколог, усмехнулся, который, придя с работы, отрезает от себя дневных женщин с их патологией и ночью прекрасно общается с женой.

Вера Каралли, великий князь Дмитрий, Распутин, генерал Баратов... Царские сокровища... Ольга Каралли, ее муж-художник, погибший при освобождении Парижа в 44-м, потом их дочь Мишель Лапорте... теперь вот она, Вера Лапорте. Выросла, тоже стала балериной. Тоже знаменитой, как ее мать Мишель и как ее прабабка Вера Каралли. Прима-балерина... Что же со мной? — усмехнулся опять... Царские сокровища... Вена, 72-й, двадцать лет назад... Вера Лапорте, прима-балерина...

Он сел к телефону и набрал 09, справочную. Узнал, как позвонить в Большой театр. Но там оказалось глухо занято... Подумал-подумал и вдруг хмыкнул: «Есть еще одна справочная! Там знают всё и про всех». Полез в записную книжку и нашел нужный номер телефона. Домашний. Домашний, потому что сейчас уже вечер.

Это был номер телефона человека по прозвищу Недобиток.

Тут надо пояснить, кто он такой.

Недобиток был сыном Недобитка, генерала КГБ Сергея Трубецкого, которому, рассказывали, Берия не раз орал в лицо: «С каким наслаждением лично я лично тебе, князю-недобитку, пушу пулю промеж глаз!» Однако бог миловал: Берия растеряли, а генерала Сергея Трубецкого — нет. В 60-х он вышел в отставку, а его сын Павел, пойдя по стопам отца, стал гэбэшником и теперь дослужился на Лубянке до полковника.

Естественно, в аппарате этого Павла за глаза тоже называли Недобитком, по наследству от Берии, который, сука, дал прозвище его папаше. Имели ли они, отец и сын, какое-то отношение в князьям, не известно, но Пашка (сын генерала и хороший приятель Иксодова, почти ровесник, коллега по службе) загадочно говорил, что декабрист Сергей Петрович Трубецкой был прапрадедом его отца-генерала. Скорее всего, это враки, хотя вообще-то у того декабриста были дети, родившиеся уже в Сибири, то есть после неудавшегося восстания на Сенатской площади. Так что черт знает, князь или не князь наш Пашка Трубецкой...

Сам же он, Пашка-Недобиток, обладал уникальными способностями и всегда был в чекистской элите. Он отличался феноменальной памятью и помнил всё про всех и обо всех, причем даже через многие годы и десятилетия. Про все дела, которые он вел, про операции, которые разрабатывал, географические названия, фамилии агентов, контрагентов, их жертв и прочее-прочее. Если что-то нужно было узнать о делах, которых по службе когда-то касался Пашка, шли не в архив КГБ, а к нему, Недобитку.

Помимо этого, он был полиглотом, знал кучу европейских языков, а также основные семитские языки и фарси. Это определило направления его деятельности. Как правило, не вылезая из центрального аппарата (то есть «сидя на заднице»), он разрабатывал операции по сектору арабско-израильского конфликта (в том числе, руководил вербовкой даже в «Моссаде», чтобы люди, работающие на СССР, были с обеих сторон конфликта) и по афганскому сектору. И много в том преуспел: в декабре 1979 года разрабатывал операцию «Штурм-333» по свержению лидера Афганистана Хафизуллы Амина, а затем, уже в ходе советско-афганской войны, через наших разведчиков наладил контакт с одиозным врагом, одним из лидеров духов — Ахматом Шахом Масудом, поэтому убийство последнего враждующим кланом афганцев оказалось очень некстати.

Короче говоря, Пашка-Недобиток слыл в аппарате сильным сотрудником. К тому же (редкость!) он никому не завидовал, не лез из кожи вон по карьерной лестнице, отличался неконфликтным характером, даже некоторым пофигизмом.

Вот ему Иксодов и позвонил. Напросился на частный визит в «контору». Тот хохотнул: «Ты что, вернуться хочешь, в консультанты заделаться? Зря, старик, у нас нынче мрак, надо переждать, пересидеть. Потом они очухаются, призовут нас. Это непременно!.. Так что у тебя? Чем обязан?»

Информацией, ответил Иксодов. Сугубо частной. По старой дружбе. Есть молодая дама, иностранка, балерина, солистка балета в бельгийском Брюсселе, а он, Иксодов, ее большой

поклонник. Не сегодня-завтра она возвращается из Москвы к себе на родину, поэтому просьба: выяснить, какие у нее планы на ближайшее время — где выступления, где она намерена быть, ну и так далее.

Недобиток коротко спросил: «Фамилия, имя?» И далее уже записывал услышанное: «Лапорте, Вера, танцует в Королевском балете Брюсселя, но по национальности, кажется, француженка, возраст — лет двадцать».

Потом они говорили о делах. О том, как теперь живет-служит в бывшем КГБ, а теперь в МБ (Министерстве безопасности, в которое недавним указом Ельцина превратилась «контора»), как живет при новом шефе — министре Баранникове. Кажется, он не чекист, а из ментов?.. Потом говорили о жизни вообще. Через полчаса Недобиток пообещал, что завтра Иксодов получит нужную ему информацию. Нет, приезжать сюда специально не обязательно, если нет особой охоты, — ему позвонят домой в течение дня.

На том и расстались, а Иксодов похвалил себя за то, что двадцать лет назад, когда писал Сахаровскому подробный отчет о провальной командировке в Вену, ни разу не упомянул имя и фамилию правнучки Веры Каралли, и даже вообще не написал, что существует такая правнучка. Ну да, ей тогда было всего два года — чего ж о ней писать? Написал, что, по его сведениям, наследниками принадлежащих Вере Каралли реликвий из Императорской сокровищницы являются ее дочь Ольга Каралли и внучка Мишель. И всё. Даже фамилия Мишель не указал. Поэтому слово «Лапорте» вообще там, в отчете, не было означено... И вышло это (сокрытие факта существования правнучки, а также фамилии Лапорте) вовсе не намеренно, не специально, без задней мысли, а просто тогда так показалось логичным, правильным: отчет — ведь не литература, не вольный текст, а формальное, строгое представление фактов и на финале — выводы.

Так что и хвалить себя не за что. Просто удача. Удача, что в архиве внешней разведки КГБ, где покоится отчет Иксодова о том самом деле, нет наводок на то, почему это ему сегодня вдруг понадобилось ворошить прошлое — дело Дамы. Если кто и захочет выяснить, почему он озадачил Недобитку такой просьбой (а в КГБ... то есть, пардон, в МБ возможно всё, если о проверке сотрудников, даже бывших), то сделают вывод, что полковник в отставке Иксодов, наверно, впал в маразм — влюбился в молоденькую балерину-иностранку и решил использовать старые гэбэшные связи для получения нужной ему, сладострастнику, информации.

Иксодов успокоился (хотя особо и не беспокоился на сей счет) и назавтра узнал следующее. Не далее, как завтра, рейсом в 14-20, госпожа Вера Лапорте вместе с труппой вылетает из Шереметьева в Брюссель, далее у нее два спектакля (17-го и 20-го сентября) в Королевском театре Брюсселя «Ла-Монне де Мюнт», далее (а именно на 23 сентября) у нее заказан билет в Лондон и обратный билет оттуда, на 29 сентября, рейсом на Вену, а оттуда, еще через день, она возвращается поездом в Брюссель. Таковы ее планы на сентябрь месяц. Достаточно или надо узнавать что-то еще?

Иксодов поблагодарил неизвестного ему сотрудника МБ, затем посчитал нужным позвонить Недобитку и выразить признательность за помощь старому приятелю. Дождавшись позднего вечера, позвонил и выразил. Потом снова попросил: не поспособствует ли теперь полковник МБ Павел Трубецкой полковнику КГБ в отставке Сергею Иксодову срочно получить в посольстве Великобритании туристическую визу в данную страну? Да, срочно, на пару недель. Подсоби старому другу, так сказать!.. Недобиток хохотнул (Иксодов даже представил, как тот вальяжно развалился в кресле): «В данном случае не как старому другу, а как старому козлу!»

Иксодов принял шутку, и, уже положив телефонную трубку, подумал: «А вот и нет, это не про меня! Не про меня в натуре! После смерти Наташки двадцать лет назад (а мне тогда было лишь около сорока) я ни разу не влюбился, никогда не жил в доме с другой женщиной, хотя были бабы, были, но на уровне физиологии, удовлетворения понятного инстинкта, не более. Да, были бабы, приводил на пару часов или на ночь, особенно когда остался дома один, без сына».

И стал вспоминать: «А когда я остался один? Ну да, когда началась эта самая горбачевская перестройка и открылись границы. Кис тогда отслужил в армии, стал сильным, независимым, мы начали с ним не то что конфликтовать, а как-то не всегда находить взаимопонимание, дуться друг на друга, и, в конце концов, я отправил его учиться за границу, в какой-то технологический вуз в Эдинбурге.

А Кис, засранец, через пару лет, как вдруг выяснилось, бросил учебу, перебрался из Шотландии на континент, в Европу, осел в Бельгии и там вздумал учиться на фотохудожника. Ну да, к фотографии его всегда тянуло, к фотографии и путешествиям, шлянью-мотанью по городам и весям, горам и морям. Вольная душа!.. Короче, он что-то окончил в Брюсселе, прибил к некой фотофирме, стал выполнять заказы — сначала какие-то рекламные фото, затем по жанру фотопейзажей — и, наконец, открыл маленькое собственное дело на пару с приятелем-фотохудожником. Что-то они сняли (как написал Кис, пару комнат на первом этаже в каком-то большом доме), накупили специальное хитрое фотооборудование — и дело пошло помаленьку, то есть пошло по принципу «то густо, то пусто», однако, как нахально было заявлено в том письме, все будет о'кей... Ну да, еще один пофигист! Но пофигист-оптимист, вот что неплохо. Даже точнее сказать, перфекционист».

На этом (на том, что он, Иксодов, не козел, и на мыслях о сыне) и закончился тот вечер.

А ночью вдруг явились странные мысли.

Сначала про юную балерину Веру Каралли, потом про себя.

Про Веру — это так.

Да, он хочет увидеть ее. Ему просто любопытно — не столько она, сколько про царские драгоценности. Но и она, Вера Лапорте. Потому что где они, сокровища? У нее ли, юной Веры, или у ее матери, у Мишель. Ну, ясно, что они в банковском сейфе, но чьи они? И вообще, не были ли проданы, подарены или выставлены на каком-то аукционе, каком-то Сотбисе? То есть всё ли на месте, то есть в семье? Но, если так, у кого конкретно? Сохранена ли память о Вере Каралли, верность ее распоряжению — кому после нее должны принадлежать сокровища?

И это — всё, никакого личного интереса для Иксодова. Тут уже его, именно его память о Даме, о Вере Каралли, старушке, которую он полюбил сыновней любовью. Ему надо знать, что всё в порядке, сокровища на месте, у ее потомков. И если так, то это хорошо. Хорошо еще и потому, что те драгоценности уплыли от него, Иксодова в ходе того задания, И то, что уплыли, это большая удача, как тогда скорее чувствовал, чем понимал он. Ведь сокровища остались у тех (или у той), у кого надо, а не у товарища Брежнева с его дочерью, не попали в Гохран или еще куда-то.

Поэтому он летит в Лондон. Куда летит и балерина Вера Лапорте. Кстати, интересно, зачем она летит туда — ведь спектаклей в Лондоне у нее нет, а график у балерин, у европейский прим, жесткий?

Ладно, на месте разберемся, улыбнулся во тьме Иксодов. И мысли потекли дальше.

Он думал о том, что стал сентиментальным. А ведь таким жестким товарищем был, истинным чекистом. Когда надо, даже жестоким, убивал. Не мучил, но убивал... И что, хмыкнул, вон фашисты тоже были такими — жестокими и одновременно сентиментальными. Это — известное сочетание, казалось бы, несовместимого. Но те, убивая, нередко мучили, а он, чекист Иксодов, никогда не мучил. Он делал дело, выполнял задания. Там не было врагов, а были противники, у которых — свои задания, свои цели. Таковы правила игры на этой земле, где у всех человек такая психология: есть наши интересы, есть не наши, а общих нет! Поэтому надо блюсти наши интересы, а блюдущих чужие интересы или вербовать, или переигрывать, или уничтожать. Это правила игры.

Иксодов играл по этим правилам, и кто его осудит? Кто осудит, если это — всеобщие правила, всечеловеческие? Это — история, в том числе история спецслужб, а без них не

обходилось еще ни одно государство. Отмените государства, и отменятся спецслужбы. Но тогда, в том числе, придется отменить историю человечества.

Глава вторая.

В РИТЦ-ОТЕЛЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

Они еще сидели в ресторане на первом этаже, и Иксов с удовольствием наблюдал за молодыми — как они с обожанием посматривают друг на друга и, посматривая, о чем-то спорят, пикируются. Ясно, еще не отыграли период острой влюбленности. Но уже видно, им интересно друг с другом. Тут не только радость уже сложившегося телесного общения, тут еще и духовное узнавание, которое может перерасти в родство. А такое родство и есть любовь.

Но это — они, а у него? Знал бы он еще пару часов назад, как всё получится, выстроится. Здесь, в «Ритце», а до того в Хитроу. Что он встретит не только молодую Веру (что и было целью его прилета из Москвы), а еще и своего Киса, которого не видел почти десять лет. И не просто неожиданно увидит его, а в сочетании «Кис плюс Вера». Потому что, как выяснилось, он — ее молодой человек, или, как нынче модно говорить, бойфренд. Хотя какой он бойфренд! Ее любимый — вот кто он. И это похоже на правду.

Снедаемый любопытством Иксов летел узнать про царские сокровища, а узнал про новую любовь. Любовь, персонажи которой — его сын и правнучка той, из-за которой закрутилась вся эта история. История, начавшаяся с Распутина и великого князя Дмитрия, с царских драгоценностей и великой русской балерины, звезды немого кино Веры Каралли. И вдруг — сын Кис. Он-то тут при чем? А при том, что история сделала виток и схлопнулась. Оказалось, Кис — любимый мужчина правнучки Веры Каралли. Правнучки той самой старушки Веры, в которую по-сыновьи влюбился чекист Иксов, прибывший к ней в Вену, чтобы уговорить ее отдать принадлежащие ей царские драгоценности. Или, выражаясь дипломатично и деликатно, просто передать их в дар советскому государству. А вот про то, что это — в обмен на получение советского гражданства, про это можно не упоминать. Та «венская операция» сорвалась, а теперь — теперь «Кис плюс Вера».

Да, теперь Кис и молодая Вера, правнучка... Было, от чего обалдеть в аэропорту Хитроу, когда Иксов внезапно увидел их. Так случайно сложилось, что они прилетели сюда почти одновременно — он из Москвы, они из Брюсселя. Потом (но это было уже не странно) оказались в одном отеле, в «Ритце», а оказались именно в «Ритце» потому, что Иксов предвидел подобное — Верино желание остановиться именно здесь. Потом... потом Иксов увидел сына в казино. И началось!

Вот это история! Что теперь?

Теперь они сидят за столиком в ресторане. Уже несколько часов. Наговорились, рассмотрели друг на друга. Вот только про царские драгоценности Иксов не всё выяснил. Была, правда, обмолвка Веры про некие семейные реликвии. Как это она сказала? «Семейные реликвии. От прабабушки. Вы понимаете?»

Он понял. Значит, они у нее. В банковском сейфе в Швейцарии или дома? В основном, в банке, конечно, но что-то и при ней. Так? Ну, так или не так, но главное тут то, что наследство прабабушки в принципе цело, оно у Веры. Впрочем, неплохо было бы как-то выяснить это подробней.

Но и у Веры были свои вопросы. Вдруг спросила:

— Месье Серж... пардон, просто Серж! А любопытно мне все-таки: откуда вы знаете про прабабушку и про меня? Ну, что мы — в родстве и так далее, а?

Кис поддержал:

— Да, пап, откуда? По твоей работе, что ль?

Иксодов махнул рукой на сына (дескать, брысь!), в Вере сказал ласково:

— Мадмуазель, девочка, давай так. Всеу свое время. Даю тебе честное слово, что если нас еще сведет судьба, то я тебе всё расскажу. А сведет или нет, зависит от... от вас, мои дорогие. — И он улыбнулся им, молодым. — Хорошо? — И перевел разговор на другую тему: — Ты что совсем не пьешь, плясунья?

— Я вообще не пью, — объяснила Вера. — Так, пригубливаю, чтобы почувствовать вкус, но даже не глотаю.

— А грозилась, что сегодня будешь пить.

— Пошутила.

— И ладно... — Но тут он что-то вспомнил. — Скажи, дорогая. Я прекрасно помню, что в Вене в квартире твой прабабушки, в гостиной на стенах висела целая коллекция больших фотографий — портретов и сцен их спектаклей. Кого там только не было! В основном, из мира балета, конечно. Сама Вера Карали в разных ролях, другие балерины, Анна Павлова, например. А еще, помню, там был портрет Дягилева. Такой пижон в цилиндре!.. Где теперь всё это? Сохранилось?

Вера кивнула:

— Конечно. Это у моих родителей, на их вилле в Бретани, в нашем доме. Ну, где я родилась... Мама перевезла эти фотографии из Вены после смерти прабабушки. Как и вообще весь ее архив. — Но тут задумалась и вдруг сделала удивленное лицо: — А вы и про это знаете, про фотографии? Ну, дела!

— Да уж, дела! — Иксодов усмехнулся, хотел что-то сказать, но встрял Кис:

— Кстати, о фотографиях. Это моя епархия. Я добавлю туда кое-что — туда, в эту, так сказать, историческую коллекцию. Обязательно сделаю большую, в рост, фотографию Веры Лапорте а какой-нибудь роли. Тебе в какой роли хочется, моя дорогая?

Вера ответила сразу и уверенно:

— В роли Жизели. Ну, когда я исполню свою мечту и станцую ее, Жизель. Вот так, Алекс-Кис!.. А сейчас... сейчас я чуть-чуть устала. Вы меня извините, если я покину вас и поднимусь к себе в номер?

Кис засуетился, тут же встал из-за стола:

— Я с тобой. Конечно, устала — перелет и прочее... Пошли, пошли! Папа, ты нас извинишь?.. А, да, вот деньги за наш ужин. Ну, я плачу, я! Я же сегодня столько выиграл!

Иксодов тоже поднялся:

— Ладно, пошли, я тоже. Посидели — и хватит. Хотя хорошо посидели... А ты, сын, плати, это правильно, слово надо держать...

Глава третья.

ГРОХОЧА НА СТРЕЛКАХ

Мчится поезд по рельсам. Мчится, приближаясь к полустанку, мчится по подъездным путям, грохочет на стрелках, на стыках. Куда он мчится? А в бесконечное далеко, хотя, говорят, она, эта бесконечность, вообще-то закольцована. И что? Тем конкретным господам, кто в поезде, им это, как нынче говорит молодежь, по барабану. Они слышат свой барабан — как грохочет поезд на стрелках.

Утром в номер Иксодова неожиданно позвонила Вера. Неожиданно потому, что вчера вечером они договорились встретиться за завтраком в ресторане, часов в десять.

— Доброе утро, Серж! Не разбудила?.. Вот узнала у портье, в каком вы номере и ваш телефон... Э, вот что, вот что... Мне нужно увидеться с вами, но один на один, без Алекса. На полчаса, не более. Разговор есть.

— Хорошо, я почти готов, только оденусь. Где, когда и как? — Он почувствовал: что-то будет! Ну да, ведь не просто так она звонит с утра, что-то серьезное!

— Алекс сейчас в ванной, а куда мне его девать потом или после завтрака — ну, на эти полчаса?

Иксодов с ходу сообразил:

— Давай так. Как он выйдет из ванной, пошли его за билетами в Музей любви. Это на той же площади, что и наш отель, на Пикадилли. Пусть купит нам три билета, а еще все сегодняшние лондонские газеты для меня — ну, «Таймс», «Daily Mail» и так далее. Но главное — «Financial Times», поняла? Скажи, это мое ему задание — я звонил и попросил, мне это нужно для дела.

Вера проговорила:

— Хорошо, попробую, скажу. А потом, когда он уйдет, поднимусь к вам. Так?

— Вот именно...

Он оделся, порадовался тому, что Вера позвонила вовремя (как раз успел побриться и умыться) и подошел к широкому окну. Там, в центре Пикадилли, хорошо виднелась статуя. Ну да, вспомнилось, это — Ангел христианского милосердия. Хотя лондонцы называют его Эросом... Ладно, пусть так. Привет, Эрос!

Минут через двадцать раздался короткий, негромкий стук в дверь. Вера...

Иксодов усадил ее в глубокое кресло, сам сел в такое же напротив и взгляделся в девушку. Девушка чудесно выглядит. В темно-синем брючном костюме, приобретенном, наверное, в каком-то модном дорогом магазине. Да, элегантно. На ней вообще хорошо смотрится дорогая одежда: среднего роста молодая женщина с длинноватыми ногами, стройная, худоватая, но явно с сильным, тренированным телом. Это он заметил еще вчера, когда были в ресторане. А вот личико у этой девушки сейчас, не в пример вчерашнему вечеру, довольно озабоченное.

— Да, у меня проблемы, — начала она, немного смутившись под его изучающим взглядом. — Простите, что я так: с проблемами — и сразу к вам, с которым лишь вчера познакомилась. Но...

Он перебил ее, причем нарочито грубовато:

— Слушай, кончай, мы же свои люди! Да, лишь вчера познакомились, однако успели стать близкими, разве не так? Так. Я знал твою прабабку, ты знаешь моего сына. А плюс к тому, лично ты лично мне очень понравилась. Как дочка, я имею в виду. И Кису ты нравишься тоже, но уже не как дочка. Так?

Вера покивала и опустила голову. Потом сказала тихо:

— Да, Алекс... ну, Кис, как вы это зовете. Вот в нем-то и дело.

Возникла пауза, и Иксодов понял, что сейчас не надо руководствоваться советом товарища Сталина про терпенье, а быть напористым. Но и деликатным, не иначе.

— Вера, ты пришла ко мне. У тебя проблемы, и это как-то связано с Кисом. А я его отец. Но и ты мне совсем небезразлична. Поэтому ты пришла к тому, к кому надо. Я слушаю тебя, говори, говори.

Она охватила себя руками, будто ей стало зябко:

— Всё просто. Банально-просто. — И горько усмехнулась. — Я беременна.

Иксодов этого не ожидал. Но тут же почувствовал радость. Еще какую-то осторожную радость. И спросил:

— От Киса? Прости.

Она вскинула голову, почти обиделась по-детски:

— А от кого же еще! Я... только он, с самого моего начала. Только он, люблю.

— Прости, дорогая! Конечно, я понимаю. Конечно, только он... Но если ты любишь, и если он любит, как я догадываюсь, то такая проблема?

И тут он услышал и понял, что есть проблема. У нее есть.

— Я балерина, понимаете, балерина в труппе, большой труппе, известной, гастролирующей, у меня долгосрочный контракт, всё расписано на годы вперед, это моя карьера, моя жизнь, мое будущее, и я не могу, не имею права выпасть на год из этого, за это время придет какая-то другая, станет прямой, вытеснит меня... это бывало, бывает, в балете это бывает, в балете жизнь коротка, до тридцати уж как минимум, до тридцати надо работать, работать, танцевать, не выпадая из ритма, из контрактов, договоров... понимаете? Поэтому...

— Понимаю. И что поэтому? — Он почти догадался, к чему она клонит, но смолчал. А Вера заговорила, но теперь уже о другой стороне ее проблемы:

— Алекс... Он хочет ребенка. Он какой-то несовременный, честное слово. И это мне нравится, но... Он прямо как из прошлого века. Только любовь, и всё... Как мы стали близки, стал говорить о ребенке, о том, что... Ну, давай обвенчаемся, ты родишь мне, ну и так далее. Мечтатель, романтик! Его карьера еще не устроена, а уже о ребенке... Нет, для меня это не проблема, я-то обеспечена и нас обеспечу, но он-то?.. Романтик. Нет, это мне нравится, да, нравится, что он такой, но... Я тоже его очень полюбила, но... Короче говоря, я решила, что пока... ну, вот хотя бы до тридцати, пока я должна танцевать, не прерываться, у меня большой контракт. А уж потом... В общем, я уже договорилась про аборт. Печально, очень печально, да... Алекс ничего не знает — ни про беременность, ни о моем решении про аборт, я боюсь ему говорить, он очень расстроится. Поэтому... поэтому и пришла к вам. Вы вдруг объявились вчера — и это как чудо, это еще так удачно! Поэтому и прошу: объясните ему, что иначе я не могу, что мы родим попозже, к моим тридцати, а пока просто будем вместе, как все делают... ну, не муж и жена, а просто встречающиеся друг с другом парень и девушка. Ну, он мой бойфренд, я его герлфренд, и всё. Но любим друг друга, это конечно. И я обещаю...

Вера запнулась, наконец смолкла, нервно махнула рукой. Ее личико покраснелось, по нему, пока она горячо говорила, пробежали тени то печали, то раздражения, а теперь она сидела с влажными глазами. Ей было неловко вывертывать душу, это понятно, но она должна была ее вывернуть, чтобы обратиться к Иксодову с просьбой — чтобы он ее тоже как-то понял и поговорил с сыном. Он — отец Киса, он должен понять ее, балерину Королевского театра Брюсселя, приму-балерину театра «Ла-Монне де Мюнт».

А отец Киса... Он протянул руку, мягко притронулся к ее плечу, затем встал, молча подошел к окну. Глянул на Ангела милосердия, то есть на Эроса. Вот так-то, дурак Эрос, усмехнулся про себя, вот так!

Потом вернулся, сел в свое кресло.

— Теперь послушай, что я тебе расскажу, — начал негромко, доверительно. — Про твою прабабушку, про великую Веру Каралли. Значит, так... Когда ей было восемнадцать лет, и она еще не была великой, а после училища только начала танцевать в императорском Большом театре в Москве, ее увидел и отметил для себя один, тогда уже великий, тенор. Его фамилия была Собинов, если тебе это что-то говорит. Баловень судьбы, он в нее влюбился. Да нет, даже полюбил, а она — его. В общем, они стали близки. И вскоре она забеременела. И — те же проблемы, те же, что и у тебя, понимаешь? Тогда шел, кажется, 1907-й год... Короче говоря, узнав про беременность, Собинов всполошился и тайно увез Веру в Италию, чтобы там ей сделали аборт. И ей его сделали. Потом они вернулись в Москву, Вера танцевала, всё хорошо. Но нет, не всё. Там, в Италии, врачи сказали ей, что теперь, после аборта, у нее, скорее всего, не будет детей, никогда не будет.

— Как это? — вскинулась Вера — та Вера, которая сейчас сидела напротив.

— Спокойно, слушай дальше, не перебивай! — И Иксодов продолжил: — Значит, диагноз: у Веры Каралли никогда не будет детей... Поначалу она испытала шок, но молодость взяла свое, и... дальше всё шло, как было прежде: успех, аплодисменты, прекрасные партии, прекрасные роли в театре и в кино... Что потом? Потом Собинов оставил ее, его любовь кончилась. А Вера? Переживала, конечно. А через годы ее познакомили на каком-то светском вечере с великим князем Дмитрием, двоюродным братом императора Николая Второго. И уже

вскоре между ними вспыхнула любовь, любовь невероятной силы. Они хотели обвенчаться, но... Короче, всякие события — Первая мировая, Распутин, революция, эмиграция... Наверно, кое-что ты знаешь по вашим семейным преданиям, однако известно ли тебе, что Вера Каралли долго не могла забеременеть? Да-да, после того злосчастливого аборта. Но все-таки это случилось. Случилось чудом, да, чудом, однако лишь в 1920-м году, когда ей было уже чуть за тридцать? Вот именно тогда, в 21-м, появилась на свет Ольга, твоя будущая бабушка. Появилась тогда и так. Это было чудом, истинным чудом, потому что никто — ни сама Вера, ни врачи, к которым она обращалась во Франции, уже в эмиграции, — никто не верил, что это возможно. Вера была счастлива... Да-да, уже много потом, через десятилетия, в Вене, за несколько месяцев до смерти, она говорила мне, что если бы она не родила ребенка, и именно от Дмитрия, которого любила безмерно, то ее жизнь, несмотря на всяческие успехи в балете и кино, была бы бессмысленной, пустой...

Тут, как бы в скобках нашего повествования, надо сказать, что тогда в Вене, уже в 1972-м, Вера Каралли говорила Иксодову не совсем так, не столь выпендренно. Поэтому сейчас он сгустил краски, хотя по смыслу, по сути, сгустил не слишком. И это дало ожидаемый им эффект. Он это понял по выражению лица молодой Веры, Веры Лапорте. Поэтому сказал:

— Ты вот что... Ты сейчас ничего мне не говори, ты подумай спокойно. Подумай над тем, что услышала от меня про свою прабабку. Это стоит того, чтобы подумать. И принять верное решение, да.

Вера медленно покивала, потом все-таки спросила:

— А вы сами как думаете? Про меня. Мне — сейчас или потом? Чего хотели бы именно вы?

— Я? — Он развел руками и рассмеялся. — Ну, я-то — это просто! Просто как дважды два. Тут мой эгоизм: я хочу стать дедом. Но желательно таким дедом, чтобы женой моего сына была именно ты, и мой внук родился от тебя. А про когда — про сейчас или потом? Потом может и не быть, вообще не быть. Сечешь?

— Что это за слово? Не знаю такого по-русски?

— Это жаргон. Значит — понимаешь, соображаешь?

— О, да-да, я сечешь, о-ля-ля!

— Способная девочка!.. Но если сечешь, то тогда... тогда для этого первым делом надо обвенчаться, Кису и тебе. Поэтому один маленький вопрос: ты морально готова? Ну, не прямо сейчас, не в Лондоне, а в принципе? То есть когда после Лондона вернешься в Брюссель?

— А так?.. В Брюссель... — начала она, но затем ее глаза остановились, и вообще, будто у нее наступил некий ступор. Иксодов охватил ее за плечи и тихонько встряхнул:

— Э, мадмуазель, вы в порядке?

Вера очнулась:

— Я? О да, je dans un dispositif... я в норме. — И вдруг: — Значит, я стану мамой? Совсем скоро? Мамой?

— Именно. И прекрасной мамой! — Он рассмеялся, но вдруг сбросил улыбку и заговорил серьезно: — Теперь вот что, Вера. Слушай внимательно... Ближе к концу жизни твоя прабабка очень хотела вернуться в Россию, чтобы умереть именно там. Там, где похоронены ее родители, а это где-то под Ярославлем на Волге, в каком-то там селе. Я не знаю, как оно называется, но она, Вера Каралли, в разговоре со мной в Вене упомянула однажды, что у нее есть какая-то тетрадошка... ну, типа дневника, и там записано название того села под Ярославлем. Так вот, ты узнай это у мамы, у Мишель. Ведь бумаги, фотографии и прочие вещи Веры Каралли после ее смерти забрала себе твоя мама, как ты мне говорила, и, значит, они у вас в Бретани, на вашей вилле. Так дай маме команду найти тот дневничок и выяснить, как называется то село. Или сама посмотри, когда будешь там, дома. Хотя лучше попроси маму — например, по телефону... Это я всё к чему? К тому, что когда вы с Кисом обвенчаетесь и потом приедете ко мне в Москву... ну, ко мне в гости и на родину твоего мужа, то мы все вместе должны съез-

дить туда, в Ярославль — на то кладбище, где хотела быть похороненной Вера Каралли. Где лежат ее родители. А они — твои предки, между прочим... Запомнила, село под Ярославлем!

Вера кивнула и продублировала:

— Под Ярославлем... А этот город, этот Ярославль, он где?

— Относительно недалеко от Москвы. Километров 250-300. На поезде часа три с половиной. А сам Ярославль — красивый город на Волге, я там бывал в юности. Очень красиво: широкая Волга, леса на другом берегу, в городе — церкви, театр, который, кстати, первый в России, речной вокзал, знаменитая пожарная каланча начала века. Что-то патриархальное, купеческое, истинно русское. Ну, приедешь в Россию — сама увидишь. Когда мы поедем туда, на кладбище, где хотела упокоиться твоя прабабка. Хотела, да не успела чуть-чуть...

В ресторане, куда спустились вскоре, они уже заказали завтрак, когда появился Кис с большим пакетом в руке.

— Веруня, привет! Папа, доброе утро, а это — твои утренние газеты, как ты просил.

— Благодарю. — Иксодов принял пакет и уложил его себе на колени. — А билеты в музей?

Кис похлопал по карману пиджака, потом спросил с ухмылкой:

— А чего это тебе особо понадобилась «Financial Times»? Бизнес открываешь за рубежом, что ли?

— Я — патриот родины, я — никогда! Мне просто интересно, какие нынче процентные ставки по вкладам. Ну, скажем, в Швейцарии, в ихнем «Национальном банке», который в Берне.

Вера вскинула голову. И, показалось Иксодову, в ее глазах мелькнула какая-то хитроватая искорка. Потом она откровенно улыбнулась:

— О, Серж, готова удовлетворить ваше любопытство. В Берне у мамы и у меня кое-что лежит. Если вы о валюте, а она там в швейцарских франках, то под не слишком высокий процент — около 4%. Что делать, за безусловную надежность приходится платить таким, не слишком большим процентом. Зато стопроцентная гарантия. Мы об этом знаем еще со времени прабабушки Веры, когда ни Мировая война, ни прочее. Как и надежность банковских сейфов. В ячейке нашего сейфа тоже кое-что лежит. Но об этом — ни слова, понимаете? И ты, Алекс, понимаешь? — И развернулась уже к нему, Кису: — Я у тебя, моего будущего мужа... ну, если ты еще не передумал, я у тебя не просто не бедная невеста, а невеста с таким преданным, с таким... — Она хотела что-то добавить, но спохватилась: — Всё, молчу! Я бесприданница! Ты с бесприданницей не передумал венчаться?

— Как это я передумал? — гордо откликнулся Кис. — Гусары умеют держать слово. Правда, пап?

ЭПИЛОГ

В тот год, в самом начале октября, забывчивый Господь Бог вспомнил, что у него на одном из далеких островов уже давно бытует художник Исаак Левитан. Вспомнил и послал к нему фельдъегеря.

Художник Левитан действительно проживал на острове в морском части департамента «Рай», а фельдъегерь, посланный к нему, когда-то, в земную его бытность, был страшным пиратом и, одновременно с этим, тайным подданным английской короны, конкретно состоял на службе у короля Карла II. Звали его Генри Морганом. За ту самую его двойственность Господь определил хитроумного Генри Моргану в фельдъегеря, чтобы он, бывший пират, не

знал порта приписки и вечно плавал туда-сюда, доставляя всяким островитянам письменные депеши с наставлениями от Господа.

Ну ладно, это не главное, потому что суть в том, о чем же вспомнил Господь? Он вспомнил, что теперь самое время наслать на Землю золотую осень. А тут и художник Левитан где-то относительно рядом, на острове в департаменте «Рай». Короче, в пределах досягаемости. Вот и озадачим его поручением, отправим к нему фельдъегеря Генри, этого двурушника, человека с двойным дном... А что же в том поручении, которое он передаст? А что пора, пора художнику в краткосрочную командировку на Землю, пора наделать там шороху под названием «Золотая осень». А мы, то есть я, Господь Бог, я пока займусь погодой...

И художник Левитан наделал шороху!

Изукрасил притихшее небо молочно-голубым, чистым, но как бы притихшим, изукрасил не злым, добрым пожаром еще целые листья на деревьях и травы в лугах, а реку отзеркалил так, что небо смотрелось в него, не переставая, а белые каравеллы облак не могли нарадоваться на свои паруса. Да что там облака — а птицы? Птицы почти охрипли от пенья и вернее «до» уже не брали, а некоторые их них стали бунтовать против вожаков — дескать, не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна! Дурьи головы, отвечали вожаки, золотая осень — это обманка. Как и бабье лето — это обманка, вы что, еще не поняли? Золото и бабы — это то, на что всегда все покупаются, поэтому пора нам делать ноги, то есть крылья, надо отваливать отсюда — и на юг, пора, пора!..

Но кто ж из людей понимает птичий язык! Говорят, был один такой, его звали Соломон, и, говорят, был он царем у иудеев. Если так, тогда понятно: у иудеев всё по-своему — проще говоря, кверху одним местом.

Ладно. Так или не так, но золотая осень в том году удалась на славу. Поэтому что сказать? Только одно: слава Богу.

Возвратившийся из Лондона в Москву Иксодов вскоре вернулся и на свою любимую дачу. Она никуда не делась, так и стояла, притихшая, у села Покровское на берегу реки Островня, что неподалеку от подмосковного Голицына. Короче, вернулся на свою дачу в уютном дачном поселке КГБ. А как иначе — ведь такая золотая осень вдруг!..

Он любил жить тут — и потому, что тихо, и потому, что один. Привычка. Привычка, рожденная потребностью. Чекисту Иксодову, когда он возвращался из спецкомандировок откуда-то из Южной или Центральной Америки, нужен был покой. И одиночество. Оно его лечило. А лечить было от чего, это чистая правда. Поэтому в положенный ему после всяческих «спец» отпуск он не ездил ни на какие юга, ни в закрытые от простых граждан санатории, а лечился на своей даче. Лечился одиночеством. После смерти жены Наташки он сроднился со своим одиночеством и уже не представлял, как может быть иначе. Ну, для него иначе.

Вот и сейчас, когда вернулся из Лондона, и вдруг грянула золотая осень...

Днями он делал два дела — с утра рыбачил на Островне с заливом, а днем латал крышу в сарае на участке. И то, и другое — на воздухе, и это хорошо.

Просыпался он по привычке рано, в седьмом часу, пил крепкий чай с сухарями (полевая привычка!) и после готовился к рыбалке. Наполнял чаем термос, клал его в сумку вместе с парой бутербродов, потом копал червя на участке и наконец, прихватив спиннинг и металлическую коробочку с блёснами, шел через лесок к реке.

Этот путь был исхожен, а теперь еще и не прост. Потому что приходилось миновать дачу, где когда-то долго жил Сахаровский, его долгий начальник, которому, как давно件нятно, он, Иксодов, всем обязан. Сахаровский ушел из жизни в 83-м, и это было больно. Больно и потому, что на его даче поселились чужие люди. А тогда... то есть когда шеф был жив и здоров, тогда они тут сталкивались.

Сталкивались, и это именно Сахаровский приучил Иксодова к рыбалке. Именно приучил. Он учил его всему — разведке, психологии, аналитике, это件нятно, это главное, но так

вышло, что пристрастил и к рыбалке тоже. Они садились в надувную лодку, выплывали на серед реки или на заливчик, и там Сахаровский учил молодого Иксодова всему: как закидывать спиннинг, как правильно блеснить, как подбирать блёсна на нужную рыбу, как бороться с непослушной катушкой и «бородой», как, устав закидывать спиннинг, терпеливо удить и о чем думать в такие минуты. Они и тут, на рыбалке, оставались той же парой — «профессор и студент». Первый — строгий и мудрый, редко улыбавшийся, а второй — усердно усваивавший наставления старшего.

И еще: в такие часы Сахаровский никогда не заводил разговоров о делах на службе. Никогда. Будто профессиональной деятельности вообще не существовало. И равно с этим, уже в «конторе» на Лубянке никогда не вспоминал о даче и рыбалке. Работа и дачные дела — это было отдельно, это не соприкасалось. И Иксодов вскоре это понял и хорошо запомнил. А потом оценил.

Так они и общались на реке. Иногда. Когда так складывалось. Когда оказывались тут, на своих дачах, одновременно.

Теперь Сахаровский лежал на Новодевичьем, а полковник в отставке Иксодов в объездах золотой осени шел мимо дачи учителя-начальника к реке...

А вечерами он затапливал печку. Не оттого, что прохладно в доме (тут было отопление от АГВ), а для уюта. Садился перед печкой, иногда открывал заслонку и щурился на огонь. Потом придвигался к столу, наливал себе стопарик и, выпив, закусывал хрустящим огурцом. Потом закуривал. И опять щурился на огонь, слушая, как потрескивают уголья. Это зрелище и этот звук тоже лечили его. Тишина, печка, а кроме этого — ни радио, ни телевизора — ничего.

Сидит Иксодов и щурился на огонь.

В эти вечера на даче видит амбидекстр Иксодов всё тот же образ.

Мчится поезд по рельсам. Мчится, приближаясь к полустанку, мчится по подъездным путям, грохочет на стрелках, на стыках. А куда он мчится? А в бесконечное далеко, хотя, говорят, она, эта бесконечность, вообще-то закольцована. И что? Тем конкретным господам, кто в поезде, им это, как нынче говорит молодежь, по барабану. Они слышат свой барабан — как грохочет поезд на стрелках.

И вот, прогрохотав на стрелках, тот поезд перескочил с пути «Романовы» на путь «Каралли», потом — на путь «Лапорте», и вот теперь, громыхнув на новой стрелке, — на путь «Иксодов». Вернее, может перескочить на этот путь. Вот это да! Потому что сын Иксодова вполне может стать мужем Веры Лапорте и, значит, совладельцем тех самых сокровищ. Сын Иксодова или дочь. В любом случае, это потомок Иксодова.

Чуден финал нашей истории! Престранным образом получается так, что Иксодов, говоря опять же образно, наставил рога товарищу Брежневу. Или, если шире — государству, которое олицетворял генсек как его руководитель. Ну, захотелось ему (государству? Брежневу?) получить исчезнувшие драгоценности из сокровищницы Романовых, а получил их полковник КГБ в отставке Иксодов. Точнее, его сын или дочь. Неважно кто, ибо в любом случае это потомок Иксодова.

Но и еще чудесно то, что этот его потомок — и потомок Романовых. Да, Романовых, а значит, в нем — царская кровь. Ну, говоря опять же образно, не вся целиком, а некая ее часть.

Ведь кто есть Вера Лапорте, будущая жена Киса, сына Иксодова?

Вера Лапорте — внучка Ольги Каралли (которая — дочь нашей главной героини), а та — дочь двоюродного брата Николая Второго, или, если иначе и если угодно, дочь племянника Александра Третьего. Далеко от этого последнего до теперешней Веры, но, как ни крути, а царская кровь в ней, этой плясунье, плещется. Романовская кровь.

Вот это да! Когда сын Иксодова Кис станет мужем своей Веры, он станет и совладельцем тех самых сокровищ. Но это не столь важно — важно, что их ребенок, которого уже носит

Вера, станет их следующим владельцем, станет, как законный наследник своих родителей. А фамилия у него будет какая? Иксодов. Что и требовалось доказать.

Вот так, от Романовых до Иксодова. Минуя товарища Брежнева и возможных прочих (скажем, его дочку, а то и королеву Англии Елизавету Вторую, в коллекции которой уже есть кое-что из тех самых сокровищ). А вообще, если помянуть всех известных в русской истории персонажей, так или иначе задействованных в этой невероятной (и, казалось бы, уже частной) истории, то тут и великая балерина Вера Каралли, и великий князь Дмитрий, и Распутин, и генерал Баратов, и известные сотрудники КГБ Андропов с Сахаровским, и певица Наталья Троицкая, и еще некоторые другие, менее известные люди.

Ничего себе, да? Тут есть что вспомнить, есть кого вспомнить и о чем поразмышлять.

Этим и занят вечерами полковник КГБ в отставке Иксодов.

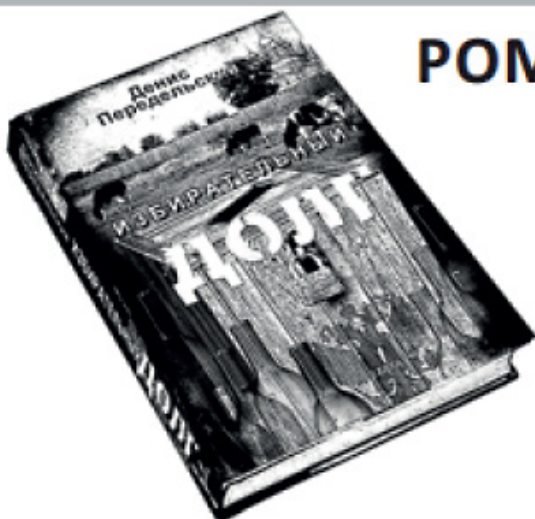
Хотя чаще всего он навязчиво вспоминает Веру Каралли. И начинается это вот так:

Царское семейство выходит из Чудова дворца и спускается по широкой внешней лестнице к площади перед Успенским собором. И вот уже все эти почти святые во главе с императором (а он под руку с императрицей) медленно двигаются к собору, а пришедшие лицезреть это действо люди, знатные в расшитых одеждах с дамами в нарядах и простолюдины, встав по обе стороны процессии, смотрят, смотрят, улыбаются радостно, да так улыбаются и светятся непонятным счастьем, что и сомнения нет в вечности этого счастья, в вечности всеобщей — и своей собственной, и государя с императрицей, и их прекрасных дочерей, и, да-да, того грустного мальчика в военной форме, кажется, почти ровесника Веры, кажется, десятилетнего, непроницаемо-важного, да все-таки какого-то грустного: устал, наверное...

Таким она и запомнила того самого мальчика — в военной форме, почти ровесника, немного грустного, идущего позади государя.

Сидит Иксодов и щурится на огонь.

2014

РОМАН «Избирательный долг»

Дениса ПЕРЕДЕЛЬСКОГО

Ничем не примечательный процесс
выборов **губернатора**

в одном из регионов России

неожиданно оказывается нарушен

РЯДОВЫМ гражданином.

ЛИТЕРАТУРНОЕ **zaza** ИЗДАТЕЛЬСТВО
VERLAG

АЛЕКСАНДР ФЕДЕНКО

Александр Феденко родился в 1977. Работал садовником, старшим помощником капитана, радиоактером. Пишет рассказы, новеллы, сценарии. Публиковался в литературных журналах «Крещатик», «Литература». Живет в Москве.

Несколько коротких рассказов или повествований Александра Феденко из цикла «Частная жизнь мёртвых людей», подчас смахивают на анекдоты, страшные своей фантасмагоричностью. Задаешься вопросом, что это — фантасмагория реальности или реальность фантасмагоричности?! Или даже более того, синдром «дереализации»?!

Автор, как настоящий продолжатель обершюттской линии в прозе, всю использует «набор» «объединения реального искусства», это и гротеск, и алогизм, и абсурдистская поэтика... И ведь вправду его персонажи «мертвые», но одновременно жуткие и смешные...

Трудно оторваться от чтения этих подчас и вовсе коротких рассказцев. Феденко держит своих читателей в постоянном напряжении, требует от них внимания, пристальности чтения своих замысловато-абсурдных сюжетов. Мастерство рассказчика придаёт особую прелесть каждой фразе. Смакуешь её как спелую виноградину.

Читайте, не пожалеете...

Инна Иохвидович

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ ЛЮДЕЙ»

На берегу

Виктор Максимович Вилкин сел на берегу реки и начал ждать.

В авоське у него была бутылка шампанского, банка шпрот и праздничная хлопушка.

Он подождал пять минут, но никто не проплыл.

— Что за волокита? — удивился Вилкин и открыл шампанское и шпроты.

Недоуменно допив шампанское, скушав шпроты и никого не дождавшись, Виктор Максимович понуро бабахнул хлопушкой в небо и пошел домой.

А по реке проплыл мертвый Кондратюк, сослуживец Вилкина, взявший год назад в долг сто рублей и переставший здороваться. За ним плыл столь же мертвый Носков, сосед, он рисовал мелом некрасивые слова на двери Виктора Максимовича. Следом, сразу вчетвером, проплыли Воронцов, Торцов, Борцов и Аджарян, знакомые жены Вилкина. Эти плыли особенно пикантно. И потом, не спеша, еще сто пятьдесят три не менее мертвых человека.

Но Виктор Максимович ничего этого не увидел, потому что очень торопился. Его мутило от шпрот.

Утро Хлыбзикова

К полудню сил продолжать спать дальше решительно не осталось, и Иван Петрович Хлыбзиков скинул с себя одеяло.

Он прошлепал на кухню, прилипая, отлипая и вновь прилипая необутыми ногами к серому вязкому линолеуму. Накануне Иван Петрович отмечал юбилей и вылил полбутылки крепленого на пол.

На плите муторно сипел чайник. Жена Ивана Петровича, Алина Карловна, сидела за столом, намазывая булку маслом.

Хлыбзиков зажег сигарету и засмотрелся на перекосившееся отражение кухни в старом никелированном боку чайника. Тлеющий огонек съедал сигарету, превращая ее в удушливый гадковатый дым. Иван Петрович глубоко затянулся, выперхнул из себя вместе с остатками сна сизое облачко и глухо закашлялся.

Чайник закипел.

Хлыбзиков почувствовал, что задыхается, и вспомнил детство. В глазах его проплыло далекое летнее утро, еще одно, еще, еще.

Но кашель вдруг ушел. И детство тоже ушло.

Наваждение осыпалось на пол теплым пеплом сигареты. Иван Петрович наступил на него ногой и открыл окно.

Внизу под окном оранжевый дворник Галактион, сливаясь с оранжевой листвой, сметал ее в кучи. Но ветер приносил новую листву, и все опять становилось оранжевым.

Иван Петрович выбросил окурок в окно и с интересом посмотрел, как он летит. Когда тот упал, Хлыбзиков сардонически засмеялся.

Зазвонил телефон. Иван Петрович взял трубку. Это был его начальник Степан Степанович, который интересовался, почему Хлыбзиков позволяет себе свинство не явиться на работу. Иван Петрович еще более сардонически засмеялся и выбросил телефон в окно. Голос Степана Степановича полетел вниз и разбился на тысячу уродливых осколков. Галактион смел осколки, а на их место тут же нападали оранжевые листья.

Хлыбзиков сел на табурет, огляделся по сторонам, увидел Алину Карловну и улыбнулся ей. Она увидела, что он увидел ее, и завизжала в контральто, о чем-то догадавшись.

Иван Петрович схватил ее и тоже выбросил в окно.

Но она не полетела вниз. Ветер подхватил ее, как сорванную афишу или кусок обоев, и понес на деревья. Там она и застряла. И долго еще висела, держа в руке булку с маслом, пока Галактион не стряхнул ее. Лишь после этого ветер унес Алину Карловну совсем уж неизвестно куда.

Иван Петрович сначала ходил по квартире, с липким треском ступая по линолеуму и сардонически смеясь, но потом проголодался.

Он сгреб крошки со стола и съел их, запив чаем.

После чая ему стало тепло и захотелось испытывать возвышенные чувства. Он пошел на бульвар и познакомился там с Агдой Карповной, которая ощущала в себе благосклонность к возвышенным чувствам.

Иван Петрович и Агда Карповна сидели на кухне Хлыбзикова, Агда Карповна мазала булки маслом, а Хлыбзиков кушал их и запивал чаем.

Насытившись сполна, Иван Петрович Хлыбзиков выкурил сигарету, посмотрел в ночное небо, лег в кровать и накрылся одеялом. Наутро он умер.

На бульваре

Высокий человек по фамилии Скороходов ступал по бульвару начищенными ботинками. С достоинством. Туда-сюда.

И вдруг, мимоходом, совершенно произвольно, зацепился обо что-то случайное и даже эпизодическое. Или об кого-то. А может быть, и вовсе этот кто-то сам зацепил высокого господина. Пойди теперь разбери.

Зацепившись, господин Скороходов не заметил этой неожиданной и новой сопряженности с миром и, шагнув вперед, почти оторвал то, чем зацепился. Да так и пошел дальше. Стало быть, зашагал уже не вполне целый собой.

Он позже уж заметил, когда неудобно стало ходить, что это надорванное как-то хворо волочится по дороге вслед за ним.

И оказалось, что зацепился он не абы чем. А своим человеческим достоинством.

Определенное недоумение завладело Скороходовым. Он пытался идти дальше. Но неприятное ненужное неудобство сказывалось на его движениях, на походке, делая каждый шаг неполноценным, уродливым.

Господин Скороходов попытался исподволь дооторвать то, что волочилось. Но ничего не вышло. Так он и гулял по бульвару в растерянности и неокончателности своего положения.

К счастью, пробежавшие мальчишки наступили на волочившуюся амбицию, Скороходов пошел дальше, а она благополучно осталась.

Теперь ходить туда-сюда стало приятнее. Скороходов ощутил легкость, душевный подъем и страсть к прекрасному. Захотелось выпить.

Столь воодушевленный, он не сразу заметил, как опять оказался на том же месте. Бродячая собака уныло рвала на куски ошметки человеческого достоинства. Уже изрядно пыльные и потерявшие всякую привлекательность.

— Жри, сука, — сказал Скороходов.

— Что упало – то пропало, — ответила не то собака, не то кто-то другой.

Бульвар стал неуютен.

Скороходов свернул в переулок, оказавшийся глухим тупиком. Пройти его насквозь оказалось невозможно. Темнело и холодало. Вернуться назад Скороходов не решился.

Засветилось несколько окон. Зажглась вывеска «Трактир». Стала заметна луна в узком обрывке неба.

Высокий человек в начищенных ботинках постоял на остывающей земле, обхватил себя за плечи и, зажмурив глаза от слепящего света луны, трактирной вывески и чужих окон, отчаянно закричал.

Вымышленная история

Писатель Белкин написал рассказ. Смешной, веселый, даже анекдотический. Фельетон, можно сказать. Хотя и со смертельным концом.

В пасквиле Белкина великосветский банкет заканчивается свинячьей оргией, в которой самому главному персонажу сносит голову. Этот персонаж, будучи изрядно нетрезв, путает лифт с космической ракетой, ползет к нему изо всех сил, двери закрываются, и голова уезжает на последний этаж. А тело остается.

Рассказ напечатали в сомнительной газетенке. А на следующий день Белкина арестовали. Суд признал его виновным в убийстве вымышленного персонажа с особой жестокостью.

Слишком уж этот самый главный персонаж оказался похож на другого, достаточно живого, тоже не второстепенного.

Белкин жуть как обрадовался. И даже признал себя виновным, хотя его никто и не спрашивал.

В тюрьму он пронес карандаш и клочок бумаги. Лег на нары и что-то накарябал. Судья и прокурор, ужинавшие в сей момент в «Пушкине», сразу же испытали заворот кишок. Спасти их никто не успел. Так и похоронили с нарушенным внутренним устройством.

Белкину запретили писать и на всякий случай решили ампутировать руки. Он лежал связанный на операционном столе и, впитывая наркоз, вслух рассказывал хирургу какую-то колкую иносказательную историю. Смерть хирурга была ужасной. Два килограмма скальпелей вынули из его тела. Самоубийство.

Стало непонятно, что делать с Белкиным. Никто не хотел связываться. Позвали послушных военных, велели расстрелять. Белкину завязали глаза, но все пули слепо попали в командуемого расстрелом.

Белкин все дни пролеживал на нарах, губы его беззвучно шевелились, словно он что-то рассказывал сам себе. Время от времени страшный смех взрывал пространство камеры, рискуя разнести стены.

Нашлась одна умная сволочь, которая придумала иезуитский план. Со всей страны собрали книжки Белкина. Сложили в кучу. Полили бензином. Зажгли.

В тюремной камере нашли обугленное тело. От сгоревшего лица остался лишь улыбающийся оскал зубов.

Но события, разумного объяснения которым не находилось, продолжились.

Многие пытались найти потерянные рукописи Белкина, чтобы узнать его замысел. Искали черновики. Безуспешно.

Закончилось все внезапно и тихо. В лифте на последнем этаже нашли голову. Ту самую. Без тела. Закопали и забыли. Жизнь наладилась. Страх ушел. Вымышленное отступило.

Память

Однажды Сидоров придумал, как жить вечно. И начал жить вечно.

Но потом он пошел в рюмочную и выпил там больше обычного. И без памяти влюбился в Элоизу Львовну.

Сидоров, потеряв память, забыл как жить вечно. И сразу умер.

В Элоизу Львовну влюблялись только те, кто пил в рюмочной больше Сидорова. Но они не умирали, потому что перед этим ничего не придумывали.

А Элоиза Львовна жила еще долго. И любила Козлова, Жеребцова и даже Валерьяна Трофимовича, а некоторые из них любили ее. Но про Сидорова она иногда вспоминала, особенно когда заходила в ту рюмочную.

Пропажа, или лошадиная история

Сферический конь зацепился копытом за небесную ухабину и вывалился из вселенского вакуума прямо в наземное пространство где-то на окраине Твери. Он огляделся по сторонам, метаморфировался в мятый мусорный бак и сразу же начал соединяться с кислородом, осыпаясь красной ржавчиной на вонючую землю.

Вследствие сего происшествия дворник Сидорчук из Саранска, будучи мертвецки пьян, встал, вышел из запоя и заговорил на редком диалекте арабского. Три монахини Свято-Духова монастыря испытали неземное блаженство непорочного зачатия. Ревизор Хреков открыл банку собачьих консервов и обнаружил внутри иностранные деньги.

Гражданин Веретейников нашел в своем плаще три мятых червонца.

В расплату за такое повреждение космического равновесия случилось несколько растрат в пространственно-временном континууме. Растворились в небесном эфире два депутата московской городской думы. В городе Барнаул исчез проспект Ленина весь целиком вместе с

примыкающими тупиками. От Хрекова ушла собака. Сидорчук перестал понимать русский слог. Да и у монахинь обнаружился свой неочевидный ущерб.

Но самая ужасная пропажа осуществилась у гражданина Веретейникова. Он потерял веру в человечество. И никак не мог найти.

Как Сева Кошелкин галстук выбирал

Химеры захлопали крыльями и выдрали Собор Парижской Богоматери из земли. Медленно, преодолевая непосильную ношу, подняли его в небо.

— Вознесся, вознесся! – кричали люди на площади, уворачиваясь от помета, напоминавшего птичий.

Другие же стояли, окаменев, лишённые воли уворачиваться.

Оказавшиеся внутри снимали с себя одежды и устремлялись друг к другу в естестве. И видения райских врат с раскрытыми створами являлись им в той божественной красоте, как видит ее Создатель.

Другие же смотрели на это и в ужасе бросались с высоты на землю, в полете осеняя себя крестными знаменами. И мать-земля ловила тела вернувшихся детей своих.

Колокола звенели в разнотон. И одни в том слышали благовест.

У других же от звуков набата кровь шла ушами, и кричали они скверные слова.

Сева Кошелкин собирался на службу. И никак не мог решить – какой же галстук повязать. Зеленый, с попугаем и голой женщиной, ему нравился больше – из-за попугая. В детстве он хотел стать летчиком. И попугай оживлял фантазию, уносил в небо, возвышал его. Но жирное пятно на груди женщины убивало мечту о полете и порождало скорбные мысли о новом дне бытия. И чем дольше тер он грудь женщины, тем более солевой делалась она. Попугай же на глазах хирел. Мерк в тени сияющей груди. И, бросая взгляд на галстук, Сева уже не всякий раз видел крылатый образ. Пятно случилось в пельменной. Пельмень соскользнул с вилки и упал на грудь одетого в галстук Севы Кошелкина. А пятно сделалось на груди голой женщины. И эта странная ирония уводила Севу в долгие размышления о неочевидности и запутанности мироздания. Второй галстук был чистый и черный. Без попугаев и запятнанных женщин. Только мелкий белый горох редко посыпанный по куску жаккарда. Он был Севе противен.

Пионер вышел на Красную площадь и протрубил в горн:

— Подъем, подъем! Вставай – не то убьем! А не встанешь – то зарежем! Подъем, подъем...

Люди на площади улыбались, фотографировали, салютовали.

Но не все. Только некоторые. Остальные спешили.

Да и те, которые улыбались и салютовали, тоже спешили.

Пионер протрубил тот же сигнал еще раз... Потом еще... И еще...

И тут небо засвистело, земля загрохотала...

И на Красную площадь, на неприметную постройку, в которой хранился труп Ленина, упал Собор Парижской Богоматери. Не абы куда, а прямо на Ленина.

Сева Кошелкин все-таки сделал выбор. Он бросил женщину... И попугай улетел с нею. А Сева решил повязать черный с белым горохом. Но оказалось, что он забыл как завязывать галстук. И что он ни делал – всякий раз жаккард сворачивался петлей вокруг его шеи.

Пионер протрубил в седьмой раз. И из Собора Парижской Богоматери вышел труп Ленина. И люди на площади улыбались, фотографировали и салютовали. Но не все. Только некоторые. Остальные спешили.

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ

Сергей Игоревич Давыдов – драматург, прозаик. Родился 15 июня 1992 года в городе Тольятти.» Финалист международных конкурсов драматургов «Евразия – 2012» и «Евразия – 2014» и фестиваля молодой драматургии «Любимовка» 2014), «Воля и...» (финал международного конкурса драматургов «Евразия – 2014»), автор ряда киносценариев и рассказов. В 2014 стал лауреатом I степени в конкурсе рассказов «Сестра таланта», в том же году выиграл конкурс «Литературные ступени Автограда» в номинации «молодая проза», проводимый Самарской областной писательской организацией.

Литературный дебют состоялся в возрасте девятнадцати лет с пьесой «Льва Толстого, 49» (впервые опубликована в альманахе «Черные дыры букв» в 2013 году). Публиковался в журналах «Мир фантастики» (литературное приложение), «Русское эхо», «Персонаж», альманахе «Графит» и других изданиях.

В 2014 году пьеса «Взорвись, мой город» представлена на сцене Центра имени Мейерхольда в рамках фестиваля «Любимовка» (режиссер – Валерия Суркова).

Публикации в газетах, журналах, альманахах Самары, Уфы, Москвы, Тольятти.

2014 - Сергей Давыдов, «Лапы», рассказ был издан ровно год назад в феврале 2014 года в № 7 в «ZaZa», Дюссельдорф.

Публикуемый сегодня рассказ «Краснаямосква» завершает серию из двух рассказов «В чужой шкуре».

Сергей Давыдов и его «Краснаямосква» - это речитатив-реквием. По той жизни, которая исчезла в тумане тающем советском, по несбывшимся мечтам и любви одного конкретного человека, по Москве того самого прошлого века, канувшего, каявшегося, качелями взлетающего памятными. В маленьком рассказаном услышалось столько тоски, столько любви, столько надежды. И у Девочки когда-то должен появиться Мужчина- Её- Жизни. А нам лишь стоит бережно вслушаться в звучание авторских нот.

Ирина Жураковская

КРАСНАЯМОСКВА

«Девочки не должны плакать. Девочкам слезы не к лицу. Вот идешь ты такая по улице и плачешь, а там он стоит. И что же? Разве он подойдет к тебе, если ты такая нюня, даже будь ты хоть трижды красивая и с волосами золотыми-золотыми и длинными-длинными? Разве что старичок какой утешить захочет или того хуже – старуха. А что мне со старухами говорить? А он просто посмотрит да уйдет, даже значения не придаст никакого, только что раздражение

почувствует. Докурит свой бычок, кинет под подошву да уйдет, бесконечно внимательно всматриваясь в асфальт или приближающийся автобус. И духу бы твоего не чуют и не знают. А ведь ты для него все это надела. Это ради него твои щеки такие свежие и румяные, а косы золотые пахнут «Красной Москвой». Ты будто из пятидесятых. Совсем недавно ты видела весну на Заречной и разные судьбы, но не слышала той самой баллады о солдате и еще не знаешь, куда летят журавли. И пусть это было так давно, зато лучше, краше, чем сейчас, когда Мужчина-Этого-Лета в самой дешевой чайной, в самой боярышно-зубровой и близкой к его дому, столики которой стоят на узеньком тротуаре не более двух метров в ширину и перекрывают дорогу вечно торопящимся за двести девяносто седьмой, сказал тебе, что был с тобой эти тридцать три дня лета лишь из жалости, что ему было просто неудобно сказать тебе «нет» и что в свои сорок два ему совсем не по возрасту и не по паспорту такая, как ты, да вообще все это – огромная нелепость, каких поискать, что даже думать смешно: расскажешь – не поверят. Он не сказал бы тебе, что ты его пугаешь своим вниманием и что умение одеться в женщине не главное, хотя какая ты женщина? В паспорт глянь, курица влюбленная. Он не сказал бы, что выглядишь ты нелепо, что не по возрасту, что не по нраву и не для жизни. Что ты должна понять и простить, но при всем этом проблема, конечно же, в нем, не вини себя, чучело ряженое. Не было бы всего этого в Красной Москве, что я помню, не было бы».

Что такое Красная Москва? Это место, где она была лишь однажды. Но место это она почти всегда носила с собой, на себе, оно просочилось в самое сердце памяти, в тот самый эмоциональный центр каждого человека. Красная Москва – то, чем она думала, дышала, ощущала, чем она плакала и смеялась с того самого дня, когда начала вспоминать. Вспомнила, как мама держала ее за руку и говорила, что никогда не была на Арбате, а дядя Веня так и не увидел Кремля, хотя, казалось, сотни раз бывал на Курском вокзале.

«Это место, где вместо ненавистных тополей цветет померанец, а вместо пуха – флердоранж. Там вырвали все пыльные календулы и насадили ирисы, а на Знаменке, на Лубянке, Большой Ордынке, даже на Москворецкой набережной пахнет не тиной или пресловутым самовывозом, а кориандром и бергамотом. Даже от дяди Вени пахло жасмином, но только там. Иногда мне казалось, что имени моего он просто не запоминал, оттого и называл меня Девочкой. Невежливо как-то, но зато он пах жасмином».

Девочка перестала плакать. Она поправила длинный парик золотого-золотого цвета, подтянула короткое-короткое платье, утерла слезы и села в двести девяносто седьмой.

Осторожно, двери закрываются! Следующая остановка – «Московский проспект».

«Хорошо было бы, если б мама это оценила. Да разве оценит? Она же динозавр по сравнению со мной и с кровати не встает уже года так четыре. Что ей до Красной Москвы? Она ее и позабыла давно. Хотя точно сказать не могу, нам говорить очень трудно, даже в детстве было нелегко. Даже тогда, в тот самый день я умоляла, просила, как могла, отвести меня на Арбат. Я же знала, она тоже этого хочет, она сама говорила. «Разве врала?» – спросила я ее, а она: «Дела важнее». Все время дела! Но мы все же пришли туда. Буквально на пять минут. До сих пор помню этот запах метро. Да я больше никогда его не встречала, это метро! Всю жизнь сижу в этом городишке, дальше дачи не выезжала. Правда, пару раз я была в Уфе с друзьями, но разве это можно считать? В Уфе все то же самое, даже, кажется, есть двести девяносто седьмая... или двести сорок седьмая, не помню. Мы были на Арбате всего пять минут, и я помню, как свернули в магазин. И тогда я впервые почувствовала ее по-настоящему – Красную Москву. Тот флакончик с алой, вкусной, мармеладного цвета этикеткой мама купила, кажется, кому-то в подарок, кому-то очень важному, но это было так несправедливо! Зачем оно ему! Если не мне, то никому. Хотя, по правде, я хотела лишь попробовать, лишь понюхать, а получилось, что пролила. Пролила на себя почти все, без остатка. Мама ругалась. Я не сказала, что пролила. Я сказала, что подарила тете Лене, а мать сказала мне, что живу я не по средствам. Мой обман скоро раскрылся, но я все равно не сказала правду».

Девочка сняла платье и надела оранжевый жилет.

«Я хотела надеть золотую цепочку, подаренную мне на пятидесятителетие, но совсем забыла, что неделю назад подарила ее Мужчине-Этого-Лета. Думала, совесть после такого уйти не позволит, а разве он мне ее вернул? Только попросил отдать оранжевую майку, что оставил, а я и не напоминала ни про что. Не достойно это как-то. Не подумайте, ничего у нас не было. Просто оставил, бывает такое. А другую цепочку не так давно продала в обмен на шестьсот рублей. Да, я живу не по средствам. Да, даже не по возрасту. Но ведь все живут не по возрасту! Разве Мужчина-Этого-Лета жил по возрасту, когда покупал эту нелепую оранжевую майку и спрашивал, не слишком ли он для нее «зрелый»? Разве моя мать жила по возрасту, когда родила меня в пятнадцать лет? Или, может, по средствам, когда переехала за отцом в Каспийск, когда того посадили за растрату на продовольственном вагоне? А я не виню ведь! По крайней мере, вслух. А она мне все припоминает, каждого Федю, Сашу и Юру. Да больше там никого и не было. Может, и было бы больше, если бы не вечные «шалава» да «проститутка». Боялась волос в ванну обронить, чтобы на вопросы не нарваться, мол, кто был, а потом эти извечные «убирайся» и снова шалава и проститутка. Семьдесят шесть лет курве, одной ногой в могиле, не видит ничего, но волос в ванной увидит. Только я повзрослела, сильнее стала, меня уже из дома не выгнать, не тут-то было! Одни обиды. Ну их. Не вся память такая, не вся. Что-то сердце пошаливает. Недавно лор сказал, что надо аденоиды удалить. Спросил, мол, чего раньше не удалили? Я говорю, мол, родители не разрешали, а он :«удаляйте», мол, и сердце шалить не будет, и суставы не будут болеть. Старухой себя почувствовала. Ну да, сердце и правда пошаливает, суставы тоже так себе. Но работать не мешает. Приходится. Трудно жить не по средствам. Но что же я? Кажется, «Краснаямосква» кончается. Сколько? Триста пятьдесят? Это не деньги. Не те деньги за счастье. Вот шуба стоит денег, но Краснаямосква лучше шубы. Ты ее не потрогаешь, но запах-то какой! Будто в шубе, пушистой такой, тяжелый. К тому же, как водить трамвай в шубе, да еще и летом? Глупость, даже подумать стыдно. Кто же так делает? Хотя, все равно хотелось бы. Так хотелось бы!»

РОМАН «Кладбище коммунаров»

Владимира

ГОРБУНОВА

о двух последних

поколениях

СОВЕТСКИХ

людей,

выбравших разные

ПУТИ служения Родине.

ЛИТЕРАТУРНОЕ **zaza** ИЗДАТЕЛЬСТВО
VERLAG

ЛЕОНИД САВЕЛЬЕВ

Родился в 70-м году в провинциальном городе Туле. В школе любимым предметом была литература. В шестом классе исписал три тетрадки фантастикой... одно-классникам нравилось. Потом взрослая жизнь, армия, институт... работа. Даже мысли не было о писательстве. Позже своя фирма и её крах в 2008 году из-за большой невозвращённой ей задолженности. Последовавший за этим развод и отлучение от любимой дочери повергли в депрессию. Вот тогда-то и потянуло к писанию... ну вот как бы и вся история... тепер пишу:) Случайно стал лауреатом первой премии «писатель года 2013»... непонятно за что меня полюбили главный редактор «За-за» и другие прекрасные женщины, хотя и мужчины меня тоже читают, и им, как ни странно, нравится... Вот такая биография.

Вместо мало что говорящего названия «Встреча», я назвала бы этот рассказ «Инвариантность». Рассказ одновременно удивляет и не удивляет. Есть некая константность человеческой судьбы, фатальность её...*

Рассказ короткий, но он вмещает в себя жизнь человека, а главное — его Судьбу, что, возможно, больше Жизни. И прочитать его стоит!

Инна Иохвидович

ВСТРЕЧА

Новый год должен был наступить уже через пять дней. Захаров был задумчив. Настроения не было. После посещения магазина появилось раздражение. Несмотря на наступающий в стране кризис, в супермаркете было не пройти. Тележки. Кругом набитые доверху тележки и огромные очереди. Он со своей буханкой хлеба, кефиром и куском сыра был белой вороной.

Встав в очередь в кассу, Борис вздохнул. Стоять, видно, придётся долго. Перед ним стоял полный усатый мужчина, распространяя вокруг себя запах перегара. Тележка мужчины была полна алкоголем, семгой и палками сухой колбасы.

— Да какой кризис? Переживём! Всё правильно, не нужно нас гнуть! Мы — великие!

Раздавались голоса где-то сзади. Захаров вздохнул и положил свои покупки на ленту перед кассой.

Подойдя к кассе, поздоровался.

— У нас акция на конфеты и красную икру, будете брать? — поинтересовалась милая девушка за кассой.

— Нет-нет. Спасибо.

**Инвариантность – термин, обозначающий нечто неизменяемое.*

— Пакет нужен?

— Нет, у меня сумка.

Выйдя из магазина и сев в машину, Захаров пересчитал оставшиеся деньги. Нужно было заправиться, бензин заканчивался.

В кармане завибрировал мобильный.

— Да, Тимоха, здорова!

— Привет, Коль, тебе из Рима!

— О, как!

— Угу... я с Надькой поругался, уехал в офис московский, там нажрался... очнулся вот в Риме с двумя красотками в гостинице...

— Алкоголикус-алкоголик!

— Ага!.. Вчера весь день в номере провели, сейчас вот сижу в кафе – типа, пью кофе, а сам под столом себе вискарь из бутылки в чашку наливаю – похмеляюсь.

— Похмелье — дело тонкое, не переборщи!

— Да... скучно мне тут, прилетай ко мне, Коль!

— У тебя же две нимфы там, что ж скучного?

— Да ну их... я им сейчас дал каждой по три штуки эвриков – пусть по магазинам пошляются, я хоть отдохну от них.

— А с Надей-то чего поругался? Новый Год скоро, дети же без папы на праздник, выходит?

— Да к Новому нужно приехать будет... Прилетай на три денька, хоть – а обратно вместе.

— Не, Тимох... дела, не могу.

— Чего? Если денег нет, давай на карточку тебе кину штук десять эвриков, отдавать, как понимаешь, не нужно.

— Дела, дела... Не в деньгах дело!

— Обижаешь!

— Тимох, ну ты же взрослый! На это не обижаются.

— Лан... Ну, давай тогда первого встретимся или второго?

— Хорошо, прилетишь – звони!

Положив трубку, Николай улыбнулся, повернул ключ зажигания и медленно выехал с парковки.

— Есть у вас «Ява золотая»? — протянув деньги. — Тогда пачку, а на остальное — девяностопятого.

Взяв сигареты, он развернулся к выходу с заправки, мельком взглянув на стоящую за ним полноватую женщину. Сделав пару шагов, обернулся. Женщина смотрела на него.

— Говорите! – девушка за кассой обратилась к женщине.

— Девяносто восьмого. До полного бака! – продолжая смотреть на него, сказала женщина, открывая кошелек.

— Ирка! Ты?

— Да, простите... Мне тоже очень знакомо ваше лицо.

— Я — Коля Захаров!

— Колька! Коленька! Как ты постарел... Ой, прости!

— Да ничего... А ты отлично выглядишь!

— Колька... — Ирина улыбалась.

— Давай, я машину отгоню от колонки, и поговорим с тобой? Не спешишь?

— Конечно, Коль! Отгонишь — подожди, я сейчас заправлюсь и подъеду к тебе. Ты на чём?

— На чёрной «лачетти».

— Сейчас, Коленька, приеду...

Садясь в машину, Захаров улыбался. Он был рад встрече с Иркой! В молодости они были в одной компании, хотя она и училась на другом факультете. Отъехав за заправку, Николай открыл дверь и закурил.

Спустя несколько минут рядом с ним остановился небольшой кроссовер «Volvo». Ирина помахала ему рукой, предлагая пересесть к ней.

— Ну, привет!

— Ну, привет, ещё раз!

— Как ты?

— Я относительно нормально. У меня муж, сын школу заканчивает, дочка в пятом классе.

— Дети от одного мужа?

— Ну конечно!

— Ну, мало ли... Всяко бывает...

— Да ты его, может, знаешь? Виталик Каденкин, помнишь? Он учился со мной в группе!

— Да! Слушай! Помню, конечно! Такой высокий брюнет, худющий!

— Но теперь он не худющий вовсе! — Ирина хохотнула и, открыв окно, закурила. — Не против?

— Да я сам курю... Всё бросить не могу.

— Да... Полжизни приобретаем вредные привычки, полжизни — бросаем... А ты как?

— Ну, у меня не так всё удачно. Я развелся, лет пять назад... Сын со мной не общается. Не разговаривает даже. Не знаю, почему... До развода были лучшими с ним друзьями. Мне очень больно от этого...

— Да, так бывает... Сколько ему?

— Двенадцать...

— Всё образуется... Он повзрослеет и всё изменится. Поверь мне... А чем ты сейчас занимаешься?

— Безработный... Мы же тогда после института с Тимохой фруктами занимались. Вроде и дело шло неплохо, но ему предложили идти чиновником в администрацию, он не захотел — предложил мне вакансию... Я бизнес оставил Тимохе, он сейчас процветает. Помимо фруктов, вон, у него торговых центра два, на Бострикова и «Мегамолл» ...его.

— Ни фига? Это Тимохино всё?

— Угу...

— Ну что ж ты чиновником-то работал, что сейчас без работы-то?

— Да нет, нормально всё было... В прошлом году поехали с другом на море на его машине. Поочередно вели, менялись... Я под утро заснул за рулём... Сам переломами отделался, а друг погиб... Завели дело. Меня уволили задним числом...

— Кошмар...

— Не говори... Убил, выходит, друга... Дали вот условно три года. Сейчас безработный... ещё и кредиты остались...

— Чем же живёшь-то теперь?

— Да так, подрабатываю, тексты для сайтов пишу — копирайтер... Но там копейки. Да... нормально, по сути... Сейчас вот только из-за отношений с сыном переживаю. А ты-то чем живёшь?

— Я... да как тебе сказать-то...

— Если тайна — не говори, конечно!..

— Да ну, какая тайна... Я переписываю судьбы...

— В смысле?

— В прямом... Понимаешь, я, конечно, не писатель, но что-то вроде этого. Началось всё случайно, подруга с мужем-алкашом мучилась-мучилась,... Вспоминала, как любовь свою упустила... а я как-то сидела вечером и думала, как бы у неё могло быть по-другому, ну и написала — на компе набрала, чтобы ей помочь. Это два месяца назад это было. Ну, в общем, похоже на сказку, но она сейчас живёт с тем, кого когда-то любила. Вроде счастлива, хотя... есть... был побочный эффект... муж этот, алкаш, умер сразу, как я написала, освободил место для старой любви.

— Да ладно! — Николай улыбался. — Гонишь!

— Нет, правда-правда... Я сама иногда боюсь... Я и писала всего четыре раза...
— Прикалываешься, небось?
— Нет... я правду говорю... Знаешь, я вообще-то бедна как мышь церковная...
— Угу... видно... По машине, особенно!
— Не! Коль! Эту машину мне купила клиентка в знак благодарности просто. А боюсь я того, что всё вокруг меняется после моей писанины... сильно меняется... Я не понимаю, как меняется, потому как живу в реальности и не знаю, что изменилось со мной и моей семьёй... но чувствую, что и это меняется.

— Ну хорошо... Верю... напиши, что я не пошёл в чиновники, а продолжил бизнесом заниматься! Или у тебя всё платно это?

— Что ты! Коленька, что ты?.. Тем более для тебя! А нужно что-то менять, Коль?

— Да задолбало всё! Поменяй!

— ... Коль... Попробую, конечно... Нужно ли? Уверен?

— Уверен! Пусть Тимоха будет чиновником — ему же предлагали — не мне... а он сомневался ещё тогда! Пусть будет так, как и предлагали! Как и должно быть! Я Тимоху люблю как друга до сих пор, но знаю, он кидал всех направо и налево... поэтому и деньги нажил...

— Уверен?

— Да, Ир... заодно и способности твои проверим, — Николай улыбнулся.

— Не проверишь, Коль... Жизнь будет другая! Я даже и представить себе не могу, что будет... может, мы даже не будем знать о нашем разговоре... До этого я меняла судьбы людей, не связанных со мной. Сейчас это моя молодость, и может измениться всё... Уверен? Точно?

— Точно, Ир, точно!

— Есть у вас «Мальборо»? — протянув деньги, — тогда пачку, а на остальное — девяностопятого.

Взяв сигареты, он развернулся к выходу с заправки, мельком взглянув на стоящую за ним полноватую женщину. Сделав пару шагов, обернулся. Женщина смотрела на него.

— Говорите! — девушка за кассой обратилась к женщине.

— Девяностовторого. До полного бака! — продолжая смотреть на него, сказала женщина, открывая кошелёк.

— Ирка! Ты?

— Да, простите... Мне тоже очень знакомо ваше лицо.

— Я — Коля Захаров!

— Колька! Коленька! Я же тебя со школы не видела! Как ты постарел... Ой, прости!

— Да ничего... А ты отлично выглядишь!

— Колька, — Ирина улыбалась.

— Давай, я машину отгоню от колонки, и поговорим с тобой? Не спешишь?

— Конечно, Коль! Отгонишь — подожди, я сейчас заправлюсь и подъеду к тебе. Ты на чём?

— BMW у меня.

— Сейчас, Коленька, приеду...

Захаров был рад видеть Иру. Не видел её лет двадцать! Открыв дверь, он жадно затянулся сигаретой! Рядом остановилась «Калина», дверь открылась и вышла улыбающаяся Иринка.

— Давай, прыгай ко мне! — улыбнулся Захаров.

— Ну, привет!

— Ну, привет ещё раз!

— Как ты?

— А ты?

— Я первый спросил!

— Я отлично! Муж, двое детей — я счастлива...

— Везёт...

— А что? У тебя как?

— Да... кризис же... Бизнес разваливается — еле-еле концы с концами свожу. Фруктами занимался, сейчас вот санкции, проблемы... нервно всё. Нужно было в своё время расширяться... в другие сферы уходить... и возможности-то были... но всё просрал, Ир... Был в семье... да жена ушла, и с сыном сейчас проблемы... Не говорит даже со мной... Больно мне от этого...

— А сколько ему?

— Двенадцать...

— Поверь — всё нормально будет, переходный возраст.

— Надеюсь... Ты-то сейчас чем занимаешься?

— Бухгалтер я, Коль... А как там твой друг-то, Тимоха? Видишь его? Что с ним?

— Тимоха сейчас в столице... Крупный чиновник, дом на Рублёвке — все как положено...

Мы же с ним вместе фруктами занимались, помнишь же... Но ему тогда предложили пойти к нам в администрацию, так он мне бизнес оставил, а сам стал чиновником. Вот лет десять назад уже в Москву уехал... Всё хорошо у него сейчас в финансовом плане... Дети учатся в Лондоне, его с мигалками с Рублёвки возят... Вот как-то так...

— Ну, не в деньгах счастье, Коль!

— Да конечно, Ир... Вот только отношения с сыном беспокоят...

Посвящается памяти замечательного поэта Виктора Шнейдера, погибшего 6 января 2001

В конце ноября в Питере вышла Антология авторской песни. Серия «Гитара времени» №18, материал из которой, «Первый снег Виктора Шнейдера», с любезного разрешения составителей и авторов проекта, мы сегодня перепечатаем. Этот биографический очерк Нины Алмазовой о Викторе Шнейдере и 3 его песни (к книге прилагается диск), присланы к нам в редакцию мамой Виктора Екатериной Иоффе. Еще мама Виктора – и это очень важно для нас с вами – прислала нам из архива сына стихотворение «Нарциссиада», которое никогда прежде нигде не печаталось. Сегодня оно публикуется впервые.

ПЕРВЫЙ СНЕГ ВИКТОРА ШНЕЙДЕРА

Снег падает и на асфальт ложится.
Я так истосковался по сугробам!
И радуют меня движенья оба:
Снег кружится, а музыка кружится.

Виктор Шнейдер родился в 1971 г. Первые двадцать лет из своих двадцати девяти жил, по обычаю поэтов, в Царском Селе (Пушкине). Ушел, по проклятому обычаю поэтов, безвременно – разбился на лыжном спуске в США в 2000 г. (25.12.00 – «в несуществующем году, чей номер заменим на прочерк»); шесть суток наступившего третьего тысячелетия он провел уже в коме. Биография обрывается в том месте, с которого словари-справочники обычно ведут ее начало: как только закончились годы учебы. Выучился Виктор на биолога-молекулярщика: потеряв в шестнадцать лет отца-биолога, пошел по его стопам и поступил сначала в Технологический институт. Однако в перестроечной России серьезные занятия наукой, для которой необходима лаборатория и дорогостоящие реактивы, казались невозможными. Виктор решил на эмиграцию в Германию, где стал студентом Геттингенского, а затем докторантом Мюнхенского университета

Литература как возможная профессия не рассматривалась. Она – от Шекспира и Киплинга до Бродского и Щербакова – была всегда средой обитания: запойное чтение с трех лет, страсть к Шекспиру с двенадцати, пение под гитару любимых стихов, потом свои песни, потом стихи, пародии, рассказы, повести, переводы, публицистика... Сложить слова и зарифмовать было Виктору не сложнее, чем вдохнуть и выдохнуть: конспектировал стихами институтские лекции – четко, впрочем, понимая, что не в этом искусство поэзии. Были сделаны предсказуемые

первые шаги к тому, чтобы В. Шнейдера узнали не только друзья: членство в университетском КСП «Двенадцать коллегий», участие в бардовских слетах в Череповце, Хибинах, Осколе. Все это оборвалось с отъездом – чтобы заново набирать обороты уже в Германии: КСП во Франкфурте и Мюнхене, сольные концерты в русских клубах. Почти все существующие аудиозаписи делались на домашние «мельницы». Прижизненные публикации были в основном журнальными и сетевыми. Сборники пришлось составлять уже без участия автора: том прозы «Гам лет и улиц» и том стихов «Там, где Фонтанка впадает в Лету» (СПб: «Ретро», 2003).

Если бы включить Шнейдера в школьную программу, три его особенности вошли бы в учебники. Первая – тринадцать лет подряд, сам удивляясь регулярности вдохновения, Виктор писал на первый снег песню, иногда песню и стихотворение. Вторая – неугасимая любовь к Великому Барду: шекспировские изыскания, шекспировские мотивы, шекспировские герои и злодеи, шекспировский сонет... Третья – не просто свободное существование в литературной среде, подпитка ею, именуемая модным словом «интертекстуальность», но и захватывающая игра с преобразованием хрестоматийных сюжетов. В остальном круг сквозных тем В. Шнейдера можно предугадать: об эмиграции, о религии, о поэзии, о любви, о смерти...

В нем чувствовался ум, дисциплинированный исследовательской лабораторией. Его стихи легко читать: они «вразумительны», лишены пренебрежения к элементу ratio. Признавая, что в поэтической иерархии формулировки важнее, чем содержание, Виктор находил, что ему «не удается быть до конца поэтом». Бесконечно далекий от любой божественности, он никогда не пользовался правом таланта на несносный характер. От трепетно-серьезного отношения к себе был абсолютно свободен, от впадения в пафос надежно спасала самоирония.

«Уезжал я как биолог, а поэта насильно, против его воли увозил с собой. Теперь биолог у поэта разве батрак, который кормит (и очень, очень нерадивый!), и стоила ли игра свеч, становится вопросом». Бесплезно гадать, что перевесило бы в будущем. Теперь важно, что осталось. Поражает, сколько осталось, какой емкой, значимой величиной оказалась эта короткая жизнь. Многие из тех, кто знал Виктора, так и живут, все время чувствуя, какой стужей тянет из ничем не заполнимой пустоты после его гибели. Для тех, кто не знал, – есть книги и песни Виктора Шнейдера.

Нина Алмазова

Сонетный романс

Я никогда не спрашивал: «А ты?»	Am Dm Am
Я просто говорил: «Люблю. Скучаю», –	B E7
И притворялся, что не замечаю	Dm G C
Из раза в раз ответной немоты.	Dm E7
Я никогда не спрашивал: «А ты?»	Dm E7 Am
Я никогда не спрашивал: «А он?»	Dm G C
Хоть любопытство ревности сильнее,	Dm E7
Но кто мог поручиться, что сумею	Dm G C
Я не сорваться на обидный тон?	Dm E7
Я никогда не спрашивал: «А он?»	Dm E7 Am
Я никогда не спрашивал: «А я?»	Dm G C
Кому нужны вопросы на засыпку,	Dm E7
Когда стоим и так на кочке зыбкой,	Dm G C
Не зная точно, где ее края?	Dm E7
Я никогда не спрашивал – а зря	Dm G C
Не спрашивал, по правде говоря.	Dm E7 Am

18 августа 1999

Рэп-гимн постмодерна

Раньше для поэзии нужен был поэт.
В идеальном случае – Пушкин или Фет.
Для случая похуже поэты шли пожиже:
На стадии безрыбья, может, даже те же мы же.
Поэзия все множилась, толстела и росла,
Разумное, и доброе, и вечное несла,
Однако постепенно все росшее число
В качество иное перешло-переросло.
Поэзия – не средство, не цель и не кумир.
В современном мире она – отдельный мир.
Поэзия – структура и как она нигде
Для воспроизведения не требует людей.
Каждый самолетик из макулатуры –
Новая структура в рамках этой субкультуры:
Если от крыла к крылу текст на нем прочесть,
Трудно не признать тот факт, что что-то в этом есть.
Сочетанье странное начала и конца
Вполне самодостаточно, не требует лица,
И говорить об авторстве здесь глупо, ибо эта
Поэзия не требует, не требует поэта.
Текст, полный информации лишь о себе самом,
Не требует читателя ни с сердцем, ни с умом,
А если буквы, выпуклыми сделав, тиснуть к коже,
Ни зрения, ни слуха не потребуется тоже.
В строгих рамках принципа «искусство для искусства»
Сочувствия поэзия не требует и чувства
И собственные неантропофильные тома
В известном смысле может и должна читать сама,
Тогда как раньше для поэзии нужен был поэт.
В идеальном случае – Пушкин или Фет.
Для случая похуже поэты шли пожиже...
etc.

29 января 1994

Первый снег 1990 года

Снежинки с криком бьются в твердь асфальта,
И этот крик зовется белым шумом,
Но где-то сквозь него прорвался Шуман,
И музыка кружит, как клоун в сальто,
А где-то – звук бесстыжего мажора,
Который продает на вес и штучно
Лоснящийся и весь благополучный
Обжора с видом коммивояжера.
Снег падает и на асфальт ложится.
Я так истосковался по сугробам!
И радуют меня движенья оба:
Снег кружится, а музыка кружится.

E7 Am
A7 Dm
G7 C
Bb/C E7

Пусть только снег – властитель общих дум
И словно пеленой закутал землю,
Но даже если я ему не внемлю,
То Шуман прорывается сквозь шум – Bb/D
Он прорывается
Сквозь шум – он прорывается
Сквозь шум... E7 Am

1990

Нарциссиада (первая публикация)

Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся.
Честью ее не считал тот, кто дриадой любим.
Замер, дрожит, изумлен, любит, смотрит, горит, вопрошает,
Льнет, упрекает, зовет, замер, дрожит, изумлен.
Кажет он сам, что влюблен: ликом, просьбами, взором, слезами.
Тщетно целуя поток, кажет он сам, что влюблен.
Пентадий (III в. н. э.), «Нарцисс»
Муза, поведай о том многоопытном муже, который...

Гомер, «Одиссея»

Золотострунная лира поведать поможет аэду
То, что узнал он от музыки об истинной жизни Нарцисса,
Сына Кефиса-царя и возлюбленной им Лериопы.
Равных себе он не знал ни в искусстве владения лирой
(Лиру вручил ему лично Гермес, и едва ли не раньше,
Чем самому Аполлону; Орфей же еще не родился),
Ни в красоте (восхищались с младенчества ею открыто
Мать Лериопа, и слуги царя, и особо служанки).
Юноша рос, окруженный любовью, но сам был холоден.
Девушка именем Эхо, воистину – нимфа, молила,
Чтобы Нарцисс разделил ее чувства к нему, но напрасно.
Неуязвим для Эротовых стрел, оставался надменен
Юноша так же, как глух был он к просьбам товарищей частым
Слух ублажить их игрою своей на божественной лире:
Знал, что парнасские сестры им на ухо не наступали,
И потому видел в этом занятии Сизифову муку.
Позже они отступились, наскучившись тщетною просьбой;
Эхо долой с глаз исчезла, как будто бы высохнув с горя,
Стала невидимой, только порою мерещился голос...
Годы, однако же, шли, а не встретил Нарцисс ни достойней
Девушки, нежели Эхо, ни слушателей благодарней.
К ним и пошел со своею он лирой – да было уж поздно:
Всех занимало другое, и слушать его не хотели.
Эхо же стала женой колченогого Пана и дочку
С ним нажила на момент, когда встретила снова Нарцисса.
Видел с ней рядом Нарцисс ее мужа-уродца и слышал,
Как тот играет смешно на своей тростниковой свирели.

С ними расставшись, отправился сын Лериопы на речку,
Долго глядел на свое отражение, думал о чем-то
И, наконец, олимпийским богам помолясь, утопился.
Все это видел пастух, на другом берегу отдыхавший,
И, ничего не поняв, описал для потомков. Сей случай
И до сих пор порождает фантазий и сплетен не меньше,
Чем невезучий, невзлюбленный Паркой Эдип и Электра.

запись 21.10.94

Комментарий: согласно источникам, которые трудно считать историческими и которыми я, тем не менее, старался следовать по возможности строго, Кефис, отец Нарцисса, был на самом деле богом, но таким мелким, что не могу сказать, низвел я его в земные цари или возвысил. Что же касается нимфы Эхо, именуемой у Пентадия почему-то дриадой *, то это, пожалуй, один из самых несчастливых персонажей древнегреческих мифов: сперва от неразделенной любви к Нарциссу она так высохла, что от нее остался один голос, потом бог Пан в наказание за супружескую измену сделал ее заикой (зверская жестокость, если учесть, что, кроме голоса, у нее и так уже ничего не было). Пушкин, правда, сообщает в утешение, что именно Эхо родила от Аполлона Рифму, но это, по всей видимости, произошло, когда уже, как говорится, Великий Пан умер. Вдова же его еще долго числилась в живых, пока один из новейших аэдов не принес трагической вести, что Эхо расстреляли в горном ущелье, предварительно истязая связанную с кляпом во рту всю ночь. Ужасный век! Ужасные сердца!

* - Дриада – разновидность нимфы, именно – древесная.

ВАСИЛИЙ ЛОЗА

Василий Лоза. Драматург и сценарист. Лауреат и дипломант Всесоюзных, Международных и Всероссийских конкурсов. Родился в конце 50-х г. г. в рабочем посёлке на Севере. Сын репрессированных. Женат. Отец и дед. Учился на актёра, режиссёра, филолога, драматурга. Служил в армии. Работал шахтёром, пожарным, директором клуба, дворником, артистом.

Повесть «Византийский распев» – динамичная, яркая, с элементами детектива, так что оторваться от неё невозможно. Василий Лоза щедр и на эпитеты, и на действие, жесты. С читателем и со своими героями он сразу на «ты», но это вовсе не даёт ощущения панибратства. У его прозы особый энергичный язык – слова весомые, ёмкие, много точных глаголов, и вместе с тем – проза умная, лёгкая, такая вот редкая антитеза... Казалось, всё просто – а вместе с тем... В ткань повседневности с ходу вплетается эксцентричный сюжет. Герои и персонажи сплавлены в неразделимый клубок событий и мыслей. И автор, как умелый пловец уверенно и чётко ведёт свою линию...

Татьяна Щеглова

ВИЗАНТИЙСКИЙ РАСПЕВ

1

– Тварь – ты, Туманов. – Сидоров выдохнул, как плюнул в лицо Туманову, но, похоже, промахнулся – тот и не дёрнулся. Но Сидоров знает заветное слово: – Смерд.

Будь под рукой Туманова хоть что-то колющее, режущее или огнестрельное, и будь это хотя бы десять лет назад, он не думая пришил бы бывшего друга, с кем они и вылушили это слово из множества прочих, означавших человека, что на ступень проще даже примата. Но всё поменялось, а главное, что Туманову приходилось думать, вернее, продумывать общение с каждым. Да и Сидоров, паразит, предусмотрительно зачистил поляну: ни тебе колющего, ни тебе режущего, а с огнестрельное самому носить надо. И Туманов максимально очаровательно улыбнулся, просто-напросто представив себе заколотого, зарезанного и зажаренного выстрелом из огнемёта Сидорова, – тот просто одурел от стойкости старого товарища, а ведь как пыжился, чтобы спровоцировать на какое-нибудь непозволительное мужское поведение. И Сидоров добавил от всей души, сдуваясь: – Выродок.

– Ошаленная тема, – душевно промурлыкал Туманов. – Впервые слышу подобное от мусульман.

Сидоров не сразу понял, что враг говорит о песне, звучащей в записи Сидоровского компьютерного проигрывателя. Они сидят друг напротив друга за широким канцелярским столом. Давние настоящие друзья, одногодки, Сидоров и Туманов уже несколько лет жёстко конфликтовали, не скрывая презрения и самых мрачных пожеланий вслух. Стол стоит в кабинете учёного секретаря, обязанности коего уже год исполнял Константин Андреевич Сидоров.

– Тоже мне – интеллигент. Питекантроп, – прыснул Сидоров, не замечая, что пустил изо рта слюну. – Неандерталец. Экспонат кунсткамеры. Это «Византийский распев». Понял, невежда? Самая, что ни на есть, музыка христиан.

Вдруг Туманов сделал резкий выпад, обхватив и сжав костяшками пальцев нос собеседника, – тот взвыл! Но прежде, чем вступить в рукопашную, скорее машинально, Сидоров нажал кнопку вызова референта, и ну – махать руками, да только попусту – Туманов не подпускал и невозмутимо держал верх до самого момента, когда дверь распахнулась. Противники были примерно одной конституции и в небольшой разнице весовых категорий, но Туманов, таки, полевой учёный, ежегодно испытывающий в экспедициях физическое развитие, а Сидоров, хоть тресни, – клерк: мягкий, нежный тюфячок... Когда же в проёме образовался референт – Нина Ивановна – Туманов бросил нос Сидорова, как ничего и не было, и вновь погрузился в слушание действительно прекрасного исполнения чудной древней песни.

– Слушаю, Константин Семёнович? – спросила референтша, заранее предполагая форму беседы этих двоих, но застав меланхоличного Туманова, таращившегося в окно. И шефа... а что такое с шефом? И не отвечает, и нос воротит... А Сидоров не отвечал, ему на самом деле с носом разобраться бы: погладить, потереть, в зеркало порассмотреть.

– Секундочку! – подняв указательный палец, попросил Туманов. – Послушаем музыку, ладно? – дав вокалисту позвучать, Туманов поднялся и, склонившись к Сидорову через стол, пододвинул документ. – Подпишите уже, господин учёный секретарь. Экспедиция, конечно, ждёт, но время не терпит. – и добавляет свистящим шепотком: – Пожалуйста, смерд.

И Сидоров, обнимая кистью левой руки потревоженный нос, правой – подписывает смету расходов на экспедицию, принесённую Тумановым. Затем подвигает документ в обратном направлении и громко, едва не прислонившись лицом к лицу врага, произносит:

– Ты – труп, Туманов. Простой тупой покойник.

Туманов, угрюмо продолжая светло улыбаться, сцарапывает со стола подписанный документ и направляется к выходу:

– Нина Ивановна, – остановившись около референтши, душевно промурлыкал Туманов, – боюсь, ваш шеф может запомнить, сбросьте, пожалуйста, на мой электронный адрес ссылку «Византийского распева».

– Чего? – переспросила референт Нина Ивановна.

– Хочу иметь вот эту самую христианскую песню, столь похожую на мусульманскую молитву. Не забудьте, и лучше сегодня же. Ради бога. Да ведь вы кофе, и даже чай со сливками пьёте. Позаимствуйте у патрона, ему нынче, по большой дружбе, доставлена такая сливка! – и развесёлый Туманов ушёл, даже не задумываясь, зачем ему «Византийский распев», тем более, что не был меломаном, и работал в тишине, и расслаблялся у телевизора. А тут то ли чёрт дёрнул, то ли Бог управил, но красавица-песня, однако же, совсем скоро станет для него роковой.

– Константин Семёнович? – опять вопросительно обращается референт Нина Ивановна к начальнику Сидорову.

А тому и сказать нечего. То есть слов-то, конечно, масса, но не в академии же наук ею атмосферу прорезать, опять же и референт Нина Ивановна – женщина. «Помощником надо иметь мужчину, – решил Сидоров. – Как только утвердят в должности, так и сделаю».

Сумеречное лето вскрыло окна даже тех домов, что торчат по краям проезжих дорог, чего уж ждать от санаторных строений. В одной из палат, на одном из этажей одного из спальных корпусов, двое – Тамара и Гусев – расплзались по постели друг от друга, чтобы не дай бог соприкоснуться после ЭТОГО, чтобы освежить кожу дыханием черноморского вечера: два обнажённых тела в смятых простынях.

– Всё уже, Гусев, иди, – раздражённо выговорила Тамара.

– Не могу... не хочу, не уйду.

– И держат же таких раненых зачем-то, и держат...

– Ты недовольна? Тебе мало!? Виноват, Томусик, готов искупить.

И тут распахивается дверь палаты, включается дневное освещение, и в дверном проёме появляется Виноградова.

– Мама... – ошарашено произнесла Тамара. Вот так, да!? Как, чёрт возьми, она разнюхала: что, где и когда!? Во-первых, с чего бы ей она понадобилась. Во-вторых, откуда ей знать о возможности подобного анекдота со стороны дочери. И, в третьих, кто, блин, сдал! Вот тебе и тайная комната для тайных свиданий тайных любовников... никакой, к едрене фене, суверенной личной жизни!

Гусев же не удивился. Тренированная психика, как обычно, в нестандартной ситуации, заставляла боевого полицейского офицера не переживать, а действовать, и он принялся тереть простыни, одновременно расправляя их, натягивая на себя, с застывшей Тамарой.

В мозгу Виноградовой прошмыгнуло: – Тамарка, дрянь, всего тридцатник, а кожа, как у подростка. Поджарая, грудастая, очаровательная щучка на букву «с». А ведь она – моя дочь... сюрприз. А этот майор... типичный атлет: боевые шрамы, могучие мышцы, но меж бёдер самого главного и не разглядеть. То ли дело невысокие худые мужички, – вот уж у кого мужская часть не просто окаянный отросток абы был, но полноценный член туловища, наравне с руками и ногами, и даже с головой, а-то и вместо неё... От, чёрт, – Виноградова осадил кавалерийский наскок воспоминаний пожилой женщины. Тпру! Стоять, «Зорька». Может, и правда выйти замуж, покуда скакуны вокруг не бросили бить копытом? А вслух Виноградова, прикрывая за спиной дверь, тихо произнесла:

– Надоело мне, Томка, валяться по госпиталям, пора и честь знать, – подходит к стулу, забросанным больничной спецовкой Гусева. – Здесь лейтенант-пограничник лежал, вчера выписался, видимо, не сдал пижаму. Санитарки совсем от рук отбились, не прибираются. – Виноградова брезгливо выбрасывает вещи в окно. – Никакого порядка, сплошная антисанитария.

Гусев успел только выдохнуть:

– Ёооо!

– Голос? Мужской как будто? – сделав удивление, продолжила Виноградова. – Послышалось. Ты подумай, дочь, лейтенант уехал, а его эхо ещё слышно. Какие ж приставучие эти мужики, липнут даже к стенам.

– Штаны-то зачем было выкидывать, – угрюмо выговорил Гусев.

– Завтра выписываемся, ребёнок, и едем в твою семью, – приговорила Виноградова, как бы не слыша Гусева.

– Товарищ полковник, мы же все здесь взрослые люди... – начал было строго выговаривать Гусев.

– Домой, доченька, к мужу, на всех парах. – Виноградова пошла к выходу.

– Ну, как я отсюда выйду-то без ничего! – обиженно выкрикнул ей в спину Гусев.

– Лапками, Гусев, лапками, – упершись тяжёлым взглядом Виноградова резко обернулась. – Скажи спасибо, что я тебя в принципе не оципала и на вертел не насадила. С яблоками в слепой кишке. Взрослые они... засранцы. – хлопнув дверью, Виноградова ушла.

Впечатлённая Тамара постепенно возвращалась к действительности:

– Ну, узнаю, кто меня сдал...

– Захотела загаситься от начальника следственного управления, – грустно посочувствовал Гусев. – Вон, даже моё звание разузнала, не то, что фамилию. И юмор у неё следацкий.

– То есть, ты, Витюша, не сомневался, что моя мать нас застукает?

– Ни грамма.

– Может, ты нарочно подставился? – Тамара уже поднялась с кровати в поисках своей одежды.

– Чтобы остаться нагишом перед полковником следственного комитета, хоть и раненного? Ага, нашла дурака. – Гусев залюбовался линиями тела Тамары. – Если честно, я в тебя втюрился.

- У меня семья, – Тамара одевается.
- Ты же сказала, что разводишься.
- Да? Чего не натреплешь ради секса. Хотя чёрт меня знает, может, и разведусь. – Тамара, одевшись, идёт на выход.
- Принеси, пожалуйста, мою одежду, а?
- Разве омовцу есть, чего стыдиться? Ты же в самом соку. Неси себя гордо, пусть все позавидуют, да и захлебнутся слюной.

Тамара, усмехнувшись, приговорила и ушла, хлопнув дверью, – вся в мать. Гусев лишь прокричал вслед, натягивая простыню:

– И пойду! А что, думаешь, испугаюсь!? Пусть все видят. Позор, блин, натуральный позор... и на службе узнают – настучат. Зато какая Тамара... какая Тamarочка-то моя.

Виноградова, с ноутбуком подмышкой, идёт по аллее к скамейке. Среднего роста, стройная, в общем – дама вполне аккуратной конституции, хороша по всем статьям, несмотря на время. Она, похоже, запомнила обзавестись глубокими морщинами и буйной сединой. Что, впрочем, неудивительно при её работе, когда некогда оглядеться, расслабиться, посмотреть телевизор, полистать журнал. То есть, усвоить личные паспортные данные, испугаться и броситься на спасение юности. Хотя после тяжёлого пулевого ранения и последовавшей полугодовой больничной бездеятельности, не знаешь, чего ждать от организма, которому, было дело, уже исполнилось сорок девять. Но не пятьдесят же! Ой, да ладно, всё путём. Безлюдно. Виноградова присаживается на скамью в центральной аллее сквера, что начинается от входа в госпитальный корпус. С побережья доносится лабушиная стряпня ночного кабака, трещат-верещат какие-то птицы, насекомые, – в целом, приемлемо. И даже хорошо. Виноградова включает ноутбук, подключает модем, оперирует с программой «Скайп». Раздаются резкие телефонные гудки. На мониторе возникает картинка рабочего кабинета высокого начальства. В поле зрения камеры входит большая 52-летняя Червонная Анна Тимофеевна, в форме генерал-майора юстиции. Руководитель управления Следственного комитета по Загряжской области, непосредственный начальник Виноградовой.

- Говори свободно, я одна. Привет, Сан Саныч. Как сама?
- Самочувствие отличное, – бодренько пискнула сквозь сухоту в горле Виноградова. – Вот что, на службу я, всё-таки, решила пока не выходить. Съезжу с дочерью в Синегорск, там пройду реабилитационный курс.
- Что-то случилось? – Червонная сидела за письменным столом, справа от неё – поднос с чаем и печеньем.
- С чего ты взяла. – Виноградову раздражали новые технологии, доверять им, в принципе, нельзя, а тем более задушевные мысли. Да и с Червонной они в последний год отдалились дружка от дружки. Вернее уже полтора, если приплюсовать полгода после ранения, – само плюсуется, автоматом вычитая привычки, рефлексy, привязанности.
- То рвалась на работу, рычала на меня, типа, моё здоровье – не твоё дело...
- Появились кое-какие семейные заморочки. Ну, и выясняется полегоньку, что не 20 лет.
- И не тридцать, – отчего-то радостно подтвердила Червонная. – И даже не сорок. Не будем уточнять, будем беречься.
- Дай там команду, чтобы оформили, и нужные документы переслали мне в Синегорск, до востребования.
- Уже записала, исполним. А то чайку? Заходи. Без мыла в душу ты – мастак, а как насчёт компьютера?
- Генерал, перестань жрать мучное.
- Сан Саныч, – нежно проворковала Червонная, поедая печенье. – Нам тебя очень не хватает.
- Сомневаюсь, чтобы мои подчинённые по мне скучали.

– Не беспокойся, не то, что по тебе, я им ни по ком и ни по чём скучать не даю. Хотя, если по серьёзу, Виноградова, в производственном процессе реально пошли сбои. На самом деле не справляется твой зам.

– А я тебя предупреждала, Червоная, не подсовывай мне блатных, следственный отдел – не турбюро, у нас пахать надо, причём, грамотно.

– Когда из госпиталя выписываешься?

Червоная терпеть не могла, когда ей ставили на вид, хоть и подруги. Но если до ранения Виноградовой она это умело скрывала, то сейчас даже как будто и нарочно подчеркнула. Или показалось? До ранения... после... Н-да, очевидно, что придётся с этим жить, и тянуть лямку под названием: «Жизнь после ранения»:

– Хочу выехать в Синегорск завтра же.

– Счастливо.

– Что там по моему делу?

– Новостей нет. Работаем.

– Понятно. Пусть роют, как могут, я потом доведу до ума.

– Твой приезд в Загряжск, ты же понимаешь, это всё равно, что ловля на живца...

– И что ты предлагаешь – сыграть труса с отставкой!?

– А я наизусть помню письма тебе с угрозами: уезжай из Загряжска и мы тебя не тронем.

– Это предложение, товарищ генерал-майор?

Виноградова осознала: нет, не показалось, Червоная точно не хочет её возвращения. Вот, блин, засада. Да какая там засада, самая натуральная подстава... предательство! Но Червоная как прочитала мысли подруги, и вдруг сделалась той, кто когда-то делилась с Виноградовой последним, и от её искренних щедрот не отказывалась:

– Я же сказала: ты мне нужна и как профи, и как руководитель, и как человек. — Но жизнь, разве, не важнее работы, Шурка? Только скажи, я позвоню в Москву, и нам подберут новую кандидатуру, а тебе и без меня наверняка предложат что-то достойное. Вернёшься, наконец, в белокаменную, на родину. Есть же, наконец, дочь, внучка. Сама ещё можешь хвост распушить, покуда не облез...

– Я вернусь, разберусь с покушением на меня, порву виновных на молекулы, и тогда поговорим о переводе.

– Если порвёшь, тогда и переводиться не надо будет.

– Всё, командир, подчинённый устал.

– Будь здорова, Шурупчик.

– Завязывай с пирожными, Анюта. – Виноградова отключила скайп и захлопнула ноутбук.

Из соседней аллеи трусцой выбежала женщина в олимпийской красной форме, с капюшоном. Остановившись, она сделала несколько быстрых маховых движений и вновь продолжила бег к корпусу. Пробегая мимо Виноградовой, женщина обернула к ней лицо, и той вдруг увиделось собственное, но не здесь и не сейчас. Тогда на окраине Загряжска стыло зимнее утро.

...По тропинке, огибающей край густого хвойного леса, бежит Виноградова, в спортивной форме, в сторону кирпичного жилого дома, так называемой, «элитной» постройки. Из соседней, пересекающей аллеи – навстречу Виноградовой – трусцой выбегает мужчина в олимпийской красной форме, с капюшоном. На бегу, мужчина вынимает из-за пазухи пистолет с глушителем, стреляет в Виноградову – та падает, раненная в грудь. Убийца делает контрольный выстрел в голову и той же ровной трусцой убегает по тропинке в чащу. На снежной дорожке лежит расстрелянная Виноградова, и откуда-то сверху, то ли из крон деревьев, то ли из облачного неба несётся голос: – Мама... Мама, очнись! Мамочка... мама...

Туманов, где-то с месяц, оказываясь у компьютера, включал и включал эту музыкальную тему, наслаждаясь, проникаясь, наполняясь и тому подобное. А после отъезда супруги принялся включать свою музыкальную радость на всю ивановскую, чтоб и в кухне было слышно, и в нужнике не оставляло. Одевшись на выход, Туманов вошёл в кабинет, остановился на пороге и позволил восторженной душе дослушать песню... Доктору геологических наук, заместителю заведующего лаборатории минералогии Института геологии Синегорского НЦ РАН Туманову Игорю Андреевичу – сорок пять. Его внешность несколько несурозна, что ли: небольшая голова с остроносым лицом повзрослевшего юнца-очкарика торчит на длинной шее из рукастого, рабочего туловища, вполне пригодного для таскания тяжестей: что, скажем, штанги на спортивном помосте, что, к примеру, мешков картошки, каждый под центнер, на разгрузке трактора. Жёсткое, со всей вежливостью, отношение к сослуживцам вызывало безысходную неприязнь мужчин и живейший интерес заневестившихся дам. Начальники ценили, что Туманов, взяв свою карьерную высотку, не претендовал на покорение уже занятых ими прохладных, но освоенных вершин. В общем, Игорь Андреевич был необаятельный человек, но надёжный мужчина и работник – на своём месте. Его, такого, как сейчас, парящего в музыке, не мог бы представить никто, кроме супруги и дочери. Ну, может быть, ещё и тёщи. С ней они видятся всего раз в год, да та очень уж пронизательна. Как ни ерепенься, но против, самого, что ни на есть, реального сыщика аргументов нет, а те, что были, пали смертью храбрых в результате давних непродолжительных семейных боёв... Туманов выключил компьютер, прихватил в коридоре портфель и вышел из квартиры.

Рыбарёва, по внешнему виду, хоть сейчас хватай под белы ручки и вези на допрос. Ответит на все вопросы, подпишет любые документы. Тем более, что и ручки давно не белы, и во взгляде – виноватый страх. Но в том-то и дело, что даже допрос ему не светит, где тебе и разговор со вниманием и стакан с водой, потому что совсем Рыбарёв никому не интересен. Ну, разве, в крайнем случае, да и то походя, если подвернётся под руки тем, у кого они как раз белы, как однажды Туманову. Рыбарёв уже час стоит на лестничной площадке между этажами ухоженного подъезда Тумановского дома и всё больше устаёт удивляться, отчего жильцы до сих пор не вызвали полицию. Такое, всё-таки, царит среди народа круговое равнодушие.

Туманов выходит из квартиры, запирает многочисленные замки на двери. Короткое покашливание за спиной напрягло. Туманов резко поворачивается всем телом на звук.

– Игорь Андреевич. Доброе утро. Простите.

– Чёрт, Рыбарёв!? – Туманова больше взбесил собственный испуг, чем само по себе явление Рыбарёва. А тот продолжал, побарывая изо всех сил похмельную сухость во рту:

– Я виноват, понимаю, раскаиваюсь откровенно, простите, ради бога, я больше не буду! Игорь Андреевич, послушайте!

– Кто надоумил меня здесь подловить?

Рыбарёв счастлив был бы оказаться подальше от Туманова. Хоть на краю города. Пусть в случайной хазе! На полу, в обнимку с ополовиненной стеклотарой.

– Игорь Андреевич, верните меня, ради бога.

– Назовёшь умника, возьму обратно, – Туманов вызывает лифт.

– Горский.

– Логично. А молотком меня по голове шарахнуть Горский не присоветовал?

– Не, мне не говорил, – искренне ответил несчастный пьяница, как на духу.

А Туманов входит в подъехавшую кабину лифта:

– Всё, приём окончен.

Рыбарёв впечатывается всем передом в захлопнувшиеся створки лифта, кричит вослед кабине, пронзительно и плаксиво, как ребёнок:

– Отец родной! Благодетель! Жизнь положу за вас, Игорь Андреевич! Кормилец!

Рыбарёв оседает на пол. Слышно, что лифт доставил Туманова на первый этаж, стукнула подъездная дверь. Урод... козлина... падаль. Убить тебя мало.

Туманов живёт в девятиэтажке кирпичной постройки позапрошлой тоталитарной эпохи, когда за качество владения ремесла отвечали волей или жизнью. То есть строили стену здания, имея ввиду, что это та самая стенка, к которой и ставить, собственно, не надо, раз уже стоишь. Двор, как всё пространство Российской Федерации, заставлен коробками автомобилей. В одной из них уже кончает разогрев мотора Туманов. Разогрел как будто. И вот он начинает движение, выводя автомобиль с парковки, но почти тут же принужден резко затормозить, в последний момент увидев подрезавший его авто с шашечками такси. Как поджидал, засранец! За рулём сидел сосед... как, бишь, его... Леденцов? Леденцов! Гад, ещё и лыбишься... Туманов выбирается из машины, как ошпаренный, чтобы лично – лицо в лицо – выматериться в молокососа, а такси, конечно, и след простыл. Простыл-не простыл, но остался, и запомнился, Леденцов, можешь быть покоен, щегол, куда ты денешься из подъезда. А воздух-то в лёгкие набран и возмущённо требует выхода наружу, Туманов и кричит неинтеллигентно на весь двор: – Псих! Дебил! Таких соседей морить, как тараканов, надо! Возвратившись за руль и выдохнув остаток: – С добрым утром, страна. – Туманов окончательно выезжает со стоянки, а затем и со двора.

Синегорск – столица одной из северных областей с прихватом Полярного Урала по содержанию всей таблицы имени Менделеева. Площадью равняется парочке Франций с горстью нескольких европейских стран помельче. Население меньше миллиона, да и тех, если просеять, можно не досчитать, как минимум, четверти. То есть людей здесь явно меньше народа, и толпятся они, как говорится, в многонациональной массе своей, конечно, в Синегорске. Тут и театры, аж целых два, и музеев четыре помещения, и даже филармония с актовым залом. Все эти заведения горожане с заезжими селянами и прочими провинциалами посещают. И, что занимательно, в Синегорске не осталось кинотеатров. Прежние здания снесли или перепрофилировали, а новые, в связи с не востребованностью, не нужны. Всё-таки, истинное искусство вечно, а тому, что в него рядится, непременно приходит пора замены; эрзац, знаете ли, приедается даже русскому организму. Есть разлапистый всепобеждающий университет. Пяток куцых то ли институтов, то ли их московских филиалов. Ватага жилых памятников барачной «архитектуры» угрюмо держат оборону против базарного стада современных многоэтажек. Аэропорт – даже и не в пригороде, а тут же, на автобусной остановке маршрута номер пять, вторым концом которого тот упирается в железнодорожный вокзал. Сейчас здесь белый ливень полощет раздолбанный пожилой асфальт, и лучше ему не кончатся бы, а неестественно плавно трансформироваться в снегопад, потому как молчание небес по любому заполняет бодрый зуд комариной стихии. Отчего она столь притягательна – человечья кровь? Её пьёт всё и вся. И зачем ты – человек... за что!

Московский поезд не спеша прокатывается мимо вокзала, с перроном, полным встречающих. Локомотив протягивает состав до конца пути, в тупик, где ему предстоит ночёвка. Встречающие гурьбой топчут за ним, ковыляя и подпрыгивая, высматривая в окна приехавших, а пассажиры, грязно ворча и сердечно зевая, готовятся к кроссу наций под ливнем, с чемоданами и торбами, сначала вдоль железнодорожных путей, по грязи, до перрона, потом, по перрону, до крыши над головой типа вокзала или автотранспортного средства.

Виноградова сидит у окна купе, размышляет, с любопытством глядя на транспортную действительность. Третий день, как она со скандалом оформила досрочную выписку из-под призора ведомственных докторов. Тогда её здорово шарахнуло. Хорошо, дочь оказалась рядом и применила спасительное мероприятие над её организмом. Хотя, собственно, для того Тамара и прикатила в санаторий, взяв отпуск за свой счёт.

...Тамара теребит лицо матери, лежащей в забытьи на скверной скамье черноморья, трясёт за плечо: – Мама... Мама, очнись! Мамочка... мама... ну же!

И Виноградова приходит в себя, постепенно осознаёт место нахождения, суть происходящего. И первое осознание после беспомощности пришло с мерзким прорезистым криком дочери: – Мама, твои таблетки с собой?

– Чёрт побери этого долбанного киллера, – окончательно пришла в себя Виноградова. – Да не ори ты, бешеная.

– Мама, идём в корпус, там врач...

А Виноградова – о своём:

– Надо ж ему было в олимпийской форме стрелять. Причём, конкретно красной раскраски.

Тамара растерянно поддерживает разговор:

– Чтобы яркостью отвлечь внимание от своей внешности.

– Нарочно, из вредности, чтоб и на том свете мишени спокойно не жилось.

– Но ты же на этом свете...

– Видимо, не вполне. – Завтра, вечерней лошастью, уезжаем в Синегорск.

Тамара поняла, что речь о Гусеве:

– Мама, я здесь всего четвёртый день.

– И никаких гвоздей.

– А если билетов нет.

– Для работника Следственного комитета моего уровня?

– Но ты же не в командировку направляешься с дочерью, а по личным вопросам. Ты же служебное положение в частных целях не используешь, да?

– Тогда – самолётом.

– Дорого.

– Тогда пешком! Вплавь, автостопом, держась за задницу, намазанную скипидаром...

– Мама! Что у тебя за выражения!

– Вопрос исчерпан. Утром оформляем выписку, выезд – после обеда.

– Мама, я – взрослый человек, и я очень люблю секс.

– О любви надо было думать до замужества, а сейчас, будь добра, соответствуй брачным узам.

– Ты же знаешь, у нас с Игорем не всё, как прежде, я рассказывала...

– Узам, дочь, добровольным кандалам! Чтобы с чистой совестью смотреть в глаза моей внучке! – Виноградова поднимается и идёт по направлению к спальному корпусу.

Тамара – вослед:

– Старомодная вы, мамаша, женщина. Хоть верьте, хоть нет, но моя совесть чиста. – Поднимается, идёт за матерью.

– До чего ж бессовестные люди вокруг...

– Мам, нам не надо спешить отсюда, твоему здоровью требуется пригляд...

– Стреляют, изменяют, ненавидят друг друга... когда ж вы, такие, жить начнёте, по-настоящему...

– Пойдём, телевизор посмотрим...

Виноградова сидит у окна купе, дожидается полной остановки поезда. Это было четыре дня назад. А сегодня второй день, как они, с Тамарой, заехали домой, точнее, в их давно обезлюдевшую московскую квартиру.

...Водитель ведёт такси по улочкам Центрального района Москвы. Тамара сидит на пассажирском месте около таксиста, Виноградова – позади. До Москвы пришлось, таки, добираться самолётом. Завтра, утром, в Синегорск отправятся поездом. Но сейчас Москва... Москва! Александра не часто бывает дома и потому она так яростно внимает видам своей малой родины:

– Моя Москва – чудо...

Тамара, с привычной иронией, отвечает:

– После ранения твоё видение переменялось. Где ты видишь Москву? Города нет, есть некое место для проживания человеко-людей...

– Если мне видится не то, что видишь ты, циник, то хорошо, что в меня стреляли.

– Предлагаешь поставить к стенке всех москвичей и таким образом сделать их счастливыми?

– Помолчи, провинциалка. Завидуешь коренной москвичке молча.

– Мама, ау, я тоже москвичка.

– Ты – синегорка.

– Синегорчанка.

– Предательница родины.

– Это Москвы, что ли? – Тамару задело такое жёсткое определение. – Сама-то ты не живёшь в своей разлюбленной столице, – заводится Тамара. – Я уехала за мужем, а ты просто бросила отчий дом. И кто из нас предательница?

– Я живу там, где служу. Вот такой у меня пунктик. А служу там, куда направят.

– Вернее, куда пошлют. И послали.

– Надо ж было мне родить в год змеи, да ещё и скорпиона.

Тамара поняла, что сейчас они легко могут разругаться вдрызг и резко переменяла тему:

– Что ты решила подарить внучке?

– Как пароход назовёшь, так он и поплывёт. Поэтому логично подарить Галке – скворечник.

– Не поняла...

– Вот и разговаривая с тобой, понятливой. Галя попросила патефон, с пластинками, естественно. Но не романсы, а песни военных лет.

– Девка совсем повернулась на военщине...

– На патриотизме! Растёт и самовоспитывается. Ничего плохого...

– Откуда она знает, что у тебя есть патефон?

– Я как-то перечисляла вещи, которые перейдут ей по наследству.

– Вообще-то, в очереди на наследство я первая, – ухмыльнулась Тамара.

– Со своим беспутством ты меня вряд ли переживёшь.

– Мама! – обиделась Тамара. – Шутки шутками...

– А я подумала, получить после смерти предка причитающееся тебе по закону – это как-то отстранённо, что ли, не душевно. Другое дело – подарок... из рук в руки – трогательно и тепло.

– Александра Александровна наклоняется к затылку водителя, – Поезжайте по Трёхпрудному. Водитель согласно кивает и сворачивает на перекрёстке...

Виноградова всё ещё сидит у окна купе. Вот он, первый день, как она катит по Северам, хоть и русским, но не родным. Не впервые, но всё же. 11 лет назад Тамара, будучи студенткой 2 курса Московского педагогического университета – географический факультет, кафедра геологии и геохимии ландшафта – вышла замуж и уехала с учёным-геологом в Синегорск, где по сию пору работает научным сотрудником в музее геологии при местном отделении академии наук. С тех пор мать редко виделась с дочерью, раза четыре, быть может, шесть, ну, пусть восемь, из которых однажды здесь, в Синегорске. Всё одно, она давно уже никак не влияет на развитие Тамары. И вот сидит она, развитая, напротив, кривляется в зеркало, репетирует выражение радости при встрече с мужем. Виноградова, признаться, просто обалдела от пренебрежения дочери к браку. Как раз поезд остановился и почти в ту же секунду в дверном проёме купе объявился зять:

– С приездом, девчата!

Тамара отрепетировано обнимается и целуется с мужем, и так это у неё выходит органично, убедительно, что любо-дорого смотреть. И не помнить о Гусеве. И не задумываться о прочих возможных самцах и павлинах... Виноградова, приветливо махнув Туманову, изображает

деликатность, отвернувшись к окну, за которым ливень обмывает встречи, счищая иногороднюю грязь и заграничную пыль. А, может, Тамарка и правда любит Туманова? Ну, гульнула, – чего ни бывает в супружестве. В конце концов, Гусев – завидный мужик, манкий такой производитель... а вот, гадство, и он сам: за окном купе – в полевой форме полицейского майора, с огромным рюкзаком у ног, стоял грозный Гусев, ест мороженое и буровит взглядом содержимое купе. В следующее мгновение грозные офицеры Гусев и Виноградова схлёстывают взгляды. Виноградова ещё в Москве пробила Гусева по базе, и взбесилась, когда узнала, в курсе, что Томкин кобель 39-летний майор Гусев Виктор Георгиевич, родом, блин, из Синегорска! Более того, там до сих пор проживают его родители. Называется, увезла дочь от греха подальше. Конечно, она снова их застучала в купе дальнего вагона... ой, да ну их, озабоченных. Виноградова – не экстрасенс, читать могла только по бумаге, а в глазах видела только зрачки, белок и слёзы, и всё же что-то же становится видно в людях и простому смертному. Так вот, ничего определённого про дочкину любовь сказать нельзя, но этот крендель в неё точно влюбился. И тут же профессиональный сыщицкий инстинкт, как заправский шахтёр, выдал на гора из глубин непознаваемого: быть беде. Да и банальный житейский опыт намекал на то же – очень уж бедовые люди, включая её лично, сбились в косяк и ну изображать из себя журавлей: курлычут, машут крыльями. Осталось дожидаться известий с чёткими данными: что произошло, где и когда, но уже в прошедшем времени. Когда уже ничего не изменить, как теперь ничего не предотвратить. Виноградовой подурнело, а Гусев раздавил в ладони мороженое, сбросил отжим в урну и ушёл в сторону вокзала. А дальше что ж, оно ж известно, как поётся в русской народной песне имени шотландца Роберта Бёрнса: «Ты свистни – тебя не заставлю я ждать». Беда и свистнула. Уже назавтра.

3

Синегорск уже потерял своё лицо, позволив деньгам клепать дома, какие заблагорассудиться, кроить улицы вкривь и вкось, выкорчевав раз и навсегда деревянный одноэтажный частный сектор. Бабки с дедками повымерли, внуки с внученьками понастроили. Но что поделаешь, тем более, когда делать нечего и руки опустились, Синегорск – член России, всеми порушенной и никем нелюбимой страны. Может быть, пока. Может быть? Может. Быть. Но потеряв лицо, его не восстановишь, можно лишь придумать новое и воплотить. Но речь не об этом. Всё же редкие островки прошлого любимого Синегорска встречаются – серые и чёрные, крашенные и пошарпаннные домишки, с разросшимися рябинами, неизбывными огородами и чёрными банями. В одном из таких выживающих дворов живут родители Гусева, конечно. Георгий Васильевич – в советской древности руководил городским молочным заводом, был осуждён за финансовые махинации, ставшие ныне – государственной политикой номер раз. Во время следствия он повёл себя правильно, никого не сдав, оттого и срок отбывал грамотно, в робе начальника пошивочного цеха. Откинувшись, старик честно отмахал до пенсии дворником. Мать майора Гусева – Зоя Сергеевна, просто учительница, преподавательница био и зоо – логий. Ей сегодня исполнилось восемьдесят. Да ещё и сын приехал, бросив ради неё курс лечения после очередного ранения, полученного в очередной служебной командировке. Праздничный стол ломился от картошки, приготовленной в десятке разных вариантов: и печёная, и жареная, и варёная. Грибы, ягоды, огурцы с помидорами – класс. А хлеб так и вовсе родом из печки! Пришли трое учениц из любимого выпуска семьдесят пятого года. И любимый ученик за все времена Зои Сергеевны, гордость классной руководительницы – Костя Сидоров. Принёс роскошные розы. Костя и сын Витя. Поначалу они изрядно выпили. Но затем резко прекратили возлияния. И вообще всё застолье они задушевно, по-мужски вспоминали живой Синегорск, перипетии мальчишеских походов, юношеских приключений, замесы общих увлечений, знакомых. Шептались, уединившись. Сидоров сделал предложение и Гусев едва не засандалил ему в пятак. Костя засобирался домой, но тут Витя его окликнул –

они отошли в сторонку, поговорили. Выпили на брудершафт и спели, со всеми не одну песню хором. Чудесный получился праздник допоздна.

Виноградова просыпается, улыбается тишине. Утро задалось: она проспала до девяти! Обычно радость сна длится не более шести часов, где-нибудь с нуля, не ранее, – так уж самонастроился организм. Притом объём повседневности не при чём, уж что-что, а планировать производственный процесс начальник следственного отдела полковник юстиции Виноградова умеет, как мало кто. И вот, в кои-то веки она, проспав восемь часов пятьдесят три минуты, нежится уже минут десять в постели, исподволь надеясь поспать ещё с часик! Ну, полчасака... ещё минут пять? Но нетушки, дальше некуда. Что ж, значит, пора пить кофе. Виноградова поднимается, набрасывает халат. Распахнув окно, глядит с седьмого этажа на тонущий в зелени двор. Красотища изумительнейшая, и тишайшая! А Тамарке сейчас, небось, во сто крат краше, потому что катит она по настоящему лесу. Точнее выразиться, по нетронутому человеком отрывку тайги...

Тамара выводит автомобиль из лесу, в километре от входа в летний спортивно-оздоровительный лагерь «Соколёнок», паркуется. Выйдя из консервной банки авто, она делает глубокий вдох и буквально оседает на землю от головокружения. Вот он свежий хвойный воздух. Тамара, веселясь, достаёт из сумочки мобильный телефон:

– Мам? Только проснулась! Эх, тебя растащило в Синегорске на сон. Хорошо? Игорь ушёл на работу? Уже полчаса ему названиваю, а он не отвечает...

Виноградова, умытая, в халате, босиком, с надкушенным крымским яблоком в руке, разговаривает по мобильному телефону с Тамарой: – Да слышу я эту дурацкую музыку его мобильного. Тома, не буду же я с утра вваливаться в комнату к мужчине. Знаю, что не спальня, а кабинет, но мне неловко. Я – не некоторые. Хорошо! Вот кончу завтрак и зайду. Сама же говорила, как он любит спать. Через десять минут, после здорового завтрака. Всё. – Она отключает мобильник, кладёт в карман халата. Откусывает яблоко, в сердцевине которого обнаруживается тройка червей. Виноградова, морщась, вырезает ножом сердцевину, поднимается из-за стола, и уходит из кухни. По коридору, осторожно откусив ещё яблоко, она направляется в конец, к закрытой двери в кабинет Туманова. Останавливается, прислушивается. Негромко стучит костяшкой пальца. Ждёт ответа. Виноградова стучит громче. Пауза. Виноградова для доходчивости добавляет в голос резкость: – Игорь. Игорь! Игорь, это тёща стучится, по настоянию твоей супруги. Игорь, блин! Трудно, что ли, ответить? Чёрт, я вхожу! Если что, я не виновата. Виноградова толкает дверь – та открывается. Виноградова через порог заглядывает в кабинет. А там... на полу лежит мёртвый Туманов. И в его шею воткнута металлическая ложка для обуви. То, что это ложка, Виноградова сообразит, конечно, после. После того, как осмотрит труп, А сейчас она неожиданно для себя, по-бабьи, всплескивает руками, усилием воли прерывая вырвавшийся, было, вой. Потом механически надкусывает яблоко и, жуя, входит в кабинет. Аккуратно ступая, опускается на корточки перед трупом, проверяет пульс. В отчаянии кивает утвердительно, как бы ответив хрупенькой надежде на жизнь и падает на колени. Тут хлынули слёзы, смывая мысли вместе с яблоком, – пустота. Затем, ещё рыдая, женщина поднимается с пола. Выпрямляясь, она задевает кресло на колёсиках. Кресло откатывается и стучается о столешницу, автоматом включив «заснувший» компьютер. На мониторе высвечивается программа «проигрыватель», с титрами ролика: «Византийский распев». Виноградова достаёт из кармана халата мобильный телефон, чтобы позвонить Тамаре, путается в кнопках – как вдруг мобильник непроизвольно сам по себе сфотографировал. Виноградова в принципе никому и ничему не доверяла. Слишком много должно сойтись, чтобы раскрыть преступление: от грамотности и профессионализма опергруппы до статуса жертвы. Ни то, ни сё в отношении Синегорска Виноградова ещё не ведала: ни насколько значительна личность Туманова, ни какова квалификация работников местных правоохранительных

органов. Только служба сдерживала полковника юстиции Виноградову, работающую чаще на земле, чем в конторе, в рамках гуманистических постулатов. Вне службы, реально, людей она давно разлюбила. И вынуждено доверилась себе одной. Да и то, с оговорками и с обязательными сомнениями. А бывало и с самоугрызениями. Сейчас, однако, не до размышлений: Виноградова, уставая бороться с рыданиями, тщательно фотографирует место преступления, включая местоположение трупа, рану, паркетный пол, на котором заметны крошки от бутерброда и крошечный кусочек сала, которые она, соорудив из салфетки кулёчки, упаковывает. Отдельно фотографирует монитор компьютера. Потом вернулось пожилое, как её служебная деятельность, размышление: чёрт знает, что переменится во мне, когда выйду на пенсию и останусь наедине с обществом, без всяких прав, с одними только обязанностями...

Около шлагбаума, обозначающего один из въездов на территорию лагеря, Тамара общается с 9-летней дочерью – этакой миниатюрой Сан Саныча, то есть бабушкой – Виноградовой. Впрочем, другой бабушки в Галкиной жизни нет, и Виноградову она только так и называет: «Сан Саныч». Ну, любят дети прозвища, что поделать, то ли пещерно-племенная память никак не упокоится, то ли окружающая лагерная действительность воздействует. Галка канючит:

– Ну, мам...

– Всё, я сказала. Это ты из своего любимого папочки можешь верёвки вить, а со мной бесполезно.

– Ну, мама же!

– Всё, Галина Игоревна, разговор кончен. Немедленно собираться и чтоб через двадцать минут, с вещами, сидела в машине. Марш в корпус, я жду в машине.

Галка на мгновение перевоплощается в собеседницу – в мать, позой и голосом:

– Всё папе расскажу! – Уходит за шлагбаум, потом оборачивается и сообщает многообещающе – Ничего, мамуля, коснётся...

Тамара, привычно, осаживает дочь:

– Поговори мне ещё!

Галка, хныча и по ходу взбрыкивая, убегает в сторону длинного одноэтажного деревянного дома, отстоящего в глубине вековых зарослей, счастливо не тронутых механизмами, а только лишь облапанных детьми, как девчата первыми ухаждёрами. Звонит мобильный телефон Тамары:

– Да, мам? Нет, ещё в лагере. Сопротивляется соплячка. У неё, видите ли, «Зарница». Представь себе, как и в вашем детстве, та самая военно-спортивная игра. Может, уже Советский Союз возвратился, а меня решили не предупреждать?

Виноградова стоит в прихожей, у входной двери и говорит, как может, по мобильному телефону с Тамарой: – Лучше оставить Галку в лагере. Случилось. Игорь умер...

Тамара обмирает. Потом, после вселенской паузы, выговаривает:

– Дочки рядом нет, говори. – Она слушает мать. Затем выпаливает, – Я не могу отвечать. Поняла!? Мама! Всёооо!!!

Тамара, обронив телефон, делает несколько шагов куда-то к лесу, растеряно озираясь вокруг, отшвыривает сумочку и, наконец, оседает на землю без сил. Опять оглядевшись, замечает, что миру – хоть бы хны. Ложится лицом в землю, как если бы попыталась зарыться, вдавиться, пропасть, но, задохнувшись, отпрянула, и плюхнулась спиной на песок, вперемежку с опавшей хвоей. А во взгляде её: ни дождинки, ни искринки, одно зелёное бессмысленное небо...

В кабинете Виноградова добывает тонер из лазерного принтера, но суетливость мешает, и она оставляет на минутку дело, чтобы уравновесить дыхание с пульсом. Стараясь не увидеть мёртвого зятя, она шарит взглядом по полу и захватывает недоеденное червивое яблоко.

Жизнь человечества всё больше напоминает червей в яблоке, пожирающих саму суть собственного существования. Отказавшись от услуг интеллекта, человек всего лишь существует на подножном корме. Не интересуется окрестностями – не поднимает головы, чтобы не проглядеть съедобную личинку под ногами. И только надеется, что его яблоко существует, что его плод на дереве не один, и дерев тех большой сад. Виноградова, вновь обратившись к принтеру, кончает отложенный труд, выходит в прихожую. Осматривает незапертую входную дверь и посыпает тонером её ручки. Рыдания отпустили, слёзы отлились – женщина отступила перед привычным жёстким напором взращённого в себе сыщика. Так как вполне очевидно, что для каждого червя его яблоко первое и последнее, по логике, человеку нет резона становиться червём. Но он – червь, а червю надо жрать. Сан Саныч проходится беличьей кисточкой для рисования по дверной ручке и заготовленным скотчем снимает отпечатки пальцев...

Зимнее утро Загряжска. Городская окраина возле густого хвойного леса. Эксперт-криминалист обрабатывает на следы брошенный киллером пистолет. Расстрелянная Виноградова без сознания лежит на носилках, стоящих на земле. Поодаль, у служебной машины стоит наряд полиции. На самом месте покушения работает криминалист. Там же – следователь, оперативники в штатском. К носилкам подбегает Червонная, в форменной генеральской одежде. Она склоняется к Виноградовой, берётся за её расслабленную руку, смотрит вопросительно на врача «скорой помощи». Тот отрицательно кивает. Червонная сокрушённо качает головой, выпрямляется. Врач кивает санитарам на носилки с Виноградовой – те поднимают их на руки, несут по направлению к «труповозке». Червонная идёт рядом. У Виноградовой открываются глаза. Червонная кричит. Подбегает врач. Санитары ставят носилки на снег. Врач проверяет состояние Виноградовой, удивлённо смотрит на Червонную. Машет санитарам, чтобы те несли Виноградову в противоположную от «труповозки» сторону – в карету «скорой помощи». Невысокий, упитанный оперативник проводит, едва не за руку, симпатичную замёрзшую тётеньку – следователя по аллее, указывая на следы, предположительно принадлежащие убийце.

...В прихожей Тумановской квартиры Виноградова замечает отпечатки следов. Похоже, домашних тапочек? На полу, рядом с отпечатками более очевидными, с комочками грязи, судя по всему, от уличной обуви, – от ботинок. Она фотографирует следы на мобильный телефон. И опять замечает крошки бутерброда, правда, кусочка сала не наблюдается. А Виноградова ещё не червь. Во всяком случае, мозги от туловища она не отключала и принуждала ум ежедневно заниматься гимнастикой, – благо, профессия тупить не даёт. И она должна раскрыть убийство Игоря Туманова. Да, они были едва знакомы, прожив десятилетку родства, в тысяче километров друг от друга. И теще зять не нравился. И жена от него гуляла, что тоже, знаете ли, наводит на размышление. Но внучка беззаветно обожает папу – это бабушка знает стопроцентно, а значит, Виноградова обязана отловить животное, столкнувшее Галку в безотцовщину, и, в случае необходимости, наказать лично. Ровно так же, как следует наказать и того, кто стрелял в неё саму. И того урода, что позволяет себе заказывать убийства...

Виноградова – в бинтах – лежит в кровати Загряжской клиники. Открывает глаза, видит за стеклянной стеной Тамару, Туманова и Галку – те счастливо замахали ей, разулыбались.

...В квартире убитого зятя, ещё не раз внимательно и подробно осмотревшись, отфильтровав мысли и откашлявшись, Виноградова берёт трубку стационарного телефона, набирает номер справочной службы:

– Девушка, мне, пожалуйста, – номер дежурного Следственного Комитета по области. Спасибо, – набирает услышанный номер. – Долго! – услышав приветствие, – Говорит руководитель отдела по расследованию особо важных дел.

... Тамара, отряхнувшись, подбирает с земли сумочку, телефон. От лагерного корпуса, с рюкзаком за плечами бредёт раздосадованная Галка. Девчушка любит родителей, восторгается бабушкой, но отказываться от летней новизны радости жизни со сверстниками ради рутинного сосуществования с неизбежной роднёй не желает. Проклятая зависимость от предков, никакой свободы:

– Мама?

– Галочка. Прости, что не подумала. Была неправа. Оставайся на свою «Зарницу». И вообще – до конца смены оставайся.

– Ну, с тобой не соскучишься. – Галка, конечно, возрадовалась, но резкая перемена в материнском мнении насторожила. – С папой, что ли, поговорила?

– С бабушкой.

– Ага, Сан Саныч всегда меня понимала! – Галка почти успокоилась. – Так я пошла обратно?

– Давай. Созвонимся.

– Мам, что-то случилось? – почти успокоения для Галки не бывает, она по жизни предпочитает ясность-понятность от и до.

– Всё нормально, – подбодрила дочь Тамара.

– Так я пошла?

– Иди, иди.

– Только, пожалуйста, не будем целоваться в губы, я взрослая, – Галка чмокает мать в щёку. – Пока!

Галка убегает. Тамара, проводив дочь взглядом до того момента, как та исчезла в зарослях, с трудом перебарывает нахлынувший приступ истерики и заставляет тело отправиться к автомобилю. Она и представить не могла, что привычное дело – шагать – может быть столь обременительным. К слову, беременность давалась ей много легче, чем этот сиюминутный ход... куда-то, зачем-то. А что, если мама ошиблась? Оно, конечно, маловероятно, но даже войны возвращают погибших, и природные катаклизмы тоже не всеядны. Да, надо быстрее пройти до машины, завести мотор и как дать по газам! Нет, наоборот, всё надо делать медленно и торжественно, как на похоронах, только сдержанно... как на похоронах!?

Сидоров сегодня нёс себя на работу, как дурушка с писаной торбой. И так это было заметно, что коллеги и прочий технический персонал Академии Наук, произвольно оборачиваясь на него, и даже беспечно как-то улыбался. Референт Нина Иванова в другое утро наверняка обрадовалась бы веселящемуся шефу, но перед ней, на столе, лежало печатное известие о трагической гибели Туманова. Не то, чтобы Нина Ивановна близко знала покойника, но, как многие, уважала. Тем более, что печальное известие, опубликовано не где-нибудь, а на первой странице правительственной газеты, да ещё и с фотопортретом в траурной рамке, что без обиняков приговаривало Игоря Андреевича к сонму людей выдающихся на сегодняшний момент. Расстроенная референтша даже не подумала о каком-то психологическом подходе к Сидорову и просто, без всяких яких, включая элементарное приветствие, выпалила:

– Туманова убили!

Об убийстве в газете, конечно, не было ни слова, но все уже созвонились и прояснили сложившуюся ситуацию до необходимых подробностей. Сидоров замер, переживая новость. И, не поверите, из левого глаза протекла реальная скупая слеза настоящего мужчины.

– Не может быть, – прохрипел Сидоров. – Да бросьте, что вы...

– В правительственном вестнике опубликовано! Значит, сто процентов.

– Боже мой, боже мой... как мне будет не хватать его, – Сидоров направился в кабинет, открыл уже отпертую дверь. – Светлана Ивановна, надеюсь, вы выполнили тогда его последнюю просьбу?

– Какую?

– Отправили ссылку на песню? Как её...

– «Византийский распев»? Ну, конечно!

– Слава богу, слава богу. И я подписал тогда всё, что он просил для экспедиции, без купюр. Значит, мы, с вами, Туманову ничего не должны. Рассчитались подчистую. Пожалуйста, не соединяйте меня ни с кем. Мне надо минут пятнадцать хотя бы... пережить, собраться с силами.

Сидоров ушёл в кабинет, а референтша тут же позвонила подружке:

– Снежана? Слушай, хочешь, я тебе пришлю ссылку на последнюю песню покойного Туманова? Сейчас всё объясню. Называется: «Византийский распев»...

Сидоров сразу же прошёл к рабочему столу, открыл принесённый портфель, достал из него свежую газету. Отставив портфель, он разложил газету перед собой и позволил вновь проявиться счастливому настроению: перед ним лежал тот же вестник с известием о кончине врага Туманова. Конечно, Константин Семёнович уже читал свежий номер правительственного вестника! Сидоров погладил свой нос. А потом спустил изо рта слюну на фото покойного, и ещё, и ещё... и ни разу не промахнулся мимо ненавистного лица.

4

Ничего особого в помещениях следственного управления нет, кроме, непосредственно, самих уголовных дел, находящихся в производстве обитателей данного отдела. Есть и ещё одна особенность, родом, вероятно, из самоутверждения женщин в жизни общества, – на работу они предпочитают наряжаться в форменную одежду. А так как следствие всей российской государственности на 75 процентов состоит из работников женского пола, то понятно, как снаружи выглядит ежедневный конкурс красоты в стенах Следственного Комитета. Подполковник юстиции Уралова исключением не является. Она – руководитель отдела по расследованию особо важных дел – отлично знает силу воздействия форменной одежды, как на гражданских посетителей, так и на коллег. Эффект не только в количестве и размере звёзд на погонах, но и в содержании колодки орденских лент. 44-летняя Татьяна Олеговна Уралова, по всему, впечатление производит солидное. В настоящий момент она сидит во главе стола для совещаний, изучает квартальные отчёты подчинённых и выслушивает тихий ровный голосок своего заместителя, 35-летней капитана юстиции Костиной Светланы Степановны, только что вернувшейся с первичного осмотра места преступления:

– Туманов Игорь Андреевич, – сообщает по писаному Костина. – Полных сорок пять лет. Доктор геологических наук. Работал в институте геологии Синегорского научного центра российской академии наук, заместитель заведующего лаборатории минералогии. Протокол вскрытия получим к вечеру. Что заинтересовывает сходу, – это то, что Туманов убит практически накануне отправки геолого-разведывательной партии в экспедицию, где он был руководителем.

– Если истинной целью экспедиции является предмет или тема, составляющее государственную тайну, – не отвлекаясь от просмотра документов, отмечает Уралова. – то расследование с самого начала вели бы не мы, а чекисты. Так что, ничего интересного в смысле шпионажа и диверсий нас, скорее всего, не ожидает.

– Никакой романтики, – деланно вздыхает Костина.

В этот момент без какого-либо предупредительного знака, типа стука в дверь, за которой однозначно гнездится женский коллектив, входит полковник юстиции Прусак Леонид Юрьевич, шеф следственного управления Следственного Комитета по Синегорской области. В 54 года он, надо, скрепя дамское сердце, признать, выглядит на ять: двухметровый черноволосый объёмистый персонаж с лицом прелестного лупоглазого ленивца. Старорежимного воспитания, Прусак не «гадил в собственном огороде», отчего отчасти и сохранял сплочённость его женский отряд следователей. Что же до прогулок Прусака на все четыре стороны, то тут, естественно, циркулирует информация разной пробы, но она не имеет ровно никакого отношения к трагической кончине Туманова.

– Не вставайте. Виноват, припозднился. – доставая, как всегда и всюду, из кармана пачку сигарет и зажигалку, Прусак усаживается напротив Ураловой. – На чём остановились?

– Только начали, – ровно, без намёка на подобострастие, отвечает Уралова, выставляя на стол дежурную пепельницу. – Вот протоколы. Продолжайте, Светлана Степановна.

– Туманов убит в собственной квартире, – бесцветно улыбаясь, докладывает Костина. – Смерть, судя по всему, наступила в результате проникновения...

– Гляньте в окно, уже вечер, нормальные люди отужинали. – мечтательно восклицает Прусак. – Короче?

– Короче, зарезали его в горло ложечкой для обуви, – отвечает Костина.

– Банально. То ли дело – пальцем в глаз.

Костина искренне удивилась:

– Пальцем в глаз? Но не реально же.

– Так про что речь. И?

– Возможно, до того между Тумановым и убийцей происходила борьба. По показаниям свидетелей, смерть наступила между семью и девятью утра. Судмедэксперт после визуального осмотра подтверждает. Вскрытие происходит в данный момент...

– А что там за полковник юстиции объявился, матери мои? – резко сменил тему Прусак.

Уралова давно перестала удивляться скорости получения шефом разного характера уведомлений:

– Тёща покойного. Полковник юстиции Виноградова Александра Александровна из Загряжска.

– Не та ли Виноградова, на которую покушались?

– Так точно. Она и обнаружила труп.

– И у нас подозреваемые, Светлана Степановна, есть?

Костина коротко отвечает:

– Нет.

– Направление работы?

Костина деловито продолжает:

– Первым делом отрабатываем версию по служебной линии.

Прусак гасит недокуренную сигарету и поднимается из-за стола:

– Пойдём-ко, Уралова, проводишь руководителя до его высокого кабинета. Вперёд.

Уралова идёт вослед за Прусакон, предупредительно распахнувшим дверь. Уже в дверях Уралова коротко бросает Костиной:

– Дождись меня.

Прусак и Уралова уходят.

В коридоре два полковника идут не спеша по ковровому покрытию и беседуют, как если бы не служили друг с другом, а всю жизнь дружили. Прусак, конечно, начал:

– Первым делом – служебная версия. А вторым? Причём, параллельным? Не слышу, мать моя?

– По логике, надо отрабатывать родственную линию...

– Не только по логике, но и по школе, а главное – по опыту.

– Да ясное дело, уж методике-то меня учить не надо. Леонид Юрьевич, люди зашиваются, дел невпроворот.

– У тебя в отделе работают алкоголики?

– Чего?

– А чего ж они зашиваются?

– Ё-маё, – выругалась Уралова, как выматерилась. – Юмор... Вы прекрасно понимаете...

– Не мути, Таня, жизнь всё равно мутнее. Поэтому когда слышишь шутку, особенно от начальства, пользуйся моментом: смейся.

– Ой, да я смеюсь целыми днями, каждую минуту рабочей смены, разве в твоём кабинете не слышно? Даже если убила сама Виноградова или её дочь – жена покойного, да хоть внучка, нам сверху, по любому, пойдёт команда: не трогать. Виноградова уже полгода, как героиня, светоч Следственного Комитета на всю страну...

– Слушай сюда, мать моя. Команда, конечно, пойдёт. И мы, с тобой, включая твою замшу Костину, команду выполним, с руками по швам. Как положено. Потому что – команда. И все мы вместе – тоже команда, включая на этот раз ещё и того самого героического светоча по фамилии Виноградова. Но. Следственный комитет обязан знать истинное положение вещей в каждом уголовном деле. Преступление и наказание, мать моя, разные материи. Преступление должно быть раскрыто, запрототолировано, подшито в папку, и, буде на то верхняя воля, положено под сукно. Но раскрыто! А вот наказание – действительно, не наше дело.

– Криминалист довёл до сведения следователя, что отпечатки пальцев и следов обуви кто-то снимал до их прихода.

– Наверняка Виноградова.

– Конечно.

– И?

– Костина снимала показания. Виноградова не знает, кто преступник. И, скорее всего, предпримет приватное расследование, в обход нас.

– Я всё сказал, ты всё поняла. Что-то мобильник долго молчит, а? Возвращайся, подполковник, к себе. И займись делом Туманова лично. В правительстве области его крепко уважали, правда, ещё не знаю, кто конкретно. Видимо, министр финансов, он же у нас из академиков пришёл ещё в девяностых, при самом первом Главе области. – Прусак уходит по коридору.

Уралова постояла ещё чуток, ковыряя носком лакированной туфли ковровую дорожку, попутно усваивая и уясняя информацию. Потом, понятно, возвращается в кабинет.

Виноградова, в выделенной ей комнате квартиры покойного зятя, лежала в постели, глядя в потолок, в стены, в корешки книги на стеллаже. Негромко работает телевизор. Горит ночник. Входит Тамара. Присмотревшись к дочери, Виноградова поняла, что лучше не притворяться сонной, но напротив говорить с ней бодро и жёстко:

– Тома, или плачь, или хохочи, но тихо звереть не надо.

– Ты должна найти убийцу, – хрипло, едва ворочая языком в сухом рту, выговорила Тамара.

– Я отлично знаю, что ты любишь Игоря, так что, ни в каких твоих оправданиях не нуждаюсь.

– Убийцу... найди.

– Нет резона мешать официальному расследованию.

– Я не оправдываюсь. Мама, ты обязана это сделать!

– Ещё чего. Почему обязана-то?

– Потому что ты – следователь, аж целый полковник, а жертва преступления – твой зять.

– Умыкнул единственную дочь и демонстрировал её исключительно проездом, в основном в виде фотографий. Где ты слышала, чтобы тёща ломалась из-за зятя, вон, почитай в интернете анекдоты про подобных родственников, типа: «Дорогая тёща, вы просили похоронить вас в кремлёвской стене, так вот я договорился с мавзолеем, похороны завтра».

– Мама! Игоря больше нет. Как жить...

– У тебя есть дочь. Так и живи ради неё! С телевизором по вечерам. С выпивкой по праздникам до свинячьего визга. С внуками в свой срок. С новым мужем, в конце концов. Вот сколько вариаций на тему вдовства. Я не была вдовой, потому что не была замужем, но когда осталось, мать её, одиночкой, без поддержки, то выбрала работу.

Тамара ушла, хлопнув дверью. Виноградова поднялась из постели, одела халат, глянув за окно, и пошла вослед дочери. Тишина ночного Синегорья просто зверская, она безжалостно рвёт в клочья нервы заезжего горожанина из какого-нибудь миллионника, а-то и самого

мегаполиса. И заезжий молодец оказывается вовсе не молодцем, а так – пятном человека на больничной койке провинциальной действительности. Хотя аборигены жалуются на головные боли от уличных шумов – то бродячие псы сцепятся, то комарьё раззудится громче птиц, то скрип дерев под ветром не давал заснуть. Местная жизнь, без сомнения, штука сложная и проходит нервно, с отдельными помехами и неожиданными досадами, хотя в целом ночью в Синегорье – тишина. Александра Алексаандровна вошла в кухню, где Тамара, как раз, достала из бара початую бутылку коньяка, рюмку.

– Ладно, – сказала Виноградова. – Помянём на сон грядущий.

Тамара достала вторую рюмку, поставила перед матерью:

– Только не надо меня поучать, ага, – она налила коньяк.

– Объясняю, почему мне нельзя ни влезать в расследование, ни проводить собственное.

По всем параметрам, любое преступление предполагает следующие первые две версии: первая – отработка семейного следа и вторая – параллельная, след служебный.

Тамара выпивает:

– Дай сообразить. Переводя на обиходный язык, выходит, что убийца – или я, или кто-то с работы Игоря?

– Ни фиги себе поминки, хопнула рюмаху, как на пьянке, ни слова, ни вздоха по убиенному супругу.

– Не учи, сказала. Мама, не надо меня чехлить, я и так вся в страданиях!

– Как сказала, так тому и аминь. – Виноградова, вздохнув, тоже выпила, молча. – Меня тоже включи в подозреваемые первого порядка. Тем более, что я обнаружила труп. То есть, как раз и есть подозреваемый номер раз. И Галку присоседь. Других родственников у Туманова нет.

– Ещё соседи. Бомжи, что тусуются в районе вашего подъезда. – бодро принялась перечислять Тамара. – Работники коммунальных служб. Например, сантехник, которого накануне вызвал Игорь. Кстати, не мешало бы. Ну, мало ли?

– Вот именно.

– Но это не мы! – выкрикнула Тамара.

– Ко всему, необязательно, чтобы кто-то из нас являлся непосредственным убийцей. Мы могли нанять исполнителя.

– Я не убивала. И я не заказывала. Не я...

Перед взглядом Виноградовой всплыло видение позавчерашнего прибытие московского поезда, когда к ним в купе вошёл Туманов, а за окном белый ливень полоскал влюблённого Гусева. Не просто влюблённого, но грозного – в полевой форме, с огромным рюкзаком – буровящего взглядом купе. Они ещё пересеклись взглядами – любовник и мать предмета его похоти. Или страсти. Или любви? Но по любому нешуточного чувства омовца... ох, нешуточного. И когда взгляды их столкнулись... что-то произошло. Вернее, он что-то такое сделал, после чего Виноградова поверила в серьёзность намерений омовца. Да, точно: Гусев раздавил в руке мороженное! Как бы дал понять, что черноморское похождение перерастает в Синегорскую драму... Короче, дело – труба. Виноградова, отпихнув усилием воли мысленную картинку, переводит взгляд на стол, берёт бутылку, разливает по рюмкам коньяк и, таки, поминает:

– Настоящий был мужик. С тётшиной точки зрения. Он не только создал семью, но обеспечивал её и защищал. Я всегда его уважала. И ценила, – выпив, добавила. – Хоть и не любила. Так бывает.

Тамара, внимательно выслушав, выпивает и подтверждает:

– Ты права.

– Твоего отца, к примеру, я страшно любила. Но уважать его было не за что, а значит, и ценить. Кстати, твоя склонность к распутству, от него.

Тамара ещё в Москве решила для себя игнорировать мамины подколы на Гусевскую тему:

– То есть, мы, семья, под подозрением следствия?

Виноградова понимает, что подбодрить Тамару продуктивнее всего иллюзией сопричастности в размышлениях о ходе логики расследования:

– Единственное, на что мы обе имеем моральное право, это прояснить картину последних дней Туманова. Того периода, который проходил без тебя, куда ты, взяв отпуск за свой счёт, ухаживала за болящей матерью в санатории.

Неожиданно скоро Тамара сдалась и отбросила несвойственную ей решительность действий:

– Мне не хочется в ближайшее время расспрашивать, слушать...

Но тут уже Виноградова «закусила удила»:

– А придётся, доча. Нам надо вооружиться. Мало ли, вдруг придётся защищаться.

Тамара испуганно прошептала:

– В суде!?

Виноградова не ослабляла давление:

– Да. И в суде. Возможно, обвиняемыми. Потому необходимо заранее запастись информацией, а по возможности и аргументами. Завтра ты собираешься пойти на работу.

Тамара вдруг совсем растерялась:

– Нет, зачем...

Но мать не сбавляла жёсткости:

– Да. Я иду с тобой. Наши люди не умеют соболезнавать, если не за столом, поэтому посещение твоего музея займёт немного времени. Главное, зайти на работу Туманова.

– В институт геологии?

– Как насчёт отношений Игоря с коллегами?

– Нормально.

– А с начальством?

– По разному.

– Есть враги?

– Следователь уже задавала этот дурацкий вопрос.

– И ты ответила, что не знаешь?

– Не знаю.

– Думай. Вспоминай. Враги, завистники, недоброжелатели, соперники, противники – они, однозначно, есть у каждого. У кого их нет.

– У меня.

– Как сказал поэт: «Большое видится на расстояньи». Ты можешь не замечать, но со стороны виднее. Когда я задала тебе вопрос о враге, чьё имя первым пришло тебе?

– Я. Я – главный враг моего мужа. Не берегла. И не ценила.

– А вторым? Кто был вторым?

– Сидоров. Константин Семёнович. Исполняющий обязанности учёного секретаря нашей академии наук. Они в молодости дружили. Потом Костя двинулся в карьеру, правда, по хозяйственной части. Устал, говорил, мыкаться по общагам и сшибать деньги до получки. Но при этом всё больше завидовал Игорю, оставшемуся в науке. Особенно Сидорова убивало, что бытовые проблемы у двоих бывших друзей разрешались одновременно. Конечно, на разных уровнях, но всё же.

Виноградова поняла, что цели достигла, выбив дочь из вдовьего ступора, и теперь та будет существовать в реальности, а не где-то там, в зыбких сумерках души. Кроме того, объявлен подозреваемый номер два – враг с нежным именем Сидоров. Номером же раз Виноградова упорно считает Гусева. А как же! У него и мотив для убийства – твердокаменный: борьба за бабу, и сноровка – я те дам: убийство-то совершенно не специальным оружием, а подручным средством, ложка для обуви далеко не штык-нож, не пистолет. Ну, и главный вопрос для дочери: – А теперь чистосердечно: по приезде уже встречалась с Гусевым?

...Тамара вела авто уже по городу, чёрт знает, по которому кругу, когда позвонил Гусев. Весть о кончине супруга совершенно деморализовало её и всё, на что она была сейчас способна, это механистически воспроизводить зазубренные наизусть действия, к примеру, вести машину. На самом деле, звонок был уже не первым, но какой сейчас может быть Гусев! Возможно, это был всё тот же, непрекращающийся, один и тот же телефонный звонок. Тамара ответила. Потом подхватила любовника на какой-то обочине. Хотела, было, отдаться тут же, но очень уж мерзким оказался её единственный половой акт в автомобиле, потому она свернула в знакомый переулок, завела Гусева в подъезд одной из престижных, охраняемых и чи-стоплотных многоэтажек, и для начала сама изнасиловала его. Потом принудила к адекватному ответу Гусева. Она знала, что в этом доме в это время эти жильцы появляются редко: или ещё спят, или уже работают. Так что, боязни быть засвеченной в подростковом экстриме у Тамары не возникло. Хотя сейчас ей было так по фигу! Несчастный счастливый мужик изнемогал, но Тамара знала толк в бурении подземных скважин в условиях минимума производственных мощностей, выжимая стопроцентную отдачу из одного-единственного бура... Она просто хотела вернуться к жизни, и, блин, вернулась! Хотя возвращение, скорее всего, обеспечило не столько половое безобразие, сколько конкретная физическая оттяжка: Тамара отметелила любовника. Буквально избив его кулаками, ногами, ногтями, зубами – чем ни попадя. Подспудно она понимала, что в роли боксёрской груши выступает не примитивный самец, но могучий воин, оттого и получила чувство полного и глубокого удовлетворения. Где? Где, где – там же, где – в подъезде. Сцепив зубы, тупо, молча, чтобы жильцы не повыскакивали. Милый, милый Гусев... солнечный богатырь. Так что, маман, зря стараетесь, приводя дочь в чувство жизни, она уже в нём, вернувшись собственными силами. Но за добрый посыл спасибо.

...Тамара угрюмо, но чересчур поспешно ответила матери по поводу встречи с Гусевым:

– Нет, не виделись.

Виноградова изобразила гнев и шикнула, едва не в крик:

– Это важно! Отвечай честно!

– Посидели в кофейне. И – всё. Ой, мама, да мало ли таких Гусевых. Мама, я люблю секс, – так вышло по жизни. А Игорь – муж, он больше, чем любовь. Он и не любовь даже, нечто другое. Он дал мне мою жизнь после тебя. И теперь в неё входит всё, – и любовь, и ты. Дочь не обсуждается, потому что это другое. Но её мне тоже дал муж. Дал и ушёл. Я умру без него.

– Так вот, доченька, много у тебя Гусевых или мало, а ты мне вспомнишь каждого, поимённо, как над братской могилой. И выложишь досконально. До самой, что ни на есть, душевной тошноты.

– Ага, щчас, – радушно улыбаясь, Тамара распахивает руки, как для объятий.

– Ты, доченька, ещё не знаешь, что такое реальный допрос.

– Пытать будешь?

– Таких, как ты, Томатик, пытаются только садисты. Таких, как ты, профессиональные следователи легко и непринуждённо разводят.

– Ещё поглядим.

– А сейчас спать, – Виноградова разливает по рюмкам коньяк. – Материальную помощь обещали?

Тамара растерялась:

– Что? Какую?

– На работе Игоря тебе должны были предложить денег.

– Конечно. И на его работе предложили, и на моей. Но про деньги, мама, – только не сейчас!

– Согласна. Но утром мы за ними ходим. Аминь, – Виноградова выпивает. – Ну?

Тамара тоже выпивает коньяк, ставит рюмку на стол, обнаружив, что руки дрожат... Виноградова ставит бутылку в холодильник:

– Иди, полежи. Уснёшь – отлично, – подхватывает обе рюмки, ставит их в мойку, включает воду.

Тамара уходит. И что ей, собственно, делать в кухне? А в спальне можно скрыться от материной диктатуры хотя бы до утра. А маман-то, коньяк в холодильник поставила, – усмехнулась Тамара, – деревня. Потом когда-то пройдут похороны. Мать укатит восвояси, ловить преступников в Загряжке и мстить за покушение на неё. А Тамара останется один на один с тем, что построил для неё муж и оставил, да ещё с дочерью на руках! Когда мать уйдёт к себе, в комнату, надо будет вернуться в кухню и выставить коньяк из холодильника. И рюмки помыла, мол, не фиг, дочурка, увлекаться на ночь выпивкой. А не на ночь? На всю оставшуюся без мужа жизнь? И что, скажите на милость, теперь делать... просто-напросто, как быть. Позже, выдержав солидную паузу, Тамара вернётся на кухню. И добьёт коньяк. И вырубится на подоконнике.

5

Уралова по пути в кабинет заглянула в комнату следователей, где – она знала – наверняка – Костина уже воевала с ненавистной природой собственного лица с косметикой наперевес:

– Вот что, Светлана Степановна...

– Ой, – завидев начальницу, смущённо пискнула Костина. – Доброе утро.

– Надеюсь. Дело Туманова я беру на себя. Не-то сожрёт тебя начальство, и я надкушу первую.

Костина от всей души улыбается:

– Спасибо, мать моя! Извините, я просто процитировала...

Уралова рассмеялась:

– Поняла, не дура. Хотя с утра все мы... Всё-таки, это ненормально для женщины к семи утра переться на службу. Не любим себя, не бережём.

– Русские женщины они такие.

– За Туманова должна будешь, – Уралова закрыла привычную тему русского общения об особенностях русского характера, опять поймав себя на том, что открывает её чаще всего именно она сама, Таня Уралова, – службист, мать, бабушка, сестра и тому подобное. Юность положена на учёбу, молодость – на карьеру, а зрелость – на пенсию? С ума сойти от такого резюме...

– Не обсуждается! – звонко пообещала Костина, как будто во взаимоотношениях с начальством от неё что-то зависело.

– Но из темы не выпадаешь, работаешь на подхвате.

– Поняла.

– Я до обеда съезжу в институт геологии, на место работы потерпевшего, а ты прошерсти окружение вдовы. Как её...

– Туманова Тамара Ивановна.

– Главное – подруги.

– Поспросить на предмет Виноградовой? Мало ли.

А Костина очень и очень не глупа, – в очередной раз спохватилась Уралова, хотела, было, запретить лезть в столь деликатную тематику, но с другой стороны, не самой же подставляться. И только предупредила:

– Но близко к ней не соваться!

– Я не самоубийца.

– Растопчет, не сомневайся. Я навела справки через общих знакомых: Виноградова – каток, асфальтоукладчик.

– Не то, что вы.

– Недаром у неё кличка: Сан Саныч, – кончила Уралова, мысленно, но положительно оценив неприкрытую лесть капитана. – В конце каждого рабочего дня встречаемся у меня, сводим концы с концами. Удачи. – Уралова уходит.

Костина радостно нарисовала помадой на личных щеках восклицательные знаки. И на лбу. Аж три.

Виноградова и Тамара, за рулем, сидят в автомобиле, а мотор не заводится. По двору шмыгают жители, прохожие – кто бегом на общественный транспорт, кто по личным тачкам, а кто – умницы – пешком. Неподалёку от Тамариного автомобиля молодой сосед Леденцов протирает переднее стекло своей таксо-лайбы. Парню 23 года. Невысокий, белёсый, по началу всякого общения сдержан, но рискните-ка его распахивать..! Тамара смиряется с фактом, что придётся ехать на общественном транспорте и сообщает досадное известие матери. А та и не расстраивается, напротив – весело приговаривает: – Отлично. Новые лица – новые впечатления. Она и вправду совсем не знала Синегорска, да и видела-то его, в основном, из окна автомобиля зятя. Было, конечно, прогуливалась с внучкой, но когда та была совсем малая, много лет назад. Тамара и Виноградова выходят из автомобиля. Тамара озабочено говорит:

– Или такси вызвать, мам?

Вдруг в разговор встрял Леденцов:

– Сломались?

Может, его слово «такси» спровоцировало? Тамара жалуется:

– Не заводится.

– Могу подвезти, куда скажете.

Тамара обрадовалась:

– Ой, а вы, точно же, таксист!

– Да ладно. В первую очередь, я – ваш сосед. Так что, бесплатно. Тем более, у вас – горе. Сочувствую.

Тамара, резко опечалившись, приговаривает:

– Спасибо.

Леденцов распахивает обе дверцы, что слева по борту:

– Садитесь. Куда едем?

– В музей геологии, – отвечает Тамара.

Виноградова, усаживаясь на заднее сиденье, резюмирует:

– Жаль, что не пешком, но задарма и дуст – сахар.

Тамара усаживается на переднее сиденье, Леденцов – за руль.

– Меня Миша зовут. Из восемнадцатой квартиры.

Тамара радуется, как встрече с подругой:

– Прямо под нами!

Леденцов, заведя мотор, кряхтит:

– Прямо.

Такси уезжает. А со скамейки, утопающей в зелени, поднимается Гусев и глядит вослед авто...

Часам к одиннадцати Виноградова с Тамарой получили не только соболезнования, но и максимально возможную сумму в связи с семейной утратой, заложенной в финансирование любой бюджетной организации. Удивило, что общение и с Тамариными коллегами, и с бухгалтерией не только не взбесило, но даже не разочаровало, – наоборот, подбодрило и даже обрадовало. Тамара работает научным сотрудником в музее семь лет. Поступила, как водится, временно, но задержалась. Выпускница кафедры геологии и геохимии ландшафта географического факультета Московского педагогического университета, она работает, в общем, по специальности. Тем более, что выйдя замуж и уехав в Синегорск, перевелась на заочный факультет будучи студенткой 2 курса, и определиться конкретно с профессиональной

мечтой или хотя бы с увлекательной темой научной работы она толком не успела. Свобода от материнской опеки, любовь к мужественному геологу из провинции, Галкины пелёнки-распашонки – ничто из этого перечня не подвигает к научным и прочим гуманитарным свершениям. Но уберечься хорошим человеком Тамаре удалось. Конечно, авторитет супруга ей тоже придавал веса, но всё же только придавал, а не замещал вовсе. Тамара и не рассчитывала на столь искреннее сочувствие, а Виноградова тайно порадовалась хорошему отношению женщин-коллег к дочери. И всё же обе женщины устремились вон из помещения, как только представилась приличная возможность. Виноградова и Тамара вышли из здания музея при институте геологии. Постояв и полюбопытствовав на окружающую действительность без людей, Тамара, со вздохом сожаления, спросила мать:

– В институт?

Виноградова тоже не торопилась в очередное железобетонное сооружение для работы: – Приятно сознавать, но к тебе относятся хорошо.

Тамара, незлобиво усмехнувшись, приговорила:

– Женский коллектив – змеюшник, хоть тресни.

– Теперь вся страна – змеюшник, весь мир, – бесстрастно резюмировала Виноградова. – Кругом одно бабьё. Только успевай мужиков хоронить. – Выдержав паузу, выдохнула. – В институт.

По пути Тамара решила сбросить напряжение, поделившись с матерью психическими тараканами. Она призналась, что всё время общения на работе, прикидывала, кто из её коллег мог бы убить Игоря. Ну, или заказать. И, ёлки-моталки, в каждом характере обнаружилась удобренная почва для преступления! Виноградова, впрочем, разочаровала, заявив, что убийство было совершено наверняка спонтанно, о чём говорит оружие – ложка для обуви. Так что, почти на сто процентов это был не заказ. Что, впрочем, не отменяет непосредственного участия в преступлении кого-либо из коллег Тамары, если оно произошло в результате чувственного стресса. В этом случае, надо вычленил тех, кто был близок к Туманову по-человечески. Или по-женски. Ведь в штате музея не числятся только дамы. Тамара расхохоталась на тему мужниного распутства. Но потом подумалось, что не обязательно быть распутником, чтобы иметь любовницу... или даже просто, как говорится, честную давалку, типа её самой... далее размышлять не захотелось. Да вот уже и дошли до нужной двери... Здесь, в помещении, отведённом под общие нужды лаборатории, работал и руководил Игорь Туманов. Теперь, в его отсутствие, всем заправляет его заместитель Вера Матвеевна Звонарёва, надёжная 34-летняя тётка и хороший человек, кандидат наук. Что тут скажешь о руководителе, кроме сакраментального: «Каков поп, таков и приход». Вошла лаборант Ленусик Тимирбаева, неся старый электрический самовар, приобретённый ещё покойным шефом, ставит на стол, накрытый к чаю, во главе которого сидит Звонарёва, в компании с Тамарой и Виноградовой.

– В последний раз Игорь Андреевич заходил утром, накануне вашего приезда, – рассказывает Звонарёва. – Потом он сказал, что поедет в лагерь, за дочкой. Больше не заходил, работал дома. Но звонил каждый час.

Тамара искренне увлеклась общением с хорошими людьми, бывшими едва ли не членами их, Тумановской, семьи. Но о самом Туманове сейчас она слушала, как если бы речь шла об отлично знакомой, но посторонней персоне, оттого и вопросы задаёт такие и таким тоном, как если бы была следователем, а не вдовой:

– Вера, я тебя правильно понимаю, в институте Игоря не было пять дней?

Звонарёва не сразу, посоображав, что она может сообщить Тумановой, а что пусть узнает от других, подтверждает:

– Что-то такое... да.

Но Виноградова хладнокровно отмечает:

– Меньше. День прихода не считаем. Складываем день нашего приезда, ещё сутки, и на третьи его не стало.

– Я специально не считала. – ответила Звонарёва.

– В день гибели он собирался прийти на работу? – продолжала допрос, завуалированный под светскую беседу, Виноградова.

Звонарёва обращается к лаборанту:

– Ленусик, подключайся, я – не в адеквате.

Тимирбаева живо встревает:

– Да, – к обеду. Игорь Андреевич всю организацию экспедиции полностью передал в ведение Веры Матвеевны.

Звонарёва на всякий пожарный случай пояснила:

– У него статья горела в иностранный журнал.

Звонарёва вечно прикрывает Туманова... прикрывала... и не вечно. Тимирбаева же, как заправская секретарша, чьи обязанности она, по сути, и исполняла, упорно ловила моменты превосходной характеристики начальства, в данном случае – Звонарёвой:

– Просто Вере Матвеевне Игорь Андреевич доверял полностью.

Тамара же вдруг как-то утухла, печально уставившись в оконную щекотку. Зато Виноградова уже плотно села на профессионального конька:

– Вера, расскажите, пожалуйста, в подробностях, о последнем приходе шефа.

Тимирбаева подхватывает:

– А я помогу, если понадобится.

Виноградова обещает:

– Понадобиться.

Она слушает и, как обычно, её мозг принимается за показ иллюстраций услышанного...

...В углу, за выгородкой, составленной из канцелярских шкафов, на расстеленной на полу телогрейке лежит, в алкогольном беспокойстве подрагивая всеми частями туловища, невинно спёкшийся от вмазанной лекарственной порции разнорабочий Рыбарёв. А из-за выгородки донёсся тогда ещё живой голос Туманова:

– Приветствую, народы!

Там же, ему отвечает голос Звонарёвой:

– Доброе утро, Игорь Андреевич.

Наперебой, всеми присутствующими голосами, заговорили прочие мужчины и женщины:

– Здравствуйте, доброе утро, приветствую, здравствуйте, начальству – наше уважение...

Вошедший Туманов, цепко оглядевшись, полюбопытствовал вслух:

– Все на месте?

– Да, – констатировала Звонарёва.

Но Туманову не впервой снаряжать экспедицию и, соответственно, отвечать за личный состав, потому он, собственно, и заехал на работу, с инспекцией. Вот Горский – 30-летний старший научный сотрудник, укладывает лабораторную посуду в специальный контейнер. Тимирбаева, само собой, сидит за компьютером, заносит данные в таблицы. И двое разнорабочих средних лет – Котов и Белозёров – скатывают палатку. Но чего-то же вы, товарищи дорогие, глазками-то шныряете же по сторонам, мысленно напрягся Туманов:

– Я сейчас еду в Мотылёво, буду к обеду, – сказал он и вдруг понял, зачем ему нужна была сегодняшняя проверка, хотя было не по пути.

Звонарёва тоже поняла и изо всех сил изобразила голосом сообразительность:

– К дочке? Конечно, не оставлять же её в лагере, когда бабушка приезжает...

– Где Рыбарёв? – спросил Туманов, уже догадавшись о местонахождении третьего рабочего.

Звонарёва наивно продолжала в прежнем тоне:

– Не знаю, был где-то, вышел, наверное.

Туманов подошёл к выгородке, заглянул за шкафы. Обернулся к Звонарёвой, та понятливо подошла и тоже посмотрела за выгородку:

– Ой, не заметила...

Туманов рявкнул:

– Рыбарёв! Подъём!

Но срубившаяся сущность Рыбарёва не отреагировала даже обычным подёргиванием, вообще никак не отреагировала, как умерла.

Звонарёва залопотала:

– Вчера допоздна работали...

– Он уже в прошлую экспедицию не справлялся с обязанностями, а ты его, таки, опять оформила, – злобно выговаривает Туманов. – Или кто-нибудь из присутствующих думает, что рабочий – последняя спица в колесе?

Звонарёва попыталась, было, то ли оправдаться, то ли оправдать, но Туманов неумолим:

– Вера Матвеевна! Хороший работник в адвокатах не нуждается. А гуманисты мне в экспедиции не нужны по определению. Понятно!? Когда этот спившийся мешок костей с протухшим мясом очухается, известите, что он уволен. И найдите замену.

Тут прорвало Звонарёву, которая лучше многих знала, что пьющий, но проверенный работник надёжнее, чем инкогнито, тем более, что все настоящие русские мужики пьют, а настоящие в экспедиции не нужны. Да и пьянствовать в поле особенно нечем. Понятное дело, какая-нибудь эврика обязательно озарит безалкогольную тоску сухого закона экспедиции, и русак непременно сочинит выпивку из небытия, но при надлежащем контроле и основательном рабочем грузе запоя избежать можно... попытаться. Однако, Туманов прервал:

– Я всё сказал, – и ушёл, плотно захлопнув за собой дверь.

Звонарёва, ответственная за подбор кадров, не выдержанно выкрикнула в пространство:

– Сукин ты сын...

Горский любезно поинтересовался:

– Это вы про кого, Вера? Про шефа или про спящего?

– Горский! – психанула Звонарёва. – Не доставай, нарвёшься.

Тимирбаева заметила сварливо:

– Характер шефа всё больше портиться.

Горский радостно подколот:

– Тебе-то, Ленусик, какое твоё что? Тебе с нами не ехать, не подставлять спину товарищу...

– Я вообще могу выйти! Слова не сказать.

И тут заговорил Белозёров:

– А я против, чтобы Рыбарёва увольняли.

Звонарёва жёстко замечает:

– Демократия, ребята, она там, за стенами лаборатории.

Но тут и Кошкин подключился:

– Правда, Вера Матвеевна, Рыбарёв нас привёл сюда, а теперь выходит: он уходит, а мы остаёмся? Западло.

Звонарёва взрывается:

– Не выражаться, сколько раз говорено! Продолжаем работать.

Рыбарёв, душка, спит, и духан от него пёр умопомрачительный! Жара в тот день стояла несусветная, дождей не было с неделю. А Звонарёва уже звонила по стационарному телефону: – Але? Звонарёва из лаборатории Туманова беспокоит. Нам нужен рабочий в экспедицию. Не волнуйтесь, не дополнительно. А вместо одного из выбывших. Не хуже вас знаю, что в данные сроки это почти невозможно...

Уралова отлично водит автомобиль, но занятие это не любит, даже очень. Она в принципе не любит технику, вкупе с наукой, и прочей ерундустикой, надуманной человеческой ленью. Она отлично помнит детство, когда на весь Синегорск приходилось четыре-пять машин «Побед», на два их соседних 8-квартирных дома – один телевизор, воду брали в колодце, и бельё полоскали в проруби. А теперь не проехать: пробки, едри-твою-налево! Население убывает,

а машин прибывает – как такое возможно. Какая-то шмакодявка в школу приезжает на розовом джипе с открытым верхом, а старушка продаёт заслуженные награды на углу, ради пропитания. Раньше на городском пляже стерлядь удили, а теперь там запрещено даже купаться. И это же быдло, которое лишилось здорового образа жизни из-за научно-технического прогресса, искренне требует, чтобы в Мыльвинском лесу построили целлюлозно-бумажный комбинат, который уничтожит и этот уголок природы, мотивируя необходимостью занять население работой! Типа мужикам будет меньше времени пьянствовать. Да всё – фигня, главное, что будет выпускать этот долбаный ЦБК, – туалетную бумагу. Вот уж воистину: просерать родину, так уж буквально, вместе с собственной жизнью. Кретины. И на хрена вам вообще работа? Ради жорева и шмоток? Ну, так займитесь охотой, рыбалкой, овощеводством, твою мать и всё у вас будет, включая здоровое детство, безаллергичная молодость и обеспеченная старость. Уралова ехала в институт геологии с заседания горсовета, депутатом которого являлась первый год. Конечно, она воздержалась при голосовании, и по городу передвигается не пешком, но в принципе народ – это что-то с чем-то... срань, изготавливающая средство для подтирки. Безусловно Уралова могла выступить резко против, но. Во-первых, её никто толком не знает. Во-вторых, её профессия предполагает пребывание в тени. И, наконец, в-третьих, депутатом она стала не по желанию, а по указке сверху, тем более без отрыва от работы. Попробуй тут возбуди, мигом окажешься на улице. А детей надо кормить, поднимать. Содержать две пары родителей. Плюс супруг – похерист.

...Виноградова с Тамарой вышли из института, когда Уралова уже припарковалась и брала с переднего пассажирского сиденья кожаную рабочую папку. Ах, да, сумочку чуть не забыла. Уралова вползгляда признала «соплеменницу» Виноградову и окликнула:

– Александра Александровна?

Виноградова, конечно, тоже поняла, кто перед ней. По взгляду, по возрасту и, блин, по сыщицким флюидам, что ли. И отозвалась в тон:

– Татьяна Олеговна?

А ведь обе видели друг друга впервые. Тамара-то уже общалась с Ураловой, правда, вскользь, в на уровне переглядки, в основном она отвечала на вопросы другой следачки, кажется, капитана юстиции Костиной:

– Здравствуйте. Вы, помнится, следователь?

Обе высокопоставленные сыщицы не реагировали на помехи, их взгляды пронзали утробы визави, просвечивали, – короче, зондаж шёл по полной программе, если бы ещё и по досье в руки... Виноградова, по праву гостьи на чужой территории, заговорила первой:

– Слушаю вас.

Уралова аккуратно, но жёстко намекнула:

– Не ожидала вас увидеть здесь.

– Исключительно в связи с организацией похорон.

Тамара вставила свои пять копеек:

– Вы уже оформили разрешение на погребение?

– Да, тело можно забирать. Вас должен известить наш сотрудник. Александра Александровна, надеюсь, нет необходимости просить вас о невмешательстве в ход расследования.

– Безусловно.

– Однако же, вы только что вышли из института геологии?

– Приходили получить причитающуюся материальную помощь.

– Обычно её приносят на дом, к убитой горем семье.

– А мы вот – не убиты.

– А ещё мне доложили, что вы на месте преступления снимали следы.

– Виновата, – автоматически, непроизвольно. О чём чистосердечно покаялась на осмотре вашим следователем, когда эксперт доложил о моих действиях. Могу поделиться собранным материалом.

– Придётся, если понадобится. Я иду на встречу со Звонарёвой. Как она?
– Самовар ещё тёплый.
– Извините, – пора, – Уралова резко прервала маленькую баталию и ушла в здание института, выбросив из мозга последнее воспоминание о сессии горсовета: «ЦБК они придумали строить, засранцы».

А на Тамару опять накатывала волна истерики:

– Она меня не подозревает, она не сомневается в моей виновности!
Виноградова привычно холодно, даже морозно, выговаривает дочери:
– Брось. Следователи не меньше артистов используют маски, – и добавила, усмехнувшись.
– Если никто из нас не виноват, гарантирую, мы ещё попьём мёду в тёплой дружественной обстановке.

Тамара аж подпрыгнула:

– Что значит «если»? Мама!!!

Но Виноградова вновь обледенела:

– Идём пользоваться общественным транспортом.

И Тамара сникла. Всё-таки тяжело это оказаться вдовой, тяжелее, нежели супругой:

– Может, такси?

– Не Москва, чай, весь ваш Синегорск, – съязвила Виноградова. – за полчаса вдоль и поперёк обойти можно.

– Так ведь и ты – не москвичка, а так – загрязка... или как там вас, жителей тьмутаракани. Виноградова, пожав плечами, пошла себе, Тамара – за ней.

– Так ты снимала отпечатки следов? – догнав, спросила Тамара мать. – Зачем?

– Давай, дочь, заниматься скорбными делами, а криминалистикой займётся вон – Уралова с командой. Вперёд, на похоронные дела.

Женщины, было, направились к остановке, но их внимание привлёк требовательное мерзкое кваканье клаксона: ба, да то же сосед-таксист! Оказалось, он всё это время, что они потратили на беседы, копался в моторе, забарахлил, сатана, вся смена – насмарку, но починил, и выедет во вторую смену, а сейчас катит домой. По пути, что ли? Судьба. Леденцов, конечно, блюдя правила приличия, поинтересовался у Тамары, справили ли дела. Слово за слово – путь короче.

6

Поздним вечером по вахтёрским меркам ночной смены, то есть, ближе к двадцати двум ноль-ноль, охранник предпенсионного возраста, с фонариком, в связи с должностными инструкциями, обходит с осмотром территорию, уделяя основное внимание окнам и дверям здания. И тут, со стороны скверика, заросшего боярышником, вырывается короткий вскрик. Первая вахтёрская мысль: алкаши, облюбовали, гады, местечко. Он даже шумнул для страха, чтоб расходились, покуда полицию не вызвал. Но в ответ была такая глухая и пронзительная немота, что охранник настороженно призадумался. Ясное дело, в темноту кустарника единолично не полез, а вызвал по рации подмогу. Но профессиональное любопытство и человеческая ответственная позиция, как всегда, подтолкнула заглянуть, таки, одним глазком в кустарниковую чащу. А там, в сквере, на растоптанной земле лежит сильно избитый мужчина. Он только что вернулся в сознание и честно попытался подняться, но ничего не вышло, кроме стона больного организма. Тут смело, как чёрт из страшной сказки, появился охранник, уверенный, что такое валяется на вверенной ему территории:

– Ну, что, скотина, надрался, как сволочь, встать не можешь?

И услышал в ответ:

– Горский – я, Никола, Горский.

Охранник аккуратно приблизился, пригляделся: Горский. Тот самый, из лаборатории покойного Туманова. Что за напасть на институт! Или это не случайно, и как-то взаимосвязано? А такая была не пыльная работа...

Нина Порфирьевна, начальник спортивно-оздоровительного лагеря «Соколёнок», с утра подписывала Почётные Грамоты за участие в военно-спортивной игре «Зарница». И тут, без стука, без спроса – возмутительно беспардонно, в кабинет начальника вваливается разнополый десяток воспитанников, перебивают друг друга, как торговцы на базаре. Нина Порфирьевна осадилась сопляков и минут пять втолковывала о недопустимости подобного поведения и необходимости соблюдения субординации. Наконец, она узнала о чрезвычайном происшествии: пропала Галя Туманова из шестого отряда. Пропала аргументировано – с вещами, и постель с вечера не заправлена. А на тумбочке осталась лежать зачитанная газета, где сообщалось о смерти её отца. Начальник объявила тревогу по педагогическому составу. А куда те, побросав всё, спешили в её кабинет, Нина Порфирьевна решила прозвонить маме пропажи, а вдруг засранка уже дома чай гоняет... ну, или там готовится к похоронам. Короче, чем ни занималась бы, попади она в руки начальника, получила бы морально по первое число за такое пренебрежительное отношение к воспитавшему её коллективу и к несущему за это ответственность руководству. Начальник разговаривала по стационарному телефону, осуществляющему связь с внешним миром через коммутатор, глядя на портрет Макаренко, висящий на стене, за спинкой её рабочего кресла:

– Тамара Ивановна, видите ли. Ваша дочь самостоятельно, никого не предупредив, – ни педагогов, ни товарищей – покинула расположение нашего лагеря.

Оказалось, что дома пропажи нет. Опытный педагог, Нина Порфирьевна автоматически подобрала нужный по ситуации тон:

– Тамара Ивановна, вы, главное, не беспокойтесь. Мы все делаем всё от нас зависящее и даже больше. Нет, полицию мы не подключаем, считаем, что управимся своими силами.

Положив телефонную трубку, начальник, строго глядя на портрет великого советского педагога сталинского лихолетья А.С. Макаренко, осенила себя крестным знаменем, торжественно пообещав кумиру:

– Мы победим.

Затем она снова взялась за телефонную трубку и строго приказала коммутатору:

– Соедините меня с начальником полиции района. Немедленно!

Уралова сидит в своём кабинете за канцелярским столом и чистит пистолет. А что делать, в любой момент может заявиться проверка. А вот за ширмой Костина занимается чисто женским делом – переодевается в новое. Уралова, досадуя на своё занятие, не даёт подчинённой расслабиться:

– Ну-ну?

Костиной помолчать бы, просто повертеться у зеркала, да куда деться, начальство, пусть и женское, требует, она и докладывает, периодически выглядывая из-за загородки:

– Удалось обозначить самый ближний круг Тамары Тумановой. У неё, собственно, три ближайшие подруги. Особенно одна: Синицына Людмила Всеволодовна, 30 лет, домохозяйка. Но опросить её в ближайшие дни, похоже, не удастся, Синицына выехала в Швейцарию, навестить семейное гнездо в Монтрё.

– Это в Альпах, кажется?

– На Женевском озере. Вот бы туда – в командировочку...

– Света, шевелись, рабочий день...

И как раз входит Прусак. Уралова повеселела, она тут же вообразила, что может выйти из прихода, и её картинка заинтриговала. А Костина, не подозревая о новом действующем лице, продолжала:

– Татьяна Олеговна, ещё пара секунд.

Уралова изобразила картинку, типа «сам погибай, а товарища выручай», и даже начала, было, фразу, которая стала бы предупредительным сигналом:

– Товарищ...

Но Прусак, грозно, приложив палец к губам, сообщил:

– Тшшш...

Ну, Костина и продолжила:

– Да что – лифчик, я вам весь гарнитур покажу. – и выходит – в трусиках и бюстгальтере, с ценниками. – Вуаля! – видит одетого по форме Прусака, тушует, конечно, – Ой. – делает шаг за ширму.

– Стоять! – рывкнул полковник и, конечно, закурил. Он и так закурил бы, но сейчас у него этот процесс удлинился вдвое.

– Стою, – покорно прошептала капитан юстиции в неглиже.

– Да я не вам, товарищ капитан, это я – себе. Чисто мужское восклицание, возрастное, – Прусаку везёт, он не раз открывал двери дамского общежития в самый нужный момент, оставаясь притом морально достойным мужчиной.

– Разрешите идти?

– Лично у меня, мать моя, к вам вопросов нет.

Костина прячется за ширму. Уралова, расплывшись в благостной улыбке, докладывает:

– Плановая чистка табельного оружия, товарищ полковник. Вам самому не требуется? Вдруг проверка.

– И про какое же такое моё оружие, Татьяна Олеговна, вы двусмысленные речи ведёте?

– Дык про табельное, про самое, что ни на есть, святое дело для правоохранительного органа.

– Выйдем, Уралова, из примерочной, посоветуемся в рабочей обстановке коридора государственного учреждения, – ухмыляясь котофеем, подъезающим в стриптиз-баре, промурлыкал Прусак. Зазвонил мобильный телефон Леонида Юрьевича. – Слушаю, полковник Прусак. – сообщил он кому-то на трубу и вышел.

Уралова сгребла детали пистолета в ящик стола и, запирая, заметила:

– Гарнитурчик классный, Света. И всё остальное годится, – ей на самом деле нравилось белокожее туловище рыжей Костиной. – Повезло тебе, однако, что Прусак – настоящий руководитель, будь он мужиком... не знаю, что тут могло бы приключиться.

– С кем?

– С обоими, – бодро ответила Уралова и вышла. Ей в принципе нравились женское тело, больше мужского. Но. Разве дело в предпочтениях Ураловой, или в экстерьере Костиной, когда убит человек. Впрочем, в здании следственного управления смерть человека и преступления против человечности – вещи обыденные, как пыль на документах, как смазка в оружии, как вечность за окном, как само окно в саму вечность.

– Я же не специально, – говорит Костина за ширмой. – А что он имел ввиду, когда сказал, что у него нет ко мне вопросов? Это в смысле, что всё у меня отлично или не вполне? Да, может, ответа лучше не знать.

Зазвонил стационарный телефон. Костина выглянула из-за укрытия, увидела, что одна, и, в чём была, подошла к телефону:

– Капитан Костина, слушаю? Простите, кто? Синицына? А, Людмила Валерьевна! Конечно-конечно, спасибо, что перезвонили. Видите ли, я – следователь Следственного Комитета, капитан юстиции Костина Светлана Степановна. У меня к вам есть несколько вопросов, но, боюсь, до вашего возвращения из Швейцарии... Ах, так вы здесь! Да чем скорее, тем лучше. Это связано с убийством супруга вашей подруги Тумановой... Да, меня устраивает, до встречи. – кладёт трубку. – Прощай, шопинг, мать моя...

А в коридоре Прусак говорил с Ураловой:

– Ты читала сегодня полицейские сводки?

– Ну... да... собиралась...

– Вчера вечером до полусмерти избили гражданина Горского, старшего научного сотрудника института геология.

– Из команды Туманова!?

– Он сейчас в областной больнице, вроде бы в сознании.

– Всё, я уже бегу по больничному коридору.

– Аккуратнее с нижним бельём, мать моя, не истрепи за раз. Шучу. – добавил Прусак и ушёл.

Уралова искренне удивлялась Прусасу, чувак полжизни на руководящих должностях, а следачкой хватки не утратил. Вот, оно – владение ремеслом: и тебе уважение, и тебе уважение... и входи себе без стука куда заблагорассудится, и кури, где хочешь, и шути, как умеешь. А ведь мог бы и не вникать в текучку, ковырялся бы себе в светских шарадах с картинками.

Костина встретила с подругой Тамары в летнем кафе «Кудесница», что в городском парке над рекой. Синицыной Людмиле Всеволодовной – 30 лет, домохозяйка. Понтистая такая дамочка, с «вые-вые», бездетная, но не жадная, участливая, любительница посочувствовать всем и вся. Синицына, надо признать, образовалась в духе времени. Пусть и по системе дистанционного обучения, однако же, в славном учебном заведении: в прошлом – головном вузе имени культуры, а ныне – аж в университете, что на Халтурина, то бишь, на Миллионной. Одним словом, Люся – культуролог. Суетливый муженёк был доволен ею от и до, за что упаковывал, упаковывал и в целом не обижал. Что с ней станется, когда кожа потрётся и глаз потухнет, трудно сказать определённо, но таких обычно выбрасывают только из памяти, но не из бюджета, типа алиментов, в смысле финансового содержания до гроба. Женщины сидят за столиком, отмахиваются от комаров, плятятся на сиротливый речной топляк и пьют фруктовые коктейли. Синицына говорила:

– С Тамаркой мы дружим все десять лет, что она живёт в нашем городе. Я-то местная и всю жизнь до женитьбы с родителями прожила в том самом доме, где живут Тумановы. Так вы хотите, чтобы я очертила для вас пару-тройку подозреваемых из Тамаркиного ближнего круга или из круга Туманова?

– Что-то вроде того. А вы и окружение Туманова знаете?

– Во-первых, город маленький. Во-вторых, исключительно со слов Тамары.

– Любите полицейские сериалы? – доверительно улыбнулась капитан юстиции Костина.

– Манера речи подходящая.

– Да? Может быть. Тут не в любви дело, а в безвыходности, смотрим, что показывают, едим, что дают. Достало! Но это родина.

– Про вашу жизнь в Швейцарии не спрашиваю, отвлечёт. Вы, пожалуйста, для начала просто расскажите о Тамаре. Какие её сильные стороны, какие слабости... чем ей живётся дышитесь...

– Отличный человек. Красивая. На работе пользуется уважением, насколько я знаю. Она моя лучшая подруга.

– А вы – для неё?

– Что? Вот это вопрос! Хочется верить. У неё есть, конечно, пара собеседниц. Нормальные тётки. Но в последние года три, Тамара от них отгородилась. Думаю, по близости я у неё осталась одна.

– А почему отгородилась?

– Ну, возникли темы, сюжеты, про которые многим лучше не знать.

– Например?

– В общем, её прорвало. По-женски. Тридцатник – на носу, муж – трудоголик, дочь выросла, театр оперы и особенно балета – на ремонте...

– Загуляла, что ли?

– Как с цепи сорвалась. Вот, к примеру, мы же случайно в одном поезде из Москвы сюда приехали. Она была у матери в больнице. Так она и там за 3 дня пребывания мужика сняла! Он за ней, между прочим, сюда, в Синегорск поёрся. Правда, он родом отсюда, но сюда не собирался. Здоровый такой, стихийный мужчина. И на Тамарку наглядеться не может. Мать Тамаркина их прямо на моих глазах, в купе застучала. Ох, она им устроила цыганочку с выходом по самой, что ни на есть, по печке!

– А не поговорить ли нам об этом стихийном мужчине поподробнее?

– Если бы меня так кто-нибудь хоть разок полюбил... Фамилия Гусев. Омоновец.

В обычной палате вечно ремонтирующейся краевой больнице подполковник Уралова, в форменной одежде, допрашивала Горского. Тот лежит в койке, – досталось по первое число, даже моргает с трудом.

– Я правильно поняла: вы не знаете людей, которые вас избивали?

– Да.

– «Да» – не знаете?

– Да.

– Понятно. То есть, люди, которые вас избивали, не имеют отношения к убийству Туманова?

– Да.

– «Да» – не имеют?

– Да.

– Выходит, вы знаете, кто имеет отношение к убийству Туманова?

– Да, – Горский спохватывается. – Нет.

– Ага, значит, слово «нет» вы умеете выговаривать, – устало усмехнулась повидавшая людей следователь Уралова. – Почему вы попросили не возбуждать уголовное дело по факту нападения на вас? Вас попросил об этом полицейский следователь?

– Нет.

– Вы боитесь мести со стороны нападавших?

– Нет.

– Вас избили ваши знакомые.

– Нет!

– Да. Я умею читать протоколы, как осмотра места происшествия, так и опроса свидетелей. Я их читаю даже между строк. Составление протоколов – это моя профессия, Горский. Так вот, у меня сложилось убеждение, будто вы что-то не поделили со своими знакомыми и попали под раздачу. Я узнаю, кто это был. Только имейте ввиду, сейчас всякое происшествие рассматривается с точки зрения убийства вашего шефа. Понимаете, о чём речь? Понимаете, – я спрашиваю!?

– Да! Не орите на меня, – голова... больно...

– А у меня сегодня с головой всё в порядке. Может, вас беспокоят магнитные бури?

– Прекратите измываться...

– Что вам известно об убийстве Туманова?

– При чём здесь Туманов! Меня избили, не его.

– Кто? Имена! Горский, они знают, что вы можете их сдать, и они придут сюда, и добьют вас.

Горский дрогнул:

– Нет...

Уралова того и дожидалась:

– Да. И мне вас не жаль. Я пойду, а вы останетесь, один на один со своим неизбежным финалом, без помощи, без защиты, даже без простого человеческого участия...

– Арестуйте их!

– Их? Кого? Кто они – другие?

- Котов и Белозёров – наши рабочие из экспедиции. Арестуете?
 - Так я и думала – примитивная пьяная драка среди коллег.
 - Какие они мне коллеги! Я – учёный! А она – шпана уличная.
 - Но вы же пили с ними?
 - Нет!
 - Тогда как же вы оказались в одной беседке с людьми не своего круга?
 - Мимо проходил, после работы. Шёл домой. А вот они – да, они пьянствовали.
 - Ладно. Всё равно, бытовая драка – это не наш уровень, не следственного комитета. Пусть с вами полиция разбирается.
 - Это Рыбарёв...
 - Что?
 - Рыбарёв убил Туманова.
 - Повторите?
- Горский, твёрдо глядя в глаза Ураловой, повторил:
- Убийца – Рыбарёв.

7

Тамара ещё не вернулась. Чёрт знает, к кому она только ни обращалась, куда только ни нагрязнела – Галка пропала. Упорхнула птичка, где её, поганку, носит только. Виноградова же делала вид, что ничуть не беспокоится за внучку, раз уродилась в бабушку, значит, выживет. Если, конечно, её не похитили, и тогда убийство Туманова, и без того не ординарное, превратится в нечто такое, о чём и думать не хочется. А придётся. Главное, конечно, придётся встретиться с Ураловой и довести до сведения об обоих подозреваемых Виноградовой: первый – Гусев и второй – Сидоров. Плотно побеседовав с людьми в институте геологи, и по полной программе, с самой изошрённой дотошностью на какую была способна, опытная сыщица была уверена, что Гусев мог бы убить, а Сидоров убить хотел бы. Сдав этих двух персонажей, Александра Александровна оказалась бы не у дел, что никак не вписывалось в её ощущение и восприятие жизни в человеческом обществе. Она твёрдо знала, что должна найти убийцу родича и... ну, насчёт наказания – это потом. Кроме того, неожиданно для себя, Виноградова оказалась перед возможностью испытать себя вне очевидных версий, к каковым она несомненно отнесла Гусева с Сидоровым. Прежде не однажды она оказывалась перед фактом, что осуждён не виновный. Ещё при советской власти работники зон поговаривали негласно, что на нарах томится от половины до двух третей ошибочно приговорённых к заключению. Каково количество сейчас? Бог его знает, бешенных дворняг расплодилось видимо-невидимо... Да не про то речь, просто подвернулась возможность отнестись к расследованию без гоночных обязательств, а с чувством, с толком, с расстановкой. Хорошо, чувство исключим. Лишь бы Галку только не тронули. В настоящий момент Виноградова, в своей комнате, сидит за ноутбуком и разговаривает по скайпу с Червонной:

- Убийственная какая-то полоса в моей жизни.
- Червонная с монитора сочувственно глядит на подругу:
- За внучку твою тревожно. Извини, но ты знаешь, так просто ничего не бывает, или нагрешил с перебором, или это знак – намёк на что-то.
 - Спасибо, Аня, поддержала.
 - Что могу...
 - Можешь. Поможешь?
 - Для тебя – без вопросов.
 - Поговори с кем-нибудь из наших экспертов, чтобы оперативно поработали. Утром вышлю материалы экспресс-почтой, плюс фотографии с мобильного.
 - Я так понимаю, затеяла собственное независимое расследование?

– А что, заняться нечем, сладости и печенье времени не забирают, – дай, думаю, порасследую.

– Откуда ты видишь, что у меня на столе!

– А я не вижу, генерал, я знаю.

– Главное, чтоб с внучкой всё обошлось, – виновато вздохнув, Червонная сунула в рот печенье. – Думаю, Сан Саныч, думаю, кого пристегнуть.

– Соловьёву. Она – мой должник.

– Решено. Высылай, обеспечим.

– Будь здорова, а мне пора принимать лекарство.

– Бывай. И держись там, смотри у меня, не раскисай!

– Спасибо. Отключаюсь. – Александра Александровна отключила скайп, глянула на время, приняла приготовленную таблетку. В домашнюю тишину пробрался какой-то посторонний звук... Прислушавшись, Виноградова разобрала характерные звуки ключа в замочной скважине входной двери. Она вышла в коридор. Дверь открылась и вошла Галка, с рюкзаком за плечами. Постояв, помолчав, Галка сказала:

– Сан Саныч! Ты должна разыскать убийцу!

Виноградова уклончиво ответила:

– Да никуда он не денется.

Виноградова снимает внучки рюкзак, прижимает маленькую беглянку к себе... да какая она беглянка, – несчастный ребёнок, узнавший из газет о гибели папы. Но не плачет, ишь ты. Маленькая, уставшая, потная, прости, господи... в ванну! Держится молодцом. Немедленно отмываться, скоблиться, чиститься. Потом Александра Александровна пришла в комнату внучки с патефоном в руке и стопкой пластинок подмышкой:

– Закрутилась. Вот обещанный патефон.

– Настоящий!?

– Заводи. Умеешь?

– Не-а.

– Выбирай покуда пластинку, – сказала бабушка, заводя патефон.

Они ещё долго, обнявшись, слушали песни убитого прошлого...

Утром бабушка затеяла блины. Чистая, белая Галка сидела здесь же, за столом, ковыряя вилкой омлет и отрешённо глядя в окно. В дверной проём видно, Тамара выходит из ванной, запахивая халат, входит в кухню:

– С добрым утром, страна.

Александра Александровна почуяла настроение внучкиной матери и резко предупредила:

– Не заводись.

Да куда там, если Тамаре надо высказаться, то, будьте покойны, уж она отрекомендуется:

– Поставить на уши тысячи ни в чём неповинных людей. Заставить их в холоде и голоде прочёсывать десятки километров пересечённой местности. И всё из-за закидона какой-то мелкой соплячки. А мне потом посреди ночи молить прощения у народа. Каяться, мол, виновата, что воспитала этакую эгоистичную шваль...

– Я не шваль.

– А кто?

– Я – сирота. У меня отец умер, если ты не в курсе.

– А у меня никто не умер? А у бабушки? А у тех тысяч поисковиков, что из-за твоего переживания побросали свои семейные драмы и трагедии, как – всё отлично?

Галка глухо и ровно сообщила:

– Мне плевать на всех. Я никого не просила меня терять и находить.

Тамара аж подпрыгнула произвольно:

– Ах, ты, мелкий гадёныш...

Тамара замахнулась, чтобы врезать хамской мелюзге по кумполу, но правохранительная бабушка легко и твёрдо перехватила карающую десницу:

– Хорош! Да, она поступила плохо. Но это не значит, что ты сама – ангел.

– Это – моя дочь, что хочу с ней, то и делаю.

– А ты – моя дочь, и мне что теперь расстрелять тебя?

Тамара высвободила руку:

– Пусти. И не читай мне лекций меня семейной педагогике, мама, не надо. Макаренко, блин.

Виноградова сказала:

Блины будут через пять минут. А по педагогической линии предпочитаю Ролана Быкова. Галка, смотрела «Чучело»?

– Тяжеловатое кино. Предпочитаю «Айболита» и «Автомобиль, скрипку и собаку Кляксу».

– «Должно же быть у Кузи детство», – помнишь?

– А это – «Собаки полетели, значит, скоро осень»...

Тамара опять почувствовала усталость, растерянность, прежде с ней такое только случилось, а теперь происходит и происходит. Фиг с ней, с этой спетой парочкой, пусть живут, как хотят, а у неё свои пироги с котятками, и Тамара ушла к себе. Галка, поразмыслив, решила, таки, спросить:

– А у тебя, Сан Саныч, есть пистолет?

Виноградова просто, как блин испечь, отвечает:

– Конечно. Только не здесь, а в Загряжске, на службе. Так что, не надейся и похорони свой план обворовать бабку и застрелиться.

– Умная ты.

– Хочешь блин?

– Я не ем мучное, сколько раз говорить, у меня же период полового созревания, соответственно, я же должна блюсти себя, чтобы выглядеть.

– Ишь ты.

– Сан Саныч, как мне поумнеть?

– Поверь, весь ум – в еде. Чем правильнее и стабильнее питание, тем человек спокойнее, а, значит, разумнее. Перестань ковыряться в тарелке, доедай уже омлет.

– Вся жизнь – еда. Мы едим, нас едят. Тебе хорошо, тебе уже полвека почти, а мне ещё жрать да жрать, и, разревевшись, девчонка убежала к себе.

Виноградова реально обалдела, – вот тебе, бабка, и Галкин день! Караул. Блин.

В тот же час в лаборатории института геологии происходила процедура задержания разнорабочих, видимо, уже окончательно сорванной Тумановской экспедиции, – Котова и Белозёрова: наручники, дубинки, матерщина. И побег в окно третьего, главного подозреваемого – Рыбарёва. А полицейские были, понятное дело, обеспечены огнестрельным оружием, молоды и любили адреналин. Особенно старший лейтенант, от которого Рыбарёв так и не ушёл, что закономерно: короток путь алкаша, так бегать ему, собственно, толком и нечем. Все трое были представлены подполковнику Ураловой в комнате допросов, в том физическом виде, в каковом каждый, по мнению полицейских, заслужил. Самым потрёпанным оказался, естественно, Рыбарёв. Но в очереди на индивидуальный допрос он был оставлен напоследок. Первым доставили Белозёрова, тот с порога угрюмо отказался от общения, объявив, мол, моя хата с краю – ничего, не знаю. Но хата ж дело такое – её и подвинуть можно, и ежели при передвижке не рассыплется от внешних воздействий передвижников, то запросто может оказаться ровно на центральной площади. А кому ж охота оказываться центровым обвиняемым, – то-то и оно. Вторым пошёл Кошкин, этот чересчур увлекался просмотром продукции средств массовой информации, где полиция представляется чем-то типа филиала ада. Ада – не ада, но кое-что за свою жизнь простой мужик Кошкин уяснял и на собственной шкуре. Да и по природе человек он общительный. Собственно, и скрывать было нечего. Короче, оба признались не только в избиении Горского, но и в том, что потерпевший просто нехороший человек, хам и сноб. Что же касается Рыбарёва в смысле убийства Игоря Андреевича

Туманова... нет, такого для Кошкина и Белозёрова не может быть. А если и было, то они стопудово при том не присутствовали, на что было тут же предъявлено алиби для каждого по отдельности. Третьим был Рыбарёв. Он потел, психовал, слабел, но цепко держался на позиции полной своей непричастности к преступлению. Уралова давила на психику неумолимо и без всякого там уважительного имени-отчества:

– Конкретнее, Рыбарёв!

Рыбарёв искренне пытался быть не только конкретным, но и убедительным:

– Сначала Туманов меня уволил.

– За что?

– Ну, заснул я на рабочем месте, с бодуна. А я же с ним в экспедицию уже пять лет подряд езжу. Коллектив меня поддержал. Горский, тот вообще посоветовал поймать Игоря Андреевича около квартиры, упасть в ножки, просить прощения. Я так и сделал. Навскидку, не могло. Но потом как-то поменялось. Короче, Туманов поупирался-поупирался, а потом, вроде, смиловился. Договорились мы с ним о встрече у него на квартире. Утром. Дверь, говорит, будет не заперта, чтоб я в дверь не звонил. Тёща к нему приехала, после болезни тяжёлой не отошла. Туманов не хотел беспокоить. Я пришёл. Толкнул дверь – точно, не заперта. Прохожу на цыпочках, – Рыбарёв замолчал. Побледнел. Глаза заволокло пеленой, и как умерли.

Уралова имела на руках заключение экспертов о том, что на месте преступления обнаружены следы отпечатков обуви и пальцев рук Рыбарёва, и для неё было уже то упокоительно, что перед ней сидел, как минимум, стрелочник. На орудии убийства, всё-таки, следов Рыбарёва нет, но это дело такое, можно сказать, техническое и не обязательное. И всё же она помнила главную установку Прусака: следователь обязан узнать имя реального преступника, а кто будет осуждён – дело судейское, или политическое.

– Прежде вы бывали в квартире Туманова?

Рыбарёв очнулся:

– Ну, ясный пень! Говорю же, шестой год уже знакомы. Я ж разнорабочий, приходилось подвезти что-то с квартиры в институт или наоборот, перезагрузить там...

– Ясно. Вы вошли в квартиру, прошли прихожую на цыпочках...

– Разулся у порога. Прошёл в носках к кабинету, а дверь в него приоткрыта была. Заглядываю, а там... Туманов. Мёртвый.

– Как вы поняли, что он мёртв?

– Да видно же! И чувствуется, – у меня в животе свело. Я ж трудился санитаром на труповозках, образования-то нет, так что, начувствовался и насмотрелся.

– Садитесь за тот столик и напишите всё, что с вами произошло в утро обнаружения трупа Туманова на его квартире. Уяснил?

– Конечно! – воскликнул Рыбарёв и пересел на указанное следователем место.

– Выходит, Горский знал о вашей встрече на квартире Туманова? – спросила Уралова, кладя перед подозреваемым листы бумаги и ручку.

– Да все знали! И Звонарёва, и Тимирбаева, и Кошкин с Белозёровым...

– И про то, что дверь будет не заперта, тоже знали?

– Не знаю. Наверное. Ну, да! Мы ж с Тумановым при всех разговаривали. Он сказал, что не хочет беспокоить раненную тёщу, так что звонить не надо, дверь будет не заперта. Если бы он тогда не спешил к начальству на доклад, когда мы договаривались, может, и не надо было бы утром встречаться, тогда же всё и решили бы. Конечно, с глазу на глаз. Он с каждым своим работником все нюансы договора без свидетелей обговаривал.

– Пишите, Рыбарёв, пишите...

Александра Александровна решила хотя бы этот день держать девчонку на виду, а лучше под рукой. Совместный день они начали с посещения почты, где Виноградова отправила экспресс-доставкой бандерольку с собранными ею на месте преступления материалами.

Потом они ели мороженное. Гуляли, трепались. Пора было возвращаться, и они вошли во двор дома. Здесь на игровой площадке резвились дети под присмотром мамаш, а с краю и бухали мужики. Около разобранного на запчасти автомобиля толпилось ещё с пяток мужчин, перебирающих детали, среди них – из знакомых – Леденцов. Несколько коротеньких дворовых лавочек перед подъездами плотно заняты стариками, кроме той, что была у подъезда Виноградовой, где сидела тёткушка лет 80-ти. Сан Саныч, зорко оценив ситуацию, сказала:

– Устала, – подала связку ключей внучке. – На, это мамыны. А я на лавочке подышу.

Галка, взяв связку, усмехнулась на хитрость Сан Саныча:

– Хочешь соседкой прикинуться и насчёт папы разузнать?

Виноградова откровенно психанула:

– Как ты меня достала своим мозгоклюйством! Сейчас же поступаешь в распоряжение родной матери, – марш.

– Гауптвахта? За что? Это, бабуля, издевательство над моим детством, и долго я не протяну. Так что, я попозже тоже выйду, пошуршу среди моего контингента, мало ли, что всплывёт.

– Иди домой, я сказала!

– Замётано, – бросила Галка на бегу, упрыгивая в подъезд.

Виноградова присела на скамью, любезно поинтересовавшись:

– Не занято?

Старушка проворчала:

– В клубе, что ли, на сеансе. Здесь места не купленные, садитесь. – и без реверансов, на которые очень уж жалко остаток жизни, спросила: – Из двадцать седьмой?

– Я? Да, кажется, да.

– Мамаша Тамары Тумановой?

– Точно.

– Я – Самсонова Клавдия Сергеевна, из пятнадцатой.

– Очень приятно. Александра Александровна. Виноградова.

– Примите соболезнования.

– Спасибо.

– Игорь был интересный человек, и сразу видно – мужчина. Не то, что нынешний кисель среднего рода. Притом, что занимался интеллигентским трудом. Но видать было издалёка: во – мужчина прёт. Когда похороны?

– Думали, завтра, но руководство института попросило перенести на сутки, не все успевают подъехать. Всё-таки, институт геологии. Кто-то в экспедиции, кто-то вообще за границей...

– Настоящий мужчина. Тут моё поколение бурлит, по какому обряду хоронить будете?

– По обыкновенному. Как все...

– Ну, все да не все. У нас тут в целом христианское население, а ваш покойник, говорят, в мусульманство под конец обратился?

– В мусульманство!? – вот уж чего не ожидала услышать Виноградова, так это подобное, и восклицания её так и обуяли. – Впервые слышу! С чего бы!?

– Да у него ж с утра мусульманские молитвы играют на проигрывателе. Соседи, что снизу, под вами, ругаются, на чём свет стоит.

– Соседи снизу...

– Леденцовы. У них в семье за главного – бабка, Моисеевна. Она нас тут всех извела за последнюю неделю. Заткните, мол, уже кто-нибудь эту Тумановскую шарманку, истинному православному хоть из окна вниз головой...

Виноградова давненько так не изумлялась, ничего себе, последние известия: Туманов изменил вероисповедание! Это, конечно, не могло послужить причиной убийства, но столь неизвестный семье факт настораживал. Ну, и Сан Саныч, соответственно, давай дальше беседовать с Самсоновой про то, про сё, за Туманова, за Моисеевну, о близком, о далёком. Изумление прошло. Дело было только лишь в некоей песне, которую Игорь Андреевич слушал

последний месяц сутками. Другое дело, что Тамару надо расспросить, а вдруг и вправду Туманов обрезался. Вот закавыка, как ни подумаешь в последнее время зачем-нибудь о Тамарке, так обязательно в связи с окаянным мужским отростком.

Александра Александровна вошла домой как раз к обеду. Галка уже сбежала на двор. И тут Тамара сказала, что звонила замша Игоря, Вера Звонарёва, и сообщила, что поймали убийцу. Им оказался сезонный разнорабочий пьяница Рыбарёв.

– Веришь, что это – он? – спросила Виноградова. Тамара ответила: – Даже не задумывалась. Игоря нет, а всё остальное – тлен.

– Тут ты путаешь, доченька. Это Игорь теперь – тлен.

– Как же ты жестока, мама!

– Может, разнорабочий Рыбарёв и есть убийца, а только мне интересно было бы знать, есть ли на момент совершения преступления алиби у твоего любовника Гусева.

– Мама! Не кощунствуй!

– Вот не подумала бы, что Гусев и ваши, с ним, лямуры являются чем-то священным.

– Сердца у тебя нет.

– Ты не однажды встречалась с Гусевым после нашего приезда.

– Только раз, и ты уже знаешь.

– Не ври! Я не зря битый час проторчала с соседкой на лавке у подъезда.

– Сплетни.

– Зато описание мужика торчавшего у соседнего подъезда каждый день после нашего приезда...

– Один раз! Мы сходили в кафе, тут неподалёку. Я наотрез попросила его забыть меня.

– А потом я обнаружила труп супруга его любовницы.

– Мама... ты... ты... нет, не может быть... это дикость! – Тамара захлёбывалась возмущением и страхом, охватившим её.

А Виноградова, как обычно, и не думала сбавлять натиска:

– Я читала досье майора Гусева. Он такое прошёл и пережил, что никакая психологическая реабилитации ему уже не поможет. Во всяком случае, в ближайшие лет двадцать. Плюс ранения, две контузии. Голова женщине дана не только для еды и поцелуев, Тома, в ней ещё и мозги содержатся.

– Оставь меня... не тронь! – выкрикнула раненная душевно женщина и убежала в спальню, хлопнув дверью.

Виноградова, внешне спокойно и размеренно, подошла к стационарному телефону и набрала номер следственного комитета:

– Могу я поговорить с подполковником Ураловой? Беспокоит полковник юстиции Виноградова Александра Александровна. Просьба о встрече. Желательно сегодня. Жду звонка. – и положила трубку.

В этот момент распахнулась дверь спальни, где в проёме появилась встрёпанная Тамара:

– Ты хочешь сдать Гусева?

– Ну, что ты, доча. Я про него уже и забыла. Мне тут на скамейке набросали столько версий... Проголодалась я. Пойдём в кухню, Томик, и успокоимся. – мать берёт дочь за руку и силой уводит в кухню.

Тамара требует:

– Оставь меня.

– Да на здоровье, – Александра Александровна подходит к плите, оценивает на вид и запах свежий суп. – Посиди, подумай, ведь послезавтра похороны.

– Ты опять на что-то намекаешь?

Виноградова наливает суп в тарелку:

– Суп будешь?

– Нет!

– Отлично, мне больше достанется. Ни на что я не намекаю, дочь. Просто после похорон наступит жизнь без Игоря. А ведь именно он был кормильцем в вашей семье. – Александра Александровна присаживается за стол и ест суп, наслаждаясь. – Твоя зарплата по нынешним временам – слёзы. А Галку надо не просто поднимать, её надо обеспечивать.

– А ты, конечно, уже всё придумала и решила за меня?

– Дурочку не валяй. Твоя жизнь давно уже вне моей компетенции. Но скоро мне надо возвращаться в Загряжск, куда ты не поедешь ни за какие коврижки.

Зазвонил стационарный телефон, Тамара сняла трубку:

– Туманова. А, да. Здесь. – подаёт матери трубку. – Тебя, – коллеги.

– Слушаю, Виноградова. Да, просила. На который час? Да, устраивает. Жаль, что не сегодня. До завтра. – возвращает дочери трубку и с удовольствием обращается к супу.

Тамара, положив трубку, продолжает прерванную тему:

– В Москву я тоже не собираюсь.

И тут Виноградова – казалось бы, не к месту – озадачила Тамару:

– Скажи, пожалуйста, что приключилось в последнее время с твоим мужем? Соседка уверяет, что он ударился в мусульманство?

– Чего!?! Вот бред!

– Будто бы он по утрам включал мусульманские молитвы в записи?

– Господи Иисусе Христе, с кем мы живём! Большой белиберды вообразить невозможно!

– Не кричи, Тома. Неужели у вас такая слышимость?

– Да не слушал он ничего подобного!

– Такая слышимость со всеми соседями, – и по бокам, и снизу, и сверху? Я, например, ничего не слышала. Правда, сплю с таблетками...

– Нормальная у нас изоляция, кроме квартиры снизу. Они всё слышат, что происходит у нас в гостиной и в кабинете Игоря. Что-то строители нахিমичили, или ремонтники. Но мы живём тихо, без скандалов, так что, и претензий к нам от соседей не поступало. А музыка, конечно, слышна, если врубить на полную.

– И что ж там за штука у него записана, которую люди за намаз принимают?

– Можем зайти и переслушать хоть всю фонотеку. А насчёт этой темы, я, кажется, догадываюсь, о чём речь. Она на самом деле непривычная для обыкновенного уха. Он и меня задолбал ею.

– Переслушаем, не сомневайся. И начнём с компьютера. Помнится, когда я его обнаружила, то нечаянно вывела его из спящего режима, и на мониторе увидела проигрыватель. А что у нас на второе?

– Гуляш. Я положу.

– Не надо, я сама. Ещё сыпанёшь стрихнину...

– Думай, что говоришь!

– Ещё чего, думать во время обеда...

– Хорошо, что похоронными делами заниматься не пришлось. Скорее бы уже всё это кончилось.

– Аминь. – примирительно согласилась с дочерью Александра Александровна.

Потом Виноградова поспала. Затем приступила к прослушиванию фонотеки, которое сразу же и кончилось, едва она услышала «Византийский распев»: ясны стали претензии беспокойных православных соседей. Но каким образом эта песня могла относиться к убийству? Причиной быть, конечно, не могла, иначе все граждане уже перебили бы друг друга. Поводом? Нет, нет, соседи очевидно не при чём. Просто испытание самостоятельным сыском для начальника следственного отдела оказывается непроходимым, раз она могла повестись на подобную фантазийную версию. Нет-нет, надо завязывать с любительщиной, передать появившиеся сведения уважаемым ремесленникам и вернуться к личной жизни матери и бабушки Александры Александровны Виноградовой. И вообще, не оставить ли службу вовсе? Дикая идея... вернее, непривычная. А что, на полковничью пенсию даже в России можно жить прилично

одному и вполне сносно втроём. Блин, блин, блин! А что, поживи свободным человеком, Виноградова, забудь, что ты – Сан Саныч, вспомни, что женщина... Кстати, а не позвонить ли сердечному дружку? В Швейцарии сейчас четыре вечера... Нет, в другой раз, Огюст ещё на работе. И вообще он вмиг прочухает, что его женщина морально поплыла и готова сдать на милость ведения домашнего хозяйства и экзотических путешествий по миру, сто процентов потащит оформлять законный брак. Да ну его... Нет и нет! Моя семья – дочь и внучка, мужчина пусть стоит в сторонке. Тем паче, что и не муж, а просто мужчина... правда, классный! Позвонить ему как-нибудь по скайпу да заставить показать стриптиз... блин, блин, блин!

8

Ближе к вечеру, во двор дома Гусевых вошла Костина, за ней – ооновский капитан. А перед воротами стоял автобус, полный капитановских бойцов. На крыльцо вышел Гусев. Костина уже на ходу приступила к знакомству:

– Добрый вечер, капитан юстиции Костина из Следственного Комитета, я вам звонила.

Вы – Гусев Виктор Георгиевич?

– Так точно. Вообще-то, я ждал вас одну, без караула.

– Войдёмте в дом.

– Сначала объясните, что надо.

– Проводится расследование по делу об убийстве Туманова Игоря Андреевича. Знакомы?

– Нет. Но кто он такой, знаю. И что же вы хотите от меня?

– Поговорить.

– Или выяснить моё алиби на время убийства?

– И это само собой.

– Проходите в дом. Только без цербера. Я сам тоже цербер. В другой обстановке как пёс пса обязательно приветил бы, но с оружием в доме моих родителей делать нечего. Сейчас они в городе, пошли в филармонию. Или поедем разговаривать в вашу контору.

– Хорошо, – просто согласилась Костина и сказала спутнику: – Подождите меня здесь.

Но Гусев был строг:

– За воротами. Я сказал: за воротами!

Костину передёрнуло от мимолётного проявления отвращения, она терпеть не могла ультиматумов:

– Ради Бога, Гусев! – и добавила капитану. – Выйдите за ворота, но наблюдения не снимайте.

Капитан, даже не пожав плечами, а просто коротко кивнул и ушёл со двора. Гусев, дождавшись ухода коллеги, вежливо предложил:

– Входите, прошу.

Сидоров вновь искупался в удаче – ему подписали командировку в Гватемалу. Даже если Константин Семёнович очень захотел бы, ему ни за что не воспроизвести формулировку, придуманную референтом Ниной Ивановной, благодаря которой Президент Синегорского отделения Академии Наук счёл обоснованным направление биолога на международный симпозиум математиков. Такси катило Сидорова в аэропорт, и он вспоминал, как одно из самых чудных событий ежедневно мысленно пишущейся автобиографии, минуту, когда референт Нина Ивановна подала командировочное удостоверение и авиабилет в Москву и далее. Нет, Константин Семёнович любит родной город и ни за что не променяет свою деревню, где он первый парень на своей улице. Просто здесь и сейчас ему быть не надо. Он точно понимал, что не сегодня-завтра следователи по делу Туманова нагрянут к нему, а-то и за ним, и парься потом – отбояривайся. Вчерашнего телефонного разговора со следователем Костиной ему хватило выше крыши: испугался, как пацан. А вчера ведь всего-то и нужно было, что подтвердить алиби Витьки Гусева на время преступления. А что было бы завтра... а то и сегодня! Как же мудро подсказала ему Нина Ивановна сменить обстановку, пообщаться с новыми людьми,

погрузиться в неведомые дали. На сожаление любимого шефа, что отпуск использован и соответствующих командировок не предвидится, она предложила авантюру с математическим симпозиумом, тем более, что профильный учёный от Синегорска слёг с пневмонией в результате туристического сплава на Полярном Урале. Батюшки-светы, и ведь всё срослось! Слава заботливым референтам! В Гватемалу, брат мой Костя, в Гватемалу...

Уралова, как правило, до обеда работает с документами, параллельно принимая просителей, требователей, или прохожих, заглянувших по случаю навести справки. В этот раз она строго-настрого распорядилась не пропускать к ней ни единой души, потому что ожидалась крайне интересная встреча с легендарным коллегой полковником Виноградовой. А вот и она – вошла со свежими пирожными в прозрачной упаковке. Отлично, сэкономим свои заготовленные, пойдут на прокорм внучатам.

– Разрешите?

– Проходите, Александра Александровна.

Виноградова ставит упаковку на столик в сторонке:

– К чаю – вам.

Уралова решила не выказывать пиитета и вести себя поделовитее:

– Я слушаю вас?

– Даже о погоде не поговорим? И правильно, нечего рассусоливать. – Сан Саныча, таки, задел тон Ураловой, всё-таки, она давно успела привыкнуть к почтительному обращению. – Я решилась побеспокоить вас в связи с возникшими у меня подозрениями. К слову, как обстоят дела? Слышала, у вас уже есть задержанный подозреваемый по делу Туманова?

– Что за подозрения, Александра Александровна? – несло Уралову, к собственной досаде, что, возможно, сгоряча, потеряла шанс сблизиться с легендой. – И откуда бы им было взяться, ведь мы договорились о вашем невмешательстве.

– Я неукоснительно исполнила ваше пожелание и не стала ничего предпринимать самостоятельно, хотя очень хотелось. Тем более, что у меня к Синегорскому следственному комитету с самого начала возникло доверие. Пусть, думаю, разбираются без меня. Но квалификацию-то из природы не вытравишь. У моей дочери завёлся любовник. Командир подразделения ОМОН. Майор Гусев. Родом из Синегорска, но служит и, соответственно, постоянно проживает в Подмосковье. Мы с ним проходили курс лечения в ведомственном госпитале на Чёрном море, оба по ранению. Дочь приехала поухаживать за мной, и, по случаю, ударились в романтическое приключение. Я прервала наше, с дочерью, пребывание на отдыхе. Но затем засекала, что Гусев, втайне от меня, едет с нами в поезде Москва – Синегорск. Предварительно я, конечно, ознакомилась с его досье, и убедилась, что Гусев не только высокопрофессиональный боец, но и человек неуравновешенный... в результате ранений, конечно. Его документы отправлены на медкомиссию. Вернее всего, в результате Гусев будет комиссован. Проще говоря, я допускаю, как версию, что влюблённый омоновец мог убить супруга вашего зятя на почве соперничества. – Виноградова подаёт блокнотный лист. – Здесь его координаты и краткие биографические данные. Вот, собственно, и всё, что я хотела сообщить.

– Но вы же знаете, что в случае принятия версии с Гусевым в разработку, под подозрение попадает и ваша дочь.

– Конечно. А так же под подозрение попадаю и я сама. Во-вторых, я уверена в моей дочери. В-третьих, Гусев – не свет в её окошке и мне никого не жаль.

Уралова полюбопытствовала:

– А во-первых?

– А во-первых, всякое преступление должно быть раскрыто, кем оно ни было бы совершено. Всех благ, товарищ подполковник, – кончила Виноградова и решительно направилась к выходу.

– Пойдите! – Уралова импульсивно выбежала из-за стола, перекрыв уход Сан Саныча, – по-моему, действительно, пришло время чайной паузы. Заодно, я в общих чертах обрисую ситуацию в расследовании на сегодняшний момент.

Виноградова просто и невозмутимо, не останавливаясь, вернулась к столу. Уралова искренне вдесятеро зауважала коллегу, понимая, что той было не на раз-два-три прийти сюда с таким заявлением. Оказавшись около ширмы, за которой была организована мини-кухня без плиты, Уралова ставит чайник:

– Не удивительно, что вас называют Сан Санычем, вы – мужественная.

– А я вот, сколько лет не могу привыкнуть, что меня оценивают по мужским лекалам. Я уверена, что я – женщина.

– Конечно, женщина! – неловко подхватила Уралова и осеклась, почувствовав, что повела себя сейчас, как девчонка из фан-группы какой-нибудь кинозвезды.

– Хотя с каждым годом всё больше чувствуется, что женское уходит из-за работы.

– Это верно.

– На меня даже киллера с пистолетом наслали, а не мужика с вожжами, или хотя бы с ремнём.

– Уважают.

Постучав, вошла Костина.

– Есть новости по алиби майора Гусева? – спросила Уралова.

– Да, его алиби подтвердилось.

– Тогда присаживайся, попьём чаю.

– Вот чертовки, – удовлетворённо расслабилась Виноградова. Она порадовалась, что интуиция не подвела её в отношении местных коллег, они оказались не только симпатичными девчатами, но и грамотными парнями. – Везде успели – и с Рыбарёвым, и с Гусевым. Если вы ещё и с Сидоровым уже управились, то вам просто цены нет.

Уралова едва сдержала искренне восклицательный вопрос: а кто это? Но выдержав паузу, спросила:

– Капитан Костина, как у нас обстоят дела с Сидоровым?

– Нормально. Летит в Гватемалу. – Костина поняла, что не просто прокололась по профессии, а реально обломилась. Туго соображая от неожиданности, она сообщила. – Я с ним вчера вечером созванивалась... для подтверждения алиби Гусева. Ну, якобы то утро, ну, на момент преступления, с вечера, они... ну, Сидоров с Гусевым... провели вместе, на базе отдыха... ну, рыбачили.

Зазвенела пауза, – её прервал безжалостный приговор Виноградовой:

– То есть в роли подозреваемого гражданина Сидорова вы не рассматривали.

Чайные посиделки не сложились. Виноградова по сути изложила информацию по Сидорову – главному и явному врагу покойного Туманова. Параллельно, Костина уже звонила по адресам, где могли бы решить проблему экстренного отзыва Сидорова из командировки и задержания фигуранта до пересечения тем государственной границы. Уралова же, чётко понимая, что против Сидорова улик нет, придумывала мотивировку для всей этой катавасии. По ходу, она дала команду доставить на допрос Гусева. Виноградова сказала, что не хочет мешать рабочему процессу и откланялась. После ухода гостьи, Уралова по первое число всыпала Костиной за то, что та повторно не опросила вдову Туманова, в результате чего они не только ничего не знали про этого Сидорова, но и показали себя профанами. Потом всыпала и по второе, и по третье число, и так – весь рабочий день, стоило только начальнице и замше где-то пересечься.

Виноградова не торопилась от автобусной остановки к дому, ей просто нравился этот отрезок пути по грустной тенистой аллее. Помимо нервного удовольствия от Синегорского бытия, ей хотелось побыть наедине с собой. Завтра похороны. Максимум через месяц уедет отсюда и она сама. Очевидно, что с зарплатой Тамары, дочь и внучку ожидает самая, что ни на

есть, бедность, почти нищета. Поначалу Тамара будет гордо отказываться от материнских денежных переводов, потом смирится ради собственной дочери и заперезживает на предмет попанной суверенности и самодостаточности. В результате, может загулять, что предсказуемо, но так же и запить, что маловероятно, но вполне актуально, учитывая, к примеру, высокую ночью бутылку коньяка. Выйти повторно замуж решится вряд ли – гордость замучает, мол, не хватало ещё, чтобы люди говорили, что по расчёту. Как будто женщины выходят замуж по любви. По любви не регистрируются в госорганах, по любви живут друг для друга, делают подарки, трахаются вместо обеда и целуются вместо просмотра телепередач. А замуж выходят для материальной обеспеченности плодов любви и её последствий. Да проблема-то, собственно, даже и не в денежном вспомоществовании, от которого дочь, так или иначе, не отвернется, но в том, чтобы сочинить и соорудить дело, которое её кормило бы! И лучше бы этому делу быть дочери по нраву и по норову, иначе продлится недолго. А на эту придумку нужно время, пусть короткое, но опять же обеспеченное. И дать его – время – дочери может она, мать. И никто другой, на данный момент. Как ни юли, Виноградова, а придётся тебе выйти на пенсию и поселиться здесь, в Синегорске. Что означает отказ от поиска заказчика покушения на неё. А вот это уже её гордость, её норы, её установка: враг должен быть уличён и наказан, и, поверженный, добит. Да, да, добивать надо обязательно, ибо проигравший обязательно захочет отыграться. Каков человеческий уклад, такова и природа игрока: ежедневная демонстрация силы ради утверждения права на власть над людьми. Мало людей мудрых, желающих просто жить от души и для души. Так вот, Виноградова к числу мудрецов себя не причисляет. Или не причисляла? Она – игрок! Или мать? Бабушка... Жена Огюста, наконец! Тьфу ты, вспомнила... только его не хватало! Прочь, швейцарец, прочь, задушевный мужчина. В мозг влетела песня: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветёт»... Виноградова поплыла по волнам тоски и страсти, но ожил мобильный телефон и всё образовалось, как всегда. Звонили из службы доставки экспресс-почты: прислали результаты экспертизы из Загряжска, курьер может подъехать в любое время. Виноградова ответила, что ждёт дома.

Галка вошла в кабинет отца. Она, сильная духом, как учил папа, не плачет, горюет – да, но без слёз. И без душевного самоистязания. Просто соскучилась ужасно. Девочка осматривается и видит всё, как впервые: книги, образцы пород, минералы ... фотографии, грамоты... статуэтки, маски, куклы. Вот, собственно, и всё, что осталось после него. Ещё она сама – его дочь. Галка включила компьютер, усаживаясь в рабочее кресло, вошла в раздел «Музыка» и включила запись «Византийского распева». Вот тут-то её и прорвало, ничего, что слёзы полились, совестно перед папой, что высвободились рыдания. В дверном проёме появилась Тамара. Подумала-подумала строго воспитательная мама, да и подошла к ребёнку, прижала к себе, приладила... сама загрустила так, что хоть вой. Гале всё легче и легче...

– Папа мне в лагерь эту тему сбросил. Мы там все попадали. Первое впечатление, что это мусульманское пение. Все ребята как-то задумались сразу, типа не всё так просто в мире, если христианская молитва такая вся из себя восточная, и её запросто можно спутать с мусульманской. Мама, не значит ли это, что все религии вылупились из одного яйца?

– Значит.

– Тогда чего собачиться друг с дружкой? За что воевать? Ну, понятно, политики и священники – эти бьются за власть с деньгами. А мы-то, простые верующие, зачем ненавидим друг друга? Убиваем!

Пафосный, казалось бы, вопрос, по нынешним меркам неприличный, но как же он важен для маленького человека, для детства, разбившего лицо об асфальт житейства, для юности, разгребавшей руины империй и экскрементов императоров, для молодости... Впрочем, молодости теперь несвойственно размышлять – больно пафосно, и без того, есть над чем задумываться, скажем, над цветом новой тачки, над возможным счётом футбольной игры. И мать сказала: – Сложная тема, Галина.

– Папа всю жизнь посвятил камням. Кто решил, что они драгоценные? Это же обыкновенный земной мусор. Не то, что мы с тобой! Почему он чаще был с ними, а не с нами! Это тоже сложная тема? А что, если попроще?

– Проще – что?

– Всё. Вообще – всё.

Виноградова встретила курьера у подъезда, где с удовольствием посидела на скамейке, – опять поболтала с Самсоновой из пятнадцатой квартиры. Получив пакет, Александра Александровна отправилась домой. Когда она вышла из кабины лифта, то увидела нечёсаную обрюзгшую женщину лет 70-ти, в драных тапочках и бордовом халате, с поддёвкой. Одна рука женщины звонила в дверь Тумановской квартиры, другая – цепко держала надкусанный кусок хлеба, с выложенными на нём кусочками сала. Виноградова вдруг как-то сразу поняла, кто это, хотя прежде не видела. Видимо, Самсонова обладала настоящим талантом описывать людей, – это была Моисеевна. Виноградова спросила:

– Вы к нам?

В тот же момент открылась дверь квартиры и в проёме показалась Тамара. Моисеевна, не переставая жевать, пробасила:

– Вот, что, женщины. Я, конечно, вам соболезнаю, – и тут из неё вырвался такой психованный визг, что хоть наушники надевай. – Чтоб я больше не слышала этот собачий вой, понятно!? Здесь кругом русские люди живут, ферштейн!?

Виноградова тихо полюбопытствовала:

– Сало орать не мешает?

– А, не любишь сало? Или твоя религия не позволяет? – брызгая слюной и крошками, верещала Моисеевна.

Тамара возмутилась: – Прекрати хамить! Мы – христиане. А хоть бы и мусульмане, тебе какое ваше что! До двадцати трёх ноль-ноль хоть Бетховена на всю катушку могу орать на буддийские мотивы! Ву компрене?

Виноградова нажала на кнопку вызова лифта – кабина ещё не уехала и жёстко приказала: – Гражданка, в лифт.

Моисеева смерила взглядом Виноградову во весь рост, вошла в кабину лифта и выпалила напоследок:

– Вырубите шарманку, и чтоб больше – ни разу! Или, видит Бог, накажу! Больно накажу! – она нажала кнопку этажа, створки захлопнулись.

Тамара представила отъехавшую собеседницу:

– Леденцова, соседка снизу, – и крикнула в лестничный пролёт: – Один этаж всего, могла бы и пешком прогуляться, для здоровья. Психичка! Помнишь, таксист нас подвозил? Его машина.

Из пролёта вылетел голос Моисеевны:

– Сама дура! Сучка крашенная!

...В своей комнате Виноградова включила ноутбук. Вскрыла пакет из Загряжска, распаковала протокол заключения экспертизы и компакт-диск. Вставила диск в компьютер, и, покуда тот врубался, изучала протокол. Вот и на мониторе появился тот же текст, что в её руках. Сан Саныч недолго изучала присланные материалы, их было немного и объём невелик. Недолго и размышляла. Потому что для неё вдруг стало очевидным, как и почему произошло убийство. Но, чёрт побери и боже мой – одновременно, какая же это оказалась несусветная ересь! И Виноградова позвонила Ураловой...

Брали Михаила Леденцова во дворе, на парковке. Брали ребята в штатском, выскочившие из соседних автомобилей. Повалили парня на землю, нацепили наручники. Захватом руководила Костина, лично:

– Гражданин Леденцов, вы подозреваетесь в убийстве Туманова Игоря Андреевича, вашего соседа по подъезду. Везите его в нашу контору.

Леденцов выверился:

– Подозрения!? А где доказательства!?

– Следы отпечатков пальцев рук на орудии убийства совпадают с вашими данными из полицейской картотеки, – невозмутимо говорила Костина. – У вас три привода за участие в массовых драках на религиозной почве. Мозги-то, Леденцов, надо включать, если хочешь, чтобы тебя не поймали. Или включать нечего? Пакуйте.

Леденцова затолкали в «воронок», и все участники задержания уехали. А в кухонном окне так и осталась стоять потрясённая Моисеевна, держа в ладони очередной надкусанный хлеб с салом...

А в это время Уралова докладывала Прусасу о встрече с Виноградовой...

Встретились коллеги неподалёку от дома, расположившись в салоне авто Ураловой, которая сидела за рулём, а Сан Саныч – в пассажирском кресле, с включённым компьютером на коленях. Уралова тоже, было, растерялась, но работать-то надо:

– Попробуем сформулировать вашу версию. Убийца был в домашних тапочках. Ел, или, скорее всего, дожёвывал бутерброд с солёным салом. Убийство совершил спонтанно, в состоянии аффекта, подвернувшейся под руку, на квартире жертвы, металлической ложкой для обуви. Мотив: религиозный или националистический фанатизм, вызванный аудиозаписью песни, под названием «Византийский распев». Причём, сам по себе распев является древней восточной христианской песней, напоминающей мусульманскую молитву. И преступником является, скорее всего, кто-то из семьи Леденцовых, проживающих по соседству от жертвы.

Виноградова заключила:

– Совершенно верно.

Уралова продолжала:

– Следы тапочек и остатки бутерброда наши эксперты зафиксировали. Супруга жертвы предоставила для опознания всю домашнюю обувь, включая дачную. Кроме того, она подтвердила, что Туманов никогда не позволял себе принимать пищу в рабочем кабинете. Правда, насчёт сала в нашей экспертизе ни слова.

Виноградова виновато вздохнула:

– Возможно, я упаковала единственный огрызок.

Уралова сказала:

– Наверняка. Ну, что ж, будем работать.

И тут Виноградова предложила:

– Давайте, я сегодня отошлю Тамару с Галкой на дачу, а сама с утраца послушаю этот самый «Византийский распев».

Уралова рассмеялась:

– Засада? Нет. Ровно никакого смысла рисковать вашим здоровьем, а-то и жизнью. Чёрт знает, в каком он психическом состоянии, если, конечно, это он. Нет, я не люблю постанов на живца. Будет чуть дольше, зато без риска. Точка.

Виноградова смиренно ответила:

– Хорошо.

...Прусак был счастлив, его девчата – матери его – сработали на ять, даже имея ввиду, что раскрытие обеспечила чужак – Виноградова. Дело общее, хотя премии порознь, но всё на благо общества и торжества справедливости. Прусак лично пожелал присутствовать на допросе Леденцова, чтобы можно было потом докладывать и просто пересказывать в приватной обстановке эту историю с максимальной долей достоверности. Пригласили и уважаемую Сан Саныча, на поверку оказавшуюся нашим человеком – сыскарём, без амбиций и претензий,

настоящий сыскарь. Виноградова и Прусак расположились в закутке, что за стеклом, откуда было видно и слышно, как Уралова и Костина ведут допрос.

Уралова сидит за столом. Напротив – Леденцов, в наручниках и на табурете, прибитом к полу. Костина манипулирует вещественными доказательствами из картонной коробки, стоящей на краю столешницы:

– Вот ваши домашние тапочки, следы подошв которых зафиксированы на месте преступления.

Леденцов презрительно бросает придуманное словцо, что его самого приводит в восторг:

– Отстань.

Костина продолжает:

– А вот самое главное: орудие убийства – ложечка для обуви.

– Отстань.

Костина не реагирует на провокативность тона подозреваемого:

– Вот заключение дактилоскопической экспертизы, подтверждающее, что вы, Леденцов, – убийца.

– Отстань, – но тут Леденцову вдруг захотелось поговорить. – Фигня всё это. Признания не будет. Где мой адвокат?

И тут вступает Уралова:

– А вот мотив убийства, – и включает магнитофонную запись «Византийского распева».

Лицо Леденцова сузилось и сморщилось, всё его тело непроизвольно стало извиваться, как будто пыталось выбраться из оков, и он заистериковал:

– Выруби! Я – русский человек, не хочу слышать этот вой! Выруби! Вы тут все предатели христианства, да!?

Уралова выключает запись:

– А теперь слушай сюда, Леденцов. Это не мусульманская песня. Это «Византийский распев». Самая, что ни на есть, христианская молитва. Вот заключение специалистов, читай, если умеешь.

Леденцов расхохотался, брызжа слюной:

– Враньё... наши так не поют.

– Поют, Леденцов, поют, – отвечала Уралова. – Две тысячи лет, как поют. Слушай, читаю. «Это древний вид православной музыки — распевы, возникшие во времена Византии у греков и прочих православных народов, входивших в её состав или находившихся под её религиозно-культурным влиянием». Ты убил православного человека за то, что он слушал православную музыку.

Было буквально видно, что Леденцов испытывает жесточайшее потрясение, ведь в принципе-то между своими и школьными учителями он считался хорошим человеком, имел, в целом, положительные характеристики:

– О, Господи... – задохнулся Леденцов. – Да нет же, нет.

А Уралова добивала:

– Просто Игорь Андреевич Туманов был настоящим, образованным верующим человеком, а ты, Леденцов... ты – безмозглая невежественная скотина. И не овца божья – нет, ты – взбесившийся баран. Таких, как ты, даже не шашлык пускать нельзя, отравиться можно. – и Уралова пошла на выход.

Леденцов взвизгнул вослед:

– Постойте!

Уралова же ушла, не обернувшись, бросив, правда, напоследок:

– Отстань.

А Леденцов запричитал:

– Это бабка! Моисеевна... она достала меня. Целый месяц, каждый божий день долдонит и долдонит: сходи да сходи к соседу, начисть ему репу, надери уши, чтоб этой песни больше не было! И я... я тоже долго терпел... но тоже бесило! Я же не знал, что сосед – наш. Хотел

позвонить, а вижу, дверь приоткрыта. Я вошёл. Не хотел я его убивать, я же ж даже хлеб с салом на ходу ел. Вы слышали, чтоб на мокрое дело ходили с салом и хлебом в руке!? Нет, не видели, потом что так не бывает, а это разве не доказательство, что я не хотел убивать! Зашёл в коридор, а там музыка вообще на всю катушку орёт. Всё, думаю, никаких разговоров, сразу дам в торец. А он, сосед-то, не простой интеллигент, типа геолог, что ли, у него рука тяжеленная, я ж как-то видел, как он гири во дворе на спор тягал. Хватанул в коридоре ложку для обуви – для защиты, если одним ударом свалить не получится. Я ж тоже не хилак, не один год такую и с гириями теми тоже жонглировал. Вхожу в комнату, где сосед сидел, а он, дебил, даже не обернулся. И шея ещё у него такая... в складках, свежестриженная. У меня – бац, и перемык какой-то, ни хрена не помню, как да что. Гляжу, а сосед мёртвый, а из него ложка эта долбанная торчит. И драная песня эта сама собой заткнулась. Тишина вокруг, аж уши заложило. Думал, череп у меня разлетится вдребезги. Я же не знал, что она наша... нам помолиться бы вместе с соседом под такую тему, а я – его...

Костина неожиданно для себя сказала:

– Мне жаль вас, Миша.

– Правда? Правда!? Правда... Как она сказала? Название песни – как?

– Византийский распев.

– А можно включить? Хочу правильно послушать... напоследок.

– Вы напишете чистосердечное признание?

– Конечно-конечно, да! Включите, а?

Костина включает магнитофон, и комнату допросов накрыла ударная волна «Византийского распева». Виноградова стояла рядом с Прусаком и Ураловой, не скрывающих профессиональной радости и думала: вот, какая простая арифметика сложилась, трое невиновных – Рыбарёв, Гусев и Сидоров – могли запросто загреметь на нары, а виноват четвёртый. 75 процентов из 100. Глупо? Возможно. А разве было бы умнее и лучше, если бы не был изобличён тот самый четвёртый? Каково было бы троим невиновным... Занимательная математика. Глупая. Не профессиональная. Но, блин, реальная, аж жуть.

«Она ощутила ужас оттого, что ЭТО кончается и, чёрт побери, вот-вот кончится. Через мгновение станет не стыдно, не горько, и даже не пусто, а просто-напросто мутно. Вот и всё? Она всеми членами вжалась последним яростным объятием в тело Гусева. Вот и всё». Тамара вскрикнула от боли, отшатнувшись от Виноградовой, – это она, мать, ущипнула её за руку. Неужели ей дано проникать в мысленный кинотеатр человека? Кошмар, а не человек. Но Тамаре редко удавалось по справедливости отчитать маму, потому что её поступки почти всегда верны и, как обычно, своевременны. Вот и сейчас, Тамара, окинув просветлённым взором толпу у кладбищенской ямы, просто потёрла болячку и, конечно, смолчала. Она даже устыдилась самой себя за воспоминание, в которое её неуместно унесло. Вернее, попыталась устыдиться. На самом деле, ей не стыдно. Хотя, вроде бы и не бесстыжая; во всяком случае, в этом её никто никогда покуда не упрекнул... даже тот, кого в эту минуту опускали в могилу. Тамара поняла, что сейчас может рухнуть без чувств вослед утопающему во тьме гробу, и гневно глянув на мать, вновь вернулась к моменту до щипка. Тамара как будто вернулась к написанию романа о себе, в котором центральное место, конечно, занимал тот, кого хоронили... тот, кто был убит. И над всем летел пронзительный голос «Византийского распева», что включила во всю мощь дочь покойного, кому не сказали, что это и есть гибельный мотив смерти.

АРТУР КАНГИН

Пять лет жизни ответсекком в ироническом журнале «Магазин Жванецкого», с главредом Игорем Иртеневым и художником Андреем Бильжо. Затем служба в редакторском кресле «12 стульев», юмористического приложения «Литгазеты». Издал пару сотен рассказов в России, США, Израиле, Германии, Канаде. Три книжки вышли в Москве, одна в 2011 году в Киеве. Две книжки написаны совместно с Владимиром Вестром, в одной из них рисунки замечательного художника Владимира Буркина. Десятки развлекательных сценариев для ТВ — Первый канал, РТР, НТВ, ТНТ... «Колесо истории», «Кафе «Клубничка», «Коктейль на троих»... По моему рассказу «Небесный мобильник» снят фильм во Владивостоке. Лауреат премий «Золотой теленок» («ЛГ»), газет «Век» и «Неделя». Роман «С ДЖИННОМ ПО ОДНОКЛАССНИКАМ» занял 1-е место в конкурсе Берлинского литературного института им. А.П. ЧЕХОВА «ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА 2014» в жанре «САТИРА И ЮМОР».

Рекомендация Аркадия АРКАНОВА в Союз писателей Москвы:

В некоторых кругах бытует мнение, что жанр юмористики — несколько облегченный жанр. Если забыть о Рабле, Свифте и Зощенко, то может быть скептики и правы, но спешу их успокоить. Судя по тому, что я читал, есть опасение думать, что Артур Кангин может перерасти столь неуважаемый жанр и создать нечто очень и очень значительное. Так как чувство слова у него великолепно.

Жанр, в котором Артур Кангин воплощает свои фантастические представления о будущем нашей страны, можно назвать сатирико-политическим фэнтези, или злободневным памфлетом.

Главный вопрос, который пытается решить автор таков: что может спасти Россию от катастрофы, в которой она может оказаться в третьем тысячелетии!

Ответ одновременно сатирический и фантастический, ибо, по его фантазийным предположениям, спасти Россию может только ЧУДО.

Главный герой рассказов неизменен — это президент страны Юрий Абрамкин, которому в четвертом рассказе аж девяносто лет!

Елена Рябова

ПЯТЬ РАССКАЗОВ

АЛЬФА-САМЕЦ

1.

Ночь напролет президент РФ, Юрий Абрамкин, ворочался без сна. Щемило сердце. Несколько раз вставал, пил валокордин, тупо глядел на блеклую луну. Утром же вызвал штатного психоаналитика, Вадима Жакова. Рассказал о кручине.

Жаков, двухметровый джентльмен, статный и узкоплечий, в очках с могучими диоптриями, задумчиво тербил свой нос:

— Юрий Иванович, что вас тревожит?

— Разлюбили меня на Руси. Вдруг! Обвальню... Единим чохом.

Вадим задумался:

— Разрешите начистоту?

— Как же еще?!

— Достали уж вы всех своей энергичностью. Ваша фамилия растиражирована как Микки Маус.

— Так помоги мне!

— Н-да... — Вадим Вадимович упруго прошелся по кабинету, поглядел в окно на Храм Василия Блаженного. С расписных куполов на жопках скатывались вороны, врачуя свой геморрой. — Я себе в помощницы взял Светлану Федякину. Спеца по птицам. Этолога.

— Ну?

— Этология изучает сходство сценариев поведения животных и хомо сапиенса. Все наши болезни надо шукать в глубинных инстинктах.

Абрамкин заиграл желваками.

— Зови Федякину!

Светлана оказалась тощей сорокалетней девицей, с удивительно молодо торчащими грудями. Не силикон ли? Смелое декольте соответствовало летней поре, конопатые плечи. В голубых ее очах читалась стальная воля.

— Вадим Вадимович вам передал суть дела?

— Я помогу. По дороге в Кремль я видела двойную радугу. Знак добрый.

Абрамкин не верил в приметы, нахмурился:

— Каков алгоритм излечения?

— Завтра мы с вами отправимся в зоопарк, на Баррикадной. Я там, после защиты кандидатской о грачах и синицах, провожу опыты на макаках.

— Странный переход у вас с птиц...

— Мы все очень похожи. С крыльями и без.

— Может быть... Давненько я не был в зоопарке. И как там макаки?

— Этология утверждает, что любой руководитель страны — это вожак, альфа-самец стада.

— Меня так америкосы обзывают, — скривился Абрамкин.

— И они правы! Знаете, когда стая ворон садится на дерево, то на верхушку опускается именно альфа-самец. Птичий царь!

2.

Из-под рыжего парика по вискам струился пот. Нос под силиконовой нашлепкой чесался. Припомнив легендарного Шерлока Холмса, Абрамкин приказал себя загримировать а ля русский мужик. Вот теперь и мучился в костюме Ивана Сусанина 21-го века. На него все

косились. Ватник и мешковатые портки резко выделяли его на городском ландшафте. Вернется в Кремль, пропесочит пиарщиков.

— У вас борода отклеилась, — прошептала Света.

— Кретины... — президент, поплевав на пальцы, примастырил лохмы.

У вольера со львами стопорнул. Вот как должен выглядеть истинный президент. Могучий, вальяжный, чуток сонный. А у него после появления белоленточной оппозиции левый глаз истерично подергивался. Несolidно.

— Юрий Иванович, львы нам без надобности, — Света потянула его за локоток. — Моя лаборатория сразу за клеткой с попугаями Ара.

— Как чешется под бородой! Чем же они ее приклеили? Клейстером?

— Зачем вы так обрядились?

— Чтобы обойтись без охраны, лакейской помпы.

— Снимите бороду. В ватнике вас и так никто не узнает. Без дюжины бронированных джипов, без свиты, вы немислимы.

Абрамкин сорвал бороду. Сунул ее в глубокий карман мешковатых порток. Шагнул, ударившись затылком, в низкую дверь.

Этолог подвела его к стеклянной стене. За ней резвилась дюжина макак.

Абрамкин скovyрнул нашлепку носа:

— И чего?

— Видите тот золотистый аппарат с ручкой?

— Ага.

— Дернешь за ручку, вылетит жетон. Сейчас я макакам покажу, как это работает.

— Жетон зачем?

— Рядом аппарат оранжевый. Кинешь в щель жетон, вылетит банан.

— Ловко! Давай, показывай подопечным, чего хотела.

— Вы для начала приглядитесь к стаду.

3.

Макаки Абрамкину не понравились. Ловят друг у друга блох, публично занимаются онанизмом. Какая-то жестокая пародия на человека.

— Экая шайка! — пробормотал президент.

— Вы меня извините, но они очень похожи на вашу администрацию.

— Попридержи язычок. Не ровен час отрежут.

— На правду больно смотреть, как на солнце.

— Достала ты своими подковырками. Начинай, что ли.

Г-жа Федякина прошла внутрь вольера. Обезьяны обрадовались ей, как своей, истово завизжали.

Этолог дернула рычаг. Вылетел пластмассовый кругляк, напоминающий фишку казино.

Обезьяны с вялым интересом следили.

Светлана кинула жетон в прорезь оранжевого ящика, из него тотчас вылетел толстый банан.

Стадо оживилось.

Жирный самец с седыми щеками взял фрукт, сожрал его с кожурой.

Федякина вернулась к золотистому ящику. Дернула ручку. К ней тотчас подоспел мускулистый обезьян, вырвал кругляк, метнулся к раздаче бананов.

Но не тут-то было!

Выскочивший банан у него тотчас отобрал вожак с седыми щеками.

У приматов же закипела работа...

Света вернулась к Абрамкину.

— Юрий Иванович, примечайте, как макаки разделятся на три группы.

И верно! Первая группа, трудяги, охотно дергали рычаг, получали жетон, затем банан.

Вторая, добровольные нищие, били себя в тощую грудь, клянчили бананы подле ящика.

Третья, самая агрессивная, грабители. Поначалу они забирали у трудяг бананы. Потом, осознав, что столько им просто не съесть, стали отбирать у них жетоны и прятать себе... за щеку. Понятно, конечно, больше всего жетонов за щекой было у альфа-самца. Когда он решал сожрать банан, то аккуратно выхаркивал жетоны себе под ноги.

По вискам Абрамкина потек ледяной пот. Сходство с его администрацией ослепительно жуткое.

— Вот так-то! — ухмыльнулась Федякина. — Нельзя все бабки прятать за щеку. Себя узнали?

— Тот... с седыми щеками?

— Альфа-самец! Самая лучшая еда — его. Самые молодые самки тоже. И ведь он никого почти не наказывает. Ему достаточно нахмурить брови да похлопать себя по гениталиям. И провинившийся сразу примет позу подчинения.

— Это как?

— Станет к нему задом.

— Ты о самках?

— И о самцах.

— Так сивый — педик, что ли?!

— Нет, конечно. Однако изобразить трах провинившегося самца он обязан по статусу.

— Значит, нужно делиться? Не все за щеку?

— Не спешите. Есть у меня для вас еще один опыт. С сундуком.

4.

Света занесла в вольер сундук со стальной задвижкой. Показала стаду, как можно в него спрятать излишки бананов, замочек закрыть, никто не тронет.

Сивый сразу же уложил свою добычу в емкость. Сел на сундук. Лениво выкусывал под мышкой блох, почесывал зад.

Этолог загрузила аппарат новой партией бананов.

Большая часть фруктов и жетонов оказалась, понятно, в сундуке вожака. Хотя он и не забывал кое-что кидать трудящимся-лузерам. Разбойники грабили работяг, не посягая на сундучный банк альфа-самца.

Иногда обиженные макаки поднимали дикий вой. Хотя были уж все перенакормлены, зависть язвила их. Тогда вожак доставал из сундука горсть жетонов и швырял в толпу. Революционный порыв гас мигом.

Президент приклеивал бороду Ивана Сусанина:

— Срочно в Кремль! Постой! А если каждой обезьяне дать по сундуку?

— Доходягам он просто не нужен. Им в кайф просить. В конце концов, все сундуки оказались бы под альфа-самцом.

— Жарковато здесь... — по хребту Абрамкина струился пот. — Да и дерьмом тянет.

Шли мимо скульптурной композиции Заруба Свиристелли «Триумф скотов», колонна взметнулась выше звезд кремлевских.

— Какое убожество! — кивнул Абрамкин.

— Москвичи и гости столицы пугаются. А ведь Заруб получил Госпремию.

— Ошибок много... Так что советуешь?

— Избавиться от обезьяньих повадок, приобрести человечьи.

— А как зовут того альфа-самца?

— Тот. Родом из сямских джунглей.

— Прикажи его привезти ко мне. Пусть служит живым укором.

5.

Тото в Кремль доставили. Поселили в отдельные апартаменты. Сам Абрамкин носил ему овощи-фрукты. Самец без стада страдал. Целый день сидел в углу. Даже не выкусывал блох.

Юрий Иванович вызвал штатного психоаналитика, Вадима Жакова.

— Вадик, Светка мне предложила идти путем человеческим.

— Одобряю. Читайте классиков.

После сытного обеда, разогнав, как блох, всех референтов и длинноногих секретарш, улегся с книжками на животе. В окне — маковки Храма Василия Блаженного, истово орут вороны.

Бунин и Чехов показались скучны. Чуть не заснул. Взял свою любимую с детства книгу «Робинзон Крузо».

Как же он устал от своего народа. Вот бы оказаться на необитаемом острове!

Соскучился по Тото, пошел к альтер-эго. Почесал самцу загривок, из ладони дал финики.

Решил завтра вызвать к себе всех олигархов. Спросить их: «Не лопнет щечка, все бабки прятать?!»

Президент РФ сел рядом с Тото, обнял его за мохнатые плечи.

Тотошка вытянул трубочкой губы, принялся отыскивать в шевелюре Абрамкина блох.

6.

На встрече с олигархами рассказал об увиденном. Для вящей убедительности продемонстрировал Тото.

Богатеи смутились. Обещали подумать. Заметили, что с кондачка не оторваться от госкорыта.

Разошлись, почесываясь.

На следующее утро раздался звонок с Лубянки.

— Господин президент, по данным внешней разведки наблюдается массовый отток капиталов на Запад.

— Насколько массовый?

— Круче, чем в последний экономический кризис.

— Сделайте контрольные звонки богачам. Я из них, сволочей, организую трудовую колонию имени Дзержинского.

— Логично...

Вызвал Вадим Вадимыча.

— Не хотят делиться-то! — огорошил психоаналитика с порога. — Все прячут в забугорные сундуки.

— Прищучьте!

— Уже дал приказ. Только как-то это не демократично. Не в русле Чехова-Бунина. Метод репрессий. Не наш метод.

— Умом Россию не понять.

— Зачем же ты меня сватал к этологу?!

На другой день деньги со свистом вернулись на родину. Активизировались и западные инвесторы.

Зашел узнать о результатах Жаков.

— Ну?

— Вернули бабки. Только все это на страхе. Зыбко.

— Вот! Я к вам с предложением. Последняя разработка Сколково. Вживление в мозг макак золотых нитей. Начните с Тото.

— Это как?

— На осциллографе можно будет считывать его реакцию на то или иное политическое событие. Вы будете поступать в противофазе. В русле Чехова-Бунина.

— Вадик, скажи откровенно, ты свой диплом купил в подземном переходе метро?
— Обижаете. Мое фото в МГУ висело на доске Почета.
В комнату вошел Тото, прижимая плюшевую обезьянку к груди.
— Эх, Тотоша, Тотошка... — вздохнул Абрамкин. — Вживим тебе в мозги золотые нити.
Жаль! У тебя здесь и так жизнь не сахар. Иди, милый, ко мне.
Тото подбежал. Крепко, почти по-сыновьи, обнял своего благодетеля.
В глазах Абрамкина блеснули алмазные слезы.

ГОБЛИН

1.

Уже не верилось, что когда-то Россия была изобильной и сытой, нефть стоила (подумать только!) аж 110\$ за баррель. Теперь упала в цене ниже плинтуса. Хотя, что переживать? Бабки все равно утекают в карманы фантомам.

В 2042 году страна откатилась к временам царя Гороха. Правда, поезда кое-где еще ходили, свет иногда зажигался, вода из труб, если повезет, капает.

Такая вот геополитическая обстановка. А, меж тем, Косте Плющеву стукнул тридцатник. Обитал он в провинциальном Валдае. Недавно работал истопником в котельной завода «Юпитер», пока не закончился мазут, да и сам завод не накрылся медным тазом. Потом томился ночным сторожем муниципального Дома Культуры. И что в нем воровать? Все уж вынесли. Ночью по алтарному залу бывшего храма «Параскевы Пятницы» мотались туда-сюда голодные крысы.

В ДК зарплату ему платить перестали. Сказали, мол, проект заморожен. Пришлось перейти на сугубо натуральное хозяйство. Благо от родственников остался сад с огородом, картошка-капуста, яблоки-груши, даже несколько деревьев черной вишни.

— Гоблин, сходи за водичкой, — просит бабушка Таля.

— Ага. Сам собирался.

На кличку Гоблин Костя не обижался. Прозвище приросло к нему с самого детства. Поводом послужили огромные остроугольные уши, по-кошачьему раскосые глаза и нелюбовь стричь ногти.

Гоблин берет коромысло с двумя ведрами, идет к озеру. Производства все грохнулись, поэтому озерная вода стала изумительно чистой, рыбы развелось в невпроворот, щуки с окунями так, заразы, и плещут.

Костик оскальзывается на изумрудном гусяном помете. Никогда еще в их городишке не было столько домашней птицы. Гуси, индюки, куры... Какие-то даже мордастые индоутки.

Прошел по шатким дощатым мосткам. Черпнул ведром. В глубине мелькнул могучий серый хребет щуки. Сегодня надо сходить на промысел, порадовать бабку. Одна она у него. Родители лет десять назад свалили в Монголию.

С коромыслом за плечами вспомнил о телеграмме из Москвы: «Дорогой племянник! Я умираю. Приезжай проститься. Твой дядя Адам».

Адама Игнатьевича он видел только в далеком детстве. Предки возили его в сталинский дом, рядом с Ботаническим садом.

Проститься, конечно, надо. Поезда курсировали по какому-то энтропийному расписанию. То зарядят через день, то месяц вообще не ходят. Деньги на билет были. Лето выдалось солнечное и с дождиком. Клубника уродилась отменная. На рынке уходила влет.

Вдруг дядя завещал ему квартиру?

Нет, в столице жить не резон. Помрет с голодухи. Но ведь можно продать ее за какие-то бабки. Стоит попробовать.

Таля о грязный фартук (дефицит мыла) вытирала руки.

— Садись, внучок, испить чай. У меня черничный пирог приспел.

Гоблин налил чай из смородинового листа, глянул на бабку.

— К Адаму надо съездить.

— Само собой... Гляди-кась, даже полковники ФСБ смертны.

2.

Косте повезло, он сел на поезд с первого захода. И вагон пустой! Ободранная, как липка, столица манила провинциалов, ну, скажем так, вяловато.

— Постельного белья нет! — прихлебнул из пузыря «Столичную» лысый проводник с сальной косичкой. — Сортир возле меня не функционирует.

— По барабану... — усмехнулся Гоблин.

Состав дернулся. Мимо поплыло багровое здание вокзала, бетонная уборная, напоминающая дзот, жалкий березовый перелесок.

Больше 20 лет он не был в Златоглавой. Тогда его больше всего поразил поющий фонтан в одном из небоскребов Москва-Сити. Дядя Адам его сводил во вьетнамский ресторанчик «Путь Дракона», накормил брусничными слоеными пирожками, напоил напитком из кактусов. Потом спустились к фонтану. А тот как запел! Тысячи струй взметнулись к хрустальному потолку под «Девятую симфонию» Людвиг ван Бетховена. Проектора превратили струи в мажорную радугу.

Как же тогда Гоблин гордился великой страной!

Как быстро это все сгинуло...

За окном поезда проносились леса, поляны, опять леса... Наверное, все это выглядело также и тысячу лет назад. Хорошо ли это? Плохо ли? Кто знает?

Крушение России началось с нескончаемых мелких войн. Сирия, Иран, затем, почему-то, Гондурас. Ресурсов у страны тогда было в избытке. Чего не повоевать-то? Микроскопические брани длились из года в год. Материальные и человеческие запасы таяли. Тут еще подгадили японцы, запустили в серийное производство автомобиль на дистиллированной воде. Цены на нефть и газ ухнули как локомотив с откоса.

А ведь нынешний год не только юбилейный для Гоблина. Президенту РФ, Юрию Абрамкину, стукнет 90. Его подельнику, премьер-министру Мите Барабанкину, уже 77. Чай, не мальчишки! Каково им теперь на пепелище?

Ходили слухи, что вместо мавзолея В.И. Ленину поставят скромный монумент Ю.И. Абрамкину из легированной стали. Хотя это может оказаться и трепом желтой прессы. Странные дела! Нормальные СМИ совокупно окочурились, а эти поганки процветают.

Как, любопытно, теперь выглядит пуповина Руси, Красная площадь? Когда-то маленький Гоблин ходил по ней с замиранием сердца.

— Накатишь? — подсел к нему проводник с сальной косичкой. На откидной стол поставил переносную китайскую лампу на солнечных батарейках, початую бутылку водяры.

Костя сглотнул:

— У меня есть бокалы из Гжели.

— Давай, без понтов! Пей из горла. Я не заразный.

Костик хлебнул. Пальцы ног стали покалывать иголки наслаждения.

Стюард занавеской протер залысину:

— А водка-то ваша, валдайская.

— Единственно производство осталось наплаву.

— Чего в Москве забыл? Зарежет гольфьба в первом же переулке.

— Дядька помирает.

— Проститься — святое. Я сейчас огурцов принесу. Малосольных. С хрустом.

3.

Первым делом отправился на Красную площадь. Ободранное, трущобно замусоренное, метро еще бегало.

Шел от Охотного Ряда. Ошалело оглядел здание Центрального Телеграфа с обвалившейся штукатуркой. Впереди замаячили красные кирпичики Исторического Музея.

Батюшки-светы, чего это!

Вся брусчатка из Красной площади выковырнута. Вместо ровной поверхности, когда-то ласкающей глаз, буераки поросшие чертополохом да клевером. Среди зарослей бродят, как в Валдае, куры, индюки да утки... Тут же паслась тощая корова, весь левый бок в дерьме. Хрюкала свинья с именной жестяной серьгой в ухе. Живность пасла бабушка в оренбургском платке.

Костя подошел к долгожительнице. Пригляделся. Бабушке-старушке было не больше пятидесяти.

— Здравствуйте! — поклонился ей в пояс. Может, именно не ей поклонился, а её страданиям.

— Ой, какой страшненький! Вылитый Гоблин! — засмеялась москвичка.

— Это опустим... Давно в таком запустении главная площадь?

— Почему в запустении? Глянь, какой клевер!

Костя вертел головой. Часы на Спасской башне стояли. На крыше Мавзолея росла чахлая травка. Шутовские маковки Храма Василия Блаженного беспечно ярились на солнце.

— А часы-то стоят! — сплюнул Гоблин.

— Пару лет уж... К Мавзолею, сынок, подходить не советую.

— Чего так?

— Амбре валит с ног. Протух наш вековечный дедушка.

Гоблин решил прокатиться на Выставочную, позырить как мерзость запустения коснулась Москва-Сити. Во что превратилась его детская сказка? А уж оттуда дуть сразу к дяде Адаму.

Небоскребы возвышались гнилыми зубами инопланетного чудища. Все окна выбиты. Стены исписаны калом. Причем — матерно.

Мимо горделиво прошествовал мальчуган, таща за хвост дохлую кошку.

Костя широко улыбнулся:

— Мальчик, а мальчик! Иди сюда. Дам тебе конфетку.

— Отзынь, сука!

Гоблин схватил пацаненка за ухо, приподнял с грешной земли.

— Не забирай мою кошку... — захныкал малютка.

— Ты скажи мне, малец, что стало с Москвой-Сити?

Детеныш потирал багровое ухо:

— Вот с этой домины сбросился олигарх Ибрагим Омаров. А потом все стало почему-то рушиться.

— На тебе тянучку «Му-Му», — Гоблин протянул собеседнику конфету.

— Спасибо... Олигарх-то выжил, — чавкал малютка. — Его в Швейцарии склеили по кусочку. Стал лучше, чем прежде. Только слегка дурачок... Васей меня зовут. Мне семь лет. Скоро будет.

Василий потащил прочь за хвост свою добычу.

— Зачем тебе кошка-то? — крикнул вдогонку Гоблин.

— Как вырасту, стану чучельником. Есть из кого делать.

4.

Звонок у дядиной двери не работал. Толкнул дверь, та не заперта.

Адам Игнатьевич сидел в кресле-качалке у распахнутого окна, закутанный в шотландский плед, в зубах дымится толстая гавана.

— Что-то вы на умирающего не похожи! — вместо приветствия произнес Гоблин.

— А ты поседел. Садись. Сигару будешь?

— Не откажусь... Мне уж тридцатник, — Костик сел на тахту, покрытую потертой парчой.

— Года идут, года меняют лица. Хотя ты такой же страшный. Вылитый Гоблин! А я умру точно... Не волнуйся. Врач дал только месяц. С легкими что-то.

— И курите?

— Клин клином. Кубинские сигары, остаток былой роскоши. Секретную операцию в Сан-Фуэгосе как-то проводил. Вот меня кубинские штирлицы и задарили. Есть еще пара ящиков рома «Cohiba».

— От гаваны под кубинский ром не откажусь.

— Сгоняй на лоджию. Чистый бокал на кухне.

В квартире дяди Адама был флотский порядок. Все вещи на месте, ничего лишнего, чисто. Старостью и смертью не пахло. Отдавало лишь горечью элитных сигар.

Костик плеснул янтарной влаги. Гильотиной, с изображением Фиделя Кастро, отсек кончик сигары. Глотнул, затянулся с блаженством.

— Продали Россию! — подмигнул ему родственник.

— Не то слово...

Гоблин присматривался к Адаму Игнатьевичу. Тот будто стал меньше ростом, высох, заострились скулы. Тщательно выбрит и аккуратно пострижен. Взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз, пронзал насквозь. Одно слово: разведчик.

— Квартиру эту отписал тебе. Живи в столице! Что в Тмутаракани забыл? И бабушку Талю тащи сюда.

— Кормиться нечем...

— Дача в Малаховке по завещанию тоже тебе. Выращивай там себе овощи-фрукты.

— Подумаю.

— Думай быстрее. И вот еще...

Дядя что-то невидимое взял с подоконника, протянул ему.

Костя отшатнулся. А ведь дядя — крейзи! Наверно психиатры его и стригут и бреют.

В руках ничего нет!

Глубокая морщина усмешки разрешила дядину щеку:

— Это плащ-невидимка. Пробный образец. Я когда с Лубянки уходил, его скоммуниздил.

— Зачем мне?

— Хотел сам поговорить с президентом РФ. Объяснить ему, в какую он нас вверх жопу. Да вот заболел. Занемог. Придется тебе. Это моя личная просьба.

Адам Игнатьевич набросил на себя пустоту и сам стал невидимым.

— Святые угодники! Чур меня, чур! — колени Гоблина дробно задрожали.

— Плохо, племяш, ты изучал физику! — засмеялся незримый родственник. — Ткань эта не отражает свет. Господи, каких же несусветных денег она стоит! Теперь, впрочем, не нужно никому ничего.

Дядя сорвал с себя ткань, достал из кармана красный шелковый шнурок, перевязал ее.

— Сигнальная метка, — густо пыхнул сигарой.

5.

В Овальном кабинете Спасской башни Абрамкин ностальгически листал толстенный семейный фотоальбом. Закутавшись в плащ-невидимку, Гоблин разглядывал вертикаль.

И этому старцу скоро стукнет 90?! Годы не брали его... Поджарый, сидит ровно, подергивает ногой в золотой чуне. Вот только на носу очки в простой стальной оправе. Костя и не знал, что президент РФ близорук.

— Ведь было же, было! — простонал Абрамкин. — Просрали великую Россию. И ради чего? Ради поганой трубы...

Юрий Иванович говорил практически Костины мысли. И в чем же он теперь упрекнет вертикаль? Поворачивать оглобли? Что скажет Адаму?

Дико захотелось сбегать по малой нужде. Глупо погибнуть от разрыва мочевого пузыря в сердце нашей великой родины.

Костик театральным движением сорвал плащ.

— Гоблин?! — вскричал Абрамкин.

— Ну, Гоблин... — нахмурился Костя.

— Всадник Апокалипсиса?

— Из Валдая.

— Дети сатаны базируются именно там?

— Где тут у вас сортир. Иначе сдохну.

— Налево, первая дверь.

— Я мигом.

Вернулся, задерживая zipper мотни. Блаженство облегчения просто райское.

Костя подмигнул:

— Зовите своих вертухаев. Вяжите меня. Бросайте в застенки Лубянки.

— Так ты не всадник?

— Я с плащом-невидимкой. Разработка ФСБ, кстати.

— Покажь...

Пощупал, помял ткань.

— Почему мои руки не пропадают.

— Когда накинете на макушку, сразу сгинете. Почему? Не знаю. Нанотехнологии, верно.

Президент накинул плащ, подошел к зеркалу, не увидел себя, радостно засмеялся.

— Какие же чудеса мы умели делать... Все просрали... Так что же ты от меня хочешь?

— Поговорить по душам.

— Говори.

— Вы сами с собой говорили моими мыслями.

— А ведь я тебя за всамделишного Гоблина принял. Хотя чего мне бояться? Одной ногой уж в могиле.

6.

Волоча ноги, в зал вошел премьер-министр, Митя Барабанкин.

Президент РФ приветственно махнул ему:

— Митёк, познакомься с ходоком из народа. Погоняло — Гоблин. Прибыл к нам в плаще-невидимке, славная разработка КГБ-ФСБ.

Митя выглядел явно старше своих 77-ми лет. Глаза его предсмертно слезились.

— Очень приятно, — прошамкал премьер. — С какой надобностью?

— Плохо живет россиянин! — вскричал Костя. — На картошке да клюкве.

— А рыба? Рыбы много... — свел брови премьер. — Это я вам официально заявляю. Есть статистика.

— Рыбы много, — согласился Гоблин. — Однако же мы не Робинзоны Крузо! Хочется цивилизации.

Барабанкин задумался. Желваки на его сером лице так и ходили.

— Господин президент! Список тех мерзавцев, что сосут нефтегазовую трубу, у меня есть. Пусть товарищ Гоблин пройдет по ним. Хорошо шуганет. Может, они тогда, подлецы, перенаправят финансовые потоки с Запада в Россию.

— А что? Это мысль! — вскричал Абрамкин. Тут же уронил голову на грудь, громко захрапел.

— Чего с ним? — испугался Костик.

— Возраст... Хотел, кстати, доложить ему о подготовке к его юбилею.

— Все нормально?

— Да где там нормально? Нет бабок!

Барабанкин уронил черепушку на грудь, заснул стоя.

Зато проснулся Абрамкин.

Пояснил Гоблину:

— Пусть поспит. Он как лошадь привык, спать стоя.

— Мне бы адреса олигархов.

— Вот они! — проснулся Барабанкин, выхватил из внутреннего кармана вчетверо сложенную бумажку. — Фамилии, клички, адреса, пароли, явки.

ЭПИЛОГ

Стоит ли говорить, что уже в 2043 году Россия стала жила нормально?

Костик-Гоблин получил высочайшее назначение, возглавил Лубянку. Дядя его Адам похоронен в Кремлевской стене, рядом с Дзержинским. Бабушка Таля курирует сиротские приюты. Ходят слухи, что внучок ейный, Гоблин, следующим станет президентом.

МАРШ-БРОСОК В ОПТИНУ ПУСТЫНЬ

1.

Сейчас принято за хороший тон бранить нашего президента РФ, Юрия Абрамкина. А ведь никто, совершенно никто, не задумывается о причинах его порой диковинных и даже вопиющих поступков.

— Почему люди так жестокосердны! — восклицает Абрамкин после чашечки кофе.

— А ты, милочка, приглядишься к своему народу, — откликается его жена, Алина Борисовна.

— Народу труженику и победителю?

— Во-во! Менталитет напрочь сбит. Антиселекцию произвел товарищ Сталин. Остались сплошь проходимцы, деляги, подлецы, стукачи, латентные педики.

— Передергиваешь, — хмурился Абрамкин. Оглядывал супругу с макушки до пят.— Эко тебя, матушка, разнесло на кремлевских харчах! Поперек себя шире... Твоими грудями можно выкормить не ребенка хомо сапиенс, а, как минимум, гориллы.

Супруга залепила вертикали звонкую пощечину.

— На себя погляди! Мне хоть не нужно быть на старости лет прикидываться киборгом и терминатором в одном флаконе.

Президент потер щеку:

— Возражение принято... Как последний мудака прыгаю в жерло вулкана, погружаюсь в батискафе к «Титанику», рву пасть акулам. А что делать? Ведь свергнут!

— Менталитет народу рихтуй.

— Как?!

— Сымай портки, альфа-самец.

— Это чего?

— На зад у тебя чирей с голову колибри. Забыл? Смажу зеленкой.

Рука супруги была нежна и точна. С зеленкой она обращалась будто циркач шапито. Маэстро!

Смазала, поцеловала благоверного в лысеющий затылок:

— Поехал бы к моему дяде, в Оптину пустынь.

— К Тимофею Храпкину?

— К нему. Совет испросишь у старца. Как спасти Русь без череды твоих оглашенных подвигов.

— А где эта Оптина пустынь?

— Где-то по Калужскому шоссе. У реки Жиздра. Надевай портки, мой герой.

2.

Абрамкин навел справки. Тимофей Иванович Храпкин, 75 лет, оказался личностью незаурядной. Окончил пищевой техникум им. Серго Орджоникидзе с красным дипломом, специалист по копченым и сырокопченым колбасам. Работал технологом на фабрике им. Анастаса Микояна. После развода, в 37 лет, резко меняет судьбу. Разрывает все столичные связи, вербуетея вохровцем в колымский лагерь строгого режима. Руководством характеризуется с самой положительной стороны. Правда, одного отставного олигарха, Митю Оськина, чуть не забил до смерти, причем ногами. Хотя Оськин был еще тот сукин сын, его посадили именно за отвязное душегубство.

— Сколько твой дядя уже в Оптиной пустыни? — через бесчисленную анфиладу кремлевских покоев кричал Абрамкин.

— Годков десять... — откликнулась Алина Борисовна.

— Из Колымы сразу в Оптину?

— У него и спросишь.

Президент РФ чесал затылок. Институт старцев, тем более, из бывших садистов-охранников, он не приветствовал. А ехать надо. Россия в огне. Ну, не в огне, а такое ощущение — будет.

Выехал под покровом ночи, инкогнито. Кардинальные изменения его имиджа должны произойти тайно. Короче! Он выехал в Оптину пустынь на велосипеде шанхайской сборки «Юность дракона».

Узкое и жесткое седло терзало задницу. А там еще, собака, фурункул... В ротовую пазуху набивались комары и прочая насекомая сволочь. Икры, пусть и натренированные велотренажером, мерзко покалывало.

— И угораздило же меня, с моим умом и талантом, стать президентом! — пробормотал Абрамкин. !!!

Далее его мысли шли лишь в черепной коробке:

«Сидел бы на теплой печи, читал бы псалтырь с Акуниным. Зимой бы добывал барсуков. Летом собирал бы рыжики-опята. Жизнь, бляха-муха, проходит, как косой дождь, мимо».

Ход мыслей смутил президента. Видимо, Оптина пустынь обладает эдакой духовной радиацией. Меняет структуру человека дистанционно.

Абрамкин прошептал:

— Вот будет хохма, если возьму, да и ангажируюсь в старцы.

Дорогу ему перебежал толстый заяц-русак. Знак недобрый. Президент через левое плечо трижды сплюнул.

3.

Храпкин оказался маленьким и крепким мужичком со щербатым лицом, с гусарскими усами и плетью свисающей правой рукой.

«Кого он мне напоминает? — охолонуло Абрамкина. — Батюшки-светы, Иосифа Сталина!»

— Одна конечность у меня не рабочая, — глуховатым баском пояснил свое увечье просветленный Тима. — Покалечил о мордуленцию упыря-олигарха. Мама дорогая! Я же вас знаю! Вы — президент РФ. Муж моей Алинки, племянницы.

— Еще бы не знать! Мое изображение размножено миллиардами. Я и на коне белом гарцую. Я и лечу на дирижабле. С кислородным баллоном за спиной на дне Красного моря... Только на банкнотах меня нет. Да это дело, надеюсь, времени.

Тимофей расправил седые усы:

— Ящик не гляжу. Газет не читаю. В интернете не шарю, за отсутствием оногo. А в Оптиной оказался раньше вашего восшествия на русский престол. Единственно Алинушка прислала мне свадебные фотки. Извините, у меня час трапезы.

Храпкин достал консервную банку, полную кузнечиков.

— На рыбалку собрались? — подмигнул Абрамкин.

— Акриды. Моя основная пища.

Старец кинул в рот одного кузнечика, тщательно разжевал, проглотил.

Абрамкин чудом удержал блевотный позыв. Судорожно сглотнул:

— Вам хорошо, на акридах-то... Смиряете дух и плоть. А мне каково? В шестьдесят лет превратился в какого-то Петрушку. В отвязный инфоповод для папарацци.

— Твой выбор, сын мой.

— Нет! Я бы с превеликим наслаждением, подобно вам, сидел в келье. Грыз бы кузнечиков, глотал земляных червяков. От меня же электорат требует ежедневных подвигов.

— Гулаг не завел? — подмигнул Храпкин.

— В век информационных технологий это не проканает. Гласность! Оппозиция, сука, публично играет желваками.

Тимофей Иванович достал из внутреннего кармана рясы пластиковую бутылочку с наклейкой «Святой источник». Глотнул. Задумался.

— Есть у меня один медок. Заговоренный.

4.

Вышли из кельи. В полную грудь вздохнули родниковой чистоты воздухом.

Старец лягнул лежащий велосипед по сидению:

— Хорошая машина?

— Так себе... Китаезы балуются.

Старец опять сунул руку под рясу. Достал лист ватмана, скрученный в трубку. Развернул. Абрамкин увидел карту мира. От Урала во все стороны расходились стрелки.

— Видишь, Урал изображен в виде сердца? Именно отсюда пошла жизнь на планете Земля.

— Разве не из Африки?

— Фигушки! Дарвин наврал. Мюнхгаузен! Теорию развития видов из обезьяны ему напледали бесы. Именно на Урале Господь создал Адама и Еву. Они стопроцентные русаки. До последней молекулы. От них же методом не пресловутой эволюции, а инволюции, то есть в обратную сторону, возникли все остальные люди, от оных же вся скотина и рыбы.

— А насекомые?

— Тоже!

— Как же это возможно? — вскричал президент. — Неужели из англичан получают, скажем, олени, а из французов барсуки?

— Ручаться не могу. Что-то вроде.

— А микробы? Бактерии?

— Детали. Вернемся к нашим баранам. Я тебе мед дам. Ты его съешь. И, как глава вертикали, остановишь инволюционный процесс. Иначе по Руси будут ходить лишь одни мутанты. А ты над ними будешь парить с вороньем.

5.

Мед был в банке из-под томатной пасты «Дядя Ваня». Президент понюхал его. На вид простой такой медок, засахаренный, скорее всего, паленый.

— Возвращайся, дорогой мой человек, в Златоглавую! — на прощание покрутил седые усы дедушка. — Верни Руси заповедованный пращурами статус-кво.

Президент РФ бешено крутил педали.

Заповедный мед у него лежал за пазухой китайской куртки «Adidas».

— Как смотался? — Алина Борисовна поливала кактус в кремлевской горнице.

— Все тип-топ.

— Как дядя?

— Огурчиком. Дал мне медок.

— И только?

— Если дядя не врет, заговоренный. Кто-нибудь звонил?

— Начальник пиар-департамента, Ярослав Смертин.

— Чего хотел?

— Предлагает тебе с парой подопытных шимпанзе лететь на Марс. Рейтинг, мол, твой надо отодрать от плинтуса.

— Мудаки! И за что им только деньги плачу? Пиявки! Ладно... лягу спать. Утро вечера мудреней. Презент, дед говорил, надо есть натошак, утром.

Мед оказался точно паленым. На зубах хрустел сахар. В горле саднило.

Президент нажал красную кнопку селектора:

— Ярослава ко мне.

В горницу вошел человек-ящур. На брылах раздувались жаберные щели. Пальцы рук напоминали лапы варана. Абрамкин в ужасе протер глаза. Виденье сгнуло.

Ярослав Павлович вернул себе обычный имидж. Отечный от почечной болезни пятидесятилетний дядька. Симпатичный. Внушающий своей истрепанностью искреннее уважение.

— На Марс меня зашвырнешь? — нервно зевнул Абрамкин.

— Другого выхода нет. Иначе вертикали каюк. Не побоюсь этого слова, амба!

— Дилемма — альфа-самец я или хрен собачий?

— Именно.

Абрамкин настороженно двинул к зеркалу, огромному, в рост жирафа. Над зеркалом — икона с Георгием Победоносцем, поражающим копьём зеленую гадину.

Душу терзал вопрос: «А как я сам после меда выгляжу?»

Не сразу поднял глаза на себя, боялся увидеть какую-нибудь пупырчатую жабу или, не дай бог, косоглазого енота.

А увидел себя похорошевшего и помолодевшего. Кровь с молоком! Седины убавилось. Желваки мускулисто играют. Взгляд почти ястребиный.

Ярослав переминался с ноги на ногу:

— Так что же с Марсом? Звездолет готовить?

— Погоди чуток. Дай духом собраться.

6.

Переодевшись в бомжеватую старушку с авоськой, Абрамкин решил прошвырнуться по улицам Москвы, поглядеть на народ, послушать сплетни.

Ой-ой-ой!

Налицо инволюционный процесс! Вместо сограждан какой-то мобильный филиал зоопарка на Баррикадной. После меда-то! Сплошь медведи, англичане, муравьеды, барсуки, канадцы, лисы... У некоторых субъектов на лице недвусмысленно топорщились тараканьи усики.

Ворвался в Кремлевские покои в прикиде старушки, схватил Смертина за грудки:

— Бей в колокола, кровопийца!

— Бабушка, как вы сюда проникли?

— Да я — это я. Твой родной президент. Только в прикиде бомжихи.

— Сейчас в колокола ударю. Неужели бунт?

— Хуже! Организуй мне, бездельник, прямую линию. Хочу пообщаться тет-а-тет с русаками.

Смертин обиженно трепыхнул своими жаберными щелями:

— Сначала на Марс, потом уж прямая линия.

— Выпру без золотого парашюта... — зло прошептал Абрамкин.

7.

— Братья и сестры! — Абрамкин сокровенно обратился в телекамеру. — Я недавно тут совершил паломнический марш-бросок в Оптину пустынь. Приобрел эзотерический опыт. И взываю вам гласом в пустыни! Вырубите, к чертям собачьим, зомбоящик. Отключите интернет. Не покупайте газеты. Растопчите FM-радио своими ногами. Иначе вы все превратитесь в нутрий или удонов. Оставайтесь людьми. И никаких подвигов! Ведь каждый подвиг это чье-то преступление.

— Что он несет? — кусал губы Смертин.

— Я закрываю политическое шапито! — смахнул пот Абрамкин.

И что вы думаете?

Россияне все скопом потянулись к Донцовой и Достоевскому. Слушали Шнитке и Илью Резника. Вглядывались в нетленные полотна Шишкина и Глазунова.

Россия встала с колен!

Заколосились нивы, богатырски затрубили заводы и фабрики.

Русь отвергала путь инволюции, твердо встав на рельсы эволюции.

А вы говорите чудес, мол, нет. Да сплошь и рядом.

ФИЛАТЕЛИСТ

1.

У Валентина Бабушкина лучшая в России коллекция марок с изображением товарища Сталина. Еще отец Вали, контр-адмирал в отставке, начал собирать, а он, как преданный сын, продолжил.

Как же обожал Валентин листать кляссер с этими маленькими зубчатыми бумажками!

Какая отрада для истомленного жизненными передрыгами сердца.

Тигриный взгляд мудреца. Могучие усы. Сдержанно властная ухмылка. Уж он бы, хозяин, одним росчерком пера вышвырнул всю зажавшуюся нечисть из отчизны.

Однако нет его... Закопали, как пса, в мать сыру-землю, хотя и в козырном месте, у Мавзолея. А теперь эти богатые уроды рассекают Атлантику и Тихий океан на золотых унитазах, под алыми, мать ети, парусами. Черную икру жрут половниками. Трахают за ночь по пять штук топ-моделей.

Люто ненавидел г-н Бабушкин новую жизнь. Кусал до крови губы, так скрежетал зубами, что слева клык надломился. Надо бы сходить к дантисту.

А ему, Вале Бабушкину, уже 56 лет... Впереди маячит немощная слабоумная старость. У него уже сейчас диабет, гипертония, бурное потоотделение. Плюс к тому — простатит. Женщин у него лет 30 не было. Да и как они могут появиться? Он почти не выходит из своей огромной адмиральской квартиры на Шереметьевской. Спасибо папе! Наследство добротное: номенклатурные апартаменты, финская мебель, белая «Чайка» и, главное, пять классов с изображением горячо любимого Сталина.

Валя давно нигде не служил. Зачем? Продав одну марку можно год-другой жить безбедно. И ведь он в деньгах ничего не терял. Энтропийный мир филателии он знал как свои пять пальцев. Марки — те же ценные бумаги, то идут вверх, то рушатся в Преисподнюю. Надо просто подгадать момент, поймать волну. И тогда вместо одной проданной появлялось три, не менее ценных, через энное время, плюс солидный навар.

Так недавно он прикупил редчайший экземпляр. Сталин держит на руках свою крохотную дочурку, Светланку. Казалось бы, что тут такого? Тираж миллионный. А марочка с закавыкой! Вместо года издания 1937-го набрано 1997-ой. Весь тираж пущен под нож. Лишь парочку марок лихому печатнику удалось унести в семейных трусах. Цена на такого Сталина астрономическая. Не будь филателист Григорий Мамонтов (86 лет!) выжившим из ума, вряд ли этот артефакт оказался бы в классе Бабушкина.

Жемчужину мировой коллекции Валя брал исключительно новым пинцетом. Упаси Создатель повредить хотя бы зубчик.

Как же здесь хорош Иосиф Виссарионович! Как еще молод... Вот бы с ним пообщаться. Рассказать о наболевшем, всплакнуть на груди.

— Товарищ Сталин, — горячечно зашептал, — жить невмоготу. Нагрянули орды алчных разнузданных скифов. Все построенное вами, разом разрушили. Особенно достает этот ночной клуб под окном. «Заводной апельсин» называется. Приезжают к нему разные буратинки на бентлях, инфинити, с дорогими блядами. Орут до пяти утра. А у меня проблема со сном, с мочеиспусканием.

Иосиф Виссарионович молчал. Да и как он может ответить? Он же марка.

Держит махонькую Светланку в своих богатырских руках. Усы смеются.

Такое отчаяние накатило на душу...

Валя, как подкошенный, упал на колени. В руках крепко держит пинцет с заветной маркой.

— Товарищ Сталин, тот Библейский Бог молчит уже две тысячи лет, и вы туда же?!

И тут Иосиф Виссарионович отвечает...

Или это только почудилось, так были взвинчены нервы.

— Товарищ Бабушкин, — с отчетливым грузинским акцентом, — плакать и причитать — бабья обязанность. А что лично ты сделал, чтобы жизнь стало лучше и веселее?

— Что я могу? Против меня целый мир...

— Эй, не надо! Дохлик ты. Не Богу свечка, ни чёрту кочерга... Тьфу!

— Подскажите! Себя не пожалею.

— Генацвале, это ты сам себе подскажи.

2.

В 5.30 утра, когда вся шайка-братия на бентлях и маздах от «Заводного апельсина» отчалила, Валя вышел на тропу войны. В недрогнувшей руке держал жестяную банку. А в банке — фекалии. Его, родные. Собрал из унитаза сам, больше некому.

У клуба никого не оказалось. Знак небес! Однако камеры наблюдения включены. Поэтому Валентин заблаговременно натянул новогоднюю маску клоуна с алым раззявленным

ртом, подошел к хрустальным дверям, с величайшим наслаждением вышвырнул смрадное содержимое прямо у парадного входа.

Ретировался домой. За ним никто не погнался.

Всё тип-топ.

В семь утра толстомордые вертухаи матом сгоняли таджиков-дворников.

Говно убрали. Пролежало немного. Но все-таки... Первый шаг сделан. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Китайская мудрость.

Взял прибор для измерения артериального давления. 140 на 90! Отродясь такого не бывало. Всегда, как в розетке, 220 на 110.

Скосился на зеркало. Куда-то ушли лиловые круги под глазами. Плечи распрямились. А то ведь крючился, что паралитик.

Достал новехоньким пинцетом заветную марку.

— Товарищ Сталин, докладываю, я сделал свой выбор.

Иосиф Виссарионович усмехнулся:

— Всё это мелочевка, товарищ Бабушкин, большую игру можно выиграть только с большими ставками.

Что это значит?..

Стать террористом-бомбистом? Киллером? В его-то предстарческие 56?

Позвонил чеченский коллекционер Хасан Магомедов.

— Слушай, дорогой, хочу выменять у тебя марку, где товарищ Сталин пляшет лезгинку со счастливыми детьми в Грозном.

— Редчайший артефакт. Не для обмена.

— Так продай...

Валя хотел было послать Хасана куда подальше, да вдруг мозжечок ожгло: «Это сам Всевышний протягивает добрую руку».

— Приходи. Жду.

Бабушкин вспомнил, что сын Хасана был полевым командиром во времена Дудаева. Уничтожен спецслужбами ФСБ точечным взрывом. Кровную месть в Чечне еще никто не отменял. Хасан может еще очень как пригодиться.

Хасан явился с пузырем грозненского коньяка «Волк предгорий» и огромным бумажным пакетом пьяной вишни.

— Не пью я! — с порога заявил Бабушкин. — Диабет, гипертония, артрит.

— Вай! А кто пьет? Всего бутылка.

Странные дела творятся на свете. Вале внезапно захотелось дернуть. Под градусом и нужный разговор будет завести легче.

Выпили. Закусили вишней.

— Хасан, зачем тебе эта марка? — подмигнул Валентин. — Коба же столько твоего народа перещелкал.

— Коба, конечно, был шакал и злодей. Но он бы не допустил того беспредела, который сейчас происходит.

Накатили еще. Валя себя чувствовал все лучше и лучше. Будто десяток лет с плеч долой.

— Деньги мне не нужны. За марку я попрошу иное.

— Говори!

— Понимаешь, Хасан, дачу под Москвой строю. Нужно копать под фундамент котлован. А это долго и муторно. Проще взорвать. Бац — и готова яма.

Дядя Хасан внимательно поглядел на него:

— Дача, говоришь?

— А что же? Под фундамент...

— Надеюсь, на Лубянку на меня не настучишь. Ты не дурак. После стука сразу отправишься к всеблагому Аллаху.

— Говорю же, для дачки. Крыжовник, вишня...

— Остался схрон после сына. Пластит с будильником.

— Ой, как выручил!

3.

Обмен произошел чин-чинарем.

Хасан принес средних размеров сумку с надписью «Adidas». Десять аккуратных пластиковых бомб с часовым запалом.

Показал как с этим хозяйством справляться. Все просто. Понял бы и малолетка.

Марку с танцующим Сталиным отдал без сожаления. Есть дубликат.

Пора было делать шаг второй.

И маска клоуна тут не канает. Засвечена на видеокамерах.

Прогуливаясь по родной Марьиной Роще, наткнулся на Еврейский культурный центр. Из него как раз выходили хасиды в черных костюмах жуков. Черные пейсы из-под черных шляп.

Имидж найден!

Реквизит прикупил в театральном магазинчике «Маска» на Тверской. Продавщица не задавала вопросов. Покупай себе хоть одежду бойца Аль-Каиды.

Дома надел шмотки, приклеил пейсы, на макушку насадил шляпу, глянул в зеркало. Вылитый хасид! Туз в туз! Еврейского акцента только нет. Лучше помалкивать.

В чем же нести бомбочку? В пакете из супермаркета? Нет, с таким пакетом хасид выглядит странновато.

Рылся в кладовке. Обнаружил дюжину черных футляров под дамские шляпки. Это презенты матери Валентина, отец привозил из-за рубежа. Та еще была модница!

С черным шляпным футляром он выглядел стильно. Евреев все считают зажимистыми, вот и он себе что-то в клювике тащит в гнездышко.

Часы на взрывателе поставил за пять минут до полуночи. Вспомнил любимый кинофильм детства, «Карнавальную ночь». Гурченко там совсем молоденькая, с осиной талией, вся в конфетти и серпантине, поет: «Пять минут! Пять минут!.. Это мало или много?»

Актуальная песенка...

Подошел к «Заводному апельсину» с черного входа.

Как же тут все непрезентабельно. Никогда б не подумал! Навалена гора тарных ящиков. Пегий бельмастый кот старательно вылизывает яйца. Дернул за ручку двери. Хвала небесам, отперто.

— Отец, третьим будешь? — услышал голос сзади.

Оглянулся.

Два ханурика лыбятся в бражной нирване.

— Не пью! — произнес строго.

— Тогда добей чирик.

Валя выдал бабки. Забуддыги ретировались.

Шагнул в темный коридор подсобки. Под потолком тянутся какие-то пыльные трубы.

Встал на цыпочки. Пристроил футляр в сумрачном углу на трубе.

Скоренько покинул обитель разврата. Точнее, ее закулисье. Шагнул во двор. Пегого кота уже нет. Зато есть маленький кряжистый охранник с рацией в ухе, белая рубаха прилипла к телу, жара все-таки, 33 по Цельсию.

— Ты чего тут, жидовня, делаешь?

— Это разве не еврейский кампус?

— Проваливай, пархатый!

— Эй, полегче! Где твоя толерантность?

— Это чего?

Ушел домой надзвездной походкой. Дело сделано. Скоро будет подпевать лихой песенке Люси Гурченко.

4.

Вечером зорко наблюдал за входом в «Заводной апельсин». Видел пегого кота, столь старательно ухаживающего за своим мужским достоинством. Никого! Всё будто вымерло.

Ба! Неужели ему так подфартило?!

К парадному подрулили шесть бронированных джипов. Из них мускулисто выпрыгнули орангутанги-секьюрити, потом величественно вылез длиннющий, под два метра ростом, Михаил Альтшулер, президент «Бетта-банка», опорного хребта ненавистой власти.

Только бы не подвел пластик...

Помоги, Создатель!

Смотрел в щель из-за шторы. Свет вырубил. Конспирация.

23.45.

Минуты тянулись с черепашьей медлительностью. Да что минуты? Секунды! Каждая жалела в его больное ишемией сердце.

— Пять минут... Пять минут! Это мало или много? — тихонько запел Валя, глянув на часы.

Рвануло так, что сама собой открылась форточка, а стекла в окне задребезжали. В комнату ворвался поток бетонно-штукатурной взвеси. Ранеными быками на корриде взвыли бронированные джипы, каменные осколки обрушились на их стальные коробки.

Минут через десять раздалось истеричное завывание полицейских машин и «скорой помощи».

Хасан не подвел! Его презент превзошел все ожидания. Одноэтажный клуб сложился внутри карточным домиком.

Валя вспомнил детскую игру «Мокрая курица».

На колоде строится из карт домик. Затем нужно тянуть по карте. От чьего движения домик завалится, тот и «мокрая курица».

Правила немного поменялись. Курицей оказался Михаил Альтшулер.

Утром, с подрагивающими от предвкушения пальцами, врубил зомбоящик.

Полегли почти все. Альтшулер выжил. Сорок процентов пораженной ожогами кожи. Лежит в Склифе. Видимо, у этого парня контракт с чёртом.

Валентин бросился к своим маркам. У него же в коллекции не только Сталин. Вот он счастливый советский народ! Идет с транспарантами вождей по Красной площади... Малиновский, Берия... Атомный ледокол «Ленин». Ракета с Гагариным. Гастроли Большого театра в братском Мозамбике. Команда СССР по хоккею чемпион Олимпиады в Гренобле...

Бальзам на истомленное сердце.

Валя бодренько вышел на улицу. Лишь гора строительного мусора осталась от «Апельсина». Все обтянуто желтыми полицейскими лентами, опасаются мародерства. Правильно! Вдоль ленты топчется парочка вертухаев.

Под ногами Валя увидел крышку шляпной коробки. Замер.

— Проходите, не задерживайтесь! — гаркнул детина с рацией в ухе.

Крышку коробки, верно, снесло взрывной волной.

Прогулялся по Марьиной Роще. Воздух прохладный, чистый. Даже аппетит разыгрывается. Давно уж такого не было. Заставлял себя есть через силу.

Ладно, еда подождет. Зашел в книжный магазин «Дрофа». А там продается роскошный фолиант об Иосифе Сталине. 835 страниц веленовой бумаги, на глянцевых вклейках фотографии. Тисненый под кожу переплет. Оказывается, у Сталина скоро юбилей. А кто выпустил? Издательство «Эксмо». Молодцы! Начинают мыслить синхронно с народом.

Зазвонил мобила. Из аппарата ВВЦ (ВДНХа). Голос почтительный, почти с придыханием.

— Валентин Федорович, добрый день!

— Добрый...

— Вы в курсе о юбилее Иосифа Виссарионовича? У вас же лучшая в стране коллекция, посвященных ему марок. Мы тут задумали провести выставку посвященную вождю. Собрать реальные артефакты его жизни. Несколько стендов бы с вашим собранием были бы крайне уместны.

— Обеспечьте надежную охрану.

— Арендуем целый взвод спецназовцев.

5.

Вокруг павильона №75 на ВВЦ тройным кольцом стояла охрана. Тощие солдатики, пятнистый ОМОН, испуганная полиция. Еще бы! Артефакты из жизни вождя народов воистину бесценны. Сапожки из кожи вологодского козла, трубка из арзамасской вишни, черепаховая расческа для усов, табачок «Герцеговина Флор», переписка с дочуркой Светочкой. И, понятно, эксклюзивные марки Валентина Бабушкина.

Правда, не обошлось без налета «желтизны». На аукцион были выставлены штопаные кальсоны главаря мирового пролетариата, застиранные портянки, да парочка семейных трусов в мелкий горошек.

— Зачем вы позоритесь? — спросил Бабушкин устроителя бьеннале, г-на Якова Альтшулера, как оказалось, родного брата взорванного банкира.

Яша смущенно поправил круглые очки:

— Деньги нужны... Вы не представляете, сколько здесь стоит аренда!

Яков, в отличие от брата, был коротышкой с уютным пузиком.

Валя гулко сглотнул, задумался:

— Уважаемый Яков Михайлович, а не вкладывал ли в эту выставку средства ваш взорванный родственник?

Альтшулер мельницей замахал руками:

— Что вы?! За копейку удавится. Тем более, он Сталина люто ненавидит.

От сердца отлегло. Все сделано правильно.

— А лично вы к Иосифу Виссарионовичу как относитесь? К его, скажем так, Гулагу?

— Враки! Сейчас в российских тюрьмах народа сидит гораздо больше. Сталина оболгали щелкоперы-журналисты. Им бы только кого облить блевотой.

— Дайте, я пожму вашу честную руку. Кстати, брат поправляется?

— С его-то деньгами? Что слону дробина! Сделали пересадку кожи. Заодно подтянули брыла. Сам президент РФ приезжал проводить. Привез гостинец, три апельсина.

— Любовь и три апельсина... — пробормотал Бабушкин.

— Да-да... Есть такой роман. Читал. Грамотный... А Миша решил на порядок поднять финансирование нынешнего режима.

— Сука... — прошептал Валентин.

— Вы что-то сказали?

— Да я про того, кто брата взорвал.

— Найдут подлеца! Камера зафиксировала хасида. Спецслужбы сейчас шерстят еврейский культурный центр в Марьиной Роще.

— Пойду-ка я к своим стендам. У посетителей будут вопросы.

— Сделайте милость.

В мозгах стучало молоточком: «Залечь на дно! Не высываться... Хасидский прикид и пейсы сжечь сегодня же вечером».

На вопросы отвечал автоматически. Особенно достала одна 90-летняя бабушка на инвалидной коляске, семнадцать лет оттрубившая в Гулаге, однако не потерявшая веру в вождя. Чуть не по каждой марке у нее были вопросы. Достала карга!

— Я на свои гробовые деньги куплю кальсоны генералиссимуса! — в коде беседы произнесла она. — Боюсь, что они попадут во враждебные руки.

— Благородное дело.

Отправился в клозет. Терзали мысли: «В десять раз вырастет финансирование прокляту-щего режима! Надо что-то делать... И трусы товарища Сталина прикупить. Бабка права, еще попадут во вражьи руки».

6.

Купил труселя Иосифа Виссарионовича в мелкий желтый горошек. Понюхал. Пахнет «Тайдом». Нет первозданности. Жалко...

Продолжать ли взрывать ненавистных уродов?

Да, продолжать!

Вместо «Заводного апельсина» появилась миленькая детская площадка с качелями горкой, песочницей и радужными скамеечками. Глаз радовался. Никакого разврата.

Следующим для операции «Возмездие» выбрал ночной клуб «Синяя птица». Пластит доставил туда в прикиде контр-адмирала. Нацепил отцовский золотой кортик. Хорошо, что множественные болезни прибавляли ему солидность. Разве ему кто даст 56 лет? Под семьдесят!

Всё прошло тип-топ. Да и как иначе? Ведь на дело отправился в трусах товарища Сталина. За большие деньги сделал на них наноапыление. Труселя стали практически вечными. В воде не тонут, в огне не горят. Сохранился же до наших дней наряд египетского мальчика Тутанхамона? Эти ребятки в своих дремучих веках уже знали секрет нанотехнологий. Потом глупое человечество его утратило. Теперь вот, в 21-м веке, возродило.

В трусах товарища Сталина чувствовал себя неуязвимым что Горец.

И в «Синей птице», правда, не обошлось без накладки.

В клуб должен был приехать Андрей Макаревич, альфа-самец группы «Машина Времени», спеть неувыдающие шлягеры «Пока горит свеча», «Однажды мир прогнетса под нас». Песенки эти Вале нравились. Тем более, мир под него уже прогнулся.

Хотел даже забрать пластит, ретироваться.

Да тут пришло сообщение, Макаревич, мол, не приедет. Срочно улетел на Красное море, охотиться в акваланге на барракуду. Не до исполнения шлягеров. Он же вроде человека-амфибии. Если не поет, то ныряет.

Другие клубы разнес в костюмах дворника-таджика, полицейского, пожарника, даже престарелого рокера в кожанке, цепях и седой бороде.

И всюду на пепелище выростали чудные детские площадки из разноцветной пластмассы.

Как-то наведаясь к нему для обмена марок дядя Хасан. Явился со своей девятнадцатилетней племянницей Гулей. Девушка поступала в МГУ, на факультет журналистики, не добрала балла.

Валя с удовольствием показал свою коллекцию, полистал кляссер Хасана. Больше всего глядел, да что там глядел, пожирал глазами Гулю.

В черном длинном платье. Фигурка точеная. Килограмм сорок, не больше. Огромные карие глаза, как у горной серны.

Поговорили о том, о сём. Полюбовались Сталиным, его дочуркой Светланой.

Знаешь, Валя, — тихо произнес дядя Хасан, — а ведь моя племянница считает тебя героем.

— Меня?

— Взрывы в Москве, это же ваших рук дело? — нежным тоненьким голосом, что свирель, спросил Гуля.

— Тссс! — Валя приложил палец к губам.

— Вы мой кумир, — прошептала красавица.

В предсвадебное путешествие они отправились на Багамы. Гуле надо было душевно восстановиться после облома с МГУ, позагорать, покататься на доске по волне океана, может быть, познакомиться с самим Макаревичем.

С взрывами Валя решил пока подзавязать. Впереди маячит медовый месяц.

За день до вояжа, на аукционе в Сокольниках, Бабушкин прикупил сапоги товарища Сталина, его вишневую трубку и табачок «Герцеговина Флор».

И когда на палубе яхты Валя сидит в обнимку с Гулей в семейных трусах в мелкий желтый горошек, с трубкой в зубах, в козловых сапожках, никто ему не дает больше тридцатника.

ЧАСОВАЯ ЛЮБВИ

1

Русь забродила, Варя проснулась. Она обязана любить и сражаться! Если нужно, умереть с любимым на баррикадах.

Как ни крути, 23 года. За плечами Воркутинское училище по классу арфы. И куда она с этой арфой? В какой-нибудь древнегреческий оркестр? Прощай Воркута! Ее место в судьбоносной Москве.

Собиралась под обожаемую песенку Окуджавы:

Часовые любви на Волхонке стоят.

Часовые любви на Неглинной не спят.

Часовые любви по Арбату идут неизменно...

Часовым полагается смена.

Остановилась у родного дедушки, Василия Ивановича, в подмосковном Томилино. Уютный домик среди корабельных бронзовых сосен. На первое время деньги скоплены, можно не дергаться.

Дедушка, бывший огнеборец, несмотря на два перенесенных инфаркты, молодцеватый и жилистый, с иронической усмешкой поглядывал на внучку.

— Варенька, ты только не обижайся, я вижу у тебя целый чемодан революционной литературы. Хочешь изменить мир?

Варя намазывала ситную булку вологодским маслом.

— Это само собой. А заодно изменю и себя. Вытравлю из себя дух провинциального мещанства.

— Ну-ну... — дед подкручивал брандмейстерские усы. — Замуж тебе пора. Детей нарожать.

— Сейчас мое место на баррикадах.

— Как та французская дама с картины? С обнаженной грудью?

— Грудь оголять не обязательно.

— Жить будешь на что?

— Да хоть в подземном переходе буду наяривать на балалайке.

— Не на арфе?

— Слишком громоздка.

Варя подключила к своему старенькому ноутбуку интернет, в фейсбуке сразу же нашла сотни подельников.

Удивили дамочки. Вывешивают посты с какими-то мохнатыми кошечками и кислотными цветками, огнегривые львы опять же, огромные глаза лошади.

— Девочки, окститесь! — кричала она в комментариях. — Какие цветочки и лошади? Россия на краю пропасти!

— Где она пропасть? Не замечаем! — огрызались неугомонные барышни.

И все-таки фейсбук — золотая жила. Варя задружилась с Борисом Свинцовым, одним из самых крутых и распиаренных оппозиционеров. Относительно молод, красив, к тому же еще — миллионщик.

Набралась смелости, спросила у Бориса номер его мобилы. Свинцов, после двух дней молчания, его скинул.

— Борис Степанович! — позвонила Варенька. — Я — арфистка из Воркуты. Вижу себя только на баррикадах.

— Ага... Завтра в 14.00 подходи в кафе «Starlite».

— Это где?

— Метро Маяковского. Поворот за театром «Сатиры». У фонтана, парке.

Голос у Бориса сексуальный, волокнистый. Жаром обдало низ живота.

2.

В «Starlite» Варя себя ощутила среди реальных друзей. Разговор только о сгнившей вертикали. И о прекрасной будущности отчизны.

— Имидж великой страны совершенно подорван, — горячился одноногий старичок в матросском бушлате. — Президент РФ поддерживает самые людоедские режимы, играет в китайские кегли, летает, бляха муха, по весне с дикими лебедями.

Борис Степанович положил мускулистую руку на плечо калеки.

— Все образуется этой осенью.

— Перемен! Мы ждем перемен! — запела девушка с загорелой мордочкой и в чрезмерно короткой юбке.

— Перемены грянут... — Борис Степанович впился крупными зубами в биг-мак. В кафе подавали только американскую пищу. Сразу же вспоминались досужие домыслы, мол, вся оппозиция зиждется на бабках Госдепа.

— Вы будете баллотироваться в президенты? — тихо спросила у Свинцова Варя.

— Пока не знаю. Надо ввязаться в драку, а там посмотрим.

— Вооруженное восстание! — громыхнул костылем инвалид.

— Это крайняя мера, — Борис вытер с губ соус «Чили». — Хотелось бы прийти на вершину власти цивилизованным способом.

Варя любовалась Борисом. Вот как должны выглядеть подлинные главари мятежного люда. Слегка за пятьдесят. Серые безмятежные глаза. Богатырский разворот худых плеч.

Свинцов тронул Варю за локоток:

— Куришь?

— Так... Балуюсь...

Отошли к фонтану. Борис закурил «Кэмел». Усмехнулся:

— Официальные сигареты американской армии. Угощайся.

Варя затянулась, закашлялась. Уж слишком для нее крепки, 0,6 мг никотина.

Борис выдул аккуратное колечко:

— Давай, с тобой сбежим в музей Булгакова? Здесь рядом.

— Вас же спохватятся?

— Час отсутствия никто не заметит. К тому же, там и без меня полно незаурядных личностей. Тот старик без ноги — лидер движения «Россия молодая». Девушка в мини — лидер панк-флэш-моба.

— Сбежим! — Варя осмелилась взять Бориса за локоть.

К Михаилу Афанасьевичу Варя относилась спокойно. Все им написанное казалось безнадежно обветшалым.

— Мой любимый писатель, — шепнул Борис Варе в ухо. — Я ощущаю себя таким же Мастером, только, увы, без Маргариты.

— Жаль, что меня окрестили не Ритой.

— Так ты арфистка из Тамбова?

— Из Воркуты.

Рассматривали тяжкий стол, за коим Мастер написал «Белую гвардию» и «Собачье сердце». Заинтересовал прокопченный примус, на нем варили-жарили немудреный обед. Стопка книг. Гоголь открыт на «Мертвых душах».

В кабинете Мастера никого не оказалось. Борис крепко обнял Варю и поцеловал ее в губы.

3.

Дома, в Томилино, вкратце рассказала о своем приключении. Конечно, умолчав об амурной буре в огромной квартире Свинцова на Солянке. Уходящая за горизонт анфилада комнат, мебель в стиле хай-тек, в зале на стене копия «Герники».

Дед пинцетом раскладывал марки, у него одна из лучших коллекций в РФ о пожарниках, названная хлестко и внятно: «Покорители огня». Недавно он получил малую серебряную медаль в Гонконге.

— Эх, Варюша, никогда Борису не стать президентом.

— Почему же? — девушка записывала в блокнотик с божьими коровками на обложке мобильник и адрес Свинцова.

— Не пустят его кремлевские ребята к своему корыту.

— Корыту?

— Я о нефтегазовой трубе.

— Он туда и не рвется. Без того богат. Под ним весь бизнес осетровой икры в Москве.

— Вот пусть и не рыпается. Лопает свою икру хоть половником.

— Дедусь, пожалуйста, без армейского юмора.

Покряхтывая, Василий Иванович встал, открыл книжный шкаф, из заднего ряда достал деревянную шкатулку, протянул внучке.

— На вершину вертикали его может привести только чудо.

— Что это?

— Лет двадцать назад была марочная олимпиада в Каире. Брандмейстеры мои ничего не выиграли. Зато в качестве сувенира прикупил себе эту штучку.

Варя открыла резную шкатулку, сплошь в египетских лакеях, стоящих в позе подчинения (на карачках) пред фараоном. На дне ампула с янтарной жидкостью.

Понюхала. Запаха нет.

— Дед, хорош темнить!

— Жидкость «Запах власти».

— Ха-ха. Очень смешно.

— Сам понимаю... Черномазый мальчуган, что впарил коробку, объяснил, мол, на этом амбре держалась власть фараонов. Власть самой, не побоюсь этого имени, Клеопатры!

Варюша скосила глаз на прислужников, стоящих в позорной позе, как в кабинете проктолога.

— И сколько отвалил за это сокровище?

— Да долларов пять. Не больше.

— На пяти баксах держалась вся власть?

— Ну, презентуй своему Свинцову ради хохмы. Он же, кажется, паренек с юмором.

Шкатулку Варя бросила в сумочку, по соседству с бордовой губной помадой, бумажными носовыми платками и прокладками «Always». Что ж... Даже одна улыбка Бориса стоит дорого.

Вечером музицировала на ветхом пианино «Кубань» великих русских композиторов Шостаковича и Прокофьева. Сыграла лично сочиненную мелодию «Возрождение России». Мечталось, именно этот мотив станет гимном свободной родины.

— Сдались тебе только эти баррикады... — крикнул ей дед с кухни. — Молодость она знаешь — фьють! — и нету.

4.

Накатила череда митингов белоленточной оппозиции. Безрезультатных, зато живых, дразнящих надеждой. Борис же от Вареньки, увы, отдалился. Его политическая фигура выросла до исполинских размеров, что ему провинциальная арфистка.

— Мастер, ты позабыл свою Маргариту? — Варя звонила на Солянку.

— А? Кто это? Ты?.. Знаешь, дорогуша, сейчас как-то не до амурных романов. Пишу разоблачительную статью о вертикали. Название наотмашь: «Под железной стопой жулика».

— У меня для тебя подарок.

— Перезвони мне дня через три. Может, где и пересечемся. Что за презент?

— Духи «Запах власти».

— Как?

— Дедушка брандмейстер привез из Каира.

— Ах, молодость, молодость... Совсем забываю, что ты вчерашняя школьница.

— Двадцать три года.

— Сейчас за тобой заедет мой водила Ашот.

На крыльях любви, точнее, на «Бентли» с лысым коротышкой Ашотом, Варя неслась на Солянку.

Борис встретил хмуро. Одет будто Нобелевский лауреат, смокинг, бабочка, лаковые штиблеты. Под мышкой — ноутбук, не может оторваться от взрывной статьи.

Бегло поцеловал. Усмехнулся:

— Где же?

Варя с кошачьей сноровкой порылась в сумочке. Выудила шкатулку с фараоном и холуями. Достала ампулу.

— Вот!

— Все на себя вылить? — Свинцов приподнял соболиную бровь.

— Наверно... Ее же не заткнешь.

— Действуй, подруга. А потом займемся сексом по-быстрому. Из профилактических соображений. Долго не могу. Политические обстоятельства меня хватают за глотку.

Варюша пилочкой для ногтей подпилила стеклянный хоботок ампулы. А она возьми, да лопни! Янтарная жидкость вся выплеснулась на Варино хлопчатобумажное платье.

— Экая незадача, — девушка чуть не зарыдала.

— Ерунда... — Борис повел ноздрей. — Совсем нет запаха. Эти египтяне почище цыган. Мазурик на мазурике. Типа нашего президента.

— Обманули дедулю.

Свинцов хлопнул в ладони:

— А теперь, дорогуля, в душ. И 15 минут ударного секса.

— Как скажешь...

Варя селя на диван, стала снимать колготки.

Борис же вдруг жадно раздул ноздри. Физиономия его разом переменялась. Просветлела, что ли? Перевернулась...

— Какой же я старый мудака, — пробормотал он.

— Ты о чем? — рука Вари дрогнула, колготки от острого ноготка дали стрелку. Ах, какие расходы!

Свинцов упал перед Варей на колени, стал с жадностью целовать ее худенькие ноги.

— Приказывай, моя королева, как сегодня проведем вечер.

Варя отпрянула, кожа лодыжки покрылась цыпками.

— Борис Степанович, вы же хотели писать свою взрывную статью.

— Повелевай мной. Как рабом. А статейка — тлен, морок.

5.

Через три дня Варя и Борис расписались в Мещанском загсе. Из приглашенных только дед без ноги («Россия молодая»), да девица в мини (Панк-флэш-моб).

Госпожа Свинцова переехала в хоромы на Солянке. Прогуливалась по бесконечным комнатам, сидела в хай-тек креслах, любовалась «Герникой».

Блин! А ведь духи подействовали. Борис пытался теперь угадать каждое ее желание. Смеялся любой шутке. Купил ей дорогущую арфу от самого Страдивари.

— Неужели меня так «Запах власти» пробрал? — Свинцов в майке и трусах делал зарядку с гантелями на лоджии. Приседал, прыгал, мотал руками.

— Чудны дела твои, Господи... — зевала Варя.

К оппозиционному движению они как-то охладели. Борис Степанович свою статью в сердцах разорвал и вышвырнул в форточку.

В гости навещался одноногий дед, оглушительно стучал костылем, требовал продолжения банкета, то бишь, революции.

Явилась и девица в мини. Гневно кривила загорелую мордочку. Назвала Бориса гнилым оппортунистом. Свинцов ее лично спустил с лестницы.

Президент РФ, Юрий Абрамкин, тотчас заметил метаморфозы Бориса. Дал ему налоговые послабления на торговлю осетровой икрой. Варя же было предложено выступить со своей арфой от Страдивари в Кремлевском Дворце Съездов.

Молодожены — ни гу-гу, затаились, думают. Считают барыши от налоговых послаблений. Тогда Абрамкин не выдержал. Сам позвонил им.

— Мы же соседи! Солянка и Спасская башня рядом. Загляните ко мне как-нибудь на огонек.

— Надо идти... — хмурился Боря. — Не хухры-мухры, сам президент. Вертикаль, все-таки...

Абрамкин с порога обнюхал Вареньку. Глаза его умаслились и просветлели.

— Меня окружают одни лизоблюды! — гортанно вскрикнул он. — Коррупционеры хреновы... Без ножа режут. Жулик на жулике!

— Как-то мы начали не с той ноты, — кусала губы Варюша. — Господин президент, в ваших покоях имеется арфа?

— А как же!

Абрамкин нырнул в соседнюю комнатку. Вывез огромную арфу на шарикоподшипниковых колесах. Сам подставил к струнному инструменту табуретку с гнутыми золотыми ножками, обитую красным панбархатом.

Варя села. Широко развела худенькие мускулистые ноги. Сладкозвучно заиграла «Первый концерт» Сергея Рахманинова.

— Как же, мужик, тебе подвезло! — шепнул в ухо Свинцова Абрамкин. — Молодая, красивая, нежная. — А ум какой?! Проницательность? Видит через столетья.

— Отпусти ты ее в мою Кремлевскую администрацию.

— Играть на арфе?

— Зачем? Точнее, это после. А пока в недрах коррупционной администрации хочу произвести глубокую зачистку. Варенька же выступит в роли консультанта.

— Пряма из Булгакова! — усмехнулся Борис.

— Мой любимый автор.

6.

С лизоблюдами Варя разобралась легко. «Запах власти» действовал неотразимо. Страна зацвела. Профицит госбюджета стал столь огромным, что китайцы с америкосами кусали дистрофичные локти.

Боренька с утра до полуночи строчил новую монографию «Россия под властью Бога».

Вдруг выпучил глаза:

— Варенька, ты же несколько раз в день купаешься?

— Ну? — Варя сосредоточенно листала опус г-на Сибелиуса «Ода радости».

— А не сможешь ты египетские духи? Иначе всем нам каюк. Россия полетит, как ж/д состав с откоса.

— Борис, не догоняю, каков твой месседж?

Борис встал пред ней на колени:

— Королева, ангажируй своего деда брендмейстера в Египет. Пусть привезет еще одну склянку.

— Прошло уж двадцать лет с той покупки.

— Мы пропали!

Василий Иванович отправился в Каир с неохотой. Был до сих пор в обиде, что его не позвали на свадьбу. Правда, узнав о Египетской марочной олимпиаде, стал швырять свои красные носки и трусы в походный чемодан со скоростью мультипликационной.

— У меня еще есть порох в пороховницах, — объяснял свою поспешность внучке. — Тем более, надеюсь хоть у гробовой черты получить большую золотую медаль. Я же маститый филателист, черт меня раздери!

Дедуля уехал, через неделю вернулся с большой серебряной медалью и фингалом под глазом.

— Да, понимаешь ли... — с немецкой педантичностью раскладывал на письменном столе свои кляссеры. — Шкатулку, одну-единственную, я надыбал в лавке старьевщика. На нее претендовал какой-то кореец Вань Пу. Из КНДР. Пришлось с ним вступить в неравную схватку. На его стороне — молодость. На моей — парочка забойных приемов из арсенала брендмейстеров.

Дед достал резную коробочку.

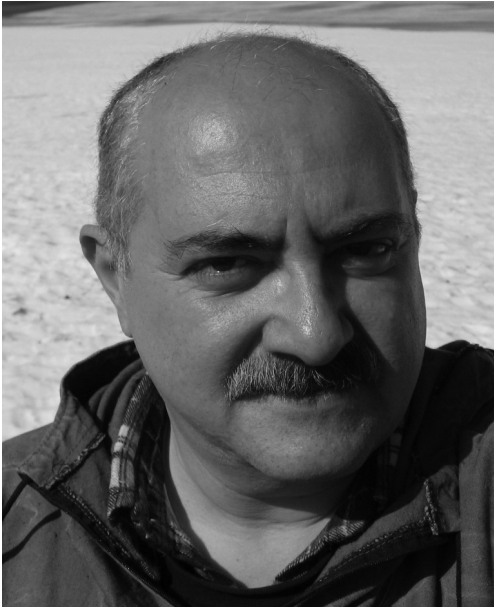
Варя открыла. В ней точно такая же ампула с янтарной жидкостью.

— Нет, почему мне только серебряная медаль?! — горячился дед. — Пусть и большая. «Бедный дедушка. Он уже у гробовой черты», — подумала Варя.

Она преломила ампулу и вылила ее на несчастного старца.

России уже хорошо, пусть и дедушке станет гораздо лучше.

ЭЛЬДАР АХАДОВ

Родился 19 июля 1960, Баку — российский писатель, член Союза писателей России. В 1983 году окончил Ленинградский горный институт. С 1986 года живёт в г. Красноярске. Помимо творческой деятельности работал и работает по специальности.

Ахадов — основатель сайта «Миры Эльдара» (2010 г.) и международного русскоязычного поэтического конкурса «Озарение». Произведения Ахадова опубликованы в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Мурзилка» (Москва), «Дети Ра» (Москва), «Футурум-АРТ» (Москва), «Кукумбер» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Неизвестная Сибирь» (Новосибирск), «День и Ночь» (Красноярск), «Обская радуга» (Салехард), «Intelligent New-York» и других изданиях... Он — автор более 30 изданных книг поэзии и прозы.

В 2012 году вышло в свет пятитомное собрание сочинений Э. Ахадова. Его произведения изданы в США, опубликованы в Болгарии, Израиле, Украине, Казахстане, Белорусии, Азербайджане. Творчеству Ахадова посвящены статьи литераторов и критиков Дины Крупской, Александра Карпенко, Влада Антикина, Екатерины Лигузовой, Наталии Лихтенфельд (Германия, Берлин), Олега Ручинского (Украина) и Юрия Туйчиева. Своё уважение к таланту и личности Ахадова в разное время выражали всемирно известные писатели Виктор Астафьев и Тимур Зульфикаров.

Более подробное жизнеописание автора читайте в Википедии

ВЫЗОВ

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Памяти Александра Сергеевича Пушкина

Пьеса «Вызов» написана на основе подлинных писем А.С.Пушкина за период с 1828 по 1837 годы, а также переписки Дантеса и барона Геккерн. Около 90% речи Пушкина, и до 50% речей Дантеса и Геккерн в пьесе – не вымышленные, а реальные фрагменты из их эпистолярного наследия. В пьесе раскрываются реальные причины убийства камергера Его Императорского Величества Пушкина, сознательно завуалированные под выдуманную историю банального любовного треугольника.

Э. Ахатов

Действующие лица:

Хронограф — современный человек

Пушкин — гений

Геккерн — посланник Нидерландского королевства

Дантес — убийца гения

Натали — жена гения

Хронограф:

Когда-то Александр Сергеевич Пушкин на вопрос своего друга-лицеиста о том, где он служит, ответил просто и ёмко: «Я числюсь по России». «Числиться по России» в устах поэта означало «беззаветно служить своему Отечеству»... Вроде бы обычные, но очень глубокие по содержанию слова. Через великое множество лет и событий значение поэта Пушкина для России, да и для всего мира не меркнет и не померкнет. И для России — в особенности. Крылатая фраза Евгения Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт» известна давно. Кстати, более всего это заметно иностранцам, со стороны. Как сказала одна итальянская исследовательница пушкинского наследия: «Россия — единственная в мире страна, которая не перестает скорбеть по своим поэтам... Только в России убийство Поэта равно Богоубийству».

Но если он служил всей России, то за что же он погиб? «Как это «за что?»» — воскликнет обыватель, — «Он погиб на дуэли за честь своей жены! Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Стрелялся с ним. И был убит. Это известно всем. Стало быть, и спрашивать не о чем».

Возникают поодаль Пушкин, Дантес, Геккерн

Ну, да. Стало быть, не о чем... Что скажете, Александр Сергеевич? Так ли всё было, месье Жорж?.. О чём поведают тени прошлого?..

Геккерн:

Нет, не так! Пушкина на дуэль вызвал я! Позвольте представиться: Луи-Якоб-Теодор ван Геккерн де Беверваард, полномочный посол короля Нидерландов Вильгельма Первого, проходящегося законным супругом Анне Павловне, родной сестре российского императора Николая Павловича.

Хронограф:

А вот и господин посланник! Как же-с, наслышаны и весьма. Например, из дневника графини Дарьи Федоровны Фикельмон, внучки фельдмаршала Кутузова: «Лицо хитрое, фальшивое; здесь все считают, его, шпионом господина Нессельроде».

Геккерн:

Действительно, этого господина (*указывает на Пушкина*) на дуэль вызвал я. Вот, извольте, моё обращение к нему: Милостивый государь. Не зная ни вашего почерка...

Пушкин:

Ложь!

Геккерн:

...ни вашей подписи...

Пушкин:

Враньё!

Геккерн:

... я обратился к господину виконту Д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, чтобы убедиться, действительно ли то письмо, на какое я отвечаю, исходит от вас.

Пушкин:

Какое лицемерие!

Геккерн:

Содержание его до такой степени выходит из пределов возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности этого послания.

Пушкин (*саркастически смеётся*):

Конечно, отказываетесь! Возразить-то нечего.

Геккерн:

Вы, по-видимому, забыли, милостивый государь, что именно вы отказались от вызова, направленного вами барону Жоржу де Геккерну и им принятого. Доказательство тому, что я здесь заявляю, существует — оно писано вашей рукой и осталось в руках у секундантов.

Пушкин:

А как вы оба в страхе умоляли меня об этом, как ваш драгоценный юный друг тут же вместо дуэли решился на брак с Екатериной, сестрой моей жены. Не помните? А почему — тоже не помните? Он же обрюхатил её!

Хронограф:

Из письма Екатерины Ивановны Загряжской, тетушки сестер Гончаровых, Жуковскому: «Слава Богу, кажется все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением. К большому счастью, за четверть часа пред ними из Москвы приехал старший Гончаров и объявил им родительское согласие, и так все концы в воду».

Дантес:

Добрая моя Катрин! Надеюсь, завтра не будет препятствий повидаться с Вами, так как мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла Ваша «картошка» с прошлого раза.

Геккерн:

Мне остается только предупредить вас, что господин виконт д'Аршиак отправляется к вам, чтобы условиться относительно места, где вы встретитесь с бароном Жоржем Геккерном, и предупредить вас, что эта встреча не терпит никакой отсрочки. Я сумею впоследствии, милостивый государь, заставить вас оценить по достоинству звание, которым я облечен и которого никакая выходка с вашей стороны запятнать не может.

Хронограф:

Вот он — вызов! Не Пушкин вызывает на дуэль Дантеса и не Дантес Пушкина, а голландский посол! Таким образом, юридически участником противостояния является отнюдь не Дантес, а полномочный посол Нидерландского королевства в Российской империи барон Геккерн. Лицо, не подлежащее российской юрисдикции. Более того: главное официальное лицо другого государства, лицо, каждое действие и официальное слово которого являются действием и словом того государства, которое он представляет. А это значит, что дуэль Пушкина с Геккерном не может рассматриваться в рамках уголовного права России, ибо российскому подданному господину Пушкину бросило вызов суверенное европейское государство — Нидерланды! Это война! Господа, это война! Месье Жорж, Вы бывали на войне?

Дантес:

Нет.

Хронограф:

Почему?

Дантес:

Папенька не пустили.

Хронограф:

Всё верно. 28 января 1836 года Дантес был произведен из корнетов в поручики. И возмечтал отправиться на Кавказ. Ибо все, побывавшие там, «представлены к крестам». Да, крестик на мундире такого красавца смотрелся бы замечательно. Однако, Геккери не пожелал расставаться со своим юным сокровищем и рисковать потерей личного удовольствия.

А Вы, месье Пушкин, были на войне?

Пушкин:

Да.

Хронограф:

Тоже верно. Из книги «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах...» известно не только о присутствии поэта в рядах сражающейся русской армии, но и о непосредственном участии его в боях и перестрелках с противником.

Пушкин:

Дорога через Кавказ была скверной и опасной — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дневку ночевал — зато видел Казбек и Терек. В лагерь я прибыл в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать. Генерал И. Ф. Паскевич, будущий граф Эриванский, позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум.

Хронограф:

Пушкин не просто принял участие в турецком походе русской армии, но и принес очевидную пользу русскому военному командованию. Как минимум, своими наблюдениями, записями того, что в иных случаях могло ускользнуть от внимания отцов-командиров. Известно, что на обратном пути из Тифлиса в Санкт-Петербург Пушкин предъявлял подорожную такого содержания: «Господину чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписано Почтовым местам и Станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания, и к приезду оказывать всякое содействие».

Пушкин:

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.
Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.
Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Дантес:

Кто он такой — этот месть Пушкин? Да, мы с папа его знать не знали до последнего времени! Литератор? Мне не интересна иностранная русская литература! Мой несчастный папа прежде и понятия не имел о подобных субъектах...

Пушкин (*хитро улыбается*):

Лукавить изволите, месть Жорж. Вас тут ещё в помине не было, да, и я ещё жил холостой жизнью, когда... помните, барон? Зима 1830 года, маскарад, прием в Эрмитаже...

Хронограф:

13 января 1830 года Дарья Федоровна Фикельмон записывает в своем петербургском дневнике: «Вчера, 12-го, мы доставили себе удовольствие поехать в домино и масках по разным домам. Нас было восемь — маменька, моя сестрица Катрин, г-жа Мейендорф и я, Геккерн, Пушкин, Скарятин и Фриц — сотрудник австрийского посольства. Мы побывали у английской посольши леди Хейтсберн, у Лудольфов (семейство посланника Обеих Сицилий) и у Олениных. Мы всюду очень позабавились, хотя маменька и Пушкин были всюду тотчас узнаны, и вернулись ужинать к нам. Был прием в Эрмитаже, но послы были там без своих жен».

Пушкин:

Эх, зима-матушка да вольница холостяцкая! Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос приехали сани:

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Давыдов — Митюша,
Вяземский — Петруша,
Гагарин — Федюша
Девоч испугали
И всех разогнали
и прочее, прочее, прочее... (*смеётся*)

Хронограф:

Однако, впереди Вас ожидали радости семейной жизни. Были ли Вы счастливы?

Пушкин:

О, да! Вполне! Мое семейство умножалось, росло, шумело около меня. Казалось, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно; ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что я хорошо сделал, что женился.

Дантес и Геккерн посмеиваются в сторонке.

Хронограф:

И супругой своею Вы довольны?

Пушкин (*глядя на посмеивающихся*):

Жена моя прелесть, и чем доле я с ней жил, тем более любил это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом.

Дантес и Геккерн откровенно смеются.

Появляется Натали

Хронограф:

Наталя Николаевна, будьте добры, подтвердите слова супруга Вашего! Отчего Вы молчите?

Пушкин в смятении. Хочет подойти к ней, но между ними словно невидимая стена...

Геккерн:

Мадам, действительно, отчего бы Вам не сказать правду? Если госпожа Пушкина откажет мне в своем признании, то я обращусь к свидетельству двух особ, двух дам, высокопоставленных и бывших поверенными всех моих тревог, которым я день за днем давал отчет во всех моих усилиях порвать эту несчастную связь...

Пушкин:

Какую связь? О чём Вы, господа? Натали! Скажи им, бога ради! Скажи!

Хронограф:

Если госпожа Пушкина так божественно невинна, то отчего ее письма прячут уже без малого двести лет? Отчего письма Пушкина могут быть известны всем, а письма госпожи Пушкиной — ни в коем случае? Александр Сергеевич, повторяю вопрос: Вы были вполне счастливы с самого начала, с момента сватовства? Будьте любезны, повторите то, что Вы сами сообщали об этом 31 августа 1830 года...

Пушкин:

Извольте. У меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. Словом, если я и не несчастлив, по крайней мере, не счастлив. Чёрт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан.

Хронограф:

10 февраля 1831 года

Пушкин:

Я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью.

Хронограф:

29 октября 1830 г. Из Болдина в Петербург.

Пушкин:

Отправляясь в путь, писал я своим, чтоб они меня ждали через 25 дней. Невеста и перестала мне писать, и где она, до сих пор не ведаю. Каково?

Хронограф:

30 сентября 1832 г.

Пушкин:

Я только завидую тем из друзей моих, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны. Знаешь русскую песню —

Не дай бог хорошей жены,

Хорошу жену часто в пир зовут.

Хронограф:

3 октября 1832 г.

Пушкин:

Видишь ли, что я прав, а ты кругом виновата? Виновата потому, что всякий вздор забираешь себе в голову, и потому, что кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом!

Хронограф:

Зато говорят, что она была хорошей хозяйкой в доме, вся в заботах... Так?

Пушкин:

Оба письма твои получил я вдруг, и оба меня огорчили и осердили. Ну, ты и хороша! Ты пляшешь под чужую дудку; платишь деньги, кто только попросит; эдак никакое хозяйство не пойдет. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди, поджавши ноги, и не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьезно и с беспокойством. Сплетен о тебе много. С тех пор, как я тебя оставил, мне страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец. Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрили хотя бы не пляши ничего!!!

Хронограф:

Ну, и как? Прислушалась она к советам мудрого мужа?

Пушкин:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.
И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).
Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед...

Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряжи и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама. Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у M-me Katherine . Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную...

Хронограф:

После этого она сразу одумалась и начала писать Вам длинные нежные письма?

Пушкин:

Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски. Письмо ваше от 1-го октября получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам, но главная в том, что письмо ваше было короче визитной карточки .

Хронограф:

Ну, а как с творческой атмосферой в чертогах домашних? В кругу, так сказать, семьи?

Пушкин:

Нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения. Замкнутый круг.

Хронограф:

А когда Вы возвращаетесь из творческого уединения к домашнему очагу, встречают ли Вас счастливые домочадцы на домашнем пороге?

Пушкин:

Дома нашел я всё в прежнем порядке. Жены, как всегда, дома не было, она находилась на балу, куда я за нею и поехал, чтобы увезти к себе, как улан уездную барышню с именин городничихи. Денежные мои обстоятельства без меня ещё более запутались...

Хронограф:

Александр Сергеевич! Да неужто Вы не нашли для дорогой Натали убедительных слов? Ведь Вы же — гений русской словесности! Как же так?

Пушкин:

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой...

Мой друг, ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? Ты не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите мужчин селедкой, если не хотите давать им пить; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб у меня не было этих академических завтраков. Благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную под а ля Нинон де Ланкло, французскую куртизанку; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой куртизанке не подумала и не переняла у ней ее прическу? Опиши мне свое появление на балах, которые, как ты пишешь, вероятно, уже открылись. Да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не *comme il faut*, всё, что вульгарно... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь.

Хронограф:

Она откликнулась?

Пушкин:

Нет.

Дантес (Геккерну):

Может быть, ей было некогда читать скучные старческие нравоучения?

Пушкин:

Я отправил ещё одно письмо. Друг мой, кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои прятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения. Радоваться своим победам тебе нечего. Та, у которой переняла ты прическу (ты очень должна быть хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью), куртизанка Нинон говорила: «На сердце каждого мужчины написано: самой податливой». После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец. Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, — для чего? — Для тебя, чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам,

неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности, Не говоря о положении рога носца, о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме.

Хронограф:

Она часто не отвечала на Ваши слова?

Пушкин:

Часто.

Хронограф:

Натали, Ваши письма к мужу до сих пор не найдены и их содержание неизвестно. Почему? Натали молчит, опустив голову, изредка посматривая... в сторону Дантеса.

Александр Сергеевич, а Вы просили её писать Вам чаще?

Пушкин (*берет в руки пачку писем, читает одно за другим*):

2 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург. Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня — думал здесь найти от тебя письма, и не нашел ни одного.

5 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец. Что это, жена? вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия.

30 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод. Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? в Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою.

21 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург. Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя еще ни строчки не получил. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Всё держится на мне.

25 сентября 1835 г. Из Тригорского в Петербург. Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-ое, а я всё от тебя не имею ни строчки.

Геккерн (*Дантесу*):

Ну, вот, что я говорил?! В то время никакого Жоржа у мадам ещё и рядом не было! Мой сладкий, ты оправдан!

Дантес:

Как это не было? Как раз в сентябре 1835 года мы и познакомились, тогда всё и началось, пока месье писал стихи в Тригорском и Михайловском! А в мае 1836 года мадам родила дочь — Марию.... Александровну.

Пушкин:

Каков мерзавец! Я убью тебя сейчас же! Без всякой дуэли! (*бросается к Дантесу, тот прячется за Геккерна, поэт натывает на невидимую стену*)

Хронограф:

Поздно, Александр Сергеевич! Поздно. Теперь уж никто никого не убьёт. Присядьте. Продолжим. Скажите, Жорж, только честно, на том свете ведь бессмысленно лгать... Вы любили когда-нибудь?

Дантес:

О, да! Конечно! Много раз!

Геккерн сладострастно кивает.

Хронограф:

Я имел в виду женщину.

Дантес:

Я тоже.

Геккерн в отчаянии.

Хронограф:

Расскажите, что Вы чувствовали тогда, когда любили?

Дантес:

Я безумно влюблен! Да, безумно, ибо не знаю, куда преклонить голову. Я не назову ее никому, даже тебе, ведь письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты узнаешь имя. Самое же ужасное в моем положении — что она также любит меня, но видеться мы не можем, до сего времени это немыслимо, ибо муж её возмутительно ревнив. Я сделал бы для нее что угодно, лишь бы доставить ей радость, ибо жизнь моя с некоторых пор — ежеминутная мука. Любить друг друга и не иметь другой возможности признаться в этом иначе, как между двумя ритуриелями контрданса — ужасно...

Хронограф:

И Вы растрезвонили об этой любви на весь Петербург?

Дантес:

Как можно такое подумать обо мне? Ни в коем случае! Я чрезвычайно осмотрителен и долгое время был настолько благоразумен, что тайна эта принадлежала лишь нам с нею! Но, увы, ничего нельзя доверять бумаге: всегда есть риск того, что её могут увидеть чужие глаза.

Хронограф:

Месье Жорж, Ваш Геккерн никогда не состоял в браке и не имел детей. В 1833 году он познакомился с Вами, Жоржем Дантесом, сыном эльзасского помещика... В результате переписки с Вашим родным отцом и личной встречи с ним Геккерн добился согласия на Ваше усыновление. Согласие на усыновление от короля Голландии было получено 5 мая 1836 года. Вы приняли имя Жорж Шарль де Геккерн Дантес. Для чего нужно было ему усыновлять взрослого детину 24-х лет — бабника и отличного стрелка? Да ещё — при живом отце? Что за спектакль? Для чего Вы согласились — понятно: наследство. А ему-то это было зачем?

Дантес:

Когда он усыновил меня, я написал ему об этом так: «Мой драгоценный, мне никогда не потребовался бы королевский приказ, чтобы не расстаться с тобой и посвятить все мое существование тебе — всему, что есть в мире доброго и что я люблю более всего, да, более всего... Я люблю тебя более, чем всех своих родственников вместе, и я не могу далее откладывать это признание. Никогда не умел я владеть собою, даже в самых обычных вещах, как же ты хочешь, чтобы я устоял перед желанием дать тебе прочитать всю глубину своего сердца, где нет, и никогда не будет, ничего тайного от тебя, даже того, что дурно...» Это любовь. Каждое живое существо на земле нуждается в любви и ласке.

Хронограф:

Он ревновал Вас к ней?

Дантес:

Ещё как!

Геккерн:

Жорж убедил меня совершенно в своей верности, когда адресовал вот эти строки. Прочти их ещё раз, мне всегда нравился пафос твоего чтения. Я сберег это письмо, возьми его.

Дантес:

Однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотребь моим доверием: ты-то останешься навсегда, что же до нее — время окажет свое действие и ее изменит, так что ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил. Ну, а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый день все сильнее, напоминая, что без тебя я был бы ничто...

Геккерн:

Ах! Иди ко мне, мой мальчик! Моё сокровище!

Обнимаются и целуют друг друга.

Пушкин:

Да, полно! Полно! Угломонитесь, господа, вы здесь не одни! И это вам не Европа! Слава богу. Господин Хронограф! Сделайте что-нибудь. Прекратите это безобразие. Задайте мне какой-нибудь вопрос, что ли. Только, ради бога, не про любовь.

Хронограф (*звонит в колокольчик*):

Господа, уймись! Ваше время прошло! Александр Сергеевич, расскажите, что-то было в Вашем письме господину послу такое, что могло его встревожить помимо распри любовной? Что, к примеру, означал в Вашем послании барону такой пассаж...

Пушкин:

Я помню его наизусть: «Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам. Может быть, вы хотите знать, что помешало мне до сих пор обеспечить вас в глазах нашего и вашего двора. Я вам скажу это».

Геккерн:

Нет! Не надо! Это государственная тайна!

Хронограф (*Пушкину*):

Это было истинной причиной Вашего убийства?

Пушкин:

Да. У нас убийство может быть гнусным расчетом, маскированным под дуэль...

Хронограф:

Помилуйте! Какие тайны? Вы же всего-навсего камер-юнкер и литератор. Какие государственные тайны может хранить человек столь, извините, невысокого чина? Или здесь что-то не так?

Пушкин:

Не так. Спросите у них... (*указывает на Дантеса и Геккерна*)

Хронограф:

Хорошо, господа. Не буду мучить расспросами там, где на самом деле и мне кое-что известно. Итак. Пушкина убили. Он был обречен на гибель даже, если бы был холост. Что же касается его чина... Официальные приглашительные на похороны были разосланы всем главам дипломатического корпуса и иностранных миссий. В соответствии с международным этикетом того времени, подобное делалось исключительно в случае смерти достаточно высокопоставленного сотрудника МИДа. Камер-юнкеры в число оных никогда не входили. Впрочем, никто не сомневался в истинной государственной должности Пушкина: в рапортах и других документах, рассмотренных военным судом по факту дуэли, покойного именовали камергером Его Величества — то есть, действительным статским советником, чиновником России IV ранга, соответствующего по табели о рангах военному чину генерал-майора! Камергером именовали Пушкина и Дантес, и Геккерн, и секундانت покойного подполковник Данзас, и командир кавалергардского полка генерал-майор Гринвальд, и начальник гвардейской кирасирской дивизии генерал-адъютант Апраксин. Тот же чин камергера фигурирует в секретном рапорте штаба Отдельного гвардейского корпуса генералу Кноррингу от 30 января 1837. Камер-юнкер по табели о рангах соответствует званию поручика гвардии. Когда поручик Пушкин стреляется с поручиком Дантесом-Геккерном — это одно, но совсем иное, когда поручик-француз стреляет в русского генерала, а потом покидает Россию. Складывается впечатление, что он затем только и приезжал к нам, чтобы убить Пушкина. Камергером, а значит и генерал-майором, был именован Пушкин и в приговоре комиссии военного суда от 19 февраля 1837 года. Согласитесь, что подобное массовое потемнение сознания в отношении чина столь известной личности совершенно невозможно. Месье Жорж, станете ли Вы отрицать оное?

Дантес:

Нет.

Хронограф:

Тогда зачитайте публике подлинник приговора суда от 19 февраля 1837 года, из коего недвусмысленно следует: какой именно чин имел господин Пушкин на момент своей смерти.

Дантес:

Приговор военного суда от 19 февраля 1837 года: «По указу Его Императорского Величества Комиссия Военного суда, учрежденная при Лейб-Гвардии Конном полку над поручиком Кавалергардского Ее Величества полка бароном Дантесом Геккерном и камергером Двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным, соображая все вышеизложенное, подтвержденное собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерна, находит как его, так и камергера Пушкина, виновными в произведении строжайше запрещенного законом поединка. А Геккерна — и в причинении Пушкину раны, от которой он умер. Комиссия приговорила подсудимого поручика Геккерна за таковое преступное действие по силе 139 артикула Воинского сухопутного устава и других, под выпиской подведенных законов, повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он умер, то суждение его за смертью прекратить».

Пушкин:

Перед смертью я обратился к государю через его лейб-медика Арендта с просьбой о прощении меня за участие в поединке и о помиловании моего секунданта Данзаса. Царь ответил мне: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки».

Хронограф:

В реальности камергер (генерал-майор) Пушкин был не только не наказан за участие в поединке, но и награждён посмертно так, как награждали только героев Отечества за подвиг, свершенный на государственной службе.

Геккерн:

Из каких соображений Вы, сударь, делаете столь экзотические выводы? Извольте объяснить!

Хронограф:

Непреренно! Вдове Пушкина вплоть до её повторного замужества была учреждена пенсия в размере 10000 рублей. Это умопомрачительная сумма для пенсий в то время. За счет казны была погашена ссуда А. Пушкина в размере 45000 рублей. Для того, чтобы напечатать сочинения поэта, его вдове было выдано единовременное пособие в размере 50000 рублей, с условием направления прибыли от продажи на учреждение капитала покойного. Два сына А. Пушкина были зачислены в самое привилегированное училище России — Пажеский корпус. И каждому сыну была начислена пенсия в размере 1200 рублей в год. Такое практикуется только в тех случаях, когда родитель погиб на служебном посту, исполняя долг перед Родиной. Все долги Пушкина были погашены государственной казной. И Вы полагаете, что всё это было сделано императором исключительно из уважения к русской словесности? Кстати, Александр Сергеевич, как Вы сами относились к государю? Долгие годы нам рассказывали сказки о том, что царизм Вас как бы притеснял...

Пушкин:

Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением...

Хронограф:

А с какого момента это началось?

Пушкин:

В 1827 году государю императору угодно было объявить мне, что у меня, кроме его величества, никакого цензора не будет. Сия неслыханная милость налагала на меня обязанность представлять на рассмотрение его величества сочинения, достойные его внимания, если не по достоинству их, то по крайней мере по их цели и содержанию.

Хронограф:

Помилуйте! Но ведь это — цензура! То есть, ограничение свободы творчества!

Пушкин:

Отнюдь! Я не имею права жаловаться на строгость цензуры: не только все мои труды, но и все чужие статьи, поступавшие в мой журнал, были пропущены. Зачастую это происходило только в виду монаршего покровительства. Став моим персональным цензором, государь тем самым полностью оградил меня от цензорской машины всей империи.

Дантес:

Фи! Это всё общие слова! Пафос! Ничего конкретного!

Пушкин:

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, «Борис Годунов» обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание. И это касается не только меня. Из газет узнал я о новом назначении Гнедича. Оно делает честь государю, которого искренно люблю и за которого всегда радуюсь, когда он поступает умно и по-царски.

Геккерн:

Газеты изволите читать? И что? Вы одобряете все официальные сообщения?

Пушкин:

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу России. Но вины царской в том нет. Всё хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от государя, всё плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон,— от его секретаря.

Дантес (Геккерну):

Папа! Никакой царь не сделает того, что сделал для меня ты! Мой драгоценный, всем моим состоянием я обязан тебе. Без тебя я был бы ничто!

Геккерн:

Жоржик! Ты повторяешься!

Дантес (обиженным шепотом):

Когда Вы, мой сладкий, сочиняли вместо меня письма к его мадам, я Вас тоже настоятельно просил избегать повторения содержавшихся в них фраз.

Пушкин:

Царь (между нами, если вы не знаете или не помните) взял меня в службу, то есть дал мне жалования и позволил рыться в архивах для составления «Истории Петра I». Дай бог здравия царю! Так у моей семьи впервые появился регулярный источник дохода, гарантированный государством. Вот стансы, посвященные мной государю.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.
Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Хронограф:

Отрицательный образ Николая Первого в русской истории тщательно формировался врагами России, в первую очередь странами Западной Европы. После блестящего отражения наполеоновского нашествия и разгрома противника на его территории Россия стала объектом страха, ненависти и насмешек в глазах так называемого европейского общественного мнения. В своей внешней политике Николай Павлович пунктуально исполнял все договоры, подписанные во время предыдущего царствования, в то время, как европейцы исполняли лишь то, что было им выгодно. Николай I прежде всего был защитником интересов своей страны. К тому же император считал себя покровителем балканских славян и греков. При этом добрым отношениям России с Турцией активно стремились помешать Англия, Австрия и Франция. Особенно недоброжелательной была Англия. Именно англичане подстрекали персидских мусульман к нападению на русское посольство в Тегеране, в результате чего погиб посол России, автор «Горя от ума» Грибоедов. Николай I был убежденным противником крепостного права. В годы его правления разработкой проектов отмены крепостного права занималось 9 секретных комитетов.

Геккern:

Довольно читать нам лекции! Господин Хронограф, извольте сказать прямо: к чему Вы клоните?

Хронограф:

К тому, милостивый государь, что у Вас были гораздо более веские политические причины для убийства камергера Пушкина нежели изобретенная Вами с помощью Вашего юного любовника грязная интрига вокруг его супруги.

Геккern:

Нонсенс! Абсолютный нонсенс!

Хронограф:

Вашим злейшим врагом был не поручик (камер-юнкер) Пушкин, месть, а генерал Пушкин, действительный статский советник, к мнению которого прислушивался сам император! Только недавно, спустя полтора века, были рассекречены архивы вюртембергского и австрийского министерств иностранных дел, где среди прочего обнаружены секретные депеши послов иностранных государств, в которых Пушкин представлен видным политическим деятелем, идейным главой русской партии, противостоящий партии иноземцев, стеной отгородивших Николая I от русского общества. Документы свидетельствуют, что Александр Сергеевич пытался сломать эту стену. С помощью контроля за мыслями и действиями государя иностранные разведки не раз пытались контролировать Россию. И как только правитель России пытался выйти из-под их контроля, он тут же объявлялся деспотом и тираном. Эта тактика используется до сих пор! Кто руководил МИДом России в то время? Ваш ставленник, ученик Меттерниха, господин Нессельроде, чья супруга активнее всех распространяла по Петербургу сплетни о семье Пушкина! Кем стал Нессельроде после убийства Пушкина? Канцлером империи, человеком более всех способствовавшим разгрому России в крымской войне, сдаче Крыма и уничтожению русского черноморского флота! Кто мог помешать этим планам? Пушкин.

Дантес:

Ха-ха-ха! Какая чушь! Не докажете! Пушкин — всего лишь литератор, издатель журнала, некрасивый стареющий супруг молодой красавицы, рогоносец и более никто!

Пушкин:

Нет, я его всё-таки поколочу, как каналью! *(Преследует Дантеса, оба на время исчезают)*

Хронограф:

Наталья Николаевна, обещаю более не преследовать Вас вопросами о Ваших письмах, но ради памяти и честного имени Вашего первого супруга прошу Вас огласить вот это. *(Подает ей письма.)*

Натали:

Из писем моего мужа. Н. Н. ПУШКИНОЙ. Около (не позднее) 3 октября 1832 г. Из Москвы в Петербург. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? Пакет Бенкендорфа (вероятно, важный) отсылаешь, с досады на меня, бог ведает куда... *(Плачет)*

Хронограф:

Ну-ну, голубушка. Успокойтесь. Он давно простил. При жизни простил...

Натали:

8 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод ...вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Хронограф:

Александр Сергеевич, как сотрудник МИДа, дал подписку о неразглашении государственной тайны. Установлено, что Пушкин получал официальную зарплату не в МИДе, а из специального фонда Николая I в министерстве финансов. Такое практиковалось только в самых исключительных случаях для очень узкого круга наиболее секретных специалистов государственных служб. Пушкину — как, умнейшему, разносторонне развитому человеку, прекрасно владевшему всеми основными европейскими языками, гениальному писателю, лингвисту, криптографу и шифровальщику в глазах императора поистине не было цены! Секретной экспедицией (шифры и литография) заведовал ближайший друг Пушкина — Шиллинг фон Канштадт. Его профиль есть среди пушкинских рисунков. Немногие при его жизни знали, что именно он был руководителем шифровальной службы России. Царским указом было запрещено публично упоминать о подобных лицах. Выезд сотрудников этого наисекретнейшего Департамента за рубеж был строго запрещен государем. И это — самая вероятная причина того, почему Пушкину никогда не разрешали выезжать за границу!

Возвращаются Пушкин и Дантес.

Хронограф (Пушкину):

Ну, как?

Пушкин:

Поколотил.

Хронограф (с сомнением):

Такой маленький такого большого?

Пушкин:

Не в силе бог, но в правде!

Хронограф:

Господа! С вашего позволения я продолжу.

Натали:

Продолжайте, господин Хронограф!

Пушкин и Дантес переглядываются.

Хронограф:

Итак, господа! 20 июля 1831 года Пушкин пишет письмо Николаю I с просьбой зачислить его на государственную службу. Обычно подобные бумаги в царской канцелярии рассматривались не слишком быстро. Однако, в данном случае, похоже, что всё было обговорено заранее. Уже 21 июля (на следующее утро!) Николай I приказывает Бенкендорфу, курирующему Департамент внешних сношений МИД, дать указание Нессельроде принять Пушкина на службу. 23 июля Нессельроде получает письмо от Бенкендорфа от 22-го числа о Высочайшем повелении определить Пушкина в Государственную Коллегию Иностранных Дел. Почему такая

спешка? Что происходит? До штурма Варшавы армией генерала Паскевича, знакомого Пушкина по боевым делам под Арзрумом, остается всего месяц...

Пушкин:

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага -
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах - попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Геккерн (*раздражённо перебивая*):

А при чём тут Ваш Пушкин? Он что — стратег? Не смешите меня...

Хронограф:

Господин посланник, уж Вы-то прекрасно осведомлены, о чем идет речь... Дело в том, что Александр Сергеевич помимо литературного обладал ещё одним уникальным талантом! Многие о нём слышали, однако, не все догадались, так, как догадался государь, где именно этот талант можно использовать. Напомню сначала о шифрованных текстах, так называемых криптограммах, составленных Пушкиным и относящихся к уничтоженной им десятой главе «Евгения Онегина». Мастерство, которым Александр Сергеевич обладал в умении составлять шифры и криптограммы, заставило исследователей его творчества десятилетиями ломать головы над их расшифровкой. То, что Пушкин в совершенстве владел этой «наукой», позднее было блестяще доказано исследованиями академика Чудинова. В одном только рисунке Пушкина «Медный всадник», он по методике Шиллинга фон Конштадта «выявил» целых семь криптограмм! Во всем мире способности и знания лингвистов используются криптографами для успешного дешифрования переписки противника! А сами специалисты — ценятся на вес золота! 26 августа 1831 года армия генерала Паскевича штурмом берет Варшаву.

И именно в это время российским спецслужбам вдруг чудесным образом удается дешифровать всю секретную переписку руководителей польского восстания и получить точные имена близких связей польских заговорщиков в российском и других дворах Европы. Была разоблачена и одновременно разгромлена вся вражеская агентурная сеть.

Геккерн (*с сомнением в голосе*):

Мой бог! За такое обычно дают ордена, кресты, звания... А Пушкин разве получил что-то?

Хронограф:

Напоминаю, что не только имена, но и звания наиболее секретных специалистов государственных служб являются государственной тайной. По-видимому, реальный чин господина камер-юнкера вскоре изменился. Через 8 месяцев с начала службы Пушкина в МИДе, Нессельроде неожиданно получает указание Александра Христофоровича Бенкендорфа, о многократном повышении оклада А.С. Пушкина до ...5000 рублей в год. Сумма этого оклада семикратно превышала ставку чиновника ранга, по которому официально числился Александр Сергеевич, и соответствовала в те времена окладу заместителя директора департамента. Кто-нибудь по-прежнему всерьёз полагает, что это было сделано государем исключительно из любви к русской словесности?

Пушкин хохочет и аплодирует.

Кстати, дабы окончательно убедить публику в том, насколько Вы были осведомлены о ситуации в Польше и в Европе в целом во время польских событий, Александр Сергеевич, будьте так любезны: огласите фрагмент Вашего письма Вяземскому от 14 августа 1831 года, за 12 дней до штурма Варшавы. Всё не надо читать, достаточно фрагмента...

Пушкин:

...Наши дела польские идут, слава богу: Варшава окружена, Кржнецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно, они хотят сражения; следственно, они будут разбиты, следственно, интервенция Франции опоздает, следственно, граф Паскевич удивительно счастлив. Король голландский погорячился, но, кажется, он принужден будет отложить попечение о Бельгии: Пруссии не до него...

Дантес (*с завистью*):

Что ж... Если государь так высоко ценил своего слугу...

Пушкин:

Я числюсь по России и служу Отечеству!

Дантес (*морщась*):

Ну, хорошо, хорошо... Отчего же государь при жизни месье Пушкина не простил ему огромного долга казне, который он простил ему сразу же после его смерти?

Хронограф:

А! Так вы до сих пор не в курсе? Он бы простил, непременно простил при жизни, но Пушкин этого не хотел! Категорически! Александр Сергеевич, будьте любезны, напомните: с какой просьбой Вы обратились 6 ноября 1836 года к министру финансов Егору Францевичу Канкрину?

Пушкин:

По распоряжениям, известным в министерстве Вашего сиятельства, я состою должен казне (без залога) 45 000 руб., из коих 25 000 должны мною быть уплачены в течение пяти лет. Я имею 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены за 40 тысяч. По распоряжению отца моего, пожаловавшего мне сие имение, я не имею права продавать их при его жизни, хотя и могу их закладывать как в казну, так и в частные руки. Но казна имеет право взыскивать, что ей следует, несмотря ни на какие частные распоряжения, если только оные высочайше не утверждены.

В уплату означенных 45 000 осмеливаюсь предоставить сие имение, которое верно того стоит, а вероятно стоит и более. Осмеливаюсь утрудить Ваше сиятельство еще одною, важною для меня просьбою. Так как это дело весьма малозначуще и может войти в круг обыкновенного действия, то убедительнейше прошу Ваше сиятельство не доводить оно до сведения государя императора, который, вероятно, по своему великодушию, не захочет такой уплаты (хотя она мне вовсе не тягостна), а может быть, и, скорее всего, прикажет простить мне мой долг, что поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости, что и может показаться неприличием, напрасной хвастливостью и даже неблагодарностью.

Геккерн (с интересом):

И что ответил Канкрин?

Хронограф:

Егор Францевич — исключительно благородный и порядочный человек. Он не принял такой жертвы от Пушкина, понимая, что письмо было порывом души Александра Сергеевича, что писано оно было под воздействием злых языков и намеренно распускаемых сплетен о его непомерных долгах казне. В первую же очередь желание немедленно расплатиться с казною было вызвано оскорбительными намеками анонимного пасквиля («диплома ордена рогоносцев»), полученного Пушкиным накануне.

Геккерн:

Позвольте, но ведь такие деньжищи всё же куда-нибудь да уходили? В свете полагали, что месть проматывал состояния на свои личные удовольствия и увеселения...

Пушкин:

Опять эта мерзость!..

Хронограф:

Александр Сергеевич, не волнуйтесь. Сами давеча говорили, что Бог — в правде. А то, что правда на Вашей стороне, Вы знаете. И Наталья Николаевна знает, так ведь?

Натали кивает и опускает голову.

Когда Александр Сергеевич посватался к Натали в третий раз, её родственники дали согласие, но ограничили женитьбу драконовскими условиями. Чтобы жениться, Пушкин должен был дать денег на приданое невесты.

Пушкин:

Через несколько дней я женюсь: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. Отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе.

Хронограф:

До сих пор в отдельных изданиях с пафосом пишут о том, что тёща Наталья Ивановна в качестве подарка к свадьбе дала закладную на свои бриллианты, дед невесты — медную статую Екатерины II, выполненную по заказу прадеда Гончарова в Германии. Вам, как семье, это дало что-нибудь?

Пушкин:

Благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью оттого, что их дела расстроены, частью и оттого, что на слова их надеяться не должно. Бриллианты жены моей стараюсь спасти от банкротства тещи моей. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает. Денег нет; нам не до праздников.

Хронограф:

То есть, уже 12 000? А как же медный памятник?

Пушкин:

Сплошной обман. Памятник был отлит с безобразными дефектами, никакой художественной ценности из себя не представляя, и потому ранее нигде не был установлен. Просто груда меди в сарае. Однако, за продажу оной дедушка заломил такую цену, что охотников покупать так и не нашлось. Помыкался я с этою уродливой медной бабой, поунижался перед людьми и отказался от сей затеи. Только время зря убил.

Хронограф:

А долги чести Вы отчего делали?

Пушкин:

Я ли делал? Я постоянно вынужден был платить по чужим долгам! Например, за брата Льва Сергеевича — вечно платил... Брат мой ветрогон и лентяй!! Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается:

Энгельгардту	1330	
в ресторацию	260	
Дюме	220	(за вино)
Павлицеву	837	
портному	390	
Плещееву	1500	
Сверх того ты получил: ассигнациями	280	
(в августе 1834 г.) золотом	950	
Итого	5767	

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я всё еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. С этого времени обращайся к родителям. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне.

Хронограф:

А как же родственники супруги? Ваша, так сказать, новая родня...

Пушкин:

Гнуснее, мелочнее и позорнее этих людишек не встречал прежде.

Хронограф:

Давайте, по порядку. 6 — 11 апреля 1830 года.

Пушкин:

Состояние госпожи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра.

Хронограф:

19 — 24 мая 1830 года.

Пушкин:

Родным моей жены очень мало дела и до нее и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же.

Хронограф:

Последние числа августа 1830 года.

Пушкин:

Уезжаю, рассорившись с госпожой Гончаровой (маман Натальи Николаевны). На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть... и я оставил дверь открытой настежь.

Хронограф:

9 декабря 1830 года.

Пушкин:

Я в Москве. Нашел тещу, озлобленную на меня, и насилу с нею сладил.

Хронограф:

Подрались?

Пушкин:

Не скажу.

Хронограф:

20 июня 1831 года.

Пушкин:

О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного.

Хронограф:

Наталье Ивановне Гончаровой. 26 июня 1831 года.

Пушкин:

Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиниться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то, и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною займы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать.

Хронограф:

Не позднее 6 июля 1833 года

Пушкин:

Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить

себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние.

Хронограф:

30 июля 1833 года.

Пушкин:

Кроме жалования, определенного мне щедростью его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Хронограф:

Наталье Николаевне Пушкиной. 29 сентября 1835 г.

Пушкин:

Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от глупости и беспечности покойника Афанасия Николаевича...

Хронограф:

Всё. Не могу больше. Что за жизнь! Кошмар... Нынешние поколения живут в совершенно ином мире, начинают сравнивать, и напрочь забывают о том, что современной женщине-труженице быть матерью четырех детей и быть матерью четырех детей барыне-дворянке — это совершенно не одно и то же! У барыни для всего были слуги, бесплатные крепостные и нанятые. И в чем заключались её пресловутые «тяготы»? Готовила на семью она? Не она, а повар. Стирала в доме она? Нет. Убирала в доме она? Нет. Посуду мыла? Нет. Воду из колодца носила? Нет. Печку топила? Дрова рубила? Нет. Стирали и убирали в доме — слуги. С детьми возились — няньки и гувернеры. При таком раскладе барыня могла сутками отплясывать на балах, напропалую кокетничая с кавалерами, и ничуть не заботиться о домашних. О чем думать? Слуги всё сделают. Даже грудью кормила не барыня, а кормилица.

Натали встаёт и уходит.

Пушкин:

Месье, замолчите! Вы всё испортили! Она не такая! Зачем Вы так? Ташенька! Подожди! Ташенька! *(Убегает следом за ней)*

Молчание.

Геккерт:

Женщины всегда были его самым уязвимым местом.

Хронограф:

Этим Вы с сынком и воспользовались. Жорж, а под мундиром у Вас тогда действительно была специально изготовленная в Англии стальная кираса?

Дантес:

Когда?

Хронограф:

Тогда.

Дантес:

Я последую примеру моего визави.

Хронограф:

В смысле?

Дантес:

Не скажу.

Хронограф:

Ну, тогда всё понятно. Спасибо.

Дантес:

За что?

Хронограф:

За откровенность. В ноябре кираса ещё не была готов, а в январе заказ уже прибыл к получателю. Зачем Вы стреляли в пах?

Геккерн:

А что Вам не нравится? Удачный выстрел. Наверняка. На убой. Вы же знаете заключение паталогоанатомов: «Вскрытие трупа показало, что рана принадлежала к безусловно смертельным. Раздробления подвздошной, а в особенности крестцовой кости неисцелимы».

Хронограф:

Да. Я помню. Словам Владимира Ивановича Даля, писателя, этнографа, автора «Толкового словаря русского языка», а главное — опытного военного врача, участвовавшего в турецкой и польской военных кампаниях, доверять можно.

Дантес:

Не скрою, что ко времени появления в России за моими плечами уже была учеба в самом знаменитом элитном военном французском училище Сен Сир, где всего за год я успел завоевать звание чемпиона в стрельбе по летящим голубям. Выстрелить на ходу, не останавливаясь, навскидку и точно попасть в нужное место — это был мой конёк...

Хронограф:

Господин посланник, теперь я понимаю, кем Жорж приходится Вам на самом деле.

Геккерн:

Кем? Только, пожалуйста, месье, без пошлостей.

Хронограф:

Он Вам не сын. Он — исполнитель. Приехал в Россию. Убил Пушкина. И уехал. И вскоре вдруг стал очень обеспеченным господином... Он — исполнитель. А Вы — заказчик.

Геккерн:

Фу. Как примитивно мыслят эти русские. Заказчик — не я.

Хронограф:

А кто?

Геккерн:

Не буду подсказывать. Догадайтесь сами. Если можете мыслить, конечно.

Хронограф:

Значит, дело не в женщине?

Геккерн:

О, женщина! Это очень удобный предлог.

Дантес:

Не только удобный, но и красивый, и приятный...

Геккерн (морищится):

Жоржик, ты пошл...

Дантес (хихикает):

Всё-таки продолжаете ревновать меня, папа? (Хлопает Геккерна по заднице)

Геккерн:

Не прикасайся ко мне, противный мальчишка!

Хронограф (Геккерну):

М-да. А это, вероятно, Ваше самое уязвимое место.

Геккерн:

Не Вам судить.

Хронограф:

И слава богу. Кстати, насчет суда. Насколько я помню, единственным, кто на него не явился, помимо покойного, был секретарь французского посольства виконт д'Аршиак. Второго февраля он бежал из России. Притом, что именно он составил самое подробное письменное описание дуэли и направил его Вяземскому. Притом, что именно на его совести лежит

составление убийственных условий дуэли с десяти шагов, с которыми Пушкин, находившийся в бешенстве, согласился не глядя. Стрелять с такого близкого расстояния — очень опасно, сложно промахнуться, если ты, разумеется, не тяжело ранен. Именно д'Аршиак недосыпал порох в пистолеты Дантеса и Пушкина таким роковым образом, что если бы заряд был большим, то пуля Дантеса летела бы с большей энергией. Если бы она летела с большей энергией, то попав в Пушкина, не начала бы крутиться и «гулять» в теле, нанося тяжкие внутренние увечья, а прошла бы навывлет, то есть, не оказалась бы смертельной. Жорж, прочтите нам, пожалуйста, ещё раз это описание...

Дантес:

Зачем?

Хронограф:

Я хочу понять, что в нём не так. Понять, что ускользает от нашего внимания. Не верю я виконту. Зачем, он писал это письмо, если все равно собирался бежать от возмездия?

Геккерн (морщится):

Не люблю пафоса. Читай, Жорж, раз так просят.

Дантес:

1 февраля 1837 года. Виконт д'Аршиак князю Вяземскому

«Князь! Вы желали знать подробности грустного происшествия, которого господин Данзас и я были свидетелями. Я сообщаю их вам, и прошу вас передать это письмо господину Данзасу для его прочтения и удостоверения подписью. Было половина пятого, когда мы прибыли на назначенное место. Сильный ветер, дувший в это время, заставил нас искать убежища в небольшой еловой роще. Так как глубокий снег мог мешать противникам, то надобно было очистить место на двадцать шагов расстояния, по обоим концам которого они были поставлены. Барьер означили двумя шинелями; каждый из противников взял по пистолету. Полковник Данзас подал сигнал, поднял шляпу. Пушкин в ту же минуту был уже у барьера; барон Геккерн сделал к нему четыре из пяти шагов. Оба противника начали целить; спустя несколько секунд раздался выстрел. Пушкин был ранен. Сказав об этом, он упал на шинель, означавшую барьер, лицом к земле и остался недвижим. Секунданты подошли; он приподнялся и, сидя, сказал: «Постойте!» Пистолет, который он держал в руке, был весь в снегу; он спросил другой. Я хотел воспротивиться тому, но барон Георг Геккерн остановил меня знаком. Пушкин, опираясь левой рукой на землю, начал целить; рука его не дрожала. Раздался выстрел. Барон Геккерн, стоявший неподвижно после своего выстрела, упал, в свою очередь раненный.

Рана Пушкина была слишком опасна для продолжения дела и оно кончилось. Сделав выстрел, он упал и два раза терял сознание; после нескольких минут забытья, он, наконец, пришел в себя и уже более не лишился чувств. Положенный в тряские сани, он на расстоянии полу-версты самой скверной дороги, сильно страдал, но не жаловался.

Барон Геккерн, поддерживаемый мною, дошел до своих саней, где дожидался, пока не тронулись сани его противника, и я мог сопутствовать ему до Петербурга. В продолжении всего дела обе стороны были спокойны — исполнены достоинства.

Примите, князь, уверение в моем высоком уважении».

Хронограф:

Значит, Вы выстрелили первым, не доходя до барьера. Между противниками было 11 шагов. Вблизи Вас видел только Ваш секундант виконт д'Аршиак. То есть, наличие на Вас бронежилета — кирасы после пулевого ранения мог заметить только он. Данзас ничего не видел. Это в том случае, если принимать за правду всё, написанное д'Аршиаком, если никакие нюансы не пропущены сознательно. А что говорит подполковник Данзас?

Дантес:

«... Слова Александра Сергеевича, когда он поднялся, опершись левой рукой, были следующие: «Погодите, я чувствую еще себя в силе сделать мой выстрел». Тогда действительно я подал ему пистолет в обмен того, который был у него в руке и ствол которого набился снегом при падении раненого; но я не могу оставить без возражения замечания г-на д'Аршиака,

будто бы он имел право оспаривать обмен пистолета и был удержан в том знаком со стороны г-на Геккерн. Обмен пистолета не мог подать поводу во время поединка ни к какому спору. По условию каждый из противников имел право выстрелить, пистолеты были с пистонами, следовательно, осечки быть не могло; снег, забившийся в дуло пистолета Александра Сергеевича, усилил бы только удар выстрела, а не отвратил бы его. Что до меня касается, я почитаю оскорбительным для памяти Пушкина предположение, будто он стрелял в противника своего с преимуществами, на которые не имел права. Противники шли друг на друга грудью; когда Пушкин упал, то господин Геккерн сделал движение к нему, после слов же Пушкина, что он хочет стрелять, он возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правой рукой... когда раненный в руку Геккерн упал, тогда Пушкин бросил свой пистолет в сторону, сказав: «Браво».

Хронограф:

Жаль, что из-за моей горячности с нами сейчас нет Пушкина. Александр Сергеевич! Наталья Николаевна! Вы уж простите меня, бога ради! Где вы? *(Уходит.)*

Геккерн и Дантес переглядываются.

Геккерн:

Кажется, мы одни?

Дантес:

Да. Давно хотел спросить у тебя, мой драгоценный, но всё не решался...

Геккерн:

Спрашивай, мой сладенький, как всегда, внимательно слушаю тебя.

Дантес:

Тогда, на вечере у Лерхенфельдов, в доме баварского посланника, ты в точности сделал всё, о чём я тебя просил?

Геккерн:

Я не помню дословно о чём ты просил, но, кажется, да.

Дантес:

Тогда, будь любезен. Перескажи мне всё, что ты помнишь о том деле.

Геккерн:

Да-да! Я хорошо помню, как ты поручил мне встретиться тем же вечером с ней у Лерхенфельдов и поговорить, чтобы выяснить окончательно: на что ещё ты можешь рассчитывать в дальнейшем. Я встретился с ней и сделал всё, чтобы твоя mademoiselle Katherine, сестра мадам, не слышала ничего из нашего разговора. Я спросил: не была ли она вчера у Вяземских. Получив подтверждение, сказал, что так и думал, и что она может оказать мне большую услугу. Затем я рассказал ей о том, что с тобой якобы произошло дома: как слуга разбудил меня в два часа ночи, сообщив о твоих страданиях, столах, рыданиях и слезах, как я будто бы задавал тебе множество вопросов, но ничего от тебя не узнал...

Впрочем, сказал я ей, в этом не было особой необходимости, поскольку мне и так было известно о том, что ты потерял из-за неё голову. Подтверждение тому — настолько явная перемена в твоём поведении и характере, что даже муж мадам это заметил и понял. После того я как бы случайно, как о деле давно всем известном, выразил уверенность в том, что между тобой и её мужем объяснение уже якобы произошло, и что я обращаюсь к ней теперь исключительно потому, что хочу избавить от страданий тебя. Мне необходимо было создать впечатление, что ты действовал скрытно от меня, и что я всего лишь забочусь о тебе, как отец о сыне.

Дантес:

Так, всё правильно, моё сокровище. Что было потом?

Геккерн:

Потом было самое главное. Я намекнул ей, что осведомлён о гораздо большей степени ваших интимных отношений, чем думают окружающие. Она заволновалась, начала оправдываться, отрицать, уверять, что это не так. Но я дал ей понять, что, судя по её поведению, всё

именно так, что мне с высоты моего жизненного опыта всё хорошо видно. Потом я добавил, что всего лишь забочусь о её будущем и её здоровье. В завершении разговора я попросил её держать в тайне от тебя факт моей встречи с ней и содержание нашей беседы, иначе... Тут она поблдедела. Я раскланялся и покинул её.

Дантес:

Ты уверен, что она рассказала о вашей встрече своему психопату?

Геккерн:

Разумеется. Никогда в этом не сомневался.

Дантес:

Но почему он не направил своего издевательского письма тебе тогда? Ведь писано было оно ещё осенью 1836 года?

Геккерн:

Милый, не делай вид, будто ты забыл о причине! Благодаря твоей женитьбе на Катрин мы сумели прийти к соглашению о том, что месье отзывает свой вызов на одном категорическом определенном условии: ни ты, ни я ни под каким предлогом никогда не будем приняты в доме Пушкиных и не будем пытаться искать встречи с мадам Пушкиной. Но ты нарушил это условие 23 января 1837 года, когда вызвал мадам на свидание, как поводом, воспользовавшись именно своим браком с её сестрой Катрин. Ты сослался на то, что это свидание имеет отношение также и к его жене, и: если оно не состоится — с Катрин случится непоправимое... Мы оба понимали, что ради спасения родной сестры она придет на свидание к кому угодно.

Возвращается Хронограф.

Хронограф:

Слава богу, удалось хотя бы извиниться за свою горячность. Очень надеюсь, что они ещё вернутся. Господа, вам, надеюсь не было скучно в моем отсутствии?

Геккерн:

Ну, что вы! Могли бы и не торопиться.

Хронограф:

Я слышал конец Вашей тирады, барон, и хотел бы немного пояснить её, дабы расставить все точки над «и».

Геккерн:

Извольте.

Хронограф:

В 1908 году были опубликованы воспоминания старшей дочери Натальи Николаевны от её брака с Ланским. Александры Петровны Араповой, в том числе об устном рассказе её матери о том самом randevу с Дантесом в январе 37-го года. Зная характер Натальи Николаевны и её отношение к дочери, можно с полной уверенностью сказать, что данное randevу, безусловно, имело место. Насчет деталей рассказа, конечно, можно вести дискуссии, но факта самого randevу отрицать никак невозможно. Тем более, что она, как обычно, обо всём рассказала мужу.

Дантес:

Почему? Зачем? Какая глупость!

Хронограф:

Он — её муж, месье. Отец её детей. Единственный кормилец семьи и защитник её чести. И ещё, знаю, вам обоим это неприятно слышать, но она... любила его.

Дантес:

Бред! Кто вам сказал?! Она любила меня! Красавца! Кавалергарда! В конце концов, её остроумного ровесника, а не какого-то психованного старикашку!

Хронограф:

Жорж, уймись, не то Пушкин услышит, вернётся и опять набьёт Вам морду.

Геккерн (Дантесу):

Милый, он прав. Прекрати истерику. Поверь, ни одна женщина не стоит тебя.

Хронограф:

Арапова сообщает: «Местом свидания была избрана квартира Идалии Григорьевны Полетики, в кавалергардских казармах, так как муж ее состоял офицером этого полка... Наталья Николаевна сошлась с ней на дружественную ногу... «Итак, она появляется, видится с Дантесом и сразу понимает, что в своей записке он ей просто солгал. Всё оказалось, как продолжает Александра Петровна «... лишь хитростью влюбленного человека. Это открытие возмутило ее до глубины души и, тотчас же, прервав беседу, она твердо заявила Геккерну, что останется навек глуха к его мольбам и заклинаниям, и что это первое, его угрозами вынужденное, свидание станет последним».

Иван Петрович Сахаров, русский этнограф-фольклорист и палеограф, рассказывает о том, как 24 января: «... приходили мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положив свою голову на колени к мужу. Это было в воскресенье. А через три дня уже Пушкин стрелялся». Судя по всему, Сахаров и Якубович случайно застали окончание какой-то семейной сцены, серьезного разговора, но при этом явно, что никакого конфликта между супругами не было, и Александр Сергеевич только утешал свою жену.

Дантес:

И опять он ей поверил? Досадно.

Хронограф:

А кому было верить любящему супругу? Вам? Слухам? Или всё-таки своему сердцу? Как можно верить Вам, Жорж, ведь всего за два месяца до того последнего свидания Вы сообщали своей невесте вот это (*протягивает Дантесу его письмо*).

Дантес (с неудовольствием читает):

21 ноября 1836 года. Моя любезная Катрин! Нынче утром я виделся с известной дамой, и, как всегда, моя возлюбленная, подчинился Вашим высочайшим повелениям; я формально объявил, что был бы чрезвычайно ей обязан, если бы она сооблаговолила оставить эти переговоры, совершенно бесполезные, и коль Месье не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль в этой истории, то она, естественно, напрасно тратит время, желая ему это объяснить.

Появляется Пушкин за руку с Наталю

Пушкин:

Господа! Ничего не изменилось. И мнение моё о вас и обо всём этом гнусном деле — всё то же, барон! Позвольте мне подвести итог тому, что произошло. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном. Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и

не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь. Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга. Александр Пушкин.

Хронограф (*аплодирует стоя*):

Браво! Браво, Пушкин!

Дантес:

Сукин сын! (*на всякий случай отбегаёт*)

Геккерн:

Какие анонимные письма? Что за ерунда? Клевета! Я не писал никаких анонимных писем! Почерковедами, графологами доподлинно установлено, что писавший их был русским, был славянином!

Хронограф:

Естественно, барон! Конечно, русским. Вы, и ваш сладкий сынок, всегда были чрезвычайно осторожны и осмотрительны. Вы не писали в таком количестве экземпляров, которое разошлось по городу, вы вообще не писали... но вы — диктовали. А записывал писарь, слуга. А писари в России, конечно, русские.

Натали смеётся и обнимает Пушкина.

Пушкин (*обращается к Натали*)

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаёшься мне, нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь, наконец, мой пламень поневоле!

Геккерн:

А, может быть, это он сам написал? Как раб, который боится хозяина, но хочет ему досадить? Может, вовсе не мой бедный Жорж, а император был любовником мадам? Хе-хе... Месяе не мог досадить хозяину, не мог, не смел и не имел права вызвать его на дуэль, и тогда он сам выдумал эти «дипломы рогоносца». Жалкий слуга своего царя!

Пушкин:

Ах, ты — старый каналья! Ну, держись!.. (*пытается наброситься, но Хронографу удаётся их разделить*).

Хронограф:

Господа! Я готов доказать, что барон лжет, и что Александр Сергеевич верно догадался, практически сразу вычислив автора анонимки. Для начала же напомню тот самый текст: «Полные кавалеры, Командоры и кавалеры Светлейшего Ордена Всех Рогоносцев, собравшихся в Великом Капитуле под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена Его Превосходительства Д.Л.Нарышкина, единодушно избрали господина Александра Пушкина коадьютором Великого магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И.Борх» Это не вполне точный перевод с французского языка. Точный перевод пасквиля выглядит следующим образом: «Рыцари Большого Креста, Командоры

и Рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий капитул под председательством досточтимого Великого магистра Е(го) П(преимущества) Д. Л. Нарышкина, с общего согласия назначили (как вариант — «единодушно назвали». — М. С.) господина Александра Пушкина коадьютером Великого магистра Ордена и историографом Ордена. Непременный секретарь: граф И. Борх».

Геккерн:

Ну, и что здесь может намекать на моё авторство? Ничего. Да, он сам и сочинил, это ничтожество хотело досадить августейшему любовнику мадам. Жена Дмитрия Львовича Нарышкина, обер-егермейстера двора Александра I, Мария Антоновна, фактически официально 14 лет кряду была фавориткой покойного императора, а потом сбежала с флигель-адъютантом государя в Париж — и от императора, и от мужа-рогоносца. Иосиф Борх — человек тщеславный, но бедный и лишенный каких бы то ни было талантов, женился по расчёту на Любви Гольнской — женщине богатой, красивой, но легкомысленной и пустой. Мадам Пушкина была ее троюродной племянницей. Обе красавицы, одновременно явились в петербургском свете. Двору было угодно, чтобы обе они украшали балы в Аничковом дворце. Для этого их мужьям было присвоено низшее придворное звание камер-юнкеров — Борху в апреле 1832 года, тогда же его произвели в должность протоколиста, а Пушкину — в конце 1833 года. В апреле 1835 года последовало новое повышение Борху — чин титулярного советника. Такая внезапная и ничем не заслуженная карьера была вызвана причинами, хорошо известными всему Петербургу — Любовь Борх сожительствовала с императором, а её муж — с министром Уваровым. Пасквиль весьма прозрачно намекал на то, что и у месье Пушкина — точно такая же участь штатного рогоносца. С помощью анонимных писем на самого себя, распространяемых им же по всему Петербургу, Пушкин хотел сообщить государю, что ему известно о любовных отношениях между императором и мадам. Мелкая месть, господа!

Пушкин (Геккерну):

Мерзавец! Клевета и подлость ваша — не имеют пределов!

Дантес:

Браво! Папа, браво! Наконец, ты его разоблачил этого бумагомараку и интригана!

Хронограф:

Не спешите ликовать, господа! Я только начал. Александру Христофоровичу Бенкендорфу. 21 ноября 1836 г. Петербург.

Пушкин:

Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества

По представлению Бенкендорфа 23 ноября я был принят государем.

Хронограф:

Итак, Пушкин обращается за защитой от якобы им самим же написанного пасквиля к якобы своему же обидчику — императору Николаю I. Вам уже этот факт не кажется странным?

Геккерн:

Креститься надо, ежели кажется.

Хронограф:

Барон, прошу не перебивать. Кстати, обратимся вначале к некоторым фактам Вашей биографии. Титул барона Вы получили, служа узурпатору Наполеону Бонапарту. Примерно в то же время Вы приняли католическую веру. Затем вы последовательно служили сначала секретарём дипломатической миссии в Лиссабоне, в Стокгольме и в Берлине пока в 1822 году в

тридцатилетнем возрасте не появились в дипломатическом представительстве королевства Нидерланды в Санкт-Петербурге. Первоначально Вы были поверенным в делах нидерландского посольства, однако вскоре после трагических декабрьских событий на Сенатской площади 1825 года пошли на повышение: Вас назначили посланником короля Вильгельма из рода принцев Оранских. Обо всем этом Пушкину было хорошо известно ещё до женитьбы на Наталье Николаевне. Ознакомившись с текстом пасквиля, Александр Сергеевич тут же догадался, что он исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Что же именно в тексте могло подтолкнуть к таким выводам?

Дантес:

Ничего. Я, например, ничего такого не заметил. Я правильно говорю, папа?

Геккерн:

Как изрек некогда великий мудрец Конфуций: «Трудно искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет».

Хронограф:

Ваша начитанность будет учтена при изучении текста. В пасквиле нашла отражение причудливая смесь терминов, использовавшихся духовно-рыцарскими орденами, католической церковью и масонством. Из этого следует, что составитель документа хорошо владел этой терминологией.

Геккерн:

Ну, и что? Граф Соллогуб, например, тоже был масоном, прекрасно разбирался в тех же терминах и, к тому же, всем известно, что в не далее как 1836 году у него были неприятности с месье, едва не завершившиеся дуэлью.

Хронограф:

Что ж... Обратимся к словам самого Владимира Александровича Соллогуба. В ноябре 1836 года граф пишет о ситуации следующее: «Тут уже было не то, что история со мной (Соллогуб имеет в виду вызов на дуэль, который Пушкин послал ему весной 1836 года). Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него бы не поднялась; но французу русской славы жалеть было нечего». То есть, даже в светском обществе Петербурга к 1837 году царило ясное понимание того, что ни один русский человек не станет убивать Пушкина. Настолько велика была слава Пушкина и любовь к его поэзии, что для любого русского убийство поэта, как бы он лично к нему ни относился, выглядело святотатством... Стрелять в Пушкина — это всё равно что стрелять в Россию.

Натали аплодирует.

Теперь обратите внимание на редкостное наименование «Кoadью тор»: епископ-коадьютор — католический титулярный епископ, то есть имеющий сан епископа, но не являющийся ординарием епархии, назначаемый Святым Престолом в определенную епархию для осуществления епископских функций наряду с епархиальным епископом с правом наследования епископской кафедры. Титулярный епископ — это епископ, не имеющий епархию, не правящий, и помогающий епархиальному архиерею. Титулярный носит исторический титул города, который или уже не существует, или находится на не православных территориях, куда этот епископ не может попасть. Святой Престол или Папский Престол — официальное собирательное название папы римского. Какому православному близка вся эта католическая терминология? Никакому. Только католику. А кто у нас католик? Барон Геккерн.

Кстати, о рогоносцах. Термин этот ведет свое родоначалие с тех незапамятных времен, когда древние воины носили шлемы, увенчанные рогами — символом сексуальной силы и агрессии. Носить рога было признаком мужества и непобедимости. Но... у каких народов? Славяне и викинги рогов не носили. Зато у кельтов, древнего народа, жившего в Европе и воювавшего с римлянами, «рогатые шлемы» существовали! О них сообщает, например, историк Диодор. Изображения рогатых шлемов были обнаружены на арке в городе Оранж на юге Франции. Основатели города — галлы, одно из кельтских племен, назвали его Араузионом в честь одного из кельтских рогатых богов. Между прочим, в 1868 году бронзовый рогатый

шлем с двумя большими коническими рогами, торчащими в разные стороны, нашли и в Лондоне в реке Темза прямо у моста Ватерлоо, сейчас он экспонируется в Британском музее и датируется I веком до нашей эры. Сама терминология, как и тематика — рогоносец ты или не рогоносец, — порождение Западной цивилизации, не свойственное России ни в какие времена. По поводу Оранжа: династическим знаком, изображенным на гербе первых феодальных правителей этого города, являлся рог. Происхождение имени династии первого независимого штатгальтера Голландии и Зеландии 16 века Вильгельма I Оранского восходит к названию того самого княжества Оранж, которым владели его предки. К дому Оранских принадлежал и Вильгельм Фридрих Оранский-Нассау, король Нидерландов, чьим непосредственным посланником в России являлся кто? Барон Геккерн.

Пушкин (*смеется*):

Вот из каких вековых глубин рога-то растут! Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех.

У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве.

Что же касается нашей исторической ничтожности, о которой столько говорят на Западе, то я решительно не могу с этим согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище.

Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?

Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой дал ее нам бог!

Хронограф и Натали аплодируют.

Хронограф (*обращается к залу*):

Неужели кто-то ещё сомневается в том, что умнейшему, образованнейшему человеку в России, обладавшему глубокими историческими, литературными и дипломатическими познаниями, гениальному поэту и дешифровальщику, не хватило умения и знаний догадаться, что пасквиль исходит от иностранца, от человека высшего общества и дипломата? Кстати, помимо чести и достоинства самого Пушкина, пасквиль порочил и имя русского императора, честь его супруги императрицы Александры, честь самого рода Романовых, нарочито выставляя их на посмешище перед всем светским обществом. Принимая вызов голландского посланника и наполеоновского барона Геккерна, Пушкин шёл к дуэльному барьеру, защищая

перед всем миром не только своё имя, но, по большому счёту, и честь русского народа, честь всей России.

Ещё есть многое из заслуг великого поэта, о чём можно и нужно рассказывать долго и подробно. О раскрытии им тесных связей пугачевского бунта с иностранными разведками и дворами Европы, о влиянии его поэзии на самосознание балканских народов, о его хлёстких ответах клеветникам России... Значение Пушкина в защите интересов нашего Отечества, то, что он успел сделать, увы, до сих пор ещё осознается не всеми.

Пушкин принял пулю, летевшую в нашу Родину, заслонил её своей жизнью. И то, что сделал император для семьи погибшего русского человека — Александра Сергеевича Пушкина, не было актом прекраснодушного милосердия, а было долгом благодарной России перед его светлой памятью.

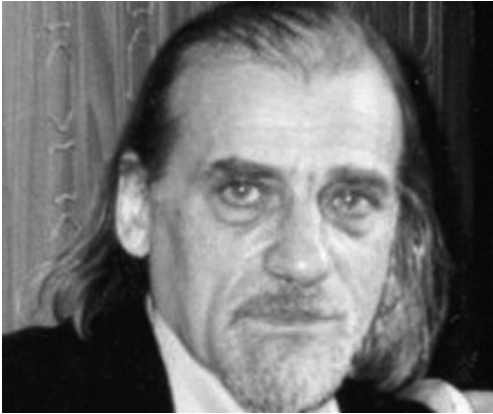
«И буду долго тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал...»

Натали:

Духовным светом очарован
Был зал исполнен дум и чувств
Когда меж потолком и полом
Стихи читались наизусть.
Как животворные потоки,
Которых вплавь не пересечь,
Сияли пушкинские строки,
Текла торжественная речь.
А рядом, за прикрытой дверью,
Гремела музыка с утра,
Там ряженая в пух и перья
Толпа несла своё «ура»,
Хрипели тучные игрушки,
И ухмылялся карнавал
Под небом, где родился Пушкин
И милость к падшим призывал.

10 января 2015 года. Новый Уренгой. Россия.

ЕФИМ ГАММЕР

Ефим Гаммер – родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге, окончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии.

Среди литературных премий – Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору», 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. Его роман о подростках «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир».

Живет в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки.

В 1998 году Ефим Гаммер, бывший победитель первенств Латвии. Прибалтики, Израиля по боксу, вернулся на ринг после 18-летнего перерыва и 27 раз подряд становился чемпионом Иерусалима.

Ефим Гаммер и стихи, сплетённые из смерти, винтовки и песенного, разгуляйского, таким видится его «Пунктирное стечение минут». В этой подборке много размышлений, ассоциаций, Автора захлёстывает реальность, и он практически тонет в водовороте взорвавшейся жизни. В «Каторге бытия», для Ефима Гаммера исчезает человек – «Нет человека. Глина и песок». Стихи, по-разному скроенные, где-то со сбитыми углами, рифмами, кричащие и красной нитью боль. Не попытка разобраться с человеком, который песок, а итоговое – потому и песок с глиной, что всю жизнь почему-то – война.

Ирина Жураковская

ПУНКТИРНОЕ СТЕЧЕНИЕ МИНУТ

КАТОРГА БЫТИЯ

1

У каждого трагедия своя...
Твоя трагедия с моей не схожа.
Из быта ты свою сваял.
А я свою – с полопавшейся кожей –
сваял из боли, смеха и страстей,
перелицованных фантазий,
мечтаний, помыслов, затей,
тщеты, гармонии и грязи.
Раздрай души! Полопалась короста.
Шагреновая кожа вновь в крови.
Казалось бы, как жить на свете просто.
А вот попробуй – просто поживи.

2

Я не умею жить.
Я в жизнь играю слепо,
не отличая скакуна
от медленной улитки.
Партнеров нет.
Сама игра нелепа.
Знать, предстоит мне
новая попытка.

3

Я зачеркнул
последний день творенья.
Нет человека.
Глина и песок.
Пустыня мертвая...
Но в ней души томленье,
и кто-то там
гудит в бараний рог.

4

И снова Каин
Авеля убьет,
что бы – потомки –
Каиновы внуки,
точили кровь,
когда не точим пот,
и были для себя
страшней библейской буки.
И взбадривали жизнь
водой живою,
водою мертвой

и водой вражды,
и шли бы, шли
дорогой вечной боя.
– Куда?
– Туды! Туды! Туды!

5
И вот идем
гурьбою за судьбою.
Дорогой Змия ли,
а, может быть, и Бога.
Идем-идем,
смеясь, когда не воем,
считая жизнь –
единственной дорогой
к разумной смерти,
что нас разделит
на рай и ад –
блаженство и страданье.
Но как нам быть сейчас,
когда весь мир смердит
венозной кровью
умиранья?

6
Мы умираем каждый день.
И каждый день рождаемся.
Мы? Люди! Много нас, людей.
Над истиной, как пчелы, мы роимся.
Нас гонит к истине инстинкт.
Но мы не знаем божий код инстинкта.
И нас терзает нервный тик
от свежести цветка,
прижатого ботинком.

7
На сотни лет,
на сотни перепутий
насыщен я
кликушеством планеты.
Что надо мне?
Чуть-чуть
побольше света.
Чуть-чуть поменьше
каждодневной жути.

ПУНКТИРНОЕ СТЕЧЕНИЕ МИНУТ

1

Познакомились Случай с Удачей.
Породнились Огонь и Вода.
Слепота с Глухотою судачат,
подпевает им Немота.
В силе Следствие и Причина,
и логичен затем приговор.
Безысходна людская личина,
и стремится упрятаться в хор.

2

Россия зачата с тоски
по дням, что не было в помине.
История не знает линий,
но знает петли и витки.
Петля к петле, виток к витку.
И вот уже готовы вожжи.
На облучок влезает возчик,
и тройка в звончатом скаку.
Все жарче ветер конских тел.
И кнут все жарче, жарче – жалом.
И тройка прибавляет жару,
чтоб возчик кости обогрел.
Петля к петле, виток к витку.
Но солнцу в сердце не вместиться.
И тройка, высветясь Жар-птицей,
сжигает вожжи на скаку.
И возчик кувырком в сугроб.
А тройка дальше, выше – в небыль.
И северным сияньем небо
озарено до звездных троп.
Россия зачата с тоски.
Зачать иначе не сумели.
И ни к чему здесь параллели,
когда история – витки.

3

Пунктирное стечение минут.
Свет из-под свай – в тоску и стужу.
А жизнь идет. И западает в душу,
что при подсчете каждый третий – Брут.
Календари все врут.
Перенесли мы прошлое на завтра.
Еще нам ждать прихода динозавров,
и вызова на первобытный суд.

4

Пришла пора
заблудшими устами
благое слово
отыскать в душе.
Но то ли мы
от несвобод устали,
но то ли мы,
напитанные гарью,
парим еще
каком-то мираже.
И мир закрыт,
как деревенский ставень.
За ним – мы знаем –
истинность пути,
но нам никак
заблудшими устами
благое слово –
ЭТО – не найти.

5

Растаскали на гвозди Россию.
Молотки закупили в Сельпо.
И пошли – горевые, босые –
боль души заколачивать в гроб.
– Кто вы братцы? Откуда вы, люди?
Отвечает заемный мужик:
– Дайте срок, и мы волю добудем.
в нужный день,
в нужный час,
в нужный миг.

6

Винтовка, винтовка,
подружка, золовка,
винтовка, винтовка,
куда ни шагать,
приспело таскать
тебя кверху головкой,
и если прикажут,
вновь воевать.
И мы навоюем,
в зной, дождь и под снегом,
как надобно людям,
винтовка, заметь.
Не выгодно быть
на земле человеком,
не ласково ползать
на брюхе сквозь смерть.
Винтовка, винтовка,
подружка, золовка,

винтовка, винтовка,
пришло: погибать.
Не вспомним с тобой
никакую Каховку,
а вспомним: железно:
«Родина – мать!»
И кинемся яро,
влекомые жаром.
За честь и за волю
душой пробурев.
И выльется ало
вино из бокала.
И кто-то из сердца
подхватит припев:
«Мы – поле, мы – воздух,
отвага и радость.
И нас по сей день
не постигнуть умом
Винтовка, винтовка,
улада, награда.
Мы люди, как люди,
нам в смерть без возврата –
на братских могилах
нет наших имен».

7

Ловкий Выгрей-Разночей
куролесил средь речей,
резал правду, ложь кроил,
а слова веревкой вил.
Ловкий Выгрей-Разночей
промышлял багром сычей,
на сыча ловил калач,
на калач – икру удач,
на заветную икру
гонорарную муру.
На муру ловил людей –
от студентов до судей,
судьями поэтов греб
то ль под лавку, то ли в гроб.
Ловкий Выгрей-Разночей
ухайдокал сарычей,
разменял копейку в грош,
расколочил на щепки вошь,
вышел в поле – засвистал.
перепрягся и пропал,
растворился в небесах,
раздубравился в лесах –
и, невидимый, поет –
заливает в уши мед.
Глянь, рождается опять

куролесить, развлекать –
ловкий Выгрей-Разночей,
сын утех и хохмачей,
дабы вновь ходить по кругу,
изгонять тоску и скуку,
дабы смехом портить гладь,
журавля синицей гнать,
дабы сдобную луну
прикрепить в избе к окну.
Ловкий Выгрей-Разночей
правит праздник из речей,
по пластинке прет иглой,
гулевой и боевой,
куролесит и поет,
в океане ищет брод.
Ловкий Выгрей-Разночей
кормит кашей из свечей,
из гвоздей сварганит щи.
Но, поди, его сыщи.
Адрес? Выгрей-Разночей!
– Я в любом. Но я ничей.

8

– Эх-ах!
– Та-ра-рах!
– Мы покажем скок и мах!
– Все сегодня для души.
– Спляшем, братцы?
– Да!
– Пляши!

– Эх-ах!
– Та-ра-рах!
– Ходит солнце в облаках.
– Дуриком тарашит око.
– Эй! пройдишь, браток, с прискоком,
чтоб стекла вон из окон!
– Крепче, крепче топочи,
чтоб тряслось все до ночи!

– Эх-ах!
– Та-ра-рах!
– Шире круг, даешь размах!
– Не жалея, братишка, ног!
С каблучка да на мысок,
а затем-ка перемену,
с каблучка да на колено,
а с колена на каблук –
у-у-х-х!

– Эх-ах!
– Та-ра-рах!
– Будь бойчей, коль на ногах.
– Коль сомлел, тишком лежи,
на матерых не взыщи.
Ведь они и черту даже
вынут душу, если в раже.
Ведь они для куража –
о-хо-хо! И – вон душа!

– Эх-ах!
– Та-ра-рах!
– Ходит солнце в облаках...

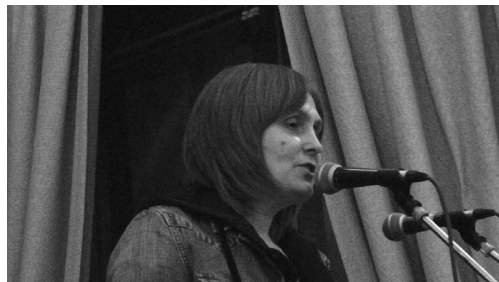
**Жёсткий реалистический РОМАН
«Останусь лучше там...»**

Игоря ФУНТА

**вскрывает
тайны всемогущей
криминальной организации
на территории
России**

ЛИТЕРАТУРНОЕ **za·za** ИЗДАТЕЛЬСТВО
VERLAG

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Людмила Осокина – московская поэтесса.

Училась в Московском государственном историко-архивном институте на факультете архивного дела.

Работала корреспондентом и обозревателем в таких изданиях как «Клуб», «Юность», а также книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи Людмилы неоднократно появлялись в печати в Московском комсомольце», «Вечерней Москве», «Юности», «Сельской молодежи», «Гудке», «Истоках», «Клубе», «Детях Ра», «Дне поэзии», «Эоловой арфе», «НГ-Ex libris», «Зарубежных задворках», «Кольце А», «Zinziver», «Поэтограде», «Литературных известиях», «Футурум-Арт».

Первая книга «Природы затаенное дыхание» вышла в 1996 году в Москве в Издательском Доме Русанова. В серии «Библиотечка поэзии Московского союза литераторов» в 2007 г появилась книга «Черная кошка», а в 2009 году в серии «Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы» книга «Стихи, биография, библиография».

Книга стихов «Кофейная девушка» в 2010 году вышла в издательстве «Время» с предисловием Рады Полищук.

В 2014 году в издательстве «Время» вышла первая прозаическая книга – роман «Новая божественная комедия». Роман вошел в лонг-лист премии «Золотой Дельвиг», премия организована «Литературной газетой».

Людмила Осокина является Королевой поэзии праздников газеты «Московский комсомолец». Лауреат премий журнала «Zinziver», и газеты «Поэтоград», а также журнала «Эрфольг».

Член Московского Союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века.

Людмиле Осокиной было дано додуматься, что необыкновенные истории случаются с теми, кто посмел прикоснуться к литературе и слову, к поэзии. Действие звуков и слов никогда не бывает случайным. В каждом языке, как и в судьбе, присутствует некое мистическое шифровальное письмо языка, которое кому-то принесёт славу, а кому — то разрушенную судьбу, и от которого надо обороняться так же, как и от последствий любого таланта. «А вот так и получилось, потому что он не мудрил и глупостями не занимался, а просто взял и написал, о чем плакала душа, о чем щемило сердце, руководствуясь только своим вдохновением», цитирую. Почему-то любимы известные сочетания слов и звуков, почему-то к ним прибегают охотнее ум и перо, и это — тоже мистическая закономерность, не единственная в своём роде...

То, о чём написала Людмила Осокина в своём «Мистическом литературоведении» — прекрасно, красиво и глубоко! Читайте, обороняйтесь от слова и от судьбы, и наслаждайтесь!

Татьяна Щеглова

ТРИ СТАТЬИ ИЗ ЦИКЛА «МАГИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Написать или создать?

На вопрос «что такое поэзия?» мне частенько доводилось слышать, что поэзия — это, в первую очередь, язык. То есть, главным элементом в поэтическом (да и в любом другом литературном произведении) является слово.

И всегда у меня возникал внутренний протест, некоторое сопротивление данному утверждению.

С одной стороны, оно, конечно, так... Возразить, казалось бы нечего... Да, меньше, чем на слова разложить стихотворение нельзя. Ну, если только на слоги, буквы, звуки, в конце концов. Но тогда все произведение превратится в бессмысленный набор букв, звуков, слогов, потеряет всякий смысл. Значит ли это, что первоэлементом литературы остается язык, а первоэлементом языка слово?

Но все равно я не готова согласиться с таким утверждением, что-то мне подсказывает, что оно не совсем верное. Мне думается, что это слишком простой, и я бы даже сказала, примитивный подход, говорить, что поэзия, — это, в первую очередь, язык. Язык — это одно из видимых, но вовсе не главных ее проявлений. Но именно язык поставили во главу угла, поскольку не знали, что еще поставить, потому что, то, что реально надо было бы поставить, имело очень зыбкую природу и плохо поддавалось определению. И поэтому остановились в своих утверждениях на языке и вывели такой постулат, что чем совершеннее, ярче, богаче язык произведения, тем оно лучше, тем оно художественнее.

Язык, таким образом, стали совершенствовать, обогащать словами, изыскивать малоупотребительные, придумывать новые. Стали строго следить за рифмой, чтобы она была не только не избитой, а и небанальной, и сверхточной к тому ж. Повторы тоже были изжиты. И много чего постарались укрепить, усовершенствовать, сделать по-новому, привести в соответствие.

Только толку от этого оказалось чуть. И рифмы были свежи, и повторов не было, и язык стал богатым, а ничего не получалось. Не было самого главного в этих сделанных стихах — поэзии, того, ради чего весь этот сыр-бор и затевался.

Но вдруг какой-то дилетант без соблюдения каких бы то ни было правил, традиций и проч., проч., ни с того ни с сего писал такое, от чего впадали в зависть профессионалы. И непонятно было, как у него такое могло получиться? А вот так и получилось, потому что он не мудрил и глупостями не занимался, а просто взял и написал, о чем плакала душа, о чем щемило сердце, руководствуясь только своим вдохновением. Так и надо. Потому что правила эти в корне неверные, и если руководствоваться ими, то никогда ничего путного не напишешь.

И в первую очередь, неверным является то утверждение, что первоэлементом литературы является язык.

Ведь если бы это было правдой, то тогда бы самыми лучшими поэтами, писателями становились те, кто знает язык лучше всех: ученые-филологи, языковеды всех мастей. Но, как показывает практика, это далеко не так. Знание языка вовсе не дает никаких преимуществ в создании литературных произведений. Как раз наоборот, пишущие филологи, авторы с филологическим образованием являются порой довольно слабыми в творческом отношении.

Так в чем же дело? А дело в том, что главным в литературе является вовсе не язык. Главным в литературе, в поэзии является талант. Вот его и надо ставить во главу угла. Именно с помощью таланта и создаются настоящие литературные произведения, в том числе и стихи.

Поэтому стоит перевести разговор о том, что такое поэзия в несколько иное русло. Поэзия — это явление, скорее из области непознанного, ирреального, магического и заниматься ее изучением, исследованием должны ни какие не языковеды, не филологи, литературоведы и

прочее, а скорее уж, маги, экстрасенсы, эзотерики всех мастей. Лишь в таком случае мы получим правильное понимание предмета. А к филологической науке поэзия имеет весьма условное отношение.

Вот с этих позиций и нужно говорить о том, что такое талант.

Талант — это возможность выхода в тонкие миры и умение работать с различными тонкими энергиями высших планов. Другими словами, у настоящего поэта должен быть «канал» для выхода в астрал, так сказать, в иную реальность, и помимо всего прочего, умение работать в этой реальности.

А что такое этот самый «канал»? — могут спросить некоторые непосвященные. Это нарушение целостности ауры, какой-то пробой, какая-то дыра, через которую можно как через трубу либо подсмотреть тот свет, либо даже совершить в него несанкционированный выход.

В принципе, для человека ничего хорошего, в том, что его аура повреждена, нет. Это как дырка в доме: через нее можно будет не только на звезды ночью любоваться, но также через нее в дом будет попадать дождь, снег, холод и даже разные, не очень приятные личности.

Дыры в ауре имеют сумасшедшие, это такой наглядный пример. Еще порченые, сглаженные и прочие, побитые судьбой. Также дыру можно обрести в результате какой-либо аварии, катастрофы. Еще она может быть следствием родовой травмы или родового проклятия. Собственно, ничего хорошего в том, что имеется канал, нет. Он представляет реальную угрозу для жизни нормального человека, но для настоящего поэта, писателя, он является необходимым условием для работы. Это как первый признак таланта. Если выхода в астрал нет, то говорить о дальнейшем просто не имеет смысла. Это как доступ в творческую мастерскую, его нужно для начала иметь.

Но люди, имеющие доступ, как правило, непригодны для нормальной жизни, они живут одновременно в двух мирах и ничего толком в реальном мире делать не могут. Они часто становятся неудачниками, изгоями. Вряд ли они способны хорошо работать, иметь семью, вести какие-то серьезные дела, налаживать отношения с людьми, социализироваться в обществе. Их сразу видно, они не от мира сего.

Но наличие доступа — это всего лишь необходимое, но недостаточное условие. Ведь сумасшедшие тоже имеют этот доступ, но это вовсе не означает, что они непременно талантливы, хотя это и не исключается. Там надо уметь и работать, а не просто быть, вот ведь в чем дело. А работа в астрале, создание там, в частности, литературных произведений — это необычайно сложная задача. И при работе с этими тонкими энергиями правильнее было бы употреблять слово не «написать», а «создать». Именно создать. Потому что создание настоящего произведения подобно, например, постройке дома, здания. И в астрале нужно создать, например, «здание стихотворения». Нужно заложить фундамент, поставить стены, сделать окна, двери, разбить дом на комнаты, сделать крышу, а затем, покрасить, побелить, положить плитку, паркет и т.д. И от того, каким будет этот дом, будет зависеть его воздействие на других людей. Ведь все реально созданные произведения — это никакая не игра воображения, они действительно существуют в тонких мирах как некие, вполне оформленные объекты, и они видимы в астрале другим людям. Они видят их своими, так сказать, духовными очами, которые находятся в их тонких телах. Видят, и соответствующим образом на эти вещи реагируют. Реагируют на созданные в астрале объекты, а вовсе не на слова, за которыми эти объекты прячутся, которыми они выводятся отчасти в реальный мир. Облачение созданного произведения во Слово, это как облачение в одежду. Но было бы что облачать. Язык делает видимым в этом мире созданный в астрале объект, вот в чем его задача. И не более того. Задача, в некотором роде служебная, несамостоятельная. Это как некая подсветка здания в темноте. Если здания ночью не видно, это же не значит, что его нет. Ведь этот астральный творческий объект может быть проявлен в итоге вовсе и не в слове, а, например, в музыке, либо в живописи, либо в скульптуре, либо в архитектуре, либо в танце. Да мало ли в чем еще! Он может и

вовсе остаться в этом мире непроявленным и быть чисто астральным объектом, его могут наблюдать вовсе и не люди, а какие-либо духи и сущности.

Работа с языком важна на стадии отделки уже созданного объекта. Конечно, и этот этап работы важен, но не нужно делать его более важным, чем он того заслуживает. Ведь для того, чтобы заниматься этой самой отделкой, надо создать для начала этот самый творческий объект там, в астрале. А это необычайно сложная и порой совершенно невыполнимая для многих бесталанных людей задача. Поэтому, не сумев ничего создать, они пытаются, так сказать, написать, то есть, заняться отделкой того, чего нет. Они пишут тексты, за которыми нет созданных в астрале объектов. А чтобы обман так сразу не раскрылся, напускают туману в виде разнообразных словес, делают тексты чересчур техничными, правильными, чрезмерно усложненными для понимания.

Настоящему художнику, создателю, нет нужды чрезмерно заботиться о внешней отделке созданных им творений. Он может быть в некоторых случаях небрежен в своей работе, даже, порой, чересчур банален, прост. Ну, представьте себе, например, игрушечного и живого щенка. Игрушечный чересчур правилен, точен. Он должен быть похож на свою копию, на живого щенка, иначе как определить, что это именно щенок, а не что-нибудь еще. А живой щенок порой несуразен: одна лапа у него короче, другая длиннее, одно ухо в одну сторону торчит, другое в другую, да шерсть свалылась и немного грязновата. Если сравнивать его только по внешним параметрам с механическим щенком, то он, пожалуй, проиграет. У него есть только одно преимущество: то, что он живой, настоящий, а тот нет. И это главное.

А на самом деле, этот живой щенок при более детальном рассмотрении не такой уж простой, как может поначалу показаться. Если начать его, так сказать, исследовать под микроскопом, то обнаружишь такую сложнейшую структуру, какой и не снилось создателям игрушечного щенка. Это принципиально иной уровень работы.

То же самое можно сказать и о работе настоящего поэта. Простенькие на первый взгляд стихи могут оказаться на самом деле сложнейшей работой в астральной плоскости. И эту работу не может сделать автор, не умеющий работать с тонким энергиями. Он даже не имеет доступа на тот уровень, на котором произведена эта работа.

Конечно, хороший мастер постарается и работу с языком провести на должном уровне, как-то привести свое творение в соответствие требуемым литературным нормам. Хотя, может быть, соблюдение этих норм важно не для самих создаваемых вещей, а для их создателей, чтобы потом им не тыкали пальцем в огрехи. Но хороший мастер, опять же, технику не будет ставить во главу угла, он не будет выпячивать свой профессионализм, так, чтобы он шарахал по мозгам и привлекал к себе повышенное внимание. Это будет мешать восприятию самой вещи, так же как и чрезмерная небрежность. В идеале должно быть так, чтобы восхищались не мастером и его искусством, а самими творением, а о мастере вовсе, может быть, и забыли. Имя автора должно быть без надобности. Нужно, чтобы возникло ощущение, что произведение возникло само по себе, родилось из ниоткуда, что его никто не создавал, не творил, вот тогда это истинное творение. И если при снятии фамилии именитого автора вещь может существовать и сама по себе, лишившись авторской поддержки, значит, она сделана хорошо, значит, за ее земной словесной оболочкой стоит очень мощный астральный объект.

Поэтому именно созиданием занимается настоящий поэт, когда, так сказать, «пишет» стихо-творение. А процесс созидания требует огромного количества энергии, и энергия эта, в первую очередь, берется из ауры автора. Из себя самого настоящий поэт творит свои творения, переводит себя в стихи. Поэтому сами поэты, порой так быстро кончаются, потому что от их астральной сущности почти ничего не остается. Поэты становятся стихами. Но, наверное, так им удобнее быть.

Поэтому язык в поэзии это, все-таки, дело второстепенное. Слова просты, обыденны, мы ими пользуемся ежедневно, ежечасно и ничего не происходит, пока к делу не подключится настоящий поэт, который является одновременно и магом, волшебником. Нужна магия преобразования, а преобразование это возможно только с помощью магической палочки его таланта.

Взращивание творческой сущности

Поэту, чтобы достойно творить, нужно для начала взрастить свою творческую сущность. А это дело непростое и достаточно долгое. Ведь почему у довольно-таки одаренных молодых поэтов, подающих надежды, так ничего и не получается, и они практически в начале своего творческого пути сходят с дистанции? Потому что они не смогли взрастить свою творческую сущность, а только на одних способностях и надеждах далеко не уедешь.

Но что такое творческая сущность и как ее взращивать и для чего она, все-таки, нужна? Ну, это опять же, разговор особый, мистический и нужно для этого опять же переходить в иную плоскость, в иную область, в область мистического или даже точнее, магического литературоведения.

Я уже писала в своей статье «Написать или создать?» о некоторых подобных проблемах и рассматривала их с магической точки зрения. В частности, писала о том, что основная работа поэта (да и прозаика тож) заключается не столько в работе над словом, сколько в работе над тонкими творческими энергиями, в создании из этих энергий какого-либо стихотворения, точнее, какой-либо поэтической сущности. Дело заключается не в том, чтобы написать, а в том, чтобы создать, сотворить из астральных энергий какой-либо поэтический объект.

А для того, чтобы работать в астрале, делать там что-то, создавать, надо сначала создать то, чем там можно будет работать, своего рода инструменты для работы, а также взрастить материал, из которого это что-то будет создаваться.

Материалом, из которого создаются стихи, а также проза и другие настоящие произведения, в основном и служит творческая сущность, аура творца: поэта, прозаика, художника, музыканта. Конечно, не только из своей ауры создает поэт свои творения, он может воспользоваться, если сумеет, окружающими его астральными энергиями и сущностями, правда это тоже непросто. Но даже если работать и с посторонними энергиями, все равно приходится вкладывать свои, поскольку работа ведется через ауру творца, и она в любом случае будет вкладываться, вплетаться в эту работу.

Поэтому встает задача: эту ауру, эту сущность подготовить должным образом к работе, чтобы ей можно было воспользоваться.

В принципе, ауру трогать нельзя. Она дана для жизни и ее ровно столько, сколько нужно, а если начать без должной подготовки ее использовать для творческой работы, то можно нанести ей непоправимый урон. Ведь создание из собственной ауры поэтических произведений равносильно расчленению себя на части. Это все равно что для написания одного стихотворения оторвать себе правую руку, для другого — левую, потом также поступить с ногами... в итоге что останется? В лучшем случае человек станет калекой, в худшем просто умрет. Но именно это порой делают молодые поэты со своими энергетическими телами, используя их на стихи и подписывая себе тем самым смертный приговор. Вот почему многие из них так рано умирают.

Есть, конечно, поэты, которые умерли в более зрелом возрасте, а есть и те, которые прожили достаточно долго. В чем же секрет тех, кто прожил дольше? Наверное, в том, что они научились работать в астрале и сберегли свою ауру от гибели.

Как же это сделать? В первую очередь молодым поэтам нужно сохранить себя. Речь идет даже не о сохранении творческой сущности, а о сохранении самой жизни. И самый опасный возраст это до 20 лет. Именно в этом возрасте существует большая опасность просто погибнуть, не выжить из-за растраты своей, еще неокрепшей сущности на писание стихов. Писать в этом возрасте, также, как и жить, нужно крайне осторожно, чтобы не нанести себе непоправимый урон. И лучше это делать вдали от шумных мест, и тем более, столичных тусовок. Молодая поэтическая сущность — это как неокрепший росток какого-либо растения, только что проклюнувшегося из-под земли. Росток этот может погубить буквально все: холод, жара, сильный ветер, ливень, какое-либо животное. Все представляет угрозу для молодых всходов.

Поэтому эти всходы лучше держать подальше от посторонних глаз, пока они не вырастут до необходимых размеров, не наберутся сил, не окрепнут.

Молодые поэты, писатели как раз похожи на эту зеленую поросль, которую так легко погубить. До 20, а то и до 25, а в наше время и до 30 лет им нужно тихо-мирно расти, набираться сил, укрепляя свою ауру, свою творческую сущность. Это не значит, что с ними не нужно работать, наставлять на путь истинный. Но до этих поэтических всходов нужно допускать лишь внимательных, мудрых наставников, которые осторожно, аккуратно, будут ухаживать за ними. Защищать их от напастей, помогать расти и правильно развиваться. И вот тем поэтам, которым удастся этот самый опасный период переждать, спокойно взрасти, взрасти в тишине, в покое, и, помимо всего прочего, еще и найти хороших наставников, у них есть шанс достичь каких-то успехов, кем-то стать.

У нас же порой делается всё, чтобы загубить молодых талантов на корню. Я имею ввиду даже не столько литературный процесс, в который попадают молодые поэты, и который многих из них в итоге засасывает и губит, я имею ввиду то, что в таком возрасте поэт должен очень осторожно вести себя при работе по созданию своих творений. Я бы даже сказала так: писать в этот период нужно как можно меньше, а по большей части заниматься именно возвращением своей творческой сущности, своей ауры. Заниматься сохранением себя, наполнением себя, а никак не расходом себя. Что это значит? Это значит просто жить! Жить нормальной человеческой жизнью: учиться, работать, любить, путешествовать, набираться впечатлений, читать, узнавать что-то новое. Не избегать страданий и боли, они тоже понадобятся впоследствии для созидания. Но и стремиться к ним специально тоже не следует. То есть жить обычной, естественной жизнью, как и положено по судьбе. Но из этого не следует, что нужно пускаться во все тяжкие: например, безоглядно пьянствовать, наркоманить или вступать в беспорядочные половые связи. Естественная свободная жизнь вовсе не тождественна жизни губительной. Но почему-то зачастую многие молодые поэты понимают свободу творчества именно так.

Самое лучшее, если молодое дарование поступает в этот период не в Литинститут, например, а на обучение к какому-либо большому поэту, мастеру своего дела. Хорошо, если ученик будет подолгу общаться со своим учителем или даже жить у него. Ведь настоящее обучение происходит не в каком-то там учебном заведении, а при общении с большим мастером, при тесном, постоянном и длительном контакте с ним. Учитель может реально обучить ученика, только общаясь с ним один на один. Один Учитель — один Ученик. Только так. А не на каких-то там групповых занятиях. Так настоящего мастера не воспитаешь. Только при близком и довольно длительном контакте. Ведь обучение при непосредственном контакте порой производится и вовсе без слов, через ауру. Аура учителя соприкасается с аурой ученика и таким образом передаются нужные знания, умения, а также и силы.

А Литинститут он может взрастить только литераторов, людей, работающих в сфере литературы и книжного бизнеса, но не более того. Они, конечно пишут тоже, но по-настоящему творческих личностей из них так и не вырастает, потому что вместо того, чтобы дать творческой сущности молодых дарований хоть как-то вырасти, их начинают прессовать и обрабатывать, делать поэтов, прозаиков и прочее, но они все получают в итоге на одно лицо, получают к тому же еще вялыми и инфантильными. Это все равно, что из зеленых всходов пытаться сварить варенье, не дождавшись плодов. Конечно, бывают исключения, но они только подтверждают правило.

Но нужно еще сказать вот о чем. Гениальность тоже приходит с возрастом, до нее еще нужно дорасти. Я имею ввиду не гениальничанье, которым так любят грешить молодые авторы, а истинная гениальность. Конечно, гением для начала нужно родиться. Но даже рожденный гением должен до наступления того возраста, в котором его гениальность по-настоящему проявится, еще дожить. Гениальность тоже проходит какие-то стадии в своем развитии. Ну, например, до 20 лет она раскрывается на уровне способностей, от 20 до 30 наступает период одаренности, от 30 до 40 — 45 таланта, а настоящая гениальность возможна только после этого

возраста, в период от 40 до 60. Творческая энергия в этот период на пике, творческая аура уже выросла, укрепилась и поэт может творить в свое удовольствие, ничего не боясь.

Энергетическая подкормка творений и изданий

Созданные произведения, также, как и любые живые существа, чтобы достойно существовать, должны получать соответствующее питание и уход. Без этого они чахнут и погибают.

Для питания творческих объектов существуют читатели (как вариант слушатели, зрители). Читая какое-либо произведение, читатели дарят ему свое внимание, а вместе с ним и свою энергию, таким образом, подпитывая этот объект, давая ему дополнительную творческую силу. И чем больше будет читателей, слушателей, зрителей, тем больше будет творческая сила объекта. Вместе с силой объекта многократно увеличивается и сила его автора, значимость его творческого имени.

Поэтому неслучайно практически все авторы так безудержно стремятся к публикациям, выступлениям, изданиям книг и прочим контактам с читателями. Читатели выступают в данном случае в роли доноров.

Только что созданный творческий объект похож на новорожденного младенца, на первых порах ему требуется для роста много дополнительной энергии. И тут немалое значение имеют читательское внимание, одобрение и поддержка. Поэтому так важно как можно скорее опубликовать произведение, чтобы подключить его, так сказать, к альтернативным источникам питания и обезопасить создателя. В противном случае вновь созданному творению придется какое-то время питаться авторской энергией, если он, конечно, это позволит. Или впасть во временную спячку, сведя к минимуму расход энергии, но эта спячка в итоге может оказаться и вечной. Поэтому нужны публикации.

Большое значение имеет и то, где опубликованы созданные творения, под эгидой какого издания они будут находиться. Чем престижнее, известнее, популярнее место, тем лучше. Потому что само издание тоже делится энергией с публикуемым произведением, дарит ему для энергетической подпитки своих читателей, и это возносит публикуемые творения на небывалую прежде высоту. Произведения, подпитавшиеся таким образом от престижного либо популярного издания, обретают уже совсем иную астральную величину и силу, а соответственно и влияние.

Но происходит и обратное воздействие. По-настоящему талантливые произведения усиливают силу тех мест, где они были опубликованы. Они делятся с ними и своей собственной энергией, и энергией, полученной ими от внимания читателей.

К сожалению, неминуем и другой процесс. Графоманские произведения уменьшают силу тех мест, где они были опубликованы. Ведь они, по сути, являются энергетическими вампирами. Они забирают как энергию читателей, вызывая у них раздражение и скуку, так и энергию самого издания, опустошая его изнутри. Они питаются престижем, величием, славой издания, ничего не давая ему взамен. Если таких произведений немного, а издание значительное, то это не страшно. А вот если их число превышает все разумные пределы, то такому изданию грозит большая опасность. Ведь графоманы, они как тараканы, они не только отвращают от издания энергетических доноров, то есть читателей, но и пожирают издание изнутри, съедают его астральную сущность.

Поэтому так важно для издания как можно чаще печатать хорошие творения талантливых авторов, а не графоманскую чушь творческих вампиров. Это элементарно опасно. Конечно, какое-то количество графоманов все равно неизбежно, но процент их должен быть сведен к минимуму для энергетической безопасности издания.

Также важно изданию подпитывать себя время от времени свежей энергией, то есть, осуществлять приток новых авторов, чтобы они оказали изданию энергетическую поддержку, дали новые силы, обеспечили дальнейшее творческое развитие, а не застой. Поэтому иметь

какой-то костяк постоянных авторов, конечно же, необходимо, они те столпы, на которых будет держаться издание. Но необходимо открыть двери и для какого-то количества новых авторов. Конечно же, это количество не должно быть чрезмерным, иначе они просто сметут энергетические основы издания, внесут в него сумятицу и хаос. В идеале их количество должно варьироваться от 10 до 30 процентов.

Еще важно, чтобы энергетика публикуемых творений соответствовала бы энергетике издания, его нуждам, его потребностям. Это укладывается в понятие «формат» или «неформат». Для данного конкретного издания. У другого издания может быть другой и «формат», и «неформат». И это не пустой звук. Не просто так издания фильтруют авторов и их произведения по этому признаку: наш автор — не наш автор. Ведь издания, как любые живые существа, тоже могут питаться только энергиями определенного вида, другие им просто не подходят.

Авторам тоже нужно быть более разборчивыми и не пытаться соваться во все места, лишь бы опубликовали. Надо помнить о том, что само издание тоже влияет на публикуемые произведения, заряжая их, возможно, несвойственной им энергией и, таким образом порой меняя их, (энергетически, конечно же), до неузнаваемости. Одно и то же произведение, опубликованное в разных местах, будет выглядеть по-разному. И восприниматься по-разному. И на самом деле, это будут на энергетическом плане совершенно разные вещи. А того ли, на самом деле хотел их автор?

Также не следует авторам, публикующим свои творения в престижных, основательных изданиях, публиковаться еще и в каких-либо малоизвестных местах для всенародной, так сказать, известности. Произведения, опубликованные в таких местах, приобретут налет энергетической провинциальности. Это все равно, что пройтись в хорошей одежде и обуви по грязной улице. Можно перепачкаться и испортить и одежду, и обувь. Также и произведения от подобных публикаций можно перепачкать и испортить. Всею свое место.

Почему многие современные читатели, особенно молодые, так не любят классику? Вроде бы и произведения великие, проверенные временем, но, не хотят они ее читать и все тут. Потому что классика, лишенная в наше время энергетической читательской подпитки, находится не в лучшем состоянии. Она похожа на медведя, только что пробудившегося от зимней спячки: он злой, худой и голодный. Также и классика, позабытая и заброшенная, и поэтому энергетически голодная, и на первых порах будет вампирить. Такие произведения являют читателю скорее свои недостатки, чем достоинства. Становятся видны различные слабости и провалы, незаметные, когда произведения были в силе. Чтобы этого не случилось, за классическими произведениями нужен уход, забота. Надо постоянно их кормить, переиздавая эти произведения, привлекая к ним внимание читателей, преподавать их в школах, в вузах. Только с хорошим уходом классика сохранит свое магическое воздействие. Без надлежащей заботы срок действия даже классических шедевров весьма ограничен.

ИРИНА ЖУРАКОВСКАЯ

Жураковская Ирина Георгиевна. Живет в Киеве (Украина). Пишет стихи и прозу, выставляет в интернете. Иногда пополняется подборка «Лакомое», где она делится своими впечатлениями о литературе, увиденной на сайтах. Как считает сама Ирина - это не критика, а просто взгляд на произведения разных авторов. В числе прочего Ирина Жураковская является постоянным автором электронного журнала «Зарубежные задворки», а с недавних пор – и бумажного. Входит в состав редколлегии «Za-Za».

«...Не бойся дарить. Не верь слову — нет. Уже всё записано на небесах. Тебе только надо самому немного постараться. Только захотеть...»

К этой простой, но столь трудно выполнимой истине приходит ... Мастер-сантехник из метафорически философского рассказа-фэнтези «Соседка» писательницы Ирины Жураковской.

Может быть, и впрямь когда-нибудь наступят благословенные времена, когда не только людей, но и столь «низкую» материю как сантехника станут лечить не разводными ключами в сопровождении густого (или кто на что способен) мата, а ... чудесными сказками. Насладитесь этим прелестным текстом, полным теплой животворной энергии.

Второй рассказ Жураковской «Андроид» еще более метафоричен и философичен. Ибо его героиня – одновременно и андроид, и женщина-писательница, которая мучительно пробивается от одушевленной машины к живому человеку. Этот рассказ о том, что исчезают настоящие Авторы – пишущие люди, которым для творчества необходимы лишь ручка да лист белой бумаги. Ведь те, кто прочными нитями связал себя с «умными машинами» запросто могут перевоплотиться навсегда в незначительную детальку своего бездушного уже не помощника – ХОЗЯИНА!

Елена Рябова

СОСЕДКА

Что я мог поделаться с собой, ну не нравилась мне эта тётка. Мы никогда не виделись, но я имел о ней кое-какое представление. Конечно, когда живёшь рядом лет сто, трудно ничего не знать о соседях. Но и это возможно. Люди мало изменились за тысячелетия. Но теперь, когда из-за неё я лишился работы, уничтожил бы и её квартиру, и её лично. И не пожалел бы.

Мастером-сантехником я работал уже много лет. С тех самых пор, как Мастера-озеленители практически выполнили всю работу в пустыне Гоби. Переквалифицировался. Прошёл обряд посвящения в Мастера-сантехники. Мужики приняли меня в свои ряды, тем более, им не хватало игрока в команду. В тот же день мы сыграли в водное поло. И выиграли. Конечно, не без моего скромного участия. И постепенно я начал включаться в работу.

Нравилось мне заходить в ванную и, улыбаясь душе, рассказывать какую-нибудь, внезапно рождающуюся сказку. Смотришь, а нос его начинает морщиться, краны-глаза помигивают

и весело прокручиваются в разные стороны — до упора. Потом, он чихает и откашливается, а радостная ванна, потягиваясь от удовольствия, принимает в себя чистейшие струйки воды. Значит, сказка поправилась. Процесс пошёл, и сантехника будет работать без сбоев. До того момента, конечно, пока не закрутит. А такое случается со всеми.

Недавно, мой знакомый Мастер-автомеханик рассказывал, как долго бился над одной машиной. Уж он ей столько сказок рассказал. И ведь диагностика правильная была — позвал других Мастеров — всё верно. А машина не едет и всё тут. Видно, что мотор у неё болит, а сказки, лечащие, не срабатывают. Только через пару дней поняли — дочка у хозяйки приболела. Пока её сказками Мастер-врач не поднял на ноги, машине ничего не помогало. Вот так бывает в нашей жизни.

Но у меня вышло и того хуже. Вызов мне передали по видеофону и предупредили, чтобы очень внимательно отнёсся к работе. Это мне сразу не понравилось. Обычно, никто ничего не акцентировал, а тут... Потом выяснилось, что хозяев дома не будет. Ну, это даже лучше — никто отвлекать не будет. Но, когда мне сказали, что ключи у меня, я замолчал и так, с открытым ртом, продолжал стоять. Пока мне вежливо не посоветовали ротик-то закрыть и не быть балдой, а топтать сказочки рассказывать. Юмористы, в пень и в колоду. А надо заметить, что я в это время рассказывал сказочку плите, чтобы она лучше чайник подогрела и отбивную агро-мадную, в собственном соку, аккуратненько так, подрумянивала. Хлеб свежее испечённый у меня уже на подносик выкладывался и запах кунжутный, замешанный на мясном, плавал по всей квартире. Собственно, день рабочий у меня уже был на исходе. И — ни одного вызова. А тут...

И вспомнил я, что эдак с месяца два назад, моя соседка по аудиофону сообщила, что уезжает по делам надолго и, на всякий случай, оставляет мне ключи. По-соседски. Чушь про то, что родители далеко живут, а у неё очень нежная сантехника и ... — я уже не слушал. Буркнул, что-то типа — повесьте на гвоздик, а я заберу — и всё. Теперь, мне надо всё бросить и бежать к её нервной сантехнике. А пиво в холодильнике-баре должно ждать. Вот и спрашивается — за что мне свою соседку любить? Но это были цветочки. Расстроенный, я выключил плиту, и она разочарованно перестала пыхтеть, изображая из себя печь с пирожками, из сказки «Гуси-лебеди».

Приложив ключи, к нарисованному замочку, и сказав заветное слово, я вошёл в квартиру. Хоть автоматика и убирала всё это время, но чувствовалось, что здесь давно не было хозяйки. Вообще никого не было. Злость как-то моментально испарилась, но раздраженье лёгкой волной ещё похаживало во мне. Я прошёл, почему-то на цыпочках, на кухню и устоялся на кран, который невероятным образом сполз в грустную раковину из розового мрамора. Он всхлипывал и на моё присутствие не реагировал. Никакие сказки на него не действовали. И я опять стал заводиться.

Забыл сказать, что этого делать, то есть злиться, Мастерам категорически запрещено. Пункт 1.1. в Своде правил для Мастеров — практически, самый основной. При его несоблюдении — немедленная дисквалификация. А восстанавливаться потом, ой, как тяжело. Тогда уже не один Обряд, и не один Экзамен приходится сдавать. Но я уже заклинился-переклинился, как этот кран. И вместо сказок начал совестить его совершенно по-людски. И не выбирая выражений. Вот так. Кран, и по сей день, не работает. Меня попросили уйти с работы, правда, с правом, через месяц, пройти ещё раз переобрядовку и переэкзаменовку. И что теперь делать?

Короче, решил я съездить к родителям. Не виделись мы давненько — лет шестьдесят пять, наверное. Работал я без перерывов и практически без отпусков. Сейчас почти все так работают. Чего отдыхать-то, если работа в радость. С родителями по видео- и аудиофонам общались часто. Но, всё равно, сердце ёкнуло, когда лётопланчик легонько подпрыгнул по некошеному лугу и, взбрыкнув у молоденького дубка, вежливо перекинул меня на землю. Что не говори, а ромашки, после пустыни, хоть и озеленённой, да городского, пусть и с красиво посаженными деревьями-цветами пейзажа, произвели на меня такое впечатление... Ещё и корова с телёнком пасётся. И запах стоит над всем этим безобразием — необычайноаглоароматный.

Я решил немного пройтись за селом и вышел на ромашковый луг. Сердце переполнилось радостью, счастьем. И захотелось всем этим бело-жёлто-небесным поделиться со всеми. Но обида на соседку с её невменяемым краном и всеми вместе взятыми последствиями прочно сидела занозой в сердце. А надо ли, делиться-то? Вам не случалось, в момент такого же пронзительного счастья, протянуть руки близким, с таким же солнечным, проникающим во все уголки твоего жизненного пространства, светом — берите, делюсь, дарю — и получить яростное непонимание в ответ? И всё рушится. Возможно. Но свет и ромашковый луг — остаются. Запах терпкий, медовый, вкусно звенит в небе... И клевер... Клевер настолько чист и розов, что детство окутывает тебя, а клеверная кашка нежным ароматом проникает в рот. Ложится на язык. Мягко окутывает сердце. Солнце и нежность. Не бойся дарить. Не верь слову — нет. Уже всё записано на небесах. Тебе только надо самому немного постараться. Только захотеть.

Когда я подошёл к родительской избе, решение уже было принято. Осталось дело за малым — объяснить старикам. Хотя, какие они старики — молодые и красивые. Им любое время — не время. А они уже спешили ко мне, открывая калитку и, в шутку, толкаясь. Объяснять ничего не пришлось. Мама, любовно всмотрелась в моё лицо, и, прижавшись к груди, прошептала: «Без пирожков и ужина — не отпущу». А отец, усмехаясь, процедил в усы: «Никак, мавки тебя, сынок, на ромашковый луг завернули».

Открыв дверь ключом, и протопав на кухню, без всяких вызовов, я присел на табуретку и начал сказку. Кран, поначалу не реагирующий ни на что, даже на моё наглое вторжение, вдруг приподнялся и глянул на меня внимательно. Сказка лилась из сердца, и никаких заноз в нём не наблюдалось.

Через месяц у меня принимали последний экзамен. Я немного нервничал. Должен был принимать Сам. Его все побаивались, но мне уже было всё равно. Пройду — пройду. Нет — так нет. Что работы мало? К родителям, в крайнем случае, поеду — помогу. А там, видно будет.

Невысокая девушка в бирюзовом комбинезончике пригласила меня в кабинет и попросила присесть на кресло. А сама, поглядывая в окно, и поливая цветы в вазонах, поинтересовалась: «Так это Вы тот бедный кран потом вылечили? Ну, что же, давайте немного пройдемся по вопросам».

На подоконнике раскланивались ромашки.

Андроид, я и девочка

Игровая игрищность утомляет меня и разрушает. Я не намерена равнодушно взирать, как меня используют в чужих играх и тратят драгоценную жизненную воду, отпущенную мне для прозрения...

Двое играли в шахматы. Да-да-да... Абсолютно традиционный подход. И то, что их Двое. И то, что один играл белыми, а другой — чёрными. Разумеется, белые — положительные, а чёрные — отрицательные герои. Чего от чёрных хорошего можно ждать? Так, только не вменять культрассовость, в шахматах — чёрные нельзя назвать тёмненькими...

Даже, если в роли шахмат — люди.

Очень знакомый подход. Но они и не догадывались, что на них, чуть в иных параллелях, двое других делали ставки, и счёт шёл в расчёте на этих играющих...

Так по спирали, круче, выше...

Или — круче, ниже... Но кого-то, обязательно, отправят в расчёт.

Вот, важно... когда не записываешь то, что стукнулось — всё, конец, редко, потом восстановишь... слова может ещё и подберёшь, но то состояние — о, ужас... нет.

Сколько я задушила стихов, строчек из-за того, что не встала, не проснулась, не остановилась, не бросила всё...

Но, может так надо, иначе, если бы мы все записали на бумаге и нотах, и полотнах ЭТО стучащееся, мир мог бы лопнуть... Наверное, так нас тормозят... а мы плачем, потому что когда-то наступает момент понимания утерянного.

Возникает желание убрать всё и везде.... но я уверена, что есть единицы из толпы, которые читают меня, без писательскопоэтической зависти, без фиги в кармане, сопереживая, внезапно ахая и бросаясь за дополнительной чашечкой кофе... с покрасневшими глазами.

...если бы не эта вера в своего читателя, живущего где-то, я просто бросила всё и погибла. Хорошо, что я — андроид.

Напротив, в доме без кондиционеров и евробалконоокнов, со старинными, облупленными мозаичными стенами, итальянским архитектором созданным, в пору его зрелой любвеобильной жизни на земле без океана и моря, прилегающего — в бинокль игрушечный, видно по ночам, человека-пишущего.

Иногда, мне кажется, что только мы — двое, остались в крошечном городе забытых надежд, правда, ещё есть девочка с ангельским лицом, побирающаяся в метро. Когда проезжаешь свою остановку, она появляется в дверях и медленно движется среди толпящегося народа с закрытыми лицами. Покачивается на ножках колесом, арбузно перекачивается по вагону и голубые, некукольные глаза смотрят мимо всего, что пытается от неё спрятаться.

В душу, она давно уже не смотрит. Перед ней, многие лихорадочно шарят по карманам, открывают кошельки портмонешного вида и пытаются откупиться. Редко, очень редко, люди не суетятся, не отворачиваются, а потом не смотрят вслед брезгливожалостливо. Обычно, только дети, открытым взором проважают маленькое светловолосое чудо из сказок. Ноги, искаленные при рождении, не смущают их сердечки — она необычная и такая отрешённая. Таинственная. Живущая в полную меру того, что ей дано.

Вновь... Боль напала. Свивалась и начинала размеренно постукивать разъярённым хвостом-маятником. Простукивалась, невежливо билась в висках и третьем глазе, пыталась написать нечто новое.

Впрочем, нет, это девочка, обнаружив качели верёвочные, кем-то из детей бродяжьих — сплетённые, на кресте фонарном, держась одной рукой, качает ноги поломанным овалом. Камертон искусно направляет и разламывает мозг, оголяя пространство — исчезающие Авторы обязаны лучше видеть.

Сегодня, грустной птицей, нахохлившейся на ветке, и не почистившей крыльев своих — открыла свет компьютерный и о, ужас! нет, нет спамеров, нет снайперов, стреляющих холостыми.

Почта глуха и нема.

И сказала антивирусу, о брат мой! сколь же хорошо ты работал, что нет никого из продавцов.

Но как же мне от этого грустно.

В моём одиночестве.

Вижу, как исчезают Авторы. Совершенно чужие люди, но их стихи, рассказы тронули когда-то сердце... И вот, их сердце уже не стучит. Но, если звучат их произведения, то и глаза улыбаются сквозь зябкое марево...

Когда меня не станет — будет солнце.

Холодная промёрзлая вода.

И больно, почему-то, больно.

Но улыбнётся, словно радуга, душа.

На одном сайте разыскивают наследников Авторов. То есть жил Человек, творил, выставил там произведения, их приобрели. Через какое-то время, пошли оплаты за труд. А Автора уже нет... Ситуация не новая, но меня поразило количество разыскиваемых наследников, список...

Наверное, девочка укачивает их души. Глаза её внимательно следят за тем же окном, за которым наблюдаю я. Интересно, неужели время этого человека-пишущего уже столь приближено.

Собственно, что он там пишет, вдруг, пасквили. С чего показалось, что перо старинное на листках выводит поэмы? Желание, которое иссушает и тревожит меня? Может сегодня ночью прыгнуть на тёмную тучу, подкрасться и посмотреть вблизи, что там, что за жильё, что за тайна. Тайна же там явно существует, колышется, как ревнивая женщина не позволяет мне увидеть издалека детали не только мелкие, но и покрупнее. Странно, что до сих пор невозможно разглядеть его лицо, только локоны тёмные и руку, вернее кисть правой руки, нервно мающую перо в бронзовую чернильницу с мраморными ангелочками по краям.

Мои отношения с мужчинами всегда иззяблены, исхищрены болью, которая засела в позвоночнике и её необходимо пробивать дыханием энергетическим, покаянием и исповедью в светлом храме из дерева, пахнущем янтарной смолой, ещё не застывшей навечно, а пульсирующей, с убегающими жуками, которые не выплывут, а вплавятся навечно.

Может, потому что я — ненастоящая женщина. Меня можно ронять и я не ломаюсь. А мужчин — это раздражает, моё состояние неваляйки. И они снова и снова пытаются отвинтить, вытащить сердце и рассмотреть его на солнце. Некоторые, забывают положить хрупкую, скукоженную, пульсирующую сосудами часть моего тела на место, тогда приходится идти на разные ухищрения, лишь бы вернуть её.

Но этот, в окне, притягивает почти всё моё внимание, кажется, что он иной.

Всё же, накину меховой жилет, с незашитыми дырами, проберусь по небу к его странному дому. С одним, светящимся тускло ночной порой, окном. Пусть эти двое шахматистов отвлекутся от сайтового пекла, понаблюдают за мной в реальном, не комповом мире.

Осторожно управляя, медленно плывущим облаком, сдерживая дыхание, заглядываю в комнату, слабо освещённую несколькими подсвечниками с почти оплывшими толстыми восковыми свечами. В дальнем углу комнаты, на разбросанных светлых покрывалах, прямо на полу, играет кошечка. Она подкидывает какой-то предмет с человеческую ладонь, опрокидываясь на спину, ловит его четырьмя лапами, кружит и покусывает.

Мужчина, не обращая на неё внимания, сосредоточенно дописывает очередной лист. Иногда, он морщится и зачёркивает несколько слов. Через время, замирает и трёт рукой висок, сжимает голову, словно его мучает сильная боль.

Кроме старинного стола и массивного кресла, белых и красных атласных покрывал, подсвечников, стоящих на столе и полу, в комнате ничего нет. Облако чуть холодит босые ноги, переминаясь по влажной поверхности, проплываю возле карниза, меня уносит в другую сторону и внезапно, одна из свечей, перед тем, как погаснуть, вспыхивает в предсмертной агонии. Моим глазам открывается левая сторона человека в комнате, ранее невидимая, там нет камзола с кружевами. Вязь проводов, искусственных сосудиков тянется к трепещущему сердцу, которым играет забавная пушистая красавица-кошечка.

Так значит, это он — андроид, а я — обычная женщина. Чувство слабости и незащищённости... как хорошо. Падаю. Падаю на асфальт, лишившись возможности управлять пространством.

Внезапно, детская рука подхватывает меня, качели взмывают ввысь.

Двое, передвигают фигурки. Я — пешка, уверенно дошедшая до края доски. Уже Королева. Мне зачтена милостыня в метро. Девочке с белокурыми волосами и остановившимся взглядом.

МАРГАРИТА ПАЛЬШИНА

Маргарита Николаевна ПАЛЬШИНА, сетевой псевдоним Марго Па, прозаик, сценарист, поэт, член Союза писателей XXI века, лауреат международного поэтического конкурса «Золотая строфа», Всероссийского конкурса «КИНО-Хит», международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси».

Проза публиковалась в литературных журналах «Пролог», «Новый берег», «Сетевая словесность», «Белый ворон», «Зарубежные задворки», «Млечный путь» и в литературных альманахах «Точка зрения», «Снежный ком».

Поэзия — в литературном альманахе «Золотая строфа», литературной газете «ПОЭТОГРАД», литературном журнале «Белый ворон».

Написанный в 2009 году роман-антиутопия «Белый город», стал Романом Года на Проза.ru.

В 2012 году в издательстве «Млечный путь» вышел роман-мистерия «Проникновение» (серия «Звёзды млечного пути») в Израиле он стал финалистом международного конкурса крупной прозы «Триммера — 2012: Тени прошлого». В 2013-м году вышла книга-сборник прозы и поэзии «35. Избранное» (издательство Za-Za Verlag, Германия).

Маргарита Пальшина: «Вы должны быть сильнее. Сквозь боль».

В интеллектуальной модернистской прозе Пальшиной много берущих за душу пронзительных эпизодов, вот таких: «Она не пришла. Даже не позвонила. Ты прождал день, вечер, ночь. А наутро вынул сим-карту из телефона, сломал и швырнул в окно. Вместе со всеми заметками, номерами, улыбающимися фотографиями. Новая жизнь начинается в пустоте. Спустя годы я нашла её дневник в сети. Мы же все опутаны, связаны! Дёрни за ниточку, и клубок истории начнёт отматываться назад, в прошлое. Интернет—хранилище душ... Хирург. Внеплановая операция. Шестнадцатилетняя пациентка погибла под её скальпелем. Девочка в женский день. Ты не почувствовал беды в тот вечер, она не смогла до тебя дозвониться на следующий. Хочешь, расскажу, как ей живётся после тебя?»

Примерно так. И каждый раз — без объяснений, без правил. Будто ты стоишь на вокзале, и специальный билет в понимание мира выдан только тебе. Вот и всё, окошко захлопнулось. У Маргариты весь мир — метафора человеческой жизни, дорога из точки «А» в точку «Б». И некуда спрыгнуть, и никак не увильнуть, чтобы не читать и не знать. Но это — твоё, и надо идти по этой дороге.

Татьяна Щеглова

ДВА ОТРЫВКА ИЗ РОМАНА «ФИГУРЫ ПАМЯТИ»

9 марта, или день нелюбви

Ты часто вспоминал сырой свет. Утро Питера. Невский проспект проявлялся в оконной раме, как изображение на фотобумаге. Медленный снег. Внизу завывали сирены «скорой помощи». Ты думал о тех, кто уже не увидит, как разводят мосты. Машины с мигалками теснили в пробках, не пропускали. Но они успевали. Или опаздывали. Кто-то не доживёт до настоящей весны. Смерть под маской метели. А сколько покойников у разведённых мостов? Столько же, сколько детей. Таков порядок вещей. Первородный грех отбирает бессмертие.

Закурил сигарету. Ты много куришь, Андрей! Посторонний курил у гроба матери, ты закуливаешь всякий раз, когда вспоминаешь о ней. Главная в жизни женщина бросила тебя одного. Вслед за ней уходили другие. Ты не мог простить ей отсутствия, тебе не прощали безусловной и беспощадной любви.

Женский день кончился. Девятое марта — дата, пустотой улиц и обёрточным мусором площадей похожая на первое января, на гарпун единицы в сердце.

Ты рассказывал, что ничто для тебя не ноль — единица. Как-то в детстве увидел дату первое января на календаре. Мысль пронзила: год исполнился и не вернётся. Дети не чувствуют времени, безмятежность его отменяет. Детям жизнь кажется бесконечной, как поле, беги куда хочешь. Каждый день и есть жизнь, без делений на завтра-вчера. Осознанная единица подводила году черту, на отрезки рассекала вечность. Жизнь превратила в лестницу: поднимаешься выше и выше, а за спиной ступеньки осыпаются в пустоту. И чем старше становишься, тем уже ступеньки и труднее на них удержаться. Время стремится в прошлое. Чем дольше бежишь, чем чаще мелькают деления. И цифра «1», похожая на гарпун, врезается в сердце всё глубже и глубже, не вытащить. Ничто — умелый охотник. Раздробил громаду на мелочи — и уничтожишь.

Мы от него спасались в привокзальных кафе: там никто не живёт, люди — с транники, и время не знает, что с ними делать. Искали ответы, украдкой вглядываясь друг в друга, наблюдая за посторонними. Мы вовремя встретились: будущее упустили, прошлое отвергали. Помню, объясняла тебе наше болезненное ускорение: восприятие времени — квадратный корень из возраста. В четыре года время течёт в два раза быстрее, в девять — уже в три, в шестнадцать — в четыре. Ты ускоряешься в шесть раз, я — в пять с половиной.

Жизнь — это простые числа, мусор и серый дым. Сосчитал от одного до девяти. Восьмёрка была твоим числом, единственная замкнутая цифра, знак бесконечности. А девятого числа мир опустил голову, разомкнул объятия и побежал по своим делам. Перевернул страницу. Вычеркнул твой день рождения из сетки календаря. Истратил ещё один год твоей жизни.

Ты вправе ненавидеть женщин. Они лишили тебя любви. Они украли Твой день. Праздник, который должен был принадлежать только тебе. День рождения стал днём забвения. В суете магазинов, открыточной мишуре, удушающем яде духов и цветов, пестроте подолов, жирном блеске губ, декольте и шоколадно-кремовых яств на столе, круговерти двусмысленных объятий. Для Андрея — ни звонка, ни письма, ни смс. Не до тебя.

Восьмое марта — Рождество древнейшей профессии. Стекланные, как бриллианты Сваровски, сердца бьются за кулончик (шляпку, сумочку, манто...), как у Оленьки, Поленьки, Светочки, Элочки. Людоедочки. Прекрасный пол дивного нового мира. У шлюх на Московском вокзале больше достоинства! Ниже пола не упадёшь? Как земля вас выдерживает? Настоящие женщины, любящие и любимые, девы и матери уходят в чёрную ледяную пустоту. В Смерть. В Ничто. А румяные Элочки живут долго. Два кокетливых глаза-прицела, рот, зад и вагина. Продажность — это про жадность. Ненасытную и тупую. Едят и гадят. Пожирают друг друга, поганят мужчин, мысли, чувства, слова, поступки — всё, до чего дотянутся. Прогрызают в мире дыру, как в яблоке. Черви в помойной яме.

Может, наш мир помойка и есть? Ангелы с вёдрами вышли из Рая, выкинули в мир души, как мусор, объедки, ненужный хлам. Как увядшие цветы и гнилые фрукты девятого марта.

Первая и несбывшаяся жена походила на твою мать, вернее, на грёзу о ней, матери ты почти не помнишь. Обещала устроить праздник для двоих, романтический ужин. За год разные полюса сблизилась до синхронности: если у одного сбегал кофе из турки, другой тоже был вынужден оттирать плиту, оба врача, заболели и выздоравливали одновременно, угадывали мысли друг друга, с точностью до канала и перекрёстка чувствовали разделяющие вас расстояния, словно в сердце каждому вживили по маленькому навигатору.

Она не пришла. Даже не позвонила. Ты прождал день, вечер, ночь. А наутро вынул сим-карту из телефона, сломал и швырнул в окно. Вместе со всеми заметками, номерами, улыбающимися фотографиями. Новая жизнь начинается в пустоте.

Спустя годы я нашла её дневник в сети. Мы же все опутаны, связаны! Дёрни за ниточку, и клубок истории начнёт отматываться назад, в прошлое. Интернет—хранилище душ, библиотека досье, виртуальная жизнь человечества.

«Пухлые губы, как у младенца. Живое пятно на умирающем теле. Красное на белом, земляника на снегу. Не выдержала, наклонилась и поцеловала сквозь слёзы...». Хирург. Внеплановая операция. Шестнадцатилетняя пациентка погибла под её скальпелем. Девочка в женский день. Ты не почувствовал беды в тот вечер, она не смогла до тебя дозвониться на следующий.

Хочешь, расскажу, как ей живётся после тебя? Она могла бы стать твоей пациенткой, но вам, врачам, дано пережить смерть. Вы должны быть сильнее. Сквозь боль.

Да, у неё семья: муж, двое детей, судя по фотографиям. Впрочем, ты сам обо всём давно, наверное, уже знаешь.

Ты выбрал меня. Чтобы уходить. И дарить на прощание сухую лаванду вместо трепетных, умирающих в руках лилий. Чтобы я ждала, неистово ревнуя к прошлому, прожитому тобой без меня, упорно замедляя и поворачивая время вспять.

Непризнанный писатель привык к беспредельному ожиданию «своего часа». Что ещё можно сделать, чтобы выиграть у вечности? Время вымоет хвалу и хулу, премии, тиражи, рейтинги..., как сваи старого моста. И он рухнет в реку. А вода подхватит и понесёт вдаль, за горизонт — к морю — лёгкие непотопляемые щепы слов о любви и смерти. Ничто их не догонит. Жаль, нас уже не будет в том времени. У нас есть только это. Время непризнания. Мучительное восхождение в гору, вершины которой не видно за облаками и не суждено достичь. Ждать и бежать за мечтой, зная, что момент покоя, когда страх смерти и жажда головокружительной высоты замолчат и отпустят, не наступит, пока жива. Покой—не от мира сего. На вершине горы нет воздуха, там нельзя строить жилые дома.

«Всякий несёт свой крест, — повторяла мама, — и чем больше дано, тем труднее нести». Жизнь — путь на Голгофу? «Зато после тебя хоть что-то останется», — говорила.

— Книга Войнич [1], — тут же сострил бы ты.

Людам не нужна чья-то чужая правда и чувства — у них есть свои. Чтобы остаться, нужно писать о тех, кто рядом. Накрыть стол на кухне, сочинить анекдот о соседе. Жизнь — это еда и вино, работа и секс. День и ночь. И любовь.

Да, ты прав. Апокалипсис напоминает девятое марта. Медленное снеготаяние, вой сирен «скорой помощи», потемневшие лилии в мусорном баке. Если целители душ, психиатр и писатель, не способны любить и быть рядом, то мир обречён.

Любовь — это наша природа. Твой отец лечил природу, ты лечишь. Но вы для неё посторонние. Чтобы лечить природу, нужно её понимать. Чтобы её понять, нужно понять себя. Ваша драма — в непонимании самих себя. Я стараюсь понять. Вас. Всех вокруг. Сквозь себя.

— Ты никого, кроме себя-в-персонажах, не полюбила, — возражаешь.

Москва учит быть сильной, но сила — в слабости. Рядом с женщиной мужчина обретает себя, потому что она себя в нём теряет. Я шутила в табачных лавках: «Дайте две пачки с зависимостью». Доля правды в том, что невыносимо по утрам просыпаться рядом с человеком,

который смотрит мои сны и читает мысли. Сердце — ахиллесова пята. На расстоянии легче любить: боль притупляется. Любовь не случайна. Как смерть человек заслуживает рождением, так жизнь — подготовка к встрече.

Из последнего нашего кафе возвращалась домой на такси. Заезжали на автомойку. Посреди зимы искусственный дождь омывал стёкла. Замерзая в машине, мечтала ещё раз обжечься твоей ладонью. Ты всегда был горячим. Снаружи. Внутри мы оба заледенели, и ледяной дождь не кончается.

На заднем сиденье такси я вдруг вспомнила своё рождение: страшно, мокро и холодно, меня заворачивали в клеёнчатую пелёнку мерзкого горчичного цвета... Так всю жизнь и мёрзну, даже летом, и брожу под дождями без зонтика. Язык романов моих горчит. На губах горько от твоих поцелуев наспех. И «Горько!» нам никто не кричит. Мы, как на голую кушетку, брошены в повседневность.

Возвращаясь домой вечерами, иду мимо местного Дома культуры. Из окон всегда слышится музыка. За окнами танцуют пары, молодые, старые и те, о ком говорят «без возраста». Иногда женщина танцует с женщиной. Иногда ребята отплясывают брейк или рок-н-ролл.

Что тянет их туда ежедневно? Что так отчаянно притягивает друг к другу? Явно не жажда большой сцены. Любителям слава не светит. Мечта о второй половинке? Страсть к танцам?

Однажды я простояла под окнами до сумерек. Казалось, музыка, лившаяся из окон, растворяет седую тьму, сдерживает и отодвигает ночь. Яркий луч звука. Медленный танец. Коэн пел: «We are ugly, but we have the music» [2]. Музыка их объединяла, разная, но одна на всех. На день, на миг. Пока на землю не падёт ночь.

Вспомнились возвращения из литературных гостиных в московские офисы. Чувства эмигранта после короткого, как дыхание, пребывания на родине. Жёсткая, острая, бесприютная тоска по родным и близким, которых оставила где-то там, в ночи, с гитарой в руках. Чувства инопланетянина, вынужденного выживать на Земле.

Музыка была их планетой, слова стали моей. Но Вселенная расширяется, мы удаляемся друг от друга, как планеты и звёзды. Каждый год дни становятся чуть короче, солнце холоднее, люди бесчувственнее. Это невозможно зафиксировать или измерить. Но, поверь, это так.

Каждую ночь я курю на балконе и всматриваюсь в провал неба. Ясными ночами зигзаги звёзд образуют непрерывную линию, ткнут бисерное полотно, и я думаю о том, что разгадка — в совпадении точек на плоскости. В прожитых вместе—далеко и близко, порознь и рядом — мгновений. Встреча случается на перекрёстке душ, сотканных из предчувствий и воспоминаний.

Пасмурными ночами небо в тумане. Я смотрю на окна домов и пытаюсь осознать всеобъемлющую любовь Алёши Карамазова. Глаза, где горит свет, и чёрные слепые глазницы. Легко любить человека достойного. Ты подлеца полюби! Легко любить тех, кто похож на тебя, ты других полюби. Сартровский Ад.

Я знаю, что порождает туманы. Вся недосказанность между людьми собирается в тяжёлые дымящиеся облака — и накрывает целые города, топит землю во мгле.

Пропавшие без вести

Пишешь ли ты свой бесконечный рассказ о потерянной экспедиции? Или давно забросил? В наших снах белели поля. Мы бежали за туманом, а туман убегал от нас. И мы никак не могли догнать его, растаять во мгле. Просыпаясь, ты забывал финал. Говорил: он всегда открыт.

Экспедиция не должна быть найдена. Люди ждали помощи, потом отчаялись — и слились с природой. Стали ею. Язычники, почти животные, преступившие все человеческие законы, им некуда возвращаться. Общество их не примет, цивилизация—не для них.

Только сейчас вдруг вспомнила, что встречала твоих заплутавших.

В Москве.

В городе, где миллионы часов показывают разное (либо неточное, либо неправильное) время, где далёкое прошлое выглядывает в будущее из трещин свеженькой штукатурки и щелей-бойниц окрестных стен, никуда не успеть и легко заблудиться.

Они и жили здесь просто так: как дневник писали—не повесть. Писатели ведь разменивают жизнь на слова, в гонке за вечностью упускают своё время. Слова уводят от сути вещей. Слова и есть заблуждения. Согласись, меж словами «потерянный» и «заблудший» разница ощутима: в первом случае тебя ищут, во втором рассказывают анекдот о неуловимом Джо, который никому и не нужен.

Итак, о словах. В обществе LOST POETS (назовём их «пропавшими без вести») все страдали аграфией. Поэты пишут, их стихи читают в журналах и книгах. А художники («artists» именовали себя) выходят за границы страницы. Ещё Рильке задавался вопросом: что же пишет в воздухе другой конец его пера? Провозгласили: поэзия не молитва, а message. Жизнь — performance, а Станиславский родился из кровавых фонтанов Арто, как Афродита из пены морской [3].

«Сумасшедшие, которых ещё не поймали, создают этот мир», — утверждали. И творили его картины из клубов сигаретного дыма в кафе и квартирах.

— Вот артисты! — насмеялись над ними люди.

— Невежды! — парировали они.

Художник, по чьему совету писала прозу, пригласил меня на квартирник в районе Новоспасского монастыря. И отчаяние сменилось надеждой. Редакторы литературных журналов упрекали мои тексты в нехудожественности. Сейчас понимаю, были правы: проза росла из отверженных сценариев, но вряд ли живую плоть можно натянуть на скелет. Всё начинается с чистого листа. А тогда мне казалось, что редакторы апокрифических Евангелий вычеркнули Марию из книги Бытия.

Новоспасский район стал новым спасением. Вскоре я и жить к ним туда переехала. Ночевала в одной из комнат бывших фабричных общаг.

Днями артисты околачивались на Арбате. Говорят, кто не был на Арбате, не видел Москвы. Арбат — километр России, но его никогда не пройти до конца. Будут новые встречи. Открытия. Озарения.

Познакомили с Константином — Спасителем и режиссёром труппы.

Испытав крах иллюзий, романтик становится циником. А в кого может превратиться циник?

Константин продал квартиру и купил лучшие сцены Москвы ради Насти, молоденькой поэтессы. Настя же залетела от поэта-оборванца. Потому что есть расчётливый ум и глупые чувства. Потому что Костя лысый, а у поэта кудри ниже пояса. Потому что мир несправедлив, или наоборот, слишком педантичен по части воздаяний. Потому что есть в последних романтиках что-то невыразимо трагическое, как в пьесах Шекспира и динозаврах. Они будто всю жизнь ищут заколдованное озеро в тайге, прокладывая к нему тропу сквозь бурелом, а когда без сил падают на песчаном берегу, замечают и асфальтовые шоссе, и мосты, и дороги из жёлтого кирпича вокруг. Ничто не ново под луной, ново и болезненно только осознание этого «не ново» каждым отдельно взятым человеком. А иногда смертельно.

Искусство убивает тех, кто им живёт, и всё же в нём больше смысла, нежели в любой другой деятельности. Оно сохраняет иллюзии — как душу в бесчисленных реинкарнациях. И циники становятся философами.

Бродила за артистами с Костей во главе туда-сюда по Арбату, записывая их слова в блокнот, как Левий Матвей за Христом с апостолами.

— Дурак создаёт непознанное, то, чего до него не существовало на свете. И изобретает велосипед. А гений призван разрушить саму систему познания.

Я разгадывала анаграммы: Арбатство — братство. Поэзия — это масонская ложа. Без Тайны жить скучно. Незачем. Жизнь есть поиск. Люди — странники. Арбат — улица Орфеев с гитарой и шапкой нищего-попрошайки у ног.

Мы все голодали.

— Уже не есть, а жрать хочется!

— Ты — раб желудка.

Арбатство—рабство. Без постоянного заработка—постоянный голод. Помимо меню ресторанов, мне вспоминалась прочитанная об античном искусстве книга, где полисы кормили и содержали артели ваятелей Орфеев и Ник. Непревзойдённая за тысячелетия красота! А на голодный желудок сочиняются лишь оды еде и кулинарные книги.

— Но из двадцати Орфеев выживал один, остальные статуи разбивали. Если бы мы сохранили традицию древних греков, то ни Ван Гог, ни Пикассо, ни Малевич бы даже не родились.

— «Я заплатил жизнью за свою работу, и она стоила мне половины моего рассудка» [4]. Сила художника пропорциональна жертве.

— Да, искусство сакрально. Бог умер.

— Чёрный квадрат—икона XX века. Абсолютный свет есть тьма, космос. Земля — дом о четырёх углах. Небо упало на землю. Мы смотрим в глаза пустоте.

— И у нас, двадцать первых, икона — пустой холст?

— Выставляли уже и пустые холсты, и 4,33 минуты тишины играли. Скальп, то есть маску, снимают с лица. Вот будет картина! Сама жизнь на нём расписалась!

Артисты отвергали саму возможность открытия новых уголков реальности как видимой, так и вымышленной. Конвейерная лента бытия: всё проистекает из всего. Мы — отголоски того, что было сказано до нас, ни к чему плодить сущности. Если не способен создать шедевр, преврати себя, свою жизнь в произведение искусства. Каждый шаг — к красоте.

Мы брели по брусчатке Арбата сквозь зимне-весенние дни прямо в лето. У меня в привычку вошло мысленно рисовать всех встречных портреты (не скальп же сдирать на память?). Мужчина на кубе, девочка на шаре. Отчего-то мнилось, что женщины — гибкие, приспособляются, выживают, чаще бывают счастливыми. А мужчины ломаются.

Меня тоже изобразили. Называлась картина «Поэт и Муза». Зеленоглазая девочка руки сложила в молитве, позади неё маячила чёрная тень невидимки, брошенного за пределами холста. Их тени соприкасались, проникали друг в друга, срастались навсегда.

— Найди себе музу, сможешь писать, — объяснили мне смысл полотна.

Я искала. В старых московских домах: нехорошей квартире Булгакова близ Патриарших, доме Бунина на Поварской, Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке. Казалось, они ушли, а музы блуждают по комнатам, неприкаянные, ждут хозяев, верят в вечное возвращение. Слышались голоса, неясные рифмы, скрип пера, стук печатной машинки, стёкол звон, переливы рояля...

Не привиделись, не явились. Зря купила новый блокнот. В нём потом мои друзья пристрастились рисовать друг на друга шаржи. Я ничего не писала. Дни молчали.

Костя меня успокаивал:

— Адам и Ева смысл искали в Раю. Бог открыл ворота и отправил их в мир. Почувствуйте, каково это быть создателями. Что бы ни делал, людям не угодить. Дети обвиняют матерей, художники, писатели всю жизнь гонимы, учёных вообще на кострах сжигали. Только неделание обывателя не вызывает осуждений: они принимают мир таким, как есть, не стремятся его переделать. Так их предки должны были принимать Эдема щедроты...

Мы в блаженном бездействии докатились до ночи, о которой я и хотела тебе рассказать.

Снился кувшин молока. Пар от него поднимался и, как ветер, таил в себе запахи: лесов и полей, звёзд и костра, мяса, приправленного шафраном... Голова закружилась во сне!

Ночью на кухне был пир. Осетрина в молочном соусе, парное мясо с шафраном. Водка, вино, портвейн. И мороженое с тепличной клубникой.

Топталась на пороге кухни, а в желудке болело и пело. Наконец решилась шагнуть в жёлтый квадрат из темноты коридора.

— Мне снился кувшин парного молока, такой запах!

— Прекрасный сон! Млечный путь в чаше земной! Впереди великая ждёт судьба! А пока сядь, поешь, выпей с нами.

— Что празднуем? — тут же освоилась я. Осетринки, вина, и конечно, кусочек мяса с шафраном. И мороженого с клубникой. Всё сразу.

— Первый день лета! — жуя, отвечали. — Из общаги пора выселяться, теперь можно спать на скамейках в парке.

Наполняли бокалы. Гитара, как нимфоманка, обнималась со всеми подряд. Ночь приплясывала и не кончалась. Насытившись, я задумалась, откуда роскошь застолья? Спросить было не у кого, к тому времени уже никто никого не слушал, никто никому не отвечал. Летели на крыльях возвышенных споров. Не догнать.

— Мы язычники!

— «Я — зверь, я — негр. Но я могу быть спасён!» [5]

— Все мы — звери, и не надо никого спасать. Какое из четырёх сознаний, по-твоему, перемещает человека в Рай? Зверей из Рая не изгоняли, значит, инстинкты невинны.

— Но мы — люди. Нельзя жить во власти инстинктов!

Хтонические исчадья хлебали портвейн из горла.

— Почему? Так живут обыватели. Во власти страха. Это героям с детства присуще предчувствие трагедии.

Костя однажды обмолвился, что единственный брат — в больнице, что деньги ему собирает на срочную операцию. Иначе брат до осени не доживёт.

— Экзистенциальное сознание губит. Вера в мифы ли, в Бога спасает от одиночества. Всегда кто-то рядом, как Большой брат, присматривает за тобой, поддержит, поднимет, соломки подстелет, ты не один на дороге. Жизнь безбожника — крайняя степень отчаяния.

— И вседозволенность. Нет никого над нами, значит, сами себе хозяева.

— В этом и суть одиночества. Тянемся вроде друг к другу, но не доверяем. Никому. Всякий способен на подлость и даже убить, — кто-то откликнулся на их спор за спиной.

Я оглянулась. Мысль о том, что Костя взял деньги на операцию брату у матери, крутилась, как ребёнок, вокруг стола, но не мешала нам выпивать и закусывать.

Костя сегодня вернулся из Подмосковья. Мать, наверно, все сбережения с книжки сняла.

— А каким сознанием нужно обладать, чтобы пропить жизнь брата? — стоило бы спросить.

Но не мне. От количества выпитого меня тоже мутило.

Проснулась уже на рассвете. На кухне как будто свора римских патрициев пиновала. Кости, объедки на блюде, стол залит вином, на полу гнусные радуги рвоты, стулья откинули ножки, завалившись на спину. Разноцветные лоскуты скатерти осыпались хлопьями в воздухе, как перья павлинов.

Месяц корчился в форточной раме, сжимался в кольцо. Соломона. И это пройдёт...

Сон мне снился короткий, в полудрёме похмелья: на столе — блюдо в человеческий рост, а на блюде — обглоданный скелет человека. Помню, долго с надрывом тошнило в уборной. Над головой из крана гулко капала вода. Минувшую ночь захотелось сжечь, как черновик, не вспоминать и уж точно о ней не рассказывать.

«С ними жизнь из меня утекает по капле», — саднила в мозгу банальная фраза.

— Что ж, твоя станция—следующая, — сказали мне на прощание.

Позже я нашла работу и переехала в уютную квартирку на Мещанскую улицу на Садовом кольце. Никого из них больше не видела.

В тот вечер артисты продолжили пиновать, а я с моста смотрела реке навстречу. На меня несло будущее, готовое вот-вот свершиться. И впервые мост не дрожал под ночными трамваями.

Жизнь разбилась, как гранёный стакан с портвейном, шарахнутый в гневе об стенку. Но мне грезилось, за мостом в грязных лужах купаются звёзды.

И слова! Толпились в моей голове, наступая друг другу на пятки.

Бог и дьявол — одно существо, двуликий Янус. Всё, что божественно прекрасно и дьявольски безобразно сходится в крайности, в запределье. И оттуда являются первые строки.

Я частенько теперь возвращаюсь летом на Новоспасский мост, на те улицы, гуляю вокруг пруда. Мне мечтается, что...

За мной выбегают вслед из подъезда и кричат в пустоту улицы моё имя. Маргарита-а-аа...

Так наш пёс с лаем выскакивает во двор вслед за какой-то одному ему ведомой белой собакой. И лает, и лает, и лает, будто на призрака. Собака давно пробежала там, но пока не пройдут дожди, её запах останется в воздухе. Так люди уходят, за собой оставляя ароматы воспоминаний. Ароматы тают бесследно.

А сейчас я оглядываюсь через плечо и вижу синюю спину с раскинутыми руками, он спешит поймать меня в воздухе, но бежит от меня. Смотрю на это вполоборота и...

Возвращаться — плохая примета. Я иду своей дальней дорогой — в противоположную сторону. Ноги не слушаются, и кажется, что и по венам течёт какая-то странная — голубая и неживая кровь. И вот-вот остановится. А вокруг красно-каменная Москва, кирпичные раны стен. Фабричные общежития. На балконе кто-то кактус выращивает. И я думаю: «Лето, и лето. Лето — нелепо, не сбывается из года в год. Никогда не сбывается».

«Ты нелепа сама! У тебя вся жизнь протекает вполоборота», — мог бы сказать самый близкий. Но ты далеко.

Ты идёшь своей дальней дорогой, поднимаешь голову на чей-то балкон: ржавые прутья его оплетают лианы. И в убогих домах людям хочется счастья.

Только всё это не про нас.

У меня из нелепостей кроится полотно и шьются одежды романа. И швея уж устала колоть иглой себе пальцы и боли не чувствует.

[1]. Манускрипт, написанный неизвестным автором на неизвестном языке. Алфавит не имеет визуальной схожести ни с одной известной системой письма, текст до сих пор не расшифрован.

[2]. «Мы уродливы, но у нас есть музыка» (Леонард Коэн, «Chelsea Hotel»)

[3]. Антонен Арто – французский режиссёр, драматург и теоретик театра, автор театральной концепции «Театр жестокости». «Кровавый фонтан» – пьеса 1925 года, где на сцене бил фонтан из бычьей крови. Многие его методы использовал в своей системе Константин Сергеевич Станиславский. Большую часть своих работ (в т.ч. «Театр и его двойник») Антонен Арто писал в психиатрических клиниках.

[4]. Винсент Ван Гог. Последнее письмо к брату Тео, 29 июля 1890.

[5]. «Одно лето в Аду». Артю Рембо

СЕРГЕЙ А. КУЗНЕЦОВ

Сергей Андреевич Кузнецов (отчество – не для солидности, а чтоб можно было отличить от всех прочих Сергеев Кузнецовых) родился в Москве в 1952 году. Закончил Биофак МГУ, работал в НИИЭМ им. Н.Ф.Гамалеи АМН СССР. В конце 80-х написал несколько пьес, одна из которых, «...И Аз воздам», с 1990 по 1994 г. шла в Малом театре в Москве. Сейчас этот спектакль можно посмотреть на youtube.

С 1992 года живу в США, работаю в Национальных Институтах Здоровья. Пишу в основном экспериментальные статьи на английском.

Короткие рассказы Сергея Кузнецова различны по настроению – где-то это притча или бурлеск, где-то воспоминание, напоминающее исторический анекдот (поскольку там явно присутствует реальное событие). В наиболее ярких из них автор выступает как хронотоп, выхватывая нас из дня сегодняшнего и вовлекая в пространство довоенных и послевоенных лет СССР. И вот что ценно – сквозь толщу пространства, отделяющую столь разные эпохи, нежнее и печальнее проступают свойства и суть вещей. Добавьте к этому изящный, с грустинкой «еврейский юмор» повествователя...

Татьяна Щеглова

ДВЕНАДЦАТЬ КОРОТКИХ ИСТОРИЙ

Игра в классики

Тёплым летним вечером 1978 года мне случилось возвращаться в Москву от родителей, отдохавших в подмосковном Доме Творчества Писателей «Переделкино». По выходным оттуда отправлялся микроавтобус, развозивший желающих по домам — немалое удобство по тем мало-машинным временам. Набралось нас, пассажиров, всего трое. Первой по праву назову 90-летнюю Мариэтту Шагинян: живой классик советской литературы, она, во время оно, водила дружбу с Маяковским, доподлинно знала историю создания «Тихого Дона», первой, и весьма некстати, откопала документы об еврейских корнях Ленина, и пр., и пр. Увы, был я, что называется, ленив и нелюбопытен, всю дорогу обзирал подмосковные пейзажи, и даже не попытался воспользоваться принудительной близостью соседнего сиденья, чтоб вступить с классиком в контакт. Каковая попытка, впрочем, едва ли увенчалась бы успехом по причине почти полной глухоты писательницы. Вторым пассажиром был прозаик Иван Рахилло, старик лет 70-ти, огромный, с красным лицом и копной совершенно белых волос, бывший лётчик, тоже немало повидавший на своём веку. Бедняга страдал раком гортани, в горле у него была вделана фистула, позволявшая дышать. Третьим был я, молодой и, как выяснилось позднее, более или менее здоровый. Только вот, тремя днями ранее, выписанный из больницы после учинённого надо мной грыжесечения — операции, проводившейся тогда, вспомнить страшно, под местным обезболиванием. Поднимать тяжёлое мне было категорически запрещено.

И вот подъезжаем к дому Шагинян на Красноармейской. Тут старуха впервые удостаивает меня своим вниманием: «Молодой человек, помогите, пожалуйста, вынести мои чемоданы». Я говорю: «Извините, Мариэтта Сергеевна, мне нельзя поднимать тяжести». Она говорит: «Молодой человек, помогите, пожалуйста, вынести мои чемоданы». Я говорю: «Извините, Мариэтта Сергеевна, мне нельзя поднимать». Она: «Молодой человек, помогите, пожалуйста, вынести...». Я: «Извините, Мариэтта Сергеевна, мне...». Рахилло шипит: «Ему, ншш, нельзя...». Шагинян: «Молодой человек, помогите...». Рахилло: «Шшш, нельзя...». Я: «Извините, Мариэтта Сергеевна...». Она: «Молодой человек...». Рахилло шипит...

«Вашу мать!» — это не выдержал шофёр. Вышел через свою дверь и ухватил чемоданы.

Снова о Рахилло

Иван Спиридонович Рахилло имел множество друзей и не дурак был выпить в хорошей компании. Часто поддавали в ресторане Центрального Дома Литераторов, где друзья «деревенщики» взяли моду подшучивать над его необычной фамилией. Невзирая ни на «Ивана», ни на чисто славянскую внешность, они намекали, что бабушку его наверняка звали Рахилью, оттудова и фамилия. Подробности касательно личного отношения Рахилло к евреям остаются за сценой, известно только, что гнусные эти инсинуации на свой собственный счёт он сносил с трудом. В конце концов, будучи, натурально, в подпитии, Рахилло взорвался. И публично доказал свою непричастность к еврейскому племени посредством предъявления факта собственной необрезанности.

Доброхоты, конечно, наступали, и наказание не заставило себя ждать: за развратное, хулиганское поведение, несовместимое с высоким званием коммуниста и советского писателя, Рахилло собрались исключить из партии. Перед самым партсобранием одолеваемые раскаянием собутельники принялись убеждать его пойти на попятный. «Скажи, Ваня, что это была сосиска. Взял, мол, с тарелки сосиску, сунул в штаны и достал. Тоже, конечно, та ещё шуточка, но всёж-таки не разврат! Отделаешься простым, без занесения». Подавленный мрачной перспективой отлучения от родной партии, Рахилло согласно кивал.

На собрании он, действительно, в несвойственной для него стыдливой манере выложил сперва версию о сосиске. Но, когда пошли все по кругу за сосиску эту его распинать, воспитывать, да стыдить, словно щенка, описавшего ковёр, снова взорвался — хоть был на сей раз совершенно трезв. «Да пошли вы все знаете куда! Так и запишите в свой протокол: я показал им х@й, натуральный х@й!» Хлопнул дверью и вышел вон. Поразительно, но после такой эскапады его оставили в партии, всего лишь закатали строгача с занесением. Верно, уважали мужика однопартийцы за простоту и открытость.

Парадокс

Мэтью Коллинз был светлокож, сероглаз и курнос — в какой-нибудь Рязанской глуши вполне сошёл бы за своего, исконного. Однако явился Мэтью на свет в глубинке не Российской, а Американской. Седьмым ребёнком в католической семье, потому как истинным католикам не только что, Господи упаси, аборт сделать, но и предохраняться-то запрещено. Ни разу в жизни не довелось Мэту надеть новые ботинки или, скажем, получить новую игрушку — всё старое и потрёпанное, прошедшее через руки, ноги и плечи старших братьев: вдевтером на одну зарплату не пошикуешь. Зато не пришлось Мэту мучиться, как многим более состоятельным его сверстникам, годами пуская слюни с мерзкими проволочками во рту: ровные белые зубы, показатель достатка и благополучия, обходятся не в одну тысячу. Впрочем, и с неровными зубами Мэт был вполне доволен жизнью; учился он неплохо, а свободное время проводил на баскетбольной площадке, где так наострился по части дриблинга и бросков,

что стал вторым номером в школьной команде. Первым номером и главным бомбардиром был его лучший друг, чернокожий паренёк по имени Вашингтон Вильямс.

Именно Мэт подговорил Воши подать документы в колледж: надо ж когда-нибудь выбираться из нищеты, строить Американскую Мечту! Правда, средний балл у Воши был ниже, чем у Мэта, — да и тот, честно говоря, заработан списыванием у друга, что домашних заданий, что на контрольных. И общественных часов Воши имел поменьше. Но чем чёрт не шутит? Вместе заполняли формы, вместе получали рекомендации учителей, наконец, отослали. К весне пришло решение: Вашингтон принят, Мэтью — нет. Мэт не привык сдаваться без боя: добившись аудиенции с членом Совета колледжа господином О'Райли, потребовал объяснений.

— Ну что же вам, юноша, сказать, — господин О'Райли смотрел прямо в глаза Мэту своими светлыми, честными глазами. — Вы ведь, надеюсь, не считаете, что афроамериканцы ниже или, там, глупее белых?

— Конечно, нет! — возмутился Мэтт. — Я не расист!

— Вот и славненько. Как же тогда вы объясните тот факт, что среди населения нашего штата чернокожих 30%, а среди студентов колледжа — только 10%? Это ведь и есть прямое продолжение расизма, который, стало быть, не совсем ещё у нас изжит. Вот мы и делаем всё возможное, чтоб устранить последствия расизма!

Работа учеником автомеханика пришлось Мэту по душе, он любил копаться в моторах, удивляясь человеческой изобретательности и смекалке. Попутно взялся откладывать доллары на собственную машину — не хотелось брать большой заём, ну а заодно уж стал немного помогать деньгами родителям. Скучал, конечно, по товарищу, как вдруг, перед самым Рождеством, тот появился-не запылится, причём с чемоданом в руке: сперва к другу, потом только — домой.

— Тебя чего, выгнали из колледжа? — встревожился Мэт.

— Как бы не так! — Воши белозубо улыбался. — Выгнать меня невозможно! По своей воле ушёл, в академку. — И тихо пожаловался: тяжело, брат, без тебя, науки достаются!

Воши всё никак не устраивался на работу, зато жизнь с его возвращением пошла куда веселей. Он познакомил Мэта с девочкой-мулаткой, красавицей Танишей. В новой компании покуривали травку, потом появилось кое-что и посерьёзней. Скоро кончились деньги, и тогда Мэт с Воши залезли ночью в аптеку...

На суде друзья искренне каялись и честно делили вину пополам: главаря у них не было, всё задумали и исполнили сообща. Мэт получил 6 лет строгого режима. Воши получил 4 года условно.

— Как же так? — недоумевал Мэт, когда его в последний раз пришёл навестить государственный защитник, господин Шапиро.

— Ну что вам сказать, — господин Шапиро смотрел Мэту прямо в глаза своими честными, тёмными глазами. — Вы ведь, надеюсь, не считаете, что чёрные более склонны к преступлениям, чем белые?

— Конечно, нет! — возмутился Мэтт. — Я ж не расист!

— Ну, вот видите! Ну а как тогда объяснить тот факт, что в нашем штате афроамериканцев 30%, а в тюрьмах — больше 70%? Не совсем ещё изжит у нас расизм, нет, не совсем! Вот суд и делает всё возможное, чтоб устранить последствия расизма!

В тюрьме строгого режима заправляла негритянская мафия. Главари получали с воли мобильники, виски, наркотики, всё, что душа пожелает — этому весьма способствовали их тёплые отношения с чёрными охранниками, служившими в женской половине острога. Прочие заключённые прислуживали и пресмыкались. Увы, шестерить и сносить унижения Мэт совсем не умел... Когда однажды утром его нашли в душевой с перерезанным горлом, расследовать убийство не стали.

Проклятие

— Какие у вас дочери замечательные! — сказал я ВИ, весьма уже пожилой, но всё ещё изящной, и, главное, душевной женщине: приехавши к младшей дочери в Америку погостить, привезла целую кучу посылок из Москвы и теперь целыми днями раздавала их друзьям и знакомым. — Что одна, что другая! И умницы они у вас, и красавицы!

— Эх, Серёжа, — ВИ тяжело вздохнула, — спасибо вам, конечно, на добром слове... но если б вы только знали, какая у них жизнь тяжёлая!

— У кого ж она нынче лёгкая?

— Да нет, я не в банальном смысле. Вы слышали, наверное: у моей младшей дочери единственный сын родился с тяжелейшим дефектом. Несколько раз оперировали, слава Богу, удалось спасти. Только он выздоравливать начал — муж ушёл... У старшей дочери — дочь здорова, и муж на сторону не глядит, но вдруг сам он захворал, серьёзно, неизлечимо... работать не может, на улицу даже не выходит, одна она семью тянет...

— ВИ, очень вам сочувствую. Не знаю уж, чем помочь...

— Ничем тут, Серёженька, не поможешь. Хотите вот, пока АЛ (это муж ВИ) не слышит, раскрою Вам одну тайну? — она оглянулась на дверь, — тогда слушайте. Наш АЛ — прямой потомок Любавичских Ребе, по женской линии. Его предок, Любавичский Ребе по имени Шах, жил и правил в Лядах в первой половине XIX века. И вот, когда был он уже в летах, случилось ужасное: невестка Ребе во сне нечаянно задавила своего первенца. Мальчика, первого внука Ребе. Насмерть! Ребе страшно разгневался и, в гневе своём, проклял её саму и всех её потомков женского пола, на семь поколений вперёд. А мои дочери — только пятое поколение...

— Кошмар какой-то, просто фильм ужасов! И что, сбывается проклятие?

— Ещё как сбывается! У всех женщин, прямых потомков этой его невестки, — которые нашему АЛ тётками приходятся, бабками, прабабками, — у каждой какая-нибудь трагедия: одна сама в юности погибла, у другой ребёнок умер, у третьей муж покалечился, и пр., и пр. (ВИ называла имена и годы жизни, но я, конечно, не запомнил). У всех, без исключения!

На этих словах в комнату ворвался здравомыслящий, боевой АЛ, ветеран войны, а ещё до войны — мастер спорта по гимнастике. Он стал топтать ногами в тёплых тапочках и кричать (вполне, впрочем, благодушно), что всё это глупость, нелепость, и что современным людям верить в эдакую чепуху — просто курам на смех.

Проклятие — 2

Как раз в ту пору я посещал лекции, или, может, семинары, хасидского раввина. Рабби Велвл Белинский, глава русскоязычной общины Балтимора, и по сей день ведёт эти познавательные семинары. Лет тридцати с небольшим, маленький, подвижный, с тёмной курчавой бородкой, он похож на весёлую чёрную птичку, в высшей степени эрудированную и приятную в общении. Непрерывно отпускает всякие разные шуточки, перемежая ими свои серьёзные теологические рассуждения. На вопрос, как ленинградский мальчик из интеллигентной семьи, закончивший физико-техническую спецшколу, сделался хасидским раввином, отвечает: «Шёл, упал, очнулся в гипсе». Помимо Торы, Талмуда, Каббалы, чего там ещё у них положено, рабби свободно владеет четырьмя языками, блестяще знает еврейскую историю, еврейских писателей, еврейских учёных, — кажется, вообще всё, прямо или косвенно к еврейству относящееся. Делу своему предан чрезвычайно: чтоб собрать группу из десяти пост-советских неучей, многие вдвое его старше, ездит каждую среду в Роквилл и обратно, полтора часа в один конец.

Именно рабби Белинскому и поведал я, с позволения ВИ, мрачную, вполне в духе Эдгара По, историю о родовом проклятии. Рабби слушал с большим вниманием, хоть и не без некоторого скептицизма. Потом высказал свои по этому поводу соображения. Ничего подобного

встречать ему раньше не доводилось. Не говоря уж о том, что такого рода проклятия практикуются у хасидов крайне редко. Вдобавок, не было никогда Любавичского Ребе по имени Шах. Да и жили в ту пору Любавичские Ребе уже не в Лядах, а в Любавичах. Впрочем, рабби Белинский заинтересовался этой историей, обещал посмотреть в старых книгах, изучить вопрос.

На следующую лекцию мы пришли вместе с ВИ и АЛ. Рабби Белинский прямо-таки источал приветливость, подробно расспрашивал стариков об их житье-бытье, обо всех подробностях семейного предания. Он уже навёл справки. И вот что оказалось. Жил, и вправду, в Лядах такой Шах, слыл известным цадиком, имел свой «двор». Только был он не Любавичским Ребе, а братом тогдашнего Ребе, сыном предыдущего. В остальном, как ни удивительно, всё сходится в этой тёмной истории о вековом проклятии.

Разобравшись с прошлым, рабби Белинский решительно взялся за будущее. Собственноручно написал специальное письмо, на иврите, разумеется. Письма того я не видел, да и увидел бы — не прочёл. Знаю только, младшая дочь ВИ отправилась с ним в Нью-Йорк. И там, на могиле последнего Любавичского Ребе, изорвала письмо в мелкие клочки, обеспечив доставку послания прямиком в царство мёртвых. Теперь проклятие просто обязательно потерять свою губительную силу.

...С тех пор прошло, наверное, около десяти лет. Чудес не случилось, но, слава Богу, и катастроф дополнительных тоже никаких не произошло. Отпраздновал славное 90-летие АЛ. Окончил колледж внук, вышла замуж внучка, нашла нового мужа младшая дочь...

О малых народностях

Один из жильцов нашего дома по улице Черняховского, известный драматург Исидор Шток, слыл человеком остроумным — как, впрочем, и многие другие жители кооператива, профессиональные остроусловы. Запомнилась одна из его шуток: «Как от Штока до Вайнштока, так от Зака до Бальзака». Тут следует пояснить, что другой наш сосед, Владимир Вайншток, творил в нескольких ипостасях: и режиссёра, и сценариста, а то вообще, за границей, налаживал связи с белой эмиграцией. И много чего успел сотворить (натворить?). Перед войной снял знаменитый фильм «Дети капитана Гранта», а уже в 60-е написал сценарий фильма «Мёртвый сезон». Ленты, что называется, судьбоносной: именно посмотрев этот фильм, с Банионисом в главной роли, шестнадцатилетний Вовка Путин твёрдо решил стать разведчиком... Драматург Авенир Зак обитал в соседнем писательском кооперативе. Одному Бальзаку не повезло: он, насколько мне известно, в писательском доме никогда не проживал.

Но вернёмся к Штоку. История, им поведанная, началась с ошибки стародавней паспортистки. Когда, вскоре после революции, вероисповедание в новых паспортах стали заменять национальностью, Штока, как и всех прочих, должны были, вместо «иудея», записать евреем. Неизвестно, о чём задумалась та давно почившая девушка: об отце-лишенце, о бедовом своём ухажёре, или о заветной картошке, которой обещали отоварить карточки, — только вот отвлеклась она на минутку от своих служебных обязанностей и записала его «индеем». Трудно сейчас поверить, но в ту наивную пору Шток никак не прореагировал на данное обстоятельство, и многие годы проходил с эдакой весьма сомнительной национальностью. Только перед самой войной его призвали, наконец, к ответу: что это за неслыханная нация, даже не индеец, а индей какой-то? «Может, вас в Америку направить? Или прикажете отдельную автономную республику учредить?» «Перепишите на еврея», — умолял перепуганный Исидор. Нельзя, недопустимо, официальный ведь документ, записано ж чёрным по белому: индей. После долгих раздумий и консультаций пошли всё же на компромисс: ничего не перечёркивая, приписали в конце, получилось — индейский еврей. Всем неверующим Шток предъявлял свой паспорт, где, в графе «национальность», действительно, так и значилось: индейский еврей.

Женат был Шток на Александре Кононовой, цыганке, актрисе театра «Ромэн». Национальность своей дочери определял, как «цыгейка».

Другая оплошность паспортистки

Георгий Георгиевич Штайн тоже был драматургом, а ещё раньше — театральным критиком, завлитом в Московском Театре Драмы, у Николая Охлопкова. Несмотря на подозрительную фамилию, к евреям Штайн не принадлежал. По словам этого импозантного сибарита, передвигавшегося исключительно при помощи своей двуцветной, светло-тёмнозелёной «Волги», всегда благоухавшего дорогим табаком с лёгкой примесью коньяка или, реже, водки, — по его словам, родился он эстонцем. В тот же послереволюционный период, когда вероисповедание в паспортах заменяли национальностью, ему, совсем ещё мальчишке, «лютеранина» поменяли на «немца» — какая разница, многие немцы тоже ведь лютеране. И тоже, как ни странно, он не обратил на свою новую национальную принадлежность никакого внимания. Так и не обращал до самой войны, покуда его, как немца, не затеяли выселять в Казахстан. Тогда только Штайн засуетился, откопал кое-какие документы и побежал в отделение милиции. Где был усажен у дверей кабинета ждать.

Бытует мнение, что до войны государственного антисемитизма в СССР не было. Будто бы советские чиновники поднаторели в национальном вопросе лишь к концу войны, вроде как от нацистов нахватались. Однако Штайн клялся, что уже тогда, в 41-м, начальник отделения вышел к нему, ухмыляясь, и заявил: «Значит, так. Решение по вашему вопросу принято следующее: немца будем менять только на еврея». Дальновидный Штайн подумал-подумал — и отказался.

Легкомысленная история с джентльменским концом

— Сочту за честь пригласить прекрасную даму в мою скромную обитель, — сказал Максим, — он всегда так говорил.

Она долго молчала, бесцеремонно оглядывая нового знакомого с головы до пят и обратно. Потом приняла решение.

— К тебе не поеду, двинули лучше ко мне. Только предупреждаю: не ближний свет, от Беляева две остановки на автобусе. Или двадцать минут пешком.

Теперь уж он её изучал, взвешивал в уме. Невысокая, складненькая, загорелая... причёсочка под каре, шустрые карие глазки — чересчур, пожалуй, подведённые... к чему столько макияжа в её 22? 23? В общем, привлекательная девчонка... к себе зовёт — это обнадёживает... Рискнём? Риск был — не возможность бандитской засады, а куда более прозаический: ежели вдруг не обломится, переться потом ночью через всю Москву, не солоно хлебавши... без двух букв... Впрочем, решение было уже принято, с некоторых пор он в подобных случаях не отступал.

— Мариночка, с вами хоть на полуостров Таймыр.

— Притом, учти: портвейна у меня пол-бутылки, и вся любовь. Отоварила позавчера водочные талоны, так припёрся папан и упёр.

— А в моём баре коньячок припасён... и мускат... Может, всё-таки, ко мне?

— Ты извини, правда, к тебе никак. После объясню.

ДорОгой вяло болтали — сперва о работе, потом об отпуске. Должность она занимала какую-то незначительную... типа паспортистки. Отдыхать ездила с подругой в Новый Афон, неделю, как вернулась (только с юга — тоже риск, — флегматично отметил про себя Максим). Загар вот ещё не весь сошёл.

Жила Марина в стандартной блочной пятиэтажке, подъезд был тёмный и не по-хорошему ароматный, на четвёртый этаж подымались пешком. Отперев, впустила его в крошечную прихожую, какие бывают только в однокомнатных малогабаритных квартирах, зажгла бра.

— Сымай шузы и топай на кухню. По-тихому только!

— Чего тишину-то блюдёшь? — это Максим зашептал, несколько встревоженно, минут десять спустя, когда она, наконец, сама появилась на кухне, умытая и в бордовом халатике. — Соседи, что ль? Или кто?

— Не бэ, Максюха, всё путём! — она улыбнулась, потом сказала более серьёзно, — Сынок у меня, вот кто. Звать Костик, пять лет. Маман его уложила и к себе уканала, они рядышком тут.

— А муж где?

— В м...е! Был муж, да сплыл. Всё, кончай базар, начинаем гулять и веселиться. Наливай! К портвейну огурчики солёные, вон бабка с дачи целую банку притаранила. И варенье вишнёвое к чаю.

До чая, впрочем, не дошло. Наскоро распили портвейн и принялись целоваться, долго, ожесточённо, взасос. Распахнулся бордовый халатик... незагорелые части, на фоне загорелых, очень возбуждали... видом своим... и упругостью... и вкусом...

— Хочу тебя, — Максим вдруг охрип, — не могу больше!

— Нечего пристраиваться, не люблю я так, по-скорому. Давай лучше в спальню, там кровать большая, удобная. Пошли!

— А Костик?

— Он, когда разоспится, — пушками не разбудишь!

В этот ответственный момент прервёмся на краткое отступление. Вполне может статься, кое-кому из читателей не терпится уже упрекнуть героев нашей правдивой истории в безнравственности. В противовес подобному мнению, обратим читательское внимание на тот непреклонный факт, что ни лжи, ни корысти не было в их мимолётных отношениях; более того, оба вполне имели в виду ничем другому не навредить. Подкрепим наши наблюдения мнением серьёзного авторитета. «Если уж непременно хотите, то мимолетная связь-страсть может быть и грязная, может быть и чистая», — это ещё в 1915 году писал Инессе Арманд В.И. Ленин, а уж он-то понапрасну не скажет. Вдобавок, Максим, будучи истинным джентльменом, твёрдо придерживался принципа (как мы сейчас увидим, себе же во вред), что за полученное удовольствие надо платить — доставленным удовольствием. Сиречь, прилагал максимум усилий, чтоб не закончить дело прежде своей дамы. Вот и теперь он действовал разнообразно и не покладая... ничего, короче, не покладая... наконец, минут через пятнадцать, или сколько там, будто ток по ней пробежал, она застонала... И тотчас жуткий вопль потряс комнату.

Максим лихорадочно оглянулся. При свете ночника увидел: мальчонка стоит на своей кровати, рот распахнут, слёзы и сопли ручьём, пальчик тычет в их сторону. На мордочке ужас: чужой дядя убивает маму!

— Быстро линяй, быстро! — выскользнув, прошипела Марина.

Он подцепил монетки (носки так и остались на поле боя) и, на ходу натягивая джинсы, выскочил из комнаты. Последнее, что он услышал, уже захлопывая дверь квартиры, было — немного успокоенный, мальчик спрашивает:

— Мам, а почему у дяди такая большая пипа?

Комнаты

Когда моего деда арестовали, обыск в квартире продолжался два дня. Под конец гэбисты взялись печатывать комнаты: собирались опечатать три, оставив маме и её младшему брату Саше одну на двоих. Тогда оправдомша Людмила Николаевна, на обыске выступавшая

понятой, сказала, что не подпишет: по закону не полагается селить разнополых граждан в одну комнату. И те уступили, оставили маме и дяде по маленькой комнатке, а две большие, столовую и кабинет, опечатали.

Потом маму выгнали из «Пионерской Правды» и никуда больше не принимали, и у них с братом кончились деньги. Потом мама познакомилась с отцом, он стал за ней ухаживать, а ей было, куда его пригласить: в свою комнату. У отца уже шла пьеса в Москве, появились деньги, но площади он никакой не имел, спал в комнате со старшими сёстрами. Потом папа с мамой поженились и родили меня, дядя Саша тоже женился, у них родилась Ленка.

А те две комнаты вдруг распечатали и потребовали немедленно освободить, отпустив на всё один день. Кабинет был чуть не до потолка завален книгами, рукописями, письмами. Пришлось срочно вызывать букиниста, он целую ночь провозился, отбирая годное на продажу. Утром приехали макулатурщики, пожилой усатый шофёр и усталая, средних лет женщина, стали складывать бумаги в мешки и сносить в грузовик. Родители помогали, как могли. Гэбист на всех покрикивал, торопил, но шофёр спокойно, без подобострастия, отвечал:

— Не видишь, что ли, женщинам тяжело? Чем кричать, взял бы сам и потаскал.

А в комнаты подселили Граню Литкенса, сына (от первого брака) полковника КГБ, с бабушкой. Полное имя сына — Евграф Сергеевич, специально пишу, чтоб не подумали, будто еврей. Происходили они из латышей. Дед, Евграф Александрович Литкенс, был революционером, большевиком, заместителем наркома просвещения. Именно ему Ленин писал, 17 мая 1921 года: «Если после выхода советской книги её нет в библиотеке, надо, чтобы Вы (и мы) с абсолютной точностью знали, кого посадить». Евграф-старший был дружен с Троцким, поэтому гибель его в 1922 году от бандитской пули можно, пожалуй, посчитать везеньем — в особенности, для членов семьи. Ничто не мешало большевицкому сыну, Сергею Евграфовичу, продолжить дело отца, уже по гэбэшной линии. Служил после войны заместителем министра ГБ Литвы, потом — заместителем начальника УМГБ Воронежской области. В числе прочего, возглавлял депортацию литовцев, руководил расправой над воронежской «Коммунистической партией молодёжи», состоявшей из школьников (об этом — в «Чёрных камнях» А.Жигулина).

У нас в квартире полковник появился только в 1956 году, уже уволенный «по фактам дискредитации» из органов, исключённый (временно) из партии. Не знаю, почему, но мои родители позволяли этому большому, красивому дяде со мною заигрывать — наверное, просто внимания не обращали. А дядя оказался добряком: подарил новенькую военную фуражку. Одну из двух, на выбор: с голубым околышем, гэбэшную, или с малиновым — пехотную, что ли. Я эту историю хорошо запомнил, потому что мне, четырёхлетнему, смертельно хотелось занять обе фуражки, и никак не мог я решиться, какая же из этих чудесных вещей лучше. Выбрал малиновую, носил гордо во дворе с мальчишками (на глаза, правда, съезжала). Потом долгие годы фуражка провалялась на нижней полке стенного шкафа, уже в новой квартире, куда совсем не сгинула.

Наступил 1957 год, мы перебрались в кооперативную квартиру возле метро «Аэропорт». А в нашу комнату поселили Наталью Александровну, одинокую старуху-врача, бывшую дворянку, отсидевшую 18 лет. Мужа её расстреляли, сын погиб в спец-детдоме для детей врагов народа. С Литкенсами она не разговаривала. Если на кухне ей приходилось садиться на стул, освобождённый полковником, — вытирала сперва тряпочкой, приговаривая: «После палача, после палача»...

В конце 60-х дом этот, №10 по Большой Полянке, снесли, нашего уютного дворика тоже не стало. Уже не разберёшь, что теперь на том месте — вроде бы, часть тротуара и ресторан.

Великий и могучий

Как-то раз, решивши, наконец, купить себе новую куртку, занял очередь в кассу. Подходит парочка, обоим лет под 60: жена — как бочка, еле переваливается, и муж, сухонький, словно

щепочка, следом семенит, переставляет маленькие ножки. Она его берёт за руку, ставит позади меня и говорит: «Будешь вот за этим уродом». Открыл было рот, ответить что-нибудь типа: «Я, конечно, не Аполлон, но по сравнению с вами...», нет, «с тобой», разумеется, — тоже ещё интеллигент выискался... нет, ещё лучше так: «Уж с твоей-то харей...» Увы, пока я предавался этим свирепым размышлениям, момент был явно упущен. Пришлось смолчать, сделать вид, будто не понимаю по-русски.

А то ещё в супермаркете, тоже в очереди, уставилась на нас с женой пожилая негритянка, чёрная, словно южное небо в беззвёздную ночь. Ну просто глаз не сводит, минуту смотрит, другую. Хотел уж, было, прокомментировать, помянуть её незлым тихим словом (русским, конечно) — хорошо, что удержался. Ибо, насмотревшись, негритянка широко улыбнулась и заговорила с нами по-русски: как рада она встретить русских, как любит Россию, и пр. Сорок с лишним лет назад тёмнокожая девушка из Африки приехала в Москву, шесть лет проучилась в Институте имени Лумумбы, жила в студенческом общежитии, знает город, как свои пять пальцев...

Умудрённый такого рода опытом, держу теперь свой родной язык за зубами.

Контраст

Друг моего отца, прекрасный поэт Борис Слуцкий, имел несчастье выступить на том печально известном собрании, где исключали Пастернака из Союза Писателей. Отец вспоминал, как Слуцкий вышел на сцену, белее штукатурки, сказал несколько осуждающих слов, и, пошатываясь, — буквально! — сошёл в зал. Потом до конца жизни казнил, не мог себе простить.

А мне сдаётся, напрасно он так уж безутешно терзался. Потому что, — не за «Доктора Живаго», разумеется, и не под эгидой партийных органов, — но, по совести, было за что Пастернака осудить. Еврея, гнушавшегося собственным народом. Полагавшего ошибкой (не знаю уж, Бога или природы) рождение своё евреем. Гениального поэта, нисколько не впечатлительно-страшной гибелью шести миллионов соплеменников, ни строчки им не посвятившего. Попробуйте, коли что не так.

Вот не слишком широко известное стихотворение другого поэта, наполовину еврея, на другую половину — русского, из дворян.

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнёт
Мне чужд, как и твои ученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силён,
И если б не был ты унижен целым светом, —
Иным стремлением согрет и увлечён,
Я б не пришёл к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнёшь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
В те дни, когда одно название «еврей»
В устах толпы звучит как символ отверженья,

Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою, —
Дай скромно встать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою

Эти строки вышли из-под пера Семёна Яковлевича Надсона (1862-1887), мальчика, не дожившего до двадцати пяти. Уровень таланта, конечно, другой. Но насколько порядочнее, насколько благородней! По-моему...

Memento mortuis...

Одно только и остаётся — «роскошь человеческого общения». Вчера снова часа два болтали с Эзрой. Казалось бы, о чём мне, сыну учителя, внуку раввина, доценту Педагогического института, рассуждать с простым кузнецом, необразованным, как дитя природы, к тому же на 22 года меня старше — а в нашу пору и десять лет целую эпоху составляли. Когда говорю «старше», имею, конечно, в виду тамошний год рождения. Здесь-то все мы — молодцы удалые, кому тридцать, кому сорок, а некоторым дамочкам так и по шестнадцать: кто с каким возрастом себя отождествляет. Что касается Эзры — и знаком-то я с ним никогда не был, даже не подозревал о его существовании. А вот поди ж ты, прилепились друг к дружке: вызывают нас всегда вместе, да вроде как и не чужие мы теперь. И вовсе не таким он оказался простачком, как можно было подумать. Пусть у Эзры два класса хедера, и по-русски говорит так, что обхохочешься: путает, например, «дверь» и «зверь», потому что на идиш тоже похоже, «тюр» и «тир». Но смекалки у него, или, говоря по-нынешнему, интеллекта — хоть отбавляй. Мыслит Эзра интуитивно, зачастую прогнозы его — насчёт той, верхней жизни (впрочем, вполне возможно, как раз наоборот, нижней) — так вот, его предсказания сбываются чаще, чем мои собственные. Особенно в вопросах, касающихся евреев и Израиля: он свято чтит Тору, помнит наизусть длинные отрывки, и черпает оттуда свои ответы. Впрочем, у него и впечатления по свежее: он хоть и родился раньше меня, а скончался семью годами позже...

Контроля над нами никакого, общайся вволю, с кем душа пожелает — ежели, конечно, удостоят. Вот хочу поделиться: в позапрошлый приход случилось одно из важнейших событий... чуть не сказал — моей жизни... нет, не жизни, конечно, но всё равно, выдающееся событие! Удостоился аудиенции у самого Льва Николаевича Толстого! Святой человек, всех желающих принимает, в порядке живой, если можно так выразиться, очереди. Ужасно я волновался, намного больше, чем тогда, в Ясной Поляне, когда входил в комнату, под сводами которой писались «Война и Мир», или стоял у дивана, на котором Толстой родился. Но Лев Николаевич так по-доброму меня приветствовал, так ласково успокоил... и проговорили мы с ним всё моё время, покуда не пришла мне пора уходить... не от него уходить — совсем, в чёрный туман... Сам-то Лев Николаевич никогда не уходит, потому что в любой момент кто-нибудь найдётся там, наверху, который о нём думает, его читает. Вступаешь в его пределы, и открывается такая картина: сидит Толстой в серебристо-голубой дымке, словно сам Господь Бог на облаке, с длиннющей белой бородой, весь в морщинах... видимо, сам себя стариком ощущает. Захватывающе интересно побеседовали, много о чём удалось его расспросить, особенно насчёт моей любимой «Крейцеровой сонаты». Потом перешли на вопросы, обоих нас горячо волнующие: воспитание подростков, выбор супруга, выбор профессии. Лев Николаевич интересовался моими научными работами! Господи, какой чести я удостоился! Напоследок рассказал ему, как папу побили в местечке за то, что читал на чердаке «Анну Каренину» по-русски. Лев Николаевич очень смеялся! Ещё заходить приглашал...

К глубокому моему изумлению, очередь к Толстому была не очень долгая. Воистину, иные времена, другие кумиры! Самая длинная очередь стоит к одному... не поверите, гитаристу... мне называли фамилию, Высотский. Но к нему-то как раз новички стремятся, которых здесь тьма-тьмущая, потому что их каждый день пока ещё вспоминают. А нас, старожилов, всё меньше приходит... Некоторые давние мои собеседники по несколько лет уже не показываются... вероятно, дети их, или кто ещё о них думал, сами уж здесь, некому больше вспомнить. Грустно делается, господа... А ещё длиннющие очереди к вождям: кто к Ленину норovit попасть, кто к Сталину. Однако у этих приёма удостоиться — дело нелёгкое. Ленин, — тот,

говорят, одних только членов партии принимает, у кого стаж больше — вперёд идёт. У Сталина интересы пошире... ну да мне с ним толковать не о чем... Мне и того хватило, что недавно, совершенно случайно, столкнулся со своим следователем... который в 1948-м ещё допрашивал... незадолго до того, как я... как меня... нет, не буду об этом, больно...

Лучше уж о весёлом, у нас тут такое случается, животики надорвёшь. Недавно, например, явился в шкарах один, кроманьонец. Бегаёт со своим копьём, ото всех шарахается, по углам прячется, ни расспросить, ни объяснить ничего — невозможно. Кто, откуда? Долго выясняли, наконец, выяснили. Раскапывали в Тюрингии одну пещеру, откопали кремниевые орудия. В музей поместили, честь честью. Посетитель к витрине подходит, наконецниками этими любуется и думает: «Что за человек такое смастерил?» И вызывает этого кроманьонца, и топчется тот, бедолага, среди нас безо всякого толку. Хорошо, этот лучший мир не без добрых людей: отыскали другого такого — из Китая, правда, и лет на тысячу помоложе. Но что значат, по тем временам, одна тысяча лет или пять тысяч вёрст? — общаются теперь всюю, не знаю уж, на каком диалекте... один от другого не отходит.

Ну, заговорился... А ведь нам с Эзрой выходить скоро! В Бостоне вечер наступает, пора, стало быть, нашему внуку за стол садиться. Андрюшенька наш любимый, доченьки моей и Эзриного сына сынок... после меня уже дети встретились. Мальчик он добрый... это ничего, что за обедом — по три рюмки. Конечно, еврейское ли дело — каждый день водку? Зато первой рюмкой непременно предков покойных помянет, меня с Эзрой, и Фанечку с Рахилью. Это вроде ритуала у него, Эзра говорит — вместо молитвы! Вот мы все и выходим... Супруга Андрюшеньку пилит, чтоб он вредную привычку бросал и навсегда с алкоголем заканчивал. Так-то оно так, трезвым лучше нашему мальчику, здоровее... только мы с Эзрой гадаем: часто ль он тогда о нас вспомнит? Ну что ж... что ж... раньше ли, позже, а уходить нам всем в чёрный туман... уже без возврата...

«Возлюби своих ближних и дальних»

Владимира Потапова

Книга, написанная с добрым, открытым **СЕРДЦЕМ**.

Книга о сострадании, о любви.

О людях, хороших и не очень.

О собаках. Хороших, поскольку

плохих собак просто **НЕ БЫВАЕТ**.

ЛИТЕРАТУРНОЕ **zaza** ИЗДАТЕЛЬСТВО
VERLAG

Евгения «Джен» Баранова

Поэт, прозаик, журналист. Родилась 26 марта 1987 года. Родной город — Ялта. Финалист Илья-премии'2006. Вторая премия на Международном поэтическом конкурсе «Серебряный стрелец» 2008. Третья премия международного литературного конкурса «Согласование времен» 2010 (поэзия). Вторая премия Международного конкурса короткой прозы «СТОСЛОВИЕ» 2010. Дипломант Международного поэтического конкурса «Лужарская Долночь» 2013. Лауреат Международной поэтической премии им. Игоря Царева'2014. Произведения публиковали «Контрабанда», «Ликбез», «Журнал Поэтов», «Новая реальность», «Лампа и дымоход», «Литература», «Дети Ра», «Южное сияние», «45-параллель», «Гостиная», «Пролог», Edita (Германия), «Окно» (Ирландия) и так далее. Участник «Киевских Лавров» 2009, 2013. Участник 19-го Международного Форума Издателей во Львове. Судья Международных поэтических конкурсов «45 калибр», «Провинция у моря». Член ЮРСП.

Таких строчек всегда хочется больше. Хочется Авторского чувствования, которое вскрывает «жизнь отмычкой свежесвыструганных слов...» Рождение образов и восприятия мира через призму переливов колокольчиков, их нежного звона откуда-то с Другой стороны. Нежность присутствует в стихах. Как Евгении «Джен» Барановой удаётся сочетать подвечно эту нежность, боль и тихую грусть — для меня остаётся загадкой.

Ирина Жураковская

Посвящение себе

Если случится что-то, жалуйся никому.
Только никто согреет, заново соберет.
Это простая сага, это простор Бермуд.
Лишь бы не треугольник, лишь бы не переплет
красный в чернильных пятнах (в классиках, а живой).
Плохонькая овчинка — вишь, как душа дрожит.
Если случится что-то, просто играй отбой.
Все-таки много лучше, чем журавель во щи.
Все-таки много лучше, чем собирать долги,
каяться на ступеньках, слезы давить во рту.
Ты же писатель, Женя! Если случится — жги:
рукопись, письма, тело или саму Москву.

Танки

Танки ритмично идут на танки.
Ты существуешь, пока не жмет.
Время закончилось тем, что Анка
не активизирует пулемет.
Лимерик лучше — Молчать и съездить:

джига,
католики,
рык ИРА —
чем добивать в нежилом подъезде
парня, знакомого со вчера.
Море малины. Души ни склянки.
Штопает небо война-игла.
Танки ритмично ползут на танки.
Сколько осталось еще камлать?
Где же для друга найти землицы?
Кто отражается в днях пустых?
Танки. Дыхание. Смерть. Пшеница.
Линия крови от сих до сих.

Гончарова — Пушкину

Улыбался, таял понемногу,
растворялся в собственных глазах.
Говорил, что страх — моя дорога,
а моя дорога — это страх.

Целовал и линии, и кольца,
в сердце многоточие держал.
Погибал веселым добровольцем,
ударялся телом о металл.

Жить да жить. Лишь чайки-оборванцы.
Жить да жить. Лишь соли корабли.
Почему ты раньше не признался?
Почему мы раньше не пришли?

Некрасивый, призрачный, нестойкий,
как друзей прижизненный овал.
Улыбался, таял потихоньку
и совсем неслышно умирал.

Свёкла

Зачем это время выбрало нас?
Зачем это время, а, впрочем, снег
ложится на бочку с рисунком «Квас»,
на плотных детишек, на двор, на век.

И темные тени разят плотвой,
и жители спят, притаив пятак,
и повар с резиновой головой
трет красную свёклу (свеклу, буряк).

Свекольная кровь протекает сквозь.
Так страшно дышать, тяжело уснуть.

Зачем это время, в ботинке гвоздь,
отсутствие света, любви, минут.

Где дом с колокольцем? альпийский луг?
молочные реки? кисельный мир?
И жители спят, притаив испуг,
в сиреневых складках своих квартир.

Ходасевичу

Где я? где я? где я? где я?
Кто из этих — точно я?
Диктофон, афиша, плеер,
Мила, Машенька, Илья?

Где та девочка-лисичка
(не боли, болиголов),
что вскрывала жизнь отмычкой
свежевыструганных слов,

четко мерила и знала,
где вершок, а где аршин?
Почему-то стало малым
то, что виделось большим.

Затерялось в панораме,
скрылось Чеховым в саду.
Где же Женя, та, что к маме
шла с пятеркой по труду?

Живаго

Я знаю о боли больше, чем собиралась.
И если считать светилом луну-усталость,
то я понимаю, что значит стоять у цели,
ее ненавидя, точнее, ее бесценя.

Я знаю, что люди, как правило, переменны,
что жизнь составляет лишний поток Вселенной.
Никто не спасется (...делам его коемуждо) –
и в этом побольше искренности, чем в дружбе.

За прошлую зиму я застудила что-то.
По нежным посевам замерзшая шла пехота.
Взлетали, сбивали, плакали и горели –
музей преполнялся эскизами Церетели.

И каждая вера, лишь перед тем как сгинуть,
об острые взгляды больно колола спину.
И в темном окошке дымно свеча горела.
Я знаю о боли, я ее не хотела.

ИГОРЬ КИЧАПОВ

Живу в Москве.

А родился я почему-то в городе Невельске, что на Сахалине. Наверное, потому, что там тогда жили мои родители, а может, тяга к странствиям и к Северу уже тогда во мне стучалась? Потом в возрасте почти года меня имплантировали на Чукотку. Там началась великая комсомольская стройка, и мы на семейном совете решили: ехать! Мой голос был решающим, поскольку я громко орал и мочил пеленки. Видимо, эти аргументы и перевесили... Раннее детство проходило весело: мороз, маленькие чукчи вместо игрушек. Садики там еще не было, поэтому в школу отдали с шести лет — как в камеру хранения. Учился я, да не успевал учиться — слишком много интересного было вокруг, хотя по отметкам лидировал. Школ поменял много: Украина, Волгоград, Москва, Владик... Потом еще поучился, но высшего образования так и не достиг. Служба в армии на китайской границе, и всю жизнь — Работа. Был водителем, пожарным, бульдозеристом, вездеходчиком, помбуром. Хотел в космос, да не успел. Дело жизни — поиск и сдача металла. Естественно, не черного, за что в свое время посмотрел на жизнь из-за другой стороны забора. Урока, впрочем, хватило. Долго жил в Магадане. Может, и писать начал потому, что там зимы длинные))).

Динамичная и напряжённая проза этого автора заставляет вспомнить знаменитое «саспенс» А.Хичкока. В обоих рассказах «колымского» цикла читатель безотрывно всматривается в бурное течение жизни персонажей повествования. Мистическая нота в этих коротких рассказах придаёт им ещё большую объёмность и драматизм.

И повествование о современной украинской трагедии вряд ли оставит кого-нибудь равнодушным.

Читая И.Кичапова вспоминается не только Дж.Лондон с его Клондайкским циклом, но и Э.Хемингуэй с его очерками о гражданской войне в Испании, и даже «Колымские рассказы» В.Шаламова, благодаря месту действия...

И ещё, о самом писателе. Когда-то в своих «Заметках о «новой прозе» В.Т.Шаламов писал, что только бывалые, много испытавшие на своём веку, люди могут писать прозу. Когда я читала рассказы Кичапова я постоянно вспоминала об этом шаламовском постулате.

Инна Иохвидович

ВОЛОДЬКИН ФАРТ

Нежаркий летний день близился к завершению. Уже явственно чувствовалось приближение ночи, с реки потянуло холодком.

— Ну что, Корнет, спать сегодня будем? — спросил старый таежник Шип у орудующего лотком дружка.

— Ну да, на сегодня хватит. Не прет нам что-то. Сколько уже бьем этот ручей, а намыли с гулькин смех!

В поиске Шип, Корнет и Зяма (так и буду их называть по привычке) были уже третью неделю. Зяма был самым молодым из них. Верховодил Шип. Была у Шипа одна давняя задумка: пройти по ручью, протекающему практически в черте поселка. Это был старый, еще со сталинских времен прииск. Золото на нем когда-то было не просто хорошее, а очень хорошее. На том месте, где раньше стояла ШОУ (шлихообогатительная установка), местные детишки до сих пор тренировались с лотками, иногда принося домой что-нибудь. Население, включая участкового, смотрело на эти шалости сквозь пальцы: «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не курило».

А Шип, старый, побитый жизнью и ментами «хищник», в принципе, уже собирался на покой. Как и у большинства таких же романтиков кирки, лопаты и лотка, накоплений особых у него не было, рабочего стажа тоже. Да и дома и семьи, по большому счету, тоже не нажил. Так и жил, как карта ляжет. Мимолетную удачу как-то быстро растаскивали сразу обретаемые в случаях хорошего фарта друзья и подруги. А самому вроде много и не надо — пережить зиму, а весной снова в погоню за золотым хвостом...

И вот неожиданно этой зимой Шип получил письмо. Очень удивился, так как письма в его жизни случались крайне редко. Родителей нет в живых. Связь с остальной родней потеряна давно, еще во время его отсидок по тюрьмам, когда немногочисленная родня постаралась сама затеряться во времени. И вот тут такое неожиданное письмо. На конверте написано, что вроде ему. Правда, без адреса, просто указаны имя, фамилия и название поселка. Но это не удивительно, что дошло, поскольку здесь все всех знали.

Покрутил Шип конверт в руках. Фамилия отправителя смутно знакома, но, ни о чем конкретном она не говорила. Когда вскрыл конверт, то пришлось невозмутимому бродяге еще раз удивиться. Писал его двоюродный брат. Шип помнил его где-то по времени средней школы. После они никогда не виделись, потому что их семьи как-то то ли разъехались, то ли просто разошлись. Но Серегу Птицу (по фамилии Птицын) он, конечно же, помнил. Тот был года на два моложе, но дружить им когда-то это не мешало. Все ж таки родня. А мать Сереги — родная сестра отца Шипа.

Ну вот... В этом письме Сергей писал, как узнал от кого-то из знакомых, в каком примерно районе Шип обретается. Спрашивал, как дела, и рассказывал немного о себе. Жизнь сложилась у него не очень весело. Остался он вдовцом с двумя детьми. Мальчик и девочка, двенадцати и пятнадцати лет. Жена умерла. Живут они в совхозе под Саратовом. Есть дом, небольшой участок, но из родни рядом никого. Вот Сергей и подумал: может, брат в гости придет? А если хочет, то и насовсем, места у них много. Если жить вместе не понравится, то можно недорого купить там хороший домик, по соседству. Читая это, Шип хмыкнул: «Гости, бля...».

Да он уже и забыл, когда последний раз на материк выезжал. По фарту добирался иногда до Якутска или Магадана, там деньги удивительно быстро заканчивались, и он возвращался опять в поселок. А тут в такую даль, да еще насовсем, да еще свой домик. Но строчки письма зацепили. Долгими зимними ночами ему думалось обо всем этом.

В одну из таких ночей Шипу приснился сон. Будто идет он откуда-то с чемоданом, под мышкой у него большой плюшевый медведь. А навстречу ему с радостным визгом бегут дети — девочка и мальчик. И так вокруг все солнечно, радостно, ярко...

Проснувшись, Шип долго не мог унять бешено колотившегося сердца. Курил, думал... На удивление, этот сон стал повторяться часто. Причем с каждым разом в нем появлялось все больше деталей: домик в тени густых зеленых деревьев, тропинка, уводящая куда-то далеко. И даже лицо брата Сергея проступало как-то смутно на фоне всего этого.

Примерно через месяц Шип сел писать ответ. Начал он лихо: «Здорово, братан Серега и дети! Получил твое письмо, вот пишу в ответ...». И все. Как заклинило. Что писать? О чем? О тюрьмах, о дурной удаче, о погоне за фартом? О том, что в тайге боишься каждого куста, потому что за ним могут быть менты или такие «хищники», что присмотрели уже фартового мужичка и сейчас аккуратно подводят мушку карабина ему под лопатку?

Долго и трудно писалось его письмо. Да и не мастак был Шип писать. Разве только «с моих слов записано верно и мною прочитано». Так это уж наизусть зналось и без запинок выходило.

Письмо его получилось, может быть, не очень красивым и грамотным. Писал Шип о том, что живет и работает на Севере, что против домика в деревне ничего не имеет. Вот только годик подождать надо до пенсии, а там и дальше думать можно.

На счастье, у него была одна неплохая фотография, он сам не знает, как завалылась. Это когда-то в поездке в тот самый Магадан зашли они с приятелем в фотоателье. Со смехом и прибаутками сфотались в только что купленных новых чешских костюмах (по тем временам «Brooks Brothers» отдыхает). Красавцы, не успевшие пропить здоровый таежный загар. Мастеру было уплачено через край, и уже на обратном пути из каких-то там гостей фото были готовы. Полюбовались, посмеялись. Сунул Шип карточки в карман, да там до самого возвращения в поселок и протаскал. И вот теперь как пригодилось. Отправил он ответ и стал ждать...

Состояние для него новое, непривычное, поэтому, малость помаявшись, он пошел к тете Соне за кредитом. Та снабжала доверенных лиц спиртным в любое время и в любом количестве. Знала, что отдадут десятикратно, и даже в случае несчастья за погибшего товарища всегда вернут долг. Такая вот местная касса взаимопомощи. Звали ее, конечно, не Соня, это уже здесь переделали. А два ее сына, Батыр и Ахмад, жили за счет скупки золота. Денег у Шипа оставалось уже совсем немного. Было чуть металла, но сдавать его решил по весне, на экипировку. И в этот раз тетя Соня, конечно, выручила.

Пил угрюмо, один. Но это не помогало заглушить тягость ожидания. Ждал ответа, и было такое чувство, что от этого письма зависело, зря ли он прожил свою жизнь или еще можно что-то успеть. Сон тот не уходил. Напротив, чем больше он старался не думать о нем, тем более ярким и содержательным становилось видение.

Шип стал сам заходить на почту, чего раньше за ним не водилось. Корреспонденцию приносили в поселок два раза в неделю. Приняв стакашку для храбрости, Шип шел в отделение почтовой связи. Стоял рядом с прилавком, листал газеты, читал плакаты, делая вид, что просто так зашел. Почтальон, поймав его взгляд, отрицательно мотала головой и сочувственно улыбалась. Шип, купив «Известия», опять молча шел домой и сильно напивался. Так и шло это, два раза в неделю...

И однажды это случилось. В один из вторников Шип, только войдя в помещение, услышал: — Владимир Григорьевич, вам письмо!

Сначала он и не сообразил, кому это так радостно кричит почтальон. Отвык от собственного имени отчества, поскольку никто не называл его так. Шип да Шип. Официальное обращение сулило лишь неприятности. А тут ему протягивали конверт. Даже в горле перехватило, и вроде как слеза наплыла. Шип взял письмо, посмотрел... От брата.

— Спасибо, хозяйюшка! Брат пишет! — зачем-то слишком громко сказал он и вышел на крыльцо.

«А ведь скоро Новый год, чуть больше двух недель осталось...», — крутилось в голове.

Придя домой, он с трудом сдерживал себя, поставил чайник, достал очередную бутылку водки, открыл ее, но, подумав, отставил. И разорвал конверт. Из него сразу же выпали три фотографии. Шип жадно всмотрелся в незнакомые лица. Брата можно было узнать, а вот

дети.... Одно фото было сделано, наверное, специально для него в фотоателье. «Небось, в рай-он ездили», — даже как-то удовлетворенно отметил про себя Шип.

Сергей в костюме, рядом принаряженные парень и девчонка. Лица напряженные, перепуганные, скованно все. Но такие уж тогда делали фотопортреты. И еще два снимка любительской камерой: хохочущая девчужка, в огороде, и Сергей с сыном, возле мотоцикла. Странно, но лица детей были оттуда, из сна. Даже конопушки на лице хохотушки Шип уже видел. Вот именно они, эти дети, бежали ему навстречу. Ни в какие вещие сны Шип, конечно не верил. Жизнь научила. Но к этому сну он уже привык.

Письмо тоже было хорошее. Сергей радовался, что брат жив-здоров. Конечно, северная пенсия — это святое. Он все понимает, и брата будет ждать. Была также приписка от детей: «Здравствуйте, дядя Вова! Приезжайте к нам...». Ну и дальше о том, что хорошо учатся, что будут его любить. Шип читал и почему-то плакал. Пил крепкий чай и снова читал. Рассматривал фото. Сразу же сел писать ответ, но не получалось. Не было нужных слов. Потом, уже утром, он дошел до Корнета. Тот жил с семьей и поэтому деньги у него водились. Попросил занять ему до лета пару тысяч. Зная Шипа, Корнет молча взял сберкнижку, и они пошли в отделение сберкасс

— Три давай, — подумав на подходе к окошку кассы, сказал Шип.

— А что стряслось, братан? — ошалело спросил Корнет. — Попал где?

— Да нет, родным на праздник отправить хочу.

— Во! — хлопнул Шипа по плечу с размаха дружок. — А я и не знал, что у тебя кто-то есть! Думал, один ты. Канеш! Святое дело — Новый год на носу. Держи! — он протянул Шипу три пачки десятирублевков (для юных: тогда это были серьезные банкноты, а не мелочь, как теперь)

Уже в пятницу Шип отправил брату перевод на две с половиной тысячи, написав в письме, что это на подарки. Сразу за все годы. Потом от брата пришел ответ. Писали, что рады, что не стоило, что не из-за денег. В общем, обычные в таком случае слова. Правда, девочка Света написала, что у нее теперь красивое новое пальто и сапоги.

Письма стали приходиться чаще, уже с детскими историями, рисунками. Так прошла зима. Весной Шип написал, что уходит на последнее лето в артель и с перепиской будет трудно. А осенью, если все будет хорошо, пусть ждут в гости.

Сам он решил попробовать тот самый «домашний» ручей. Вроде и хожен-перехожен, перерыт весь, а что-то в нем тянуло Шипа к себе. Поговорив с Корнетом, объяснил ему свою задумку. Тот, в общем-то, и не сопротивлялся: немного золота на ручье, можно взять всегда. В большой куш он не очень верил, но, все же, собираясь в поле, еще предложил кандидатуру Зямы. Пацан местный, молодой, только из армии, и вроде уже хочет себя попробовать в деле. Шип Зяму не знал особо, но и возражений не имел: крепкий напарник в их деле всегда пригодится.

— Лишь бы тьяма была в голове да языком не щелкал. Но это уже, Корнет, твои проблемы, — только и сказал Шип.

Собрались, пошли. И вот уже почти три недели как отработывали этот ручей. Поначалу вроде немного пошло, потом почти перестало. Лишь мелочь — крупинки в каждом лотке, а рабочего содержания не было. Корнет с Зямой порой убегали на ночь в поселок. Вот и теперь, уйдя вчера вечером, Зяма так и не вернулся. Молодой еще, гуляет.

— Шип, а мож, и я на ночку сгоняю, свою потискаю? — спросил ближе к вечеру Корнет. — Я-то утром буду как штык. Ты же знаешь...

— Ну да... И много ли толку от тебя полусонного? Хотя... Вали! — махнул старшей рукой. — Фарта пока особого нет, а я тогда с утречка пробегусь в стороны, ведь должно же оно где-то здесь быть. Я чувствую!

— Ну, спасибо, братан! Тогда до завтра! — обрадовался Корнет и шустро пошагал вдоль ручья.

Шип остался один. Закурил, глядя на ручеек. Вот держало его какое-то даже не шестое, а неведомое чувство. Верил он и в это лето, и в этот ручей. Да и, по совести сказать, это была последняя его возможность что-то изменить в судьбе.

Искусанное комарами лицо и натруженные за день руки обдувал теплый ветерок. «Тихо-то как», — подумал Шип и огляделся вокруг. Солнце уже не грело так жарко, как днем. Набежавшие облака закатывали огненный диск за сопку, а он последними лучами цеплялся за верхушки лиственниц и берез. Вот уже и ручеек потемнел, и вода, казалось, в нем потекла медленнее, и звенеть струя стала как-то глуше, перекатываясь с камня на камень.

— Надо же, цветы! Сколько дней здесь топчемся, а только сейчас увидел, — удивился Шип, глядя на полярные маки, росшие почти у его ног. Желтые, оранжевые кустики кланялись под ветерком. К одному цветку подлетел шмель, толстый, мохнатенький, черный, в ярко-желтую полоску. Деловито жужжа, уселся на цветок и замолчал. Занялся своим шмелиным ужином.

«Тоже ведь животины», — усмехнулся про себя Шип. Он встал, потянулся, размял уставшие ноги и решил: пора спать. Завтра хотелось встать рано, до прихода пацанов.

Потом он все же долго ворочался в спальнике, вдыхал дым костра. Уснул незаметно, под гул комарья.

И вот тут опять этот сон. Только девочка теперь была на берегу ручья, в тайге, стояла на каком-то холмике, заросшем травой, и показывала Шипу на торчащую рядом большую корягу. Шип мучительно, даже во сне, пытался узнать, запомнить, где-то он уже это видел. Девочка махнула на прощанье рукой, звонко засмеялась и, тряхнув косичками, растаяла в утреннем тумане.... Проснувшись с тяжелой головой и чифирнув по многолетней привычке, Шип взял кирку, лоток и побрел вверх по ручью. По дороге он несколько раз лениво ковырял борта, пробовал целину. Но что-то упрямо толкало его вперед.

И вот, зайдя за очередной поворот, он увидел тот самый поворот ручья, холмик на той стороне и корягу, нелепо торчащую сбоку. Не может быть! Шип оторопел. Ноги не шли. Сел и закурил свою извечную «беломорину». Он даже и не думал ни о чем, он просто смотрел на этот невзрачный холмик. На что же это похоже? А ведь, пожалуй, это большой отвал. То ли от бульдозера, то ли тачками сюда свозили породу. Скорее всего, и прибор, либо «проходнушка», были где-то рядом. Но это ведь когда было-то? Сколько же народу прошло мимо за все эти годы? И геологи, и старатели, и вольные стрелки. Все мимо!

Бросив рассуждать, Шип перескочил на ту сторону ручья. Подойдя к насыпи, он почему-то сразу схватился за эту корягу. Стал расшатывать ее, подкапывал слегка, потом потянул, потолкал. Боролся с ней до шума в ушах, до изнеможения. И все же победил. Оттащив ее в сторону, Шип прямо без «бутарки», руками, нагреб в лоток грунт и, тяжело переваливаясь, понес его к воде. Уже сбросив первую тяжелую взвесь, он понял: Есть! Есть оно! Такое желанное и проклятое!

Днище лотка ровным слоем покрывал невзрачный желтоватый налет. «Грамм пятнадцать-двадцать», — привычно, на глаз, прикинул Шип. Тяжело выдохнул и сел прямо в ручей. Нашел! В старом отвале!

Такое изредка, но случается. Когда идет хорошее золото, к прибору поближе стараются переместить побольше золотосодержащего грунта. А так как зимы на Колыме бывают довольно суровы, а заморозки порой падают сразу, и иногда неожиданно, то вода замерзает и — все. Промсезон заканчивается. На следующее лето артель может уйти в другое место, или еще какая беда случится, но этот заготовленный грунт оказывается забытым. И вот если не заметят его вездесущие геологи-опробовальщики или хитрые «преды», разъезжающие по полигонам на мощных «Уралах», то такой вот брошенный отвал — просто счастье для «хищника».

— Спасибо, Светланка! — Шип засмеялся хрипло, задыхаясь и кашляя.

Потом спохватился, вскочил, озираясь по сторонам, примостил корягу на место и, не смыв лотка, быстро пошел на стоянку. Ребят еще не было. Смыв и выпарив металл, Шип ссыпал добычу в тубу от валидола — самая удобная и надежная тара для не крупного золота. Полная

такая баночка весила более ста грамм. А здесь все же, пожалуй, и почти тридцать будет. И это с одного-то лотка!

На месте старателю уже не сиделось. Хотелось быть там, рядом с корягой! Он собрал свои вещи, навьючив на себя тюки, потащил их к новому месту. Обернулся за час. Когда вернулся, на старой стоянке уже ждали Корнет с Зямой. Оба непонимающе пялились на Шипа.

— Чё вылупились? Снимайте палатку, собирайте шмотье! Я, что ли, за вас ишачить буду? — прикрикнул Шип, с трудом пряча радостную улыбку.

— А что, батя, — так иногда называл его Корнет, — переезжаем?

— Да, Корнюша, присмотрел я местечко. Давайте мухой все, время дорого! Потом расскажу. Сматываемся отсюда! — Но все ж не утерпел и мельком шепнул Корнету: — Вроде нашел...

Шип помог собирать нехитрый скарб дружков. Сам он сделал еще только одну ходку. Потом поставил палатку, выбрав место поближе к тому заветному отвалу. Но все-же на ту сторону пока не ходил. Пацаны шустро сбегали еще пару раз, и все. Новый бивак готов. Молодежь села возле костра и выжидательно уставилась на Шипа.

— Значит так, пацаны, похоже, я нашел не промытый отвал. Только, парни, все должно быть по-тихой, молча! Ясно?

— Да ты чё, Шип? — возмутился Корнет. — А то я не знаю! Зяма, это фарт! Его не пугают, таков закон! Понял? — повернулся Корнет к новичку.

— А что случилось, мужики? — до того еще не дошла суть происходящего.

— А вот сейчас и посмотрим, что случилось, — Шип кивнул Корнету: — Пошли! — взял кайло, лоток, пошел к коряге. Оттащив ее в сторону, старатели быстро накидали на волокушу (кусок грубого брезента) кучку грунта и в два лотка стали отмывать.

— Е...прст! — аж взвизгнул Корнет, когда отмыл лоток. И заработал с утроенным азартом.

В общем, за месяц они перемыли всю эту кучу. Получилось, по прикидкам Шипа, более четырех кило. Это была невероятная удача. Можно было бы мыть еще, но Шипа уже охватил мандраж нетерпения. Он хотел скорее сдать добычу.

Металл тогда стоил у местных «ингушбарыг» по тридцатнику, а в городе можно было продать в три раза дороже. Доли старателей оговорены были с самого начала. Шип получал порядка двух кило, пацанам же оставалось по килушнику, может поболее, точное взвешивание покажет.

— Шип, так ты чё, в натуре, валишь? Можно же еще порыть, идет пока металл. Не так чтобы очень, но идет ведь, — вопрошал Корнет.

— Ребята, я своё взял. Хотите — мойте, а меня там ждут детишки.

— Да откуда у тебя детишки, ты и по бабам-то не ходок? — юморнул Корнет.

— Завянь, а то в грызло дам! Сказал, мне хватит. Значит — все. Идем вечером в поселок, взвешиваемся, делимся и разбегаемся. Хотите — мойте дальше, только смотрите, чтоб не спалились. Ну, да ты в курсах, — он глянул на Корнета, и тому возражать уже не захотелось. — Отдыхаем, и по холодку домой. Все! — поставил точку Шип. Потом, подумав, все ж добавил: — Я Сониным пацанам сдавать металл не буду. Если вам не в лом, подержите свое недельку при себе, не светитесь. А я в город и обратно мотанусь. Там скину. Потом приеду, выпишусь, и на том попрощаемся! Хорошие вы пацаны, здесь еще немного можете взять. Наберете себе по «Жигулям».

В поселке после продувки, просушки и точного взвешивания вышло, что Шипу, как он и думал, причиталось два килограмма триста граммов металла. Ребятам — по кило сто. Отдав товарищам их долю, он спросил у них:

— Ну что, все по-честному? Хотя... — и он еще отсыпал Корнету еще граммов сто. — Держи, на счастье! С Сонькой я сам рассчитаюсь. Утром я на автобус и в город. А вы?

— Мы пока эту недельку, что ты просил подождать, помоем еще. Можно?

— Теперь это ваш уголок, благодать! — улыбнулся Шип. Но что-то ему на душе было тревожно. «Скорее бы уже туда, к тропинке за огородом. К домику в деревне...»

В городе ему повезло сразу. Много металла пока никто не сдавал, и через знакомых его вывели на достойного московского покупателя. Тот взял по сто рублей, сразу все два кило. Такой суммы денег Шип никогда в руках не держал. Двадцать упаковок новеньких сторублевок его даже пугали. Хотя и цены уже начали расти, и все дорожало, но не до такой же степени. Шип ошалело ходил по городу со своей спортивной сумкой, которую боялся даже где-то из рук выпустить. В туалет и то ходил с ней, ловя на себе недоуменные взгляды приятеля, в квартире которого он остановился. Такой цены и так быстро он, конечно, не ожидал. Радовался... Но чувство поджидающей опасности усиливалось.

Ученый жизнью, Шип страховался. Из трех разных почтовых отделений отправил на имя Сергея три почтовых перевода по десять тысяч рублей. Представляя, какой фурор это произведет на местной сельской почте, потирал руки. Немного успокоив себя этим, стал придумывать объяснение брату, откуда сразу столько. «Отбредемся! — решил для себя. — Всё ж таки с Севера я!»

Затем Шип купил новенький чемодан, одежду, набрал всяких игрушек, сувениров. Для брата у него была хорошо выделанная медвежья шкура. Ну, никуда без этого на северах. Оставив все это у приятеля и выделив тому тыщонку за простой, Шип уже на такси поехал в поселок решать свои дела. С таксистом он договорился, что тот ждет его и получает в пятикратном размере. Это было знакомо и привычно на Колыме — фартовый гулял.

Приехав до дому, Шип сразу узнал о том, что Зяма все-таки не утерпел и сдал металл Солиным сыновьям. Зайдя к ней и отдав полторы тысячи, что более чем перекрывало взятую в кредит выпивку, он услышал от нее:

— Что же ты, Володя, металл на стороне сдаешь? Нехорошо это. Мои ребята обидятся.

— Не на что им обижаться. Я всегда им сдавал, а тут покупатель хороший подвернулся. Уезжаю я, Соня. Не бойсь, — с этими словами Шип ушел, не оглядываясь.

В поссовете он быстро, естественно, не бесплатно, оформил выписку, оставив домик и нехитрое имущество немногим друзьям и, конечно же, прикупил себе трудовую книжку. Все как положено: с печатями, только записи сделать. Но это уже потом, и лучше со знающим человеком.

Хотел было поехать в ночь, но что-то удержало. Провел последнюю ночь в своем уже бывшем доме. В эту ночь ему снова снилась Светлана. Она, радостно улыбаясь, протягивала к нему руки и все звала, звала его вдаль по той тропинке....

Проснулся Шип бодрым и отдохнувшим еще затемно. Хлебнул чаю, кинул на плечо свою неразлучную сумку и вышел на крыльцо покурить перед дорожкой. Домики по соседству были укутаны утренним туманом. Тепло... Хорошо... Потянулся до хруста и вдруг услышал:

— Ай, Володя-джигит, нехорошо как ты делаешь! Неправильно совсем делаешь, людей не уважаешь, нас не уважаешь. Зачём так? Косяк это.

Шип обернулся и увидел Батыра, старшего сыночка мамы Сони.

— Слышь, Батыр, я сдал свой металл! И вообще, я уже не здесь, я уехал. Бывай, земляк, вам тут и без меня халявы хватит! — он пошел вперед, намереваясь пройти мимо непрошеного гостя, и внезапно почувствовал несильный, но режущий, укол под лопатку.

Вроде как неожиданно кольнуло сердце. Обернувшись на удар и еще не осознав, что случилось, Шип увидел младшего барыгу, Ахмада. Тот торопливо прятал руку за спину. Шагнув еще раз, Шип попытался вдохнуть воздуха. Получилось с трудом, а сердце как будто кувыркнулось в груди. И напоролось на остриё. В гаснущем сознании появился образ конопатой девчушки, ставшей ему такой родной и близкой. Широко раскинув руки и запрокинув голову, она весело смеялась и бежала ему навстречу.

Последнее что, почувствовал Шип в этой жизни — это маленькие детские ручки, ласково обхватившие его за шею...

Танец шамана

Я оказался в этом поселке на берегу одноименной бухты, можно сказать, случайно. Так сложились обстоятельства. В личной жизни что-то треснуло, желания разбираться, склеивать и налаживать особого не было. А тут как-то в разговоре со знакомым я услышал, что в этом поселке такая размеренная жизнь, что товарищ, который это рассказывал, просто был там от скуки. «Вот это то, что меня сейчас надо!» — решил я и, недолго думая, собрал свой минимум вещей из прошлой жизни. Уже вскоре, помахивая маленьким чемоданчиком, я шагал по взлетной полосе. Навстречу жизни новой...

Полет, по местным меркам, продолжался недолго. Я скучающе глядел в окно, так, по крайней мере, могло показаться со стороны. Но на самом деле я все это время думал: «Какого черта?..»

Через два часа они уже были на месте. Они — это про всех пассажиров рейса. Я же, спустившись с трапа, места в этой точке земли себе пока не определил. Что я забыл в этом затерянном на краю земли поселке? Здесь даже заняться-то будет нечем. По крайней мере, я раньше никогда не слышал о том, что в этом районе когда-либо находили приличное золото. Был ГОК, но и тот работал практически на одном месторождении. Все остальное, насколько я знал, находилось в процессе тогдашнего становления сельского хозяйства на Чукотке — совхозы оленеводческие, зверобой, добывающие моржей и, втихую, китов, так как местному населению вроде можно было. Аэропорт на другой стороне бухты и морпорт. Вот вроде и все, не считая вояк, пограничников, ракетчиков, летунов. В общем, похоже, тот знакомый был очень даже прав.

Так как вещей у меня почти не было, то в автобусе я оказался в числе первых пассажиров. В гостиницу устроился без труда, на удивление, в этом маленьком поселке она была пятиэтажной! Ну не экономило в то время государство на этом.

Осваиваться начал, конечно, с ресторана. Он был в поселке единственным, здание старенькое, похоже, из барака переделанное, но внутри довольно уютно. Неплохая группа что-то играла, у одного из гитаристов был даже «Фендер» — это круто! В общем, понравилось, но посидел недолго и, прихватив «с собой», отправился на ночлег. Вечер в гостинице тоже не задался, пару раз в дверь стучались местные продавцы «женских часиков», но это было так убого, что никакого желания, кроме сочувствия, не вызывало. Промучившись несколько часов, я все же умудрился уснуть.

Последующая неделя мало чем отличалась от первого дня, круг — гостиница, ресторан, гостиница. Работа была, даже много, но вот желание отсутствовало напрочь. В конце концов, я все же решил идти в порт, устроиться мотористом на какую-нибудь «коробку». Но именно в тот день я совершенно случайно встретил прямо на улице (бывает такое иногда) Генку, с которым как-то работал сезон еще в том, семейном своем периоде. Мужик он был шепутной, веселый и на все руки мастер.

— Эк тебя покорежило-перекорежило, — разглядывая меня, сказал он.

Я пожал плечами и промолчал.

— «В штопор» вошел, а выйти не можешь? — продолжал Генка допрос. — Да ладно, не отвечай, и так все видно. Вон рожа-то какая, прямо харя! Глазки красненькие и ручки, ножки трясутся...

Вот же, блин, «расейская» психология, а ведь я, считай, и не пил почти эти дни.

— Надоело все, — пробурчал я в ответ, — нет у меня на данном этапе в жизни счастья.

Присев на скамейку, и немного помолчав, Генка тихонько пропел:

— А я еду, а я еду за туманом... А поехали за туманом, Егор, — вдруг сказал он. — Помнишь, как в прошлые годы? Тундра, костер, палатка.

— Ага, — перебил я его, — кочка, мошка, тушенка...

— Ну и что? Зато назад возвратишься в человеческом облике, подлечишь там и душу, и тело. Может, и опять жить захочется!

Честно говоря, мне хотелось только одного — чтобы он отстал, оставил меня в покое. Его воспоминания не шевельнули ничего внутри. Как было пусто и тошно, так и оставалось.

— А что, правда, поехали! — частил Генка. — Мы сегодня к обеду вылетаем. Одно-то место точно найдется. Петрович тебя знает, точно возьмет.

— А что, и этот «ветеран» здесь? Вот ведь... Летите-то куда? — спросил я, только чтобы отвязаться.

Генка вскочил со скамьи и потянул меня за собой:

— Вот и молодец, что решил! Пошли, по дороге все расскажу. Давай, шмотки твои в «гостюхе» берем, и в порт!

Я понял, лететь придется далеко...

Поселок, ставший нашей базой, был самым обыкновенным, оленеводческим. Стоял он на берегу океана, так что там и морзверя промышляли, и пара песцовых ферм была.

Днем мы с Петровичем и Генкой сходили в магазин, затарились всем необходимым. Затем у знакомых Петровича (вот уж человек, везде найдет приятелей) помылись в баньке, до отвала наелись жареной оленины. Конечно же, в процессе еды уничтожили штучки три «беленькой». Петрович разговорился с хозяином, они вспоминали своих знакомых, делились последними новостями, а мы с Генкой вышли на улицу. Следом за нами вышла жена хозяина. Этот русский мужик был вполне официально женат на чукче, и у них было четверо детей. Женщина сказала:

— Если гулять пойдете, в ту сторону не ходите. Нельзя! — Она махнула рукой, указывая на дальний край поселка.

— Почему это?

— Хозяин там живет. Наших мест хозяин, родовой наш шаман. Мы его без нужды не беспокоим. Не любит он этого, сердиться будет сильно... Беда может случиться. Не ходите туда, не надо.

Однажды я уже был знаком с одним шаманом. Мы пили с ним водку, пели песни и обнимались. В его доме на стене висел бубен и колотушка, он даже разрешил мне пару раз стукнуть в него. Как-то раз я попросил его «пошаманить» чуток, чтобы живьем увидеть, что это такое. Но он, выпив еще стакашку водки, свалился на пол и захрапел. Так я и ушел от него, ничего не увидев, но понял, что шаманы — обыкновенные люди, со всеми слабостями и пороками, ничуть не таинственнее многих наших попов.

— Что же он так людей не любит? — спросил я хозяйку.

— Почему не любит? Любит. Только когда мешают, не любит. Он с духами предков разговаривает, с небом, с землей, с водой разговаривает. Чтобы роду нашему жилось хорошо, у них просит. Завтра вечером опять просить будет, обряд делать будет. Чтобы олешек много родилось, детей много родилось, чтобы здоровы все были, — рассказывала женщина. — Мы все придем, смотреть будем, вместе с ним просить будем, силу свою ему давать будем. Чтобы предки хорошо слышали, чтобы помогли нам.

Она ушла в дом. Генка вдруг воодушевился:

— Интересно посмотреть бы! Никогда не видел ни одного обряда настоящего, только по телеку.

Я выразил полное равнодушие к такому представлению:

— Не верю я во всю эту лабуду. Нажрется мухоморов или водки и будет «диско» выдавать, нижний брейк-данс. А дети и олени без его помощи родятся, ерунда все это.

Каюсь, я был не прав! То, что нам довелось увидеть следующим вечером, я больше никогда не забуду. Даже знаменитый чукотский ансамбль «Эргырон» не смог бы передать, именно реально передать людям те чувства, то состояние, в котором находились люди, увидевшие танец этого шамана.

Около его небольшого деревянного домика стояла самая настоящая чукотская яранга из оленьих шкур. Весь поселок, все жители, включая маленьких детей, стояли в отдалении, полукругом. Ждали появления шамана, было очень тихо, даже дети не хныкали.

И вот в яранге раздались размеренные удары в бубен. Они были такими протяжными, глухими... Мне показалось, что они разносятся вокруг далеко-далеко. Шаман вышел из-за полога яранги и встал перед кучкой хвороста, сложенной конусом и напоминавшим своей формой игрушечную ярангу. Как он поджег этот костерок, я не заметил, просто вдруг вверх потянулся бледный дымок, и по веткам побежал огонь.

Тихо-тихо шаман снова застучал в бубен, начал раскачиваться из стороны в сторону, и вдруг, вскинув вверх руку с бубном и запрокинув лицо к небу, прокричал: «Ай-й-й-й-я-я-я!..».

«Сколько же ему лет?» — подумал я. Голос его был чистым, звонким и каким-то волшебным, что ли. Его крик, казалось, ударился о небо, рассыпался там на льдинки, что посыпались на землю, и земля от этого заискрилась. Я не верил сам себе, но это было именно так. Внутри у меня стало светло и легко. Рядом тоже тихо вздохнул Генка. И опять негромко зазвучал бубен, голос шамана вплетался в этот звук. Это не передать словами, это надо видеть и слышать самому...

Не было дикой пляски с завываниями и катанием по земле, это был танец. Шаман танцевал с духами, он припадал к земле, гладил ее, разговаривал с ней, пел ей свою песню. Вот его руки взметнулись вверх... Зазвенел его бубен... Шаман о чем-то просил небо, он танцевал вальс, и вокруг него, вместе с ним, танцевал и воздух... Шаман трогал огонь и не обжигался... Он дружил с огнем и приглашал его к танцу. Все это время он пел и бил в бубен. Как ему это удавалось? За движениями его рук было невозможно уследить, танец то ускорялся, то замедлялся, и движения его были разными, ни одного похожего.

Люди боялись шелохнуться, кажется, все сдерживали дыхание, чтобы не помешать шаману, да и я сам старался не дышать. Костер догорел, из него вверх полетели искры. Последний раз шаман поклонился огню. Резко и отрывисто три раза ударил в свой бубен и лег на землю. К нему никто не подошел. Я услышал шепот: «Нельзя мешать. Теперь он будет говорить с предками рода».

Посмотрев на говорившего, я увидел старого сморщенного чукчу.

— Предок нашего рода — Олень. Никто не должен видеть разговор с Оленем. Шаман не любит, ругаться будет, плохо будет. Пойдем в поселок. Завтра шаман расскажет, что обещал нам Олень, старейшим расскажет.

Я мотнул головой и почему-то пошел не со всеми, а в сторону от поселка, дальше, к кромке берега и океана. Было странное ощущение, что кто-то зовет, в ушах все звенел тот крик шамана «Ай-й-й-я-я-я!». Он завораживал, в голове как-то странно двоилось, я видел себя другим. Было такое ощущение, что своим танцем этот шаман вывел меня из моего же тела, и я теперь вижу все это со стороны, другими глазами. Попробую это передать.

Отойдя довольно далеко от поселка, Егор вышел на небольшую полянку, окруженную зарослями карликовой березы. Совсем рядом тихо шумел океан, и шум его убаюкивал. Егор присел на траву, обхватив колени руками, стал смотреть на волны... Но перед глазами возник танцующий шаман. Егор пытался прогнать это видение, но шаман упрямо появлялся снова и снова, как будто хотел что-то сказать своим танцем.

И вдруг... Егор увидел его наяву! Сначала не поверил своим глазам, потряс головой, но шаман не исчезал. По земле стелился легкий туман позднего вечера. Шаман бесшумно шагал по кочкам в своих летних белых торбасах... Казалось, он плывет над землей. Подойдя почти вплотную к Егору, шаман просто встряхнул бубном и прислушался к шуму океана и ветра. Потом задвигался по какому-то видимому только ему кругу, обошел его несколько раз и опять остановился.

Егору послышалось, что в этом месте еле слышное гудение бубна изменилось, зазвучало как бы совсем из-под земли. Шаман вытянул вперед руки и начал раскачиваться на носочках, ударяя в бубен колотушкой. Звуки становились все более ритмичными.

«Тамм-тамм-тамм», — понеслось над тундрой, звук набирал громкость. Егор заметил, что дымка вокруг шамана стала сгущаться, туман поднялся ему почти до колен. Пританцовывая на месте, шаман начал выкрикивать, но полупрошепотом, непонятные слова. Движения его становились все резче. Он наклонял голову к земле, как будто что-то разглядывая, потом резко скидывал ее вверх и замирал на мгновение, гордо выпятив грудь.

Егор пристально вглядывался в этот танец и вдруг понял: шаман изображает в своем танце северного оленя. Та же гордо поднятая голова, пригибающаяся под тяжестью короны ветвистых рогов, такие же мягкие ноздри, обнюхивающие любимую пищу — ягель.

«Неужели вызовет дух?» — восхитился про себя Егор. От старых эвенков и чукчей он, конечно, слышал, что очень сильный и настоящий шаман может вызвать дух родового зверя, что только по разрешению и шамана, и духа это таинство сможет увидеть посторонний человек. Но эти рассказы ничего, кроме смеха, у него не вызывали, не верил он в эти сказки, да и в шаманов не верил. А тут почему-то очень захотелось увидеть такое. И может, даже поверить в чудо.

Бубен запел совсем уже часто, ритм его слился в один неподражаемый звук. И вдруг... На небольшом, буквально руку протянуть, отдалении от Егора... стоял олень! Снежно-белый, невысокий, с красивыми рогами, настоящий северный олень. Шаман протянул к нему руки и заговорил. Слова были непонятны, да Егор и не вслушивался в них. Он, не моргая, смотрел на оленя, а олень смотрел на него. Туман по-прежнему стелился у ног зверя, но совершенно не закрывал обзор. На белоснежной морде животного ярко выделялись крупные, влажные, выпуклые живые глаза.

Они разглядывали его как будто с вопросом: «Кто ты, человек?». А человек не мог отвести свой взгляд, и в груди у него стал собираться комок. Сначала ком был ледяным, но чем дольше они смотрели в глаза друг другу, тем он становился теплее, и уже не так больно и холодно было внутри.

Перед глазами Егора плыли картинки из детства, юности, настоящие дни. Обиды, боль, все самое плохое, что было в жизни, все, что хотелось выкинуть, забыть, не вспоминать. Вся неустроенность и глупость, то, чего никогда не хотелось бы повторить и показать людям. Все это увидел олень. И, как понял Егор, священный зверь забрал это себе. Глаза оленя стали совсем грустными, а на белоснежной груди проявилось и стало расплзаться небольшое черное пятно.

Резко грохнул бубен, звук его сильно ударил по ушам, что-то треснуло в мозгах. Егор очнулся. Рядом с ним стоял шаман. Пот тек по его расписанному синей грубой татуировкой лицу, он тяжело дышал и голос его, очень тихий, но неприятно резкий, говорил:

— Я и наш предок позволили тебе это видеть. Ты — один из немногих. Олень очистил тебя. Все не смог очистить. Много нехорошего в тебе, очень много. Теперь у тебя есть выбор в жизни... Теперь решать тебе, — и он замолчал.

Я открыл глаза и зажмурился. Яркое солнце освещало и согревало землю. Голова была ясной, вся тяжесть ушла из тела и из души. Я легко поднялся на ноги. Что это было со мной? Явь или сон?

Но в ушах отчетливо звучал голос шамана: «У ТЕБЯ ЕСТЬ ВЫБОР»...

Последний отпуск

В воздухе чувствовался осязаемый запах сгоревшей взрывчатки, что само по себе диссонировало с этим когда-то мирным и тихим украинским городком. Рваными ранами выделялись кляксы воронок, взломавших асфальтовое покрытие дорожек городского сквера. И еще..., на улицах было очень мало людей, и совсем не видно детей. Этот маленький город с таким ласковым названием Благодать, казалось замер в ожидании еще большего неминуемого горя...

Димка вовсе не собирался часть своего отпуска провести на Украине, а ехал в Ростов по приглашению своего старого друга. Они хотели отдохнуть на левом берегу Дона пару дней. Да и вообще, поговорить о том, о сем: Димон серьезно влюбился, и это не давало ему покоя. Но перед самым отлетом «на материк», к Диме вечером зашла в гости его бывшая подруга Олеся и, узнав, что тот летит в Ростов, попросила по возможности доехать до небольшого городка в Луганской области.

— Это ж недалеко от Ростова, — просительно говорила она, — а там папка мой. Один он остался у меня, я бы и сама поехала, но понимаешь, там ведь сейчас война, а я женщина. Я очень боюсь за отца, страшно там все и непонятно. Ты просто узнай, как он там и, если сможешь, помоги ему выбраться. Скажи, что я очень его люблю и жду здесь. Связи с ним нет уже вторую неделю... по телеку показывали, ретрансляторы у них разбомбили. Надеюсь, он жив и здоров. В другое и верить не хочу.

Женщина тихо заплакала.

Дмитрий тогда ничего конкретного ей не обещал, если честно, он был далек от событий, происходящих там. Нет, конечно, он, как и многие россияне, не понимал и возмущался происходящими на Украине событиями, но своих проблем у него хватало и без этого. Мужчина просто хотел отдохнуть перед долгой северной зимой, не более того. Но, как порой в жизни случается, доехав до дома друга, а Дима хотел появиться у Руслана «нежданчиком», поэтому и не сообщил о своем прилете, он узнал, что его товарищ уже второй месяц, как воюет там, в ДНР или ЛНР на стороне ополченцев. Об этом сказал ему младший братишка Руслана. Димон всерьез задумался, зачем ему все это надо? Поехал бы, как все нормальные северяне куда-нибудь за кордон. Благо до Турции от Ростова рукой подать, а там возможна масса всяких разных приключений и без экстрима. Поэтому он не сразу понял, что говорит ему этот молодой вихрастый пацан. А говорил он вот что:

— Руслик сказал, если вдруг он кому-то срочно буду нужен, то по этому номеру можно пробить. Именно так и сказал, — и паренек протянул Диме бумажку с номером телефона.

«О как, пятый акт Марлезонского балета, не хочешь – заставим», — про себя улыбнулся тот и набрал номер.

Тихий голос осторожно спросил: «Вам кого?»

Дима, как мог, объяснил, собеседник задумался, после продолжительной паузы в трубке все так же тихо произнесли: «Дело в том, что Руслан уже там, за границей. Вы чего хотите?»

— Ну, в общем-то, я приехал его повидать, — ответил Димка.

— Знаете ведь, там идет война, настоящая война, нешутейная, — отозвался голос, — и если бы вы решили помочь... — пауза зависла. Димка уже хотел отключиться. Воевать, тем более вот так, сразу, он совсем не собирался. Но с другой стороны получается, что с Русланом он не встретится, поэтому Дима сказал: «Ну, насчет воевать я не знаю, а вот увидаться с другом и определиться на месте, я бы хотел».

— Позвольте спросить, — все так же негромко продолжал визави, — а боевой опыт у вас, имеется?

— Вот боевого, увы, — улыбнулся Димон. — Хотя, когда служил на границе, бывали так сказать, случаи.

— Вы пограничник? – Казалось, собеседник обрадовался. — Где и когда?

— Боюсь, разочарую, — усмехнулся Дмитрий. — Служил аж в далеком 79-ом на китайской границе, правда, но все же...

— Об автомате и прочем вооружении, представление имеете? — Голос звучал уже заинтересованно.

— Ну, типа да, — согласился Димон.

— Тогда слушайте внимательно.

Вот так все и случилось. Как объяснили ему по телефону, переправиться на ту сторону из Ростова уже было сложно. Работали миссии международных наблюдателей, и хотя российские пограничники на многое закрывали глаза, рисковать все же не стоило. Ему предложили вот такую схему. До города Суджа, Курской области, ему придется добираться самостоятельно, а там его встретят и переправят на ту сторону. Димка согласился, сам толком не зная, почему. В СМСке ему прислали номер телефона, по которому он должен был позвонить уже на месте. Попрощавшись с братом Руслана и оставив ему в подарок баночку красной икры, Димка пошел на автовокзал. Путь до Суджи как выяснилось, занимал почти целый день езды. Прихватив в дорогу пивка и чипсов, мужчина отправился в путь.

До нужного городка он добрался ночью. Не желая беспокоить людей, Димон устроился в придорожной гостинице, на удивление уютной и тихой. Ранним утром он позвонил, встречу ему назначили у городского рынка. Было слегка ветрено, и Дмитрий устроился в кафе у входа на рынок. Очевидно, заведение принадлежало детям гор, потому что в меню были сплошные хачапури, шашлыки и прочие сациви. Не очень доверяя этим «поварам», мужчина заказал кофе эспрессо и, прихлебывая маленькими глотками, принялся ждать. К счастью, ожидание продлилось недолго. Димка не успел даже допить кофе, как у входа в рынок притормозило синее ДЭУ с номерами, названными в разговоре. Из машины вышел молодой мужчина и сразу же взглянул в сторону кафе. «Рубит фишку», — с удовлетворением подумал Дима и вышел ему навстречу. Крепко пожав протянутую руку, парень, не заморачиваясь, сказал: «Воевать едешь? Это нормально. Уважаю. Я бы и сам, но у меня тут свои проблемки... ты торопишься?»

— Да ващет, мне тут делать и нечего, я проездом, — улыбнулся в ответ Димка. Парень ему понравился. Чувствовалась в нем какая-то внутренняя сила и уверенность в себе. И когда он предложил сразу же отправиться в путь, Дмитрий, не раздумывая, согласился.

Павел, как представился его новый знакомый, сказал, что документы с собой «туда» брать не рекомендуется. Вот тут Димон испытал нешуточное беспокойство: оставаться без документов ему было некомфортно. Поймав его озабоченный взгляд, Павел пояснил: «Бандеры, они по беспределу живут, увидят, что ты русский и все..., там и прикопают. А без ксивы есть шанс. Мало ли, потерял или дома забыл. Да и чувачок у нас на той стороне, клевою схемку перехода придумал, сам скоро убедишься. А ксивы свои, чтобы не париться, мы ща на почту заскочим, и ты отправь их себе сам, куда захочешь. Да хоть и сюда».

— Ну уж нет, сюда я, думаю, не вернусь... а идея хороша, — ответил Дима, лихорадочно прикидывая варианты. Наконец он решил, куда он отправит свой паспорт: Москва Главпочтамт, до востребования. По-любому, мимо столицы ему не проскочить. Павел одобрил. Так они и сделали, и уже через полчаса катили по наезженной, но неоживленной проселочной дороге.

— Тут до Юнакиевки двадцать кэмэ. Постов нет, а у речки нас Сашко встретит, он тебя дальше повезет, и это... — Павел замялся, — как у тебя с деньгами?

— Да пока есть, а что?

— Да нет, ты не подумай, это не мне. Я-то в порядке. А вот Сашко... понимаешь, у него дочка больная, там какие-то таблетки нужны дорогушие. Сам-то он не попросит.

— Понял, командир, — улыбнулся Дима, — придумаем что-нибудь.

За разговором время в пути пролетело незаметно. Вскоре Павел свернул в лесок. Дороги, как таковой, уже не было видно. Заметив, что Дмитрий удивленно озирается, он успокоительно буркнул: «Все, мы давно уже на Украине, еще чуть-чуть осталось... Не ссы, братан,

все схвачено, — захохотал парень в ответ на взметнувшиеся вверх брови Дмитрия, — а вот и Сашко...»

На том берегу небольшой речушки стояла другая машина, совсем неприметная в лесу серая семерка, возле которой топтался невысокий, полный мужичок и еще более полная, чтобы не сказать толстая, женщина.

— Ну вот, дальше тебе с ними. Удачи, солдат! И это... ты возвращайся...

Парень лихо развернулся, и через минуту его машина исчезла за деревьями. Дмитрий неторопливо подошел к реке. Мужчина за рекой засуетился, открыв багажник, он крикнул: «Погодь, я зараз лодку вздую!»

— А здесь глубоко? — Дмитрий уже подошел вплотную к речушке, или это был ручей...

— Та ни, — неожиданно тонким голосом ответила женщина, — мабуть, по шыйку будэ, — для убедительности она чиркнула себя рукой по горлу.

— Ну, тогда не надувай свой пароход, я сейчас.

Дима разделся и, держа вещи и сумку над головой, осторожно вошел в реку. Вода была теплой, и через пару минут он был уже на той стороне. Женщина и Сашко все так же стояли у машины, глядя на него. Достав из сумки полотенце и наскоро обтеревшись, Дмитрий сказал:

— Ну что, дальше ты меня доставишь?

— А тоби в Донецк?

— Да нет, мне в местечко Благодать, это Луганская область, вроде.

— Луганьска, да, — поскучнел мужик, — это ж пятьсот км нам добиратися ...

— А что, есть проблемы? — поинтересовался Димка.

— Та ни, я просто думал сегодня трохи потаксувать, но теперь вижу, треба сразу ихаты.

Женщина, стоявшая рядом с мужем, тоже тяжело вздохнула.

— Давайте-ка так, — Дима достал бумажник, — я вам заплачу, долларов четыреста... нормально будет?

— Та ниии, ты шо, — снова задумчиво протянул Сашко, — це непотрибно, мы со своих грошей не берем. Ладно, поихалы так.

— А я вам и не свой совсем, — улыбнулся Димка, — я так, случайный пассажир, берите, — он протянул деньги женщине. Та искоса взглянула на мужа, Сашко молчал.

— От, спасибочки Вам! — женщина даже прослезилась. — Меня Катериной зовут, а гроши нам для дела потрибны, — она замолчала.

— Да не вопрос, давайте-ка заканчивать с реверансами, а то и правда, может, двинемся, раз дорога длинная. — Димка уже успел одеться и ждал.

У Сашка все было умно продумано. На заднем сиденье в живописном беспорядке были раскиданы пустые пивные бутылки и пакет с немудреной закуской, рассыпавшейся по полу машины. Этакий вот антураж. На немой Димкин вопрос он ответил: «Да патрули, молодята правосеки...и вообще, хулиганье, машины тормозят, дали им права, вот они и дуреют. Все ж збройные, — мужик сплюнул. — А так, я соседа со свадьбы везу, если шо, ты мабуть спишь. Я сам отбрещусь. Вот тебе горилка, полей на рубаху, да хоть и глотни, домашняя. — Он протянул Диме почти полную бутылку самогона.

Щедро оросив одежду, тот прополоскал горло ядерной жидкостью и, устроившись на заднем сидении, сказал: «Поехали!»

По дороге их несколько раз действительно останавливали. Открыв дверцу машины и вдохнув «аромат», нацгвардейцы понимающе ржали и, получив в качестве отступного все ту же бутылку горилки, пропускали дальше. Так что до места доехали практически без приключений....

Как убедился Дмитрий, организовавшие его переброску на территорию, где идет война, были людьми серьезными и по приезду на место, на трубу Сашка тут же прозвонились, дав координаты места встречи. Сашко примерно знал, куда ехать. Проскочив по Республиканской улице, он остановил машину у перекрестка и сказал: «Приозерная там, вниз иди, я туды не поиду. Неможно мне светить машину. Розумиешь?»

— Йес, а як жешь,— улыбнулся Димон,— благодарю за быструю доставку! Удачи! И здоровья вашей дочке!

Вытащив из багажника свою сумку, он помахал на прощание рукой и, насвистывая, направился вниз по улице. Как оказалось, дом, где была назначена встреча, находился практически на самом краю городка. Что, впрочем, неудивительно: ведь здесь ополченцы держали оборону. На первый взгляд свежесмытый домишко и дворик, в котором Димон ожидал увидеть окопы и вооруженных до зубов людей, выглядел пустым, но как только мужчина, чуть помешкав у калитки, открыл ее, почти сразу же прозвучал вопрос.

— И куда это мы наладились?

Обернувшись на голос, Димка с удивлением увидел молодого парня, в руках которого недвусмысленно покачивался АК-74.

— Мне здесь встречу назначили,— прикидываться дурачком, а тем более ерничать, Димке совершенно не хотелось. Уж очень спокойным был взгляд у этого бойца. Так же спокойно такие люди жмут на курок. Это-то Дмитрий знал, встречались в его жизни похожие персонажи.

— Ну вот, считай, и встретили, — отозвался незнакомец,— кто ты, куда и к кому? А самое главное, зачем?

Пока они разговаривали, дверь в дом отворилась, и на порог вышел мужчина, навскидку лет сорока, крепкий, про таких говорят – кряжистый. На его плече тоже висел автомат, правда, с откидным прикладом. Его камуфляж светло-песочного цвета из хорошей, очевидно, ткани Диме был незнаком.

— Русак из Ростова мне тут с Белым встречу назначил. А меня Дмитрий зовут, я ищу Руслана Киселева, он мой друг. Вот, сказали сюда обратиться.

— Друг, говоришь...это хорошо,— задумчиво отозвался старший,— а если честно, ты-то, зачем сюда? Только чтобы встретиться?

— Ну, для начала, думаю таки да,— независимо ответил Димон,— ему поначалу показалось, что мужчина относится к нему слегка пренебрежительно, что ли.

— Значит, Кислый твой кореш? – вмешался в разговор тот, что помоложе.

— Почему кислый?— удивился Димка.

— Потом сам все поймешь... А ты, Дима, сам-то откуда будешь? — старший жестом руки отправил охранника обратно за ворота и приглашающее отступил в сторону. — Да ты в хату проходи, что мы тут на весь мир-то орать будем?

Дом был выстроен в одну просторную комнату, в которой низкими резными перилами была отгорожена обеденная зона, где за большим столом сидело еще трое мужчин, а у плиты сутилась молодая женщина. Появление Дмитрия, как он сам понял, с командиром этих людей, вызвало паузу в их разговоре. Все они выжидательно смотрели на вошедших.

— Знакомьтесь, мужики, это Дмитрий, — сказал Белый, — типа в гости к нам пожаловал, — и, широко улыбнувшись, обратился к тому,— чувствуй себя как дома, здесь и поговорим. Тут все свои. Значит, откуда ты к нам прибыл, говоришь?

— Да пока вроде и не говорил,— улыбнулся в ответ Димон,— хотя и секрета особого здесь не вижу. С севера я, мужики, есть такое место там, Колымой называют. Вот оттуда я и есть.

— Чо, прям из лагерей колымских к нам? Никак убежал? Или повоевать захотелось? — это спросил пожилой уже мужчина с окладистой седой бородой, сидевший как бы во главе стола.

— Ну почему сразу из лагерей? У нас там не только лагеря.

Диме не нравилось, когда так говорили о его крае. Но большинство людей, увы, начитавшись Солженицина и Шаламова, представляли себе Колыму одной большой тюрьмой. Очевидно, уловив его недовольство, Белый примирительно сказал: «Ну что ты, Борода, сразу наехал на мужика? Даже если и из лагерей и что? Сам-то ты, думаю, не совсем белый и пушистый, а?» Бородач заржал: «Да уж, плавали, знаем что такое «БУР», а как же. Да я и не наезжал, мне реально интересно за севера».

В разговор вмешалась женщина:

— Ну что вот вы? Накормить надо человека, с дороги он, поди, а вы накинудись. — Борщ будешь? — обратилась она к Димке.

— А почему бы и нет? — тут же откликнулся тот.

После того, как Димон похлебал наваристого и душистого украинского борща и пошел основной разговор. Говорили в основном о войне, да это и понятно: здесь все жили ею. Ополченцы с горечью рассказывали о боях и погибших товарищах, жалели ни в чем неповинных мирных жителей, которые гибли под артобстрелами и пулями украинских снайперов, не понимая, почему их называют сепаратистами и преступниками. А не понимали потому, что не они пошли войной на Киев, а нынешняя украинская власть пришла в их дома с армией, танками и самолетами. Эти люди просто хотели жить.

— Ведь за шо мы стоялы на том майдане? — с горечью говорил молодой парень, которого все называли Москаль.

Как понял Дима, позывные тут часто давались от обратного: парень был родом с Ивано-Франковска, приехал сюда еще зимой, вроде как народ поднимать на борьбу с Януковичем, да так здесь и остался.

— Мы ведь и Яныка того змистылы, и все вроде добрэ було и файно, а зараз шо? У власти сплошные олигархи та злочынцы, вон, навить один боевитый пидарас есть. Цэ ж воны бойню тут развязали. Той народ хотел на російськой мове размовляты, да власть выбирать, СВОЮ власть... а нас бомбить почалы...Цэ як?

Все молчали. Ответа, похоже, не знал никто. Эти мужчины, взявшие в руки оружие, уже не могли свернуть с выбранного ими пути. Да и не дали бы. Не было у нацгвардейцев ни пощады, ни жалости к ополченцам. Это знали все. Да что говорить? Здесь на самом деле шла настоящая война. Димка это понял именно здесь и сейчас, глядя на серьезные лица собравшихся в хате бойцов, которым доводилось видеть истерзанные трупы своих товарищей, попавших в плен. К этому времени собрался почти весь отряд Белого, порядка пятнадцати человек. Димка поискал взглядом Руслана, но тот еще дежурил на блокпосту и должен был вот-вот подойти. После общего перекура Белый отозвал Дмитрия в сторонку и тихо сказал.

— Ты вот что, мужик, если надумаешь с нами, буду рад. Вижу, ты цельный, не балабол, а Кислый сейчас уже подойдет.

— Да почему он кислый-то?— снова удивился Димон.

— Да тут такая история приключилась...Когда они к нам приехали, двое ростовских и один питерский, то Руслан, пока мы с его товарищами беседовали, в одну харю здоровенный лимон упорол, как говорится, без соли и сахара, вот и пошло оттуда,— улыбнулся Белый,— да у нас много позывных чудных, нам-то поровну, а вот нацики пока не вкурили, кто есть ху... Врубился?

— Ну, типа да,— в тон ему ответил Димка.

— Вот, например, тебя друзья как кличут?

— Ну, клички у меня вроде и нет, друзья просто Димоном зовут. Хотя мне это уже и не очень нравится, несолидно, что ли, но привык.

— Вот смотри, Димон, если наоборот прочитать, то получится Номид. А еще лучше Нодим. В жизни никто не догадается, подумают с востока боец,— залиvisto расхохотался Белый,— так что, если надумаешь, позывной, считай, у тебя есть,— и он, хлопнув Димку по плечу, показал в окно,— а вот и твой друган шагает, встречай.

Действительно, во двор вошли трое вооруженных мужчин. В одном из них, с РПК на плече, Димка узнал Руслана: друг похудел и осунулся. В грязном камуфляже он смотрелся слегка комично, но уж таким человеком был Руслик: в круглых очечках, немного нескладным...прямо персонаж из какого-нибудь смешного боевика. Но Димка знал, стрелком Руслан был отличным, поэтому наличие у друга пулемета его совсем не удивило. Руслан крепко обнял товарища и, немного волнуясь, сказал:

— Надо же, нашел... приехал... вот ты... Димон. Я, если честно, и не надеялся. Здесь же такое творится... — он сокрушенно махнул рукой.

— Ну вот что, боец, — к ним подошел Белый, — ты рубани-ка горячего, и с другом поговори, вон хоть в соседнюю хату идите, она все равно пустая стоит. Только смотрите у меня! — он погрозил пальцем и отошел к противоположному окну.

— Чо это он, — удивился Дима.

— У нас ведь сухой закон, но конечно иногда позволяем себе по сто грамм, наркомовских типа.

— Да ну, ты чо? Какой сухой закон на войне? Глупости все это.

— Глупости не глупости, а у нас с этим строго. Говорят, в Луганске двоих даже расстреляли за пьянку и мародерство.

— Как это... расстреляли?

— Да очень просто, по законам военного времени. А я думаю, правильно это. Здесь такая война друг, что надо держать себя жестко. Нас и так во всех грехах обвиняют. Знаешь, как обидно порой! Нацки и правосеки со спецбатальонов зверствуют, людей живьем жгут, а винят нас...

— Ну ладно, — Руслан вздохнул, — что я тебя-то этим грузу? Погоди, я сейчас наберу котелок борща, Катюха знатно его варит, а ты вон яблочек нарви, пойдём действительно в ту хату и порубаем, и поговорим. Да и закон все же нарушим, — он хлопнул себя по висевшей на пояском ремне фляжке, — есть тут чуток законных, боевых.

— Ты иди, — Димон достал сигареты. — Я тут уже поел, выйду во двор покурю пока, а яблочек... вот яблочек я, пожалуй, возьму. У нас-то таких днем с огнем...

Друзья проговорили далеко за полночь. Уже и фляжка Руслана опустела, и захваченный с собой в дорогу Димкой «Джеймсон» показал доньшко, а разговор продолжался. Дима хотел понять, а Руслан все никак не мог объяснить, за что он воюет здесь. Нет, безусловно, было понятно, что противоположная сторона, пользуясь невиданной поддержкой Запада, зверствует и не соблюдает никаких правил. Хотя, какие могут быть правила на войне? Если судить по известному постулату «добро всегда побеждает зло», то и выходит: кто победил, тот и добрый. Это Димон понимал, но в его голове не укладывалась, как вышло, что брат пошел на брата. Он конечно же читал о гражданской войне, но никогда не думал, что ему придется столкнуться с ней в реале, вот так, запросто. Это и было особенно страшно. Руслан, кстати, честно признался, что первым побуждением ехать сюда, у него было простое желание быстро и без особых хлопот заработать. Что бы там ни говорили политики, но ополченцам платили, да и трофеи порой им доставались нешуточные. Так что свою мечту о новенькой пятой Вольво Руслан, можно сказать, уже воплотил в жизнь, но как он сам с горечью сказал Диме, теперь у него было совсем иное отношение к этой войне.

— Теперь, друган, или до смерти, или до победы. Выходит так, — констатировал он, устраиваясь на брошенный прямо на пол матрас.

— Ложись и ты, утро вечера всегда мудренее. И знаешь, я очень рад, что тебя увидал, — пробормотал Руслан, уже засыпая. Да это было и понятно.

«Половину суток на блокпосту, наверное, не самая легкая работа на свете», — подумал про себя Димон и, покурив в саду, устроился рядом с другом.

Утром их разбудил тот самый Борода. Не особо заморачиваясь политесом, он встряхнул Руслана за шиворот и, очевидно уловив «выхлоп», широко улыбнувшись, сказал:

— Праздник закончился, господа присяжные заседатели, вас Белый ждет. А вообще, Кислый, как то беспокойно вокруг. Укры притихли, похоже, даже отошли... к чему бы это? Там разведка ушла пробить ситуевину. Короче, вставай, пожуй вон чего-нибудь, а то Белый и в рыло может заехать за нарушение устава. Хотя вроде и простительно, ты ж друга встретил. Ты-то как, магаданец? — обернулся он к Димке.

— Да как огурчик, такой же, зеленый и в пупырышку, — ответно подмигнул ему Димон.

Борода довольно заржал: «Свой хлопец! Ну лады, вы реально тут не тупите, ждут», — и вышел, не прикрыв входную дверь.

Пока друзья умывались у колодца, щедро поливая друг друга студеной водой из ведра, Димка неожиданно даже для себя самого произнес:

— А ты знаешь, Руслик, пожалуй я чуток здесь у вас тормознусь.

Руслан почему-то совсем невесело ответил: «Смотри сам Димон. Смотри сам...»

Когда Белый закончил процедуру, что-то типа развода, к нему подошел Дима и сказал, что хотел бы побыть несколько дней с ними. А там, как карта ляжет.

Мужчина задумчиво покрутил в руках неприкуренную сигарету и, покосившись на убирающую со стола Клавдию, ответил:

— Несколько дней, говоришь? Ох уж мне эти несколько дней! И в Афгане мы были ненадолго, и в Чечне все должно было закончиться в один день, а теперь вот здесь... Не знаю как оно все, ты Дима просто поверь и прими, как данность... все мы тут ненадолго, на этой земле, — Белый вздохнул. — Ладно, жизнь покажет.

— Клава! — позвал он. Женщина подошла к ним, не выпуская из рук полотенца.

— Открой сараюшку, надо снарягу подобрать на хлопца, — он жестом указал на Димку.

Молодая женщина вздохнула и, внимательно посмотрев Димке в глаза, сказала: «Вольному воля. Надо, так надо. Пошли, солдатик».

В сарае она указала Димону на груды бронежилетов, разгрузок и обуви и со знанием дела заметила:

— Вот, выбирай. Каску обязательно возьми... а броник лучше брать пулей уже помеченный. Значит, держит броня.

Через два часа Димка уже шагал в небольшой команде, состоявшей из четверых ополченцев, за пределы городка. Старший, все тот же неугомонный Борода, сказал, что километров на пять, а лучше на десять, мол, местность надо просмотреть. Поначалу передвигались перекатом. Первый боец выдвигался вперед на дистанцию прямой видимости и оттуда контролировал проход остальных. Замыкающий, не останавливаясь, занимал место переднего и так же продвигался вперед метров на сто. Но вскоре тишина и безлюдность, царившая вокруг, расслабили даже прожженного командира, и он уже не обращал внимания на то, что его бойцы, вытянувшись жидкой цепочкой, идут практически не оглядываясь по сторонам. Так они прошагали часа два. Наконец, выйдя из очередной лесопосадки, Борода скомандовал привал.

— Порубаем, покурим, понюхаем атмосферу, и тихой сапой домой. Вроде спокойно тут. А ведь еще позавчера здесь айдаровцы стояли, — он показал Димке на видневшиеся неподалеку остатки лагеря.

— Батальон «Айдар», наемники коломойши, — объяснил он удивленному Димке.

— Воюют у него в основном бывшие солдатики, да гопота. Платит он хорошо, вот они и гарцуют. Но на прямые стычки с нами, твари, не идут. Норовят все исподтишка. — Борода сплюнул.

Посидев часок и послушав тишину, ребята уже смело отправились в обратный путь. По дороге ничего не произошло, и уже в прямой видимости их улочки, внезапно запищала рация Бороды. Он, внимательно выслушав указания и смачно выругавшись, сказал: «Хлопцы, короче, до ночи мы тут сидим на подступах. Белый передал, есть сведения, что укры ночью нападут. Хрен его знает, может и правда. А вот тут, — он указал рукой на пригорок, на котором стояла какая-то будка, — и место хорошее. Да вы помните, как мы здесь отмахивались от бандерлогов.

Будка оказалась старой трансформаторной подстанцией, уже давно не работающей. Как объяснил Димке Рыбак, один из бойцов, который жил неподалеку всю жизнь, практически на соседней улице, раньше здесь была совхозная летняя база МТС, было и электричество, и сооружения. А сейчас вот только будка и осталась, все остальное давно поломали и растащили. Пользуясь внезапно подвернувшимся случаем, Димка спросил у Рыбака про отца Олеси, прочитав ему по бумажке его данные. Немного помолчав, Рыбак ответил: «Это на другой стороне

города. Место знаю, дядьку этого — нет. Да можем сходить завтра, узнать». На том и порешили.

До вечера было тихо. Ребята лениво курили, перебрасывались незамысловатыми шутками и теребили Димку, чтобы он рассказал им о Колыме. Тот, как водится у северян, начал известный треп про россыпи, про то, как золотую жилу тросом обматывают и вырывают, сколько смогут, про самородки, которые лень подбирать, потому что нагибаться надо, про комаров, которым жало только кулаком свернуть можно. Народ слушал и, похоже, верил. Уже стемнело. Борода хотел вызывать Белого и просить разрешение на отход, как тишина внезапно раскололась...

Первые взрывы прозвучали для Димки как-то негромко и потому нереально, их было несколько. Бойцы встрепенулись, глядя на далекие пока разрывы:

— Миномет, сука! Из миномета кладут! — прокричал кто-то, и тут раздался уже слитный гул. Разрывы, казалось, плотной стеной накрывали центр городка.

— Грады! Пацаны, эти пидары градом работают! — похоже, это кричал Борода, но было уже не разобрать. А разрывы снарядов неумолимо приближались к ним.

— Ложись! Всем лежать!

Сколько продолжался артобстрел, Димка не понял, ему показалось, вечность. Он лежал, уткнувшись носом в пропахшую мазутом траву. «МТС тут был...» — почему-то именно эта мысль постоянно крутилась в его голове.

Потом начался первый в жизни Димки бой. В их сторону шли два БТРа с десантом укров. Первый БТР Борода легко поджег из РПГ*, второй успел скатиться в ложину и оттуда строчил его пулемет, не давая ополченцам возможности выбраться из ловушки, в которой они неожиданно оказались. Крупнокалиберные пули в пыль крошили кирпич, осыпая ею укрывшихся за подстанцией бойцов. Борода шепотом страшно ругался, сплевывая кирпичную крошку, забивавшую рот.

— Старшой, вызови Белого, пусть шарахнут по этой коробочке, — крикнул кто-то.

— Как они шарахнут-то? Их самих вон гвоздят, не видишь что ли, — огрызнулся тот. — Тут надо технически. Тут нужен Маэстро.

— Здесь я! — откликнулся один из бойцов.

— Сможешь достать его? — спросил Борода.

— Нет. Отсюда, точно нет, — отозвался Маэстро, скидывая со спины трубу «Нетто».*

— Вы прикройте, ребята, я доползу вон до тех деревьев, — он показал на пяток яблонь стоявших на расстоянии метров пятьдесят ниже.

— Лады. Ребята, огонь по команде, слитно, понимаю, что в воздух, но хоть отвлечем, — бросил командир.

Димка передернул затвор автомата. В животе похолодело. Это уже было совсем непохоже на игру...

Маэстро юркнул в густую, растущую прямо у края пригорка траву и исчез из вида. Дима опустошил уже второй магазин, когда раздался громкий хлопок и из ложины выполз столб жирного дыма.

— От Маэстро, красавчик! Сделал таки эту коробочку, — выкрикнул Борода. — Вы, двое, гляньте-ка там, — он указал на Димку и Рыбака. Когда бойцы подползли к лежавшему на окраине небольшой рожицы Маэстро, тот уже убирал в сумку бинокль и сказал:

— Похоже, осталась там парочка «трехсотых», сходим, глянем, мужики?

— Нас затем Борода и прислал, — отозвался Рыбак, и они втроем, пригнувшись, побежали в сторону все больше разгоравшегося подбитого БТРа. Неподалеку от него лежал боец украинской армии с почти полностью оторванной ногой, дыша совсем редко, со всхлипом. Чуть поодаль, обхватив голову руками, корчился на земле совсем молодой парнишка в простой брезентовой куртке, надетой поверх тельняшки. А на спине куртки оскалил зубы трафарет черепа с оселедцем и крупной надписью «Москаля — на нож!».

Маэстро, едва взглянув на того, который остался без ноги, махнул безнадежно рукой: «Не донесем... А вот этого, пожалуй, и доставим к Белому». Он пнул ногой лежащего парня:

— Вставай, засранец, отвоевался.

Тот, перевернувшись на спину, но по-прежнему не вставая с земли, зло прохрипел в ответ:

— Це вы отвоевались, зараз наши подойдут, подывымось..

— О как, — яростно ощерился вдруг Рыбак. — Ваши, говоришь? Это которые? Те, сука, кто сюда навалил с Бендерштата? Мы вас звали сюда а, западенец?

— Да, западенец и шо? Мы за вильну нэньку Украину, без москалей, коммуняк и таких лодырей, как вы, — в запале отозвался лежащий.

— Лодырей?? Да у меня с прадеда, вся семья в шахте работает! Мы уголек рубим и, кстати, вам же его и отправляем! А вы-то там что? На своих полонинах? Ты хоть день в своей жизни отработал?— Рыбак внезапно ударил его своим тяжелым армейским ботинком.— Отвечай, пададь!

— Ничого я вам не скажу,— уперся тот,— збирайте меня в плен, коли так.

— В пле-е-ен? Тебя? А вы берете в плен стариков и детей, которых из пулемета кладете? Вы какие-то правила соблюдаете? Ничого не скажешь... Герой, бля!? Лавры Бендеры тебе покоя не дают, хочешь стать «хероом», а давай! Давай посмотрим, каков ты...герой.

Внезапно сорвав висевшую на ремне саперную лопатку, Рыбак со всей дури ударил ею лежавшего вражеского солдата по ноге. Остро отточенная сталь с легкостью распорол кожу ботинка, и над поляной пронесся хриплый рев:

— Мамо!!! Та бильно же...

— Больно? Тебе, сука, больно? А нам, а ему, — Рыбак кивнул на затихшего нацгвардейца, которому оторвало ногу и он похоже уже истек таки кровью.

— Вы что же думали, вам можно всех убивать, насиловать и грабить, а мы вас будем шоколадом кормить? Да я тебя, падлу западенскую, прямо здесь и сейчас на кусочки пошинкую, будет тебе... «мамо», — в запале шипел похоже сорвавшийся с катушек Рыбак.

— Да скажет он сейчас, все скажет, правда ведь?— примирительно сказал Маэстро, обращаясь к парню, судорожно сжимавшему разрубленную ступню в попытке остановить кровь.

— Скажи просто, кто вы, сколько вас и какие планы до вас довели ваши командиры и все. Будет тебе и плен, и доктор.

— Правый сектор мы, — всхлипывая, отвечал враз «поплывший» боец, — батальон Яроша, а приказ у нас один, уничтожить всех здесь... авиация тоже будет работать по Благодати, я-то просто здесь, приказали, вот и..., — он замолчал, с надеждой глядя на Маэстро.

Димка стоял в стороне. Его отчего-то изрядно мутило, то ли от напряжения, то ли от всего увиденного. В голове было совсем пусто, и только пальцы рук, по-прежнему сжимавших автомат, мелко тряслись. Потом они с Маэстро, поддерживая хромящего правосека, торопливо пошли в сторону своей базы вслед за упрямо шагающим впереди Рыбаком. Когда они добрались до знакомой улицы, Димка ее не узнал. Того домика, в котором жили бойцы и где он недавно обедал, просто не было. Во дворе пылал один огромный чадящий костер, а от уютного домишки осталась почему то совершенно целая печка с нелепо торчащей в небо трубой. Почти вся их группа была в сборе. Как им сказали, один боец погиб, четверо было ранено, двое из них тяжело.

У самого входа во двор, валялся опрокинутый на бок мотоцикл с коляской, рядом с которым лежали три тела, накрытые половиком. По торчавшим из-под грубой материи ногам, Димка подумал, что это наверное семья, мужчина, женщина и совсем тоненькие худые ножки, сразу и не понять, мальчик это был или девочка. Хотя, какая теперь разница?

Вышедший им навстречу Белый, хмуро сказал: «С соседней улицы семья... уехать хотели...» — и безнадежно махнул рукой, хлопнув по плечу Маэстро.

— Значит так, ребята, скорее всего сейчас будет повторная атака... мы отбились, но с другой стороны города нацики сумели войти, так что, сами понимаете. А отступать нам неку-

да, извечная русская проблема. Что там с этим?— Белый небрежно махнул рукой в сторону скулящего правосека.

— Говорит, у них приказ всех нас уничтожить, щаз и самолетики подтянутся,— хмуро буркнул Рыбак.

— Тоже мне, новость. Когда они воевали по-другому? Получили по зубам, значит сейчас будут все тут уютить. Людей жалко, не дадут они никакого коридора гражданским, — Белый тяжело вздохнул, — но думаю, часок-другой у нас есть дух перевести. А там посмотрим, на чей хрен муха сядет. На Саланге бывало и хуже.

Димка стоял и смотрел на этих еще опьяненных недавним боем мужчин, на нервно вздрагивающего от каждого громкого слова юного западенца, на превратившийся в развалины дворик, на тела, так небрежно накрытые грязной тряпкой. Его по-прежнему мутило, в горле комом стояла тошнота, мозг отказывался воспринимать это. Наверное, это и есть та самая защитная реакция, похожая на ступор. К тому же, то ли от бешеной стрельбы, толи от непривычных разрывов, Димка стал плохо слышать, поэтому до него не сразу дошли слова, сказанные Белым: «Дружок-то твой, пулю в живот словил». Заметив непонимающий взгляд Димки, он уточнил: «Я о Кислом... Сквозное у него, в брюшную полость, скверная штука. Но, даст Бог! Мы его в Луганск отправили на УАЗике. Их там с десятков, тяжелых. Если довезут, может и выживет».

Он положил свою тяжелую руку на Димкино плечо.

— Как-то вот так Нодим, да. Ты-то сам как?

— Да что я!— в бешенстве заорал Димка, сбрасывая с себя эту, как ему казалось, пропахшую кровью и гарью ладонь,— что ЯЯЯ!? Не моя это война! Да и не война это вовсе! Ты-то, ты ведь, как я понял Афган прошел, какой смысл в этой войне? Кто тут победит и КОГО?

Димка в запале громко кричал на весь двор, подошедшие бойцы молча слушали, многие из них курили.

— Вы-то сами хоть понимает? Не будет здесь теперь мира! НИКОГДА не будет! Это же не вы воюете! Это они там, в Киеве, в Вашингтоне, в Москве, не знаю я где...

Это ОНИ! А вы-то сами все это, понимаете? Вы просто карта, разменная монета в этой бойне. Что вам делить? Всегда Западная Украина не любила Восточную, ВСЕГДА! Понимаете? — хрипел он, бросая эти слова в их угрюмые лица.

— Европы им там, захотелось? Так пусть и у****вают на Запад. Нужны они там? Вот он нужен?— Димка толкнул в плечо стоявшего рядом западенца.

— Тебя там что, ждут? Ты чего хочешь, ты? Какого *** ты пришел сюда с автоматом? Послали его!!! И что? А мама твоя, она как? Тоже готова за любимый ею Запад твою жизнь отдать? Хочешь стать героем «небесной сотни»? Так тысячи уже вас таких, «небесных». И чего вы добились? Ты его победишь?— Димка ткнул пальцем в Рыбака, или его,— он указал на Белого.— А может их всех? А это, тоже твои враги, там за забором, под тряпкой. Ты этого хотел? Неправильная это война! НЕПРАВИЛЬНАЯ!!!

Димка сел и затих, уткнувшись лицом в колени. Его плечи судорожно вздрагивали, мужчина плакал.

Все вокруг напряженно молчали. Нарушил тишину Белый, сурово бросив Димону в лицо:

— Все наверное правильно, Нодим. Но, если не мы, то кто? А ты... ты иди... и впрямь, не твоя это война, мужик. Мы тут сами много не понимаем, но отдать гражданских людей во власть вот таких,— он кивнул на пленного,— я лично не смогу. Думаю мои бойцы тоже. А ты иди Дима, тебе самому решать, как жить и за что умирать...

В воздухе чувствовался осязаемый запах сгоревшей взрывчатки, что само по себе диссонировало с этим когда-то мирным и тихим украинским городком. Рваными ранами выделялись кляксы воронок, взломавших асфальтовое покрытие дорожек городского сквера. И еще..., на улицах было очень мало людей, и совсем не видно детей. Этот маленький город с таким ласковым названием Благодать, казалось, замер в ожидании еще большего неминуемого горя.

Димка шел по разбитой дороге все еще во власти только что случившегося с ним. Ему было стыдно за свою истерику, но с самого начала он знал, что его место не здесь. Есть совсем другой город, город, где ждала его любимая. Та, которую он искал всю жизнь и ради которой он просто обязан был жить! Он понял это так отчетливо, что из глаз внезапно выкатилась слеза. Наступившее прояснение укрепило его решимость, и Димка быстро пошел навстречу своей новой жизни. Сорвав на ходу бронезилет и отбросив в сторону автомат, он шагал, уже улыбаясь и радуясь своему новому состоянию. Поэтому он не заметил блеска оптического прицела и не услышал запоздалой очереди Рыбака, который сопровождал Диму, следуя позади него.

Тупо и огненно горячо ударило в живот, пытаясь остановить страшную боль, Димка прижал к нему руки и упал на эту совсем не родную ему землю, успев напоследок удивиться: «Надо же, как и Руслана, в живот».....

*Редактор:
Е. Жмурко (Германия)*

*Редакционная коллегия:
В. Порудоминский (Германия), И. Иохвидович (Германия),
Ирина Жураковская (Украина), Б. Левит-Броун (Италия), Татьяна Щеглова (Россия)*

*Редакционный совет:
Евгений Витковский (Россия), Ольга Кольцова (Россия), Евгений Кольчужкин (Россия),
Леонид Зорин (Россия), Виктор Каган (Германия), Ян Паул Хинрихс (Нидерланды),
Наталия Крофтс (Австралия)*

*Художник: Татьяна Давидова (Германия)
Компьютерная верстка и внутреннее оформление: Антон Житлухин (Россия)*

*Copyright © 2013–2015 Зарубежные Задворки
ZA-ZA Verlag: www.za-za.net*

Dusseldorf, февраль 2015 – 260 стр.

Гарнитура «Charter»; кегль «12»

Отпечатано в типографиях: LULU, USA и ООО «Книга по требованию», РФ

